ДЕНЬ *и* НОЧЬ

Литературный журнал для семейного чтения №5 | 2021

ДЕНЬ *и* НОЧЬ

Литературный журнал для семейного чтения №5 | 2021

В номере

ДиН память

Александр Чернявский, Пётр Пимашков

3 Власть портит, но не всех

Казимир Лисовский

34 Основатели

ДиН диалог

Дмитрий Косяков, Василий Нелюбин

6 Писатель должен обладать моральным авторитетом

ДиН пародия

Евгений Минин

13 Открыл глаза я. Всем привет

65 И с рифмой дружен я

ДиН юбилей

Владимир Замышляев

14 Енисейский меридиан красноярских писателей

ДиН время

Александр Астраханцев

25 «Жил отважный капитан»

ДиН симметрия

Николай Полетаев

33 Песня о соловьях

ДиН стихи

Николай Ерёмин

35 Дружеские послания

Александр Чичерин

38 Я надеюсь, что Бог нам поможет

Тамара Пирогова

39 Жизни нескончаемая память…

Михаил Иверов

42 Мальчишка мастерит огниво

Ксения Август

44 Солнечные параллели

Эдуард Дэлюж

82 Кто сказал, что Бог не узнает своих?

Константин Емельянов

85 Хранители родного языка

Александр Габриэль

87 Во времена велений щучьих

ДиН ревю

Ирлан Хугаев

41 Конец света, или Всё будет хорошо

70 Каждый миг неповторим

Николай Тимченко

81 Жизнь глубинки без прикрас

Елена Говерт

162 Путь луны

Чермен Карацев

178 Чёрно-белые фрагменты

БИБЛИОТЕКА СОВРЕМЕННОГО РАССКАЗА

Владимир Шанин
46 Лазурит

Елена Басалаева
50 Бабушка в музее

Аркадий Реунов
55 Рыбак-Солнце

Елена Луновская
62 Чёрные воды небытия

Анатолий Дудник
66 У гадючьего гнезда

Олег Черницын
71 Лёшкина завалинка

Сергей Кузичкин
91 Из цикла «Восхищение одержимых»

Геннадий Васильев
110 Рассказы о чудесном

Андрей Пучков
115 Удачный выстрел

Людмила Брагина
126 О счастье

Д*и*Н ЭССЕ

Виктория Соловьёва
80 Быть собой

СИНЯЯ ТЕТРАДЬ

Софья Цанг
90 Что для меня дороже всего?

Люба Горлова
187 Возвращение кота Стёпы

188 Моё село — мой любимый дом

Светлана Березовская
189 Там поют соловьи

София Ерёмина
190 Моя милая родина малая — деревня Новокурск

191 Самое главное

Егор Зайцев
192 Здесь отчий край, здесь дышится легко…

Яна Веденеева
194 С Богом в душе

Д*и*Н ПРОЗА

Аркадий Мар
133 Лунная госпожа

Д*и*Н ПРИТЧА

Зорий Шохин
146 Боги и люди

Д*и*Н ФАНТАСТИКА

Дмитрий Игнатов
155 Эффект Тангейзера

Александр Нехаев
163 Нечистая сила

КЛУБ ЧИТАТЕЛЕЙ

Анна Сафонова
172 Лицом к лицу…

Д*и*Н ДЕТЯМ

Лео Бутнару
177 Ожившие картинки

Елена Жарикова
179 Мы с Маринкой

195 Д*и*Н АВТОРЫ

Александр Чернявский, Пётр Пимашков

Власть портит, но не всех

Он любил Красноярск

17 августа 2021 года Красноярск простился со своим городским головой — пожалуй, единственным за последние полвека градоначальником столицы Енисейского края, снискавшим поистине всенародную признательность, Петром Ивановичем Пимашковым. С 1996 года Пимашков четырежды избирался на пост главы администрации Красноярска и покинул его в 2011 году в связи с выдвижением в депутаты Государственной Думы. Но к нему и ныне, после ухода из грешного мира сего, не прилипает частичка «экс». Да и «мэром», на аглицкий манер, называть Пимашкова как-то не хочется. Он был — Глава Города. Всего, что Пётр Иванович сделал для Красноярска, наверное, не перечислить — обязательно что-нибудь выскользнет из списка, потому что — как добрый хозяин — он знал практически обо всех, даже самых мелких, деталях городского механизма. Деревенский парень, прошедший путь от простого рабочего до учёного-экономиста и выдающегося российского политика, он высоко ценил труд как таковой и особенно труд интеллектуальный — труд деятеля науки, культуры, искусства. Несколько лет при Красноярской администрации работал Совет интеллигенции, собрания которого всякий раз становились площадкой для обсуждения самых насущных проблем города и горожан. Пётр Иванович поддерживал наш журнал в самые тяжёлые годы. Он был одним из тех неравнодушных «властей предержащих», без которых не состоялся бы в Красноярске литературный лицей, и, когда занятия в лицее начались, постоянно интересовался — как идут дела у лицеистов, приезжал к ним в гости, дарил подарки. Жизнь Пимашкова — прямое доказательство того, как много может сделать человек, когда он любит. Пимашков любил Красноярск. И это — навсегда взаимно!

Марина Саввиных

Это интервью журналист «АиФ на Енисее» записал с Пимашковым почти 20 лет назад — в 2002 году. В нём Пётр Иванович с болью говорил о проблемах и трудностях, почему богатейший край оказался в глубоком кризисе, о несостоятельности политической элиты, о власти — умной и не очень, о взаимоотношениях с Александром Лебедем, о победах и разочарованиях и немного о личном. Более откровенным он никогда не был…

Ломоносов был не прав

— Что случилось с Красноярским краем? Почему богатейший регион оказался в столь глубоком кризисе? Как от этой болезни излечиться?

— По своему уровню, по исторической роли наш край всегда находился на лидирующих позициях в стране. Для того чтобы выбраться из той ямы, в которой красноярцы очутились, нужно расстаться с психологией провинциалов. Я уверен, что знаменитые слова Ломоносова о том, что могущество России будет Сибирью прирастать, сегодня уже потеряли актуальность и даже в чём-то вредны. Этот тезис невольно нас зачисляет в разряд каких-то придатков. Извините за пафос, но уверен, что именно из Сибири начнётся возрождение России. Не стоит забывать и опыт бывших руководителей края. В своё время Павел Стефанович Федирко в своей работе придерживался простого принципа: всё, что можно, — тащить в край, а здесь мы с этим хозяйством разберёмся. Некоторые

же сегодняшние лидеры края напоминают мне семиклассника, который хочет сесть за штурвал самолёта. Ему ещё на велосипеде кататься, а он самолётом рулить хочет.

— Вы четыре года бок о бок работали с Александром Лебедем. Его личность в красноярской элите оценивается крайне неоднозначно…

— Лебедь был великий и очень одарённый от природы человек. В его жизни было немало событий огромной важности, которые повлияли на судьбы тысяч людей. Бывают люди, которые в переломные моменты оказываются на гребне волны. Лебедь как раз и был из таких. Мне больно за то общество, которое не умеет отличить дурных людей от хороших. Он был толковым военным, имевшим уникальный опыт боевых действий, а его взяли и убрали из армии! Патриота страны выбрасывают, как предателя. Он попал в гражданскую жизнь, а она совсем другая. Благодаря своим природным данным он пытался в неё вникнуть и найти в ней своё место. Он завоевал пост губернатора, но генералам всегда легче завоёвывать, чем удерживать. Это Александру Ивановичу не удалось сделать по нескольким причинам. Главная — он не собрал команду. Ему надо было сначала найти хорошего заместителя, который знал бы систему управления хозяйством региона. Такого человека не нашлось. Его окружило немало проходимцев, и в результате получилось то, что получилось.

Хозяин города

— Вам нравится, когда вас называют хозяином города?

— В принципе, эта формула соответствует действительности. Я взял на себя ответственность за Красноярск и слов на ветер не бросаю.

— Чего было больше на посту мэра — побед или поражений?

— Я стал мэром в тысяча девятьсот девяносто шестом году. Мне достались разбитые дороги, Коммунальный мост в предаварийном состоянии, деморализованное городское хозяйство. А сейчас мне не стыдно за Красноярск. Я думаю, что и у жителей появилась какая-то гордость за наш город. Недаром же мы заняли третье место в России по благоустройству. Наш город среди немногих других награждён высшей национальной общественной наградой — орденом Петра Великого. Мы никого не подкупали, комиссия сама решила, что мы достойны этих наград. Ругают меня за фонтаны и фасады, но почему-то забывают, что благоустройство города у меня занимает максимум три-четыре процента рабочего времени, а та же подготовка к зиме — как минимум половину. Фонтаны-то потом появились, когда главные завалы мы разгребли. Наша команда контролирует ситуацию в городе. Были, конечно, и неудачи. К сожалению, мы, например, не смогли противостоять политике, которая привела к разорению наших товаропроизводителей.

— Пётр Иванович, если вы завтра по каким-либо причинам уйдёте с поста мэра, есть ли человек, которому вы со спокойной душой можете оставить Красноярск?

— Сейчас в городе есть как минимум десяток людей, способных качественно руководить Красноярском. Они к этому готовы и как практики, и как теоретики. Последнее слово всё равно за горожанами — им выбирать…

— Пётр Иванович, а вам удалось команду собрать?

— Считаю, что удалось. Люди в мою команду с Луны не сваливались. В Красноярске немало достойных людей, главное — их вовремя заметить и подтянуть. Если бы Лебедь сделал ставку на красноярцев, то многие проблемы были бы сняты. А так он обидел всю местную элиту. Многие сибиряки, оказавшиеся за бортом, прекрасно видели низкий потенциал тех, кто приходил на их место.

— Вы часто разочаровывались в своих подчинённых?

— Руководители тоже люди: бывают у них взлёты, бывают и падения. В семье что-то случилось, в жизни… Можно махнуть на него рукой, а можно попытаться понять и поддержать в трудную минуту. Зато потом тебе это неизбежно воздастся.

— Вы согласны с утверждением, что власть портит людей?

— Портит, но не всех. Если руководитель умный, то он вовремя почувствует момент, когда его заносит куда-то не туда. У руководителя должны быть внутренний стержень и самоконтроль. Они не позволяют ему перешагнуть через какие-то нравственные ценности. Приведу аналогию с днём рождения. С утра тебя все начинают поздравлять, и к вечеру поневоле начинаешь думать о себе как о великом и неповторимом. Раз в году можешь позволить так о себе думать, а вот если это продолжается год-два, то добром такая ситуация не закончится.

Православие и национальная идея

— Вы много помогаете православной церкви, а сами вы верующий человек?

— Я на пути к вере. Если есть возможность, то я иду в храм. В душе каждого русского человека существует тяга к религии. Ты об этом даже, может, и не задумываешься. Но всё равно это у нас в генах. Зачем мы ищем национальную идею, если у нас есть вера? Вот это главное.

— Вы недавно встречались с патриархом. Если не секрет, о чём беседовали?

— Больше часа продолжалась наша встреча. Я человек не особо эмоциональный, но в этом случае был взволнован. Алексий II, безусловно, великий человек. Он доказывает это всей своей жизнью… Мы беседовали с ним, в частности, о строительстве кафедрального собора, который в своё время стоял на месте здания нынешней краевой администрации, а потом атеисты его взорвали.

— Неужели на этот раз будем сносить «серый дом»?

— Патриарх, кстати, тоже пошутил на эту тему… У нас много хороших мест для храма, и мы обязательно выберем лучшее из них.

— У вас бывают моменты, когда хочется всё бросить и в монастырь уйти?

— Нет. В сложных ситуациях я всегда буду бороться до конца.

— Вы суеверный человек?

— Я уверен, что каждый человек устраивает свою судьбу сам. В то же время я иногда ловлю себя на мысли, что есть ещё высший судья, который каждому воздаёт по заслугам. В моей жизни было несколько ярких примеров, когда человек по этой жизни шёл неправедными путями и вдруг срывался в пропасть. Какая-то закономерность в этом всё-таки есть.

— Вы способны на отчаянные поступки?

— Как-то я проезжал с другом по улице Кирова и обратил внимание на двух прохожих — женщину и мужчину. Что-то странное было в этой парочке. Подозрения подтвердились: вдруг мужик вырывает у неё сумку и убегает. Женщина поворачивается к нам — у неё всё лицо в крови. Догнал я этого бандита (а у него, между прочим, был нож в руке), тут и другие ребята подоспели, скрутили его. В такие моменты я уже не думаю о собственной безопасности, хотя вообще-то перед принятием каких-то принципиальных решений стараюсь всё взвесить.

Только для мужчин

— А к советам близких прислушиваетесь?

— У меня прекрасная семья: жена, дочь и сын уже взрослые, у всех экономическое образование. Бывает, и критикуют мою работу. Я, конечно, прислушиваюсь к их замечаниям, но решение всё равно принимаю сам. Отмечу только, что меня женщины не предавали. Во всяком случае, до сих пор. Мужчины предавали. Я уже давно настороженно отношусь к людям, которые клянутся в верности до гроба. Значит, человек уже готов тебя предать. Вообще, любые серьёзные испытания хороши тем, что дают возможность посмотреть, кто рядом с тобой. Такая очень хорошая лакмусовая бумажка.

— А кого предпочитаете на работу принимать — мужчин или женщин? Для вас половой признак важен?

— Нет. Несмотря на равноправие, есть должности, созданные только для мужчин или для женщин. Например, пост главы города, по моему мнению, — не для женщин. На этом месте надо и нервы крепкие иметь, и уметь быть жёстким человеком. Когда же женщина становится жёсткой — это опасно. Она может так кого-нибудь невзлюбить, что объективности уже ждать не приходится. Вообще говорят, что если женщина не права, то подойди к ней и извинись.

— Пётр Иванович, а от работы как отдыхаете?

— Пять раз в неделю я подымаюсь в шесть утра и пробегаю километров пять. Плюс регулярно играю в волейбол. Ещё я люблю рыбалку. С друзьями ездим в разные места. Недавно были на одном из озёр в Хакасии. В Эвенкии бывал. Люблю и сам процесс ловли, и наваристую ушицу. Особенно из нельмы.

— А алкоголь помогает от стрессов?

— Водкой можно снять стресс раз в месяц — не больше, потому что алкоголь в больших дозах до добра не доводит. На моих глазах десятки талантливых людей снимали стресс таким опасным образом и, к сожалению, попали туда, откуда возврата нет.

Главный недостаток

— Пётр Иванович, у вас есть недостатки?

— Однажды старый друг сказал мне мой главный недостаток: «Пётр, твой главный недостаток — порядочность». Что ж, может быть, со стороны и виднее. Почему-то считается, что для руководителя это непростительная роскошь. В принципе, это исправимый недостаток, но я всё-таки согласен жить с ним.

— Когда вы последний раз чувствовали себя счастливым?

— Такие вопросы ставят в тупик. Всё-таки счастье каждый понимает по-своему. Для меня счастье, когда всё нормально в семье, когда все здоровы, когда сделал что-то, чем можешь по-настоящему гордиться. Такие моменты бывают, хотя и не так часто, как хотелось бы.

Дмитрий Косяков, Василий Нелюбин

Писатель должен обладать моральным авторитетом

Журнал «День и ночь» беседует с заместителем губернатора Красноярского края Василием Нелюбиным.

— Василий Владимирович, вы уже давно работаете в нашей медиасфере: начинали корреспондентом, возглавляли краевую журналистскую организацию, телерадиокомпанию, теперь являетесь заместителем губернатора Красноярского края. Скажите, что, на ваш взгляд, качественно изменилось в журналистике за последние годы? Как менялась информационная политика власти, как менялось отношение самих журналистов к своей профессии? Укажите ключевые моменты.

— В профессию я пришёл почти сорок лет назад: осенью тысяча девятьсот восемьдесят третьего года, после окончания журфака Уральского университета, по распределению приехал в газету «Красноярский рабочий». Трудился там шесть лет, потом работал в «Комсомольской правде» собственным корреспондентом по краю, Хакасии и Тыве. Тогда ещё не было системы региональных филиалов—вкладок, а была одна большая, как тогда говорили, «центральная», газета с тиражом двадцать два миллиона экземпляров. Вместе с «Комсомолкой» и нашими читателями я пережил переломные для страны годы: расцвет перестройки, развал Советского Союза, становление новой, капиталистической, России.

Конечно, журналистика с тех пор изменилась кардинально. Формально суть журналистики остаётся прежней—в её основе по-прежнему остаются факты, события, человеческие истории. Но цели и задачи журналистики изменились. Когда я учился на журфаке и делал первые шаги в профессии, нас воспитывали на статьях основоположников марксизма-ленинизма, гласивших, что журналистика должна быть «болтиком и винтиком большой партийной машины», что «журналисты—это подручные партии». Сказал и задумался, что и сегодня, спустя десятилетия, сторонников таких подходов к масс-медиа в нашем обществе очень много.

Впрочем, и во времена СССР в журналистской среде бытовали мысли и идеи, отличные от партийных установок. Мы считали, что журналисты—это «солдаты справедливости»! И, честно говоря, может быть, в силу молодости, я не ощущал какого-то жёсткого идеологического давления, работая в краевой партийной газете (говоря современным языком, учредителями «Красноярского рабочего» были краевой комитет КПСС и исполком краевого совета депутатов).

— Может быть, это потому, что приближалась перестройка?

— Я пришёл в «Красноярский рабочий» в тысяча девятьсот восемьдесят третьем году, когда перестройкой ещё не пахло и советская система казалась незыблемой. Казалось бы, я попал в партийную газету, но, несмотря ни на что, мы гораздо больше были озабочены качеством журналистики, тем, что мы должны поддерживать честных и хороших людей, а плохих выводить на чистую воду. В большей мере с партийным руководством имели дело редактор и его заместители, хотя и я, став заведующим отделом и членом редакционной коллегии, формально согласовывал план работы на год с сектором печати в крайкоме партии. Однако не припомню, чтобы вопросы идеологической благонадёжности висели над нами дамокловым мечом.

В целом мы жили своей журналистской жизнью: получали огромное количество писем от читателей, имели не ведомые сегодняшним газетам тиражи в сотни тысяч экземпляров, а приезд корреспондентов в какую-нибудь деревню был большим культурным событием. И не только потому, что тогда в крае было всего две краевые газеты (партийная и комсомольская) и одна телерадиокомпания, а ещё и потому, что в журналистов верили, уважали, нас часто искренне любили. Ощущения, почти не ведомые сегодняшним работникам СМИ.

Впрочем, это не отменяло существования в наших головах некоего мифа о существовании «где-то там, на загнивающем Западе» иной журналистики, в которой нет вообще никаких границ—ни цензурных, ни идеологических. Но сейчас, прожив в журналистике почти сорок лет, поработав в современных «свободных» СМИ, я понимаю, как прав был Ленин, писавший, что ни при социализме,

ни при капитализме не может быть абсолютной свободы: СМИ и журналист всегда зависимы от «денежного мешка» или идеологии. Известно ведь, что «свобода—это осознанная необходимость». Так всё и оказалось: кто платит деньги, тот и заказывает музыку. Кстати, и идеологии в современных СМИ (и наших, и зарубежных) сегодня ничуть не меньше, чем было в Советском Союзе.

Довелось мне пережить и самый счастливый для журналистов период в новейшей истории (не для общества в целом, я говорю о сугубо цеховом счастье)—это перестройка. Во второй половине восьмидесятых начали печатать ранее запрещённых авторов, открылись архивы, люди стали узнавали подробности сталинских репрессий, начались публичные дискуссии на темы, о которых раньше было принято молчать… Настала эпоха феерической востребованности журналистики: тиражи газет и журналов росли как на дрожжах, телеведущие популярных программ становились национальными героями. В начале девяностых разовый тираж «Комсомольской правды» перевалил за двадцать миллионов. Я помню, как меня однажды попросили срочно приехать в колонию, где взбунтовались заключённые: они согласились вести переговоры с руководством при условии, если на встрече будет присутствовать собственный корреспондент «Комсомолки». На память осталась чёрно-белая фотография, где я стою с мегафоном в плотном кольце угрюмых мужчин в чёрных бушлатах. Были и более приятные приметы популярности профессии. Как-то меня остановил гаишник и, прочитав в водительском удостоверении фамилию, улыбнулся и с восторгом сказал: «Так это вы? Наш собкор „Комсомольской правды“?»—настолько популярна была эта газета и её авторы.

Когда я время от времени прилетал в Москву, мне передавали несколько огромных мешков, битком набитых письмами читателей, адресованных лично мне. Все их было невозможно прочитать, поэтому я запускал в мешок руку и наугад выбирал несколько писем, чтобы ответить хотя бы на некоторые. Это было время, когда журналистов стали называть «четвёртой властью» и у некоторых журналистов начала развиваться мания величия. Времена изменились кардинально, но симптомы застарелой болезни у части коллег сохраняются.

—Вы считаете, что это в большей мере был самообман, или на какой-то период журналистика действительно приобрела исключительное влияние?

—Думаю, это было что-то вроде моды, такое культурное поветрие, вызванное определёнными обстоятельствами. Как в музыке, например, были эпохи джаза, рок-н-ролла, рока, диско… Важно, что это была популярность у широкой, массовой аудитории. В конце восьмидесятых—начале девяностых журналисты стали властителями умов и душ, а потом мода сменилась. А в роли «модельеров», как мне кажется, выступили так называемые «прорабы перестройки», пришедшие к власти на волне перемен. Это были в большинстве своём люди с советским партийным прошлым, которые прекрасно понимали важность работы «подручных партии», вне зависимости от того, как эта партия сейчас называется.

Сегодня большинство журналистов искренне считают, что они работают для своих читателей, слушателей и зрителей. Наиболее успешные коллеги относятся к своей профессии как к способу самореализации, способу пробиться. Владельцы СМИ уверены, что сегодняшняя журналистика—это бизнес, и не так важно, кто платит тебе деньги. Политики убеждены, что журналистика выполняет общественно-политическую задачу, важную для власти и народа. Двадцать лет назад журналистика действительно была серьёзным игроком, тогда достаточно было два-три раза появиться на экране с яркой темой, чтобы тебя стали узнавать на улицах, чтобы с тобой начали здороваться соседи. Но времена изменились, и сейчас ничего похожего в красноярской журналистике нет.

В чём причины падения престижа профессии? Это связано с несколькими факторами. Но одна из самых очевидных причин—журналистам перестали верить. СМИ очень много врут. Не всегда это связано с умыслом. Но всегда—с отсутствием профессионализма. В профессию приходят люди буквально с улицы: малограмотные, некультурные, ленивые и тщеславные.

Вспоминаю, как я в своё первое дежурство по номеру в «Красноярском рабочем» не заметил ошибку в одном из материалов, где были перепутаны Саяногорск с Сосновоборском (тогда Хакасия входила в состав Красноярского края). За это меня лишили квартальной премии в размере месячной зарплаты, а в качестве «пряника» редактор подарил книгу «Административно-территориальное деление Красноярского края» и сказал: «Сынок, в нашей газете не может быть таких ошибок! Сомневаешься—открывай справочники, энциклопедии и проверяй!» Тогда любая фактическая ошибка или неточность, а также стилистические и грамматические ляпы не могли попасть на полосу, ведь материалы после корреспондента просматривали заведующий отделом, работник секретариата, дежурный редактор и корректор. Современному журналисту не нужны справочники и словари, под рукой всегда есть Интернет. Ничем иным, кроме лени и непрофессионализма, не могу объяснить катастрофическое количество ошибок и неточностей в современных СМИ. И люди тоже обращают на это внимание.

Наконец, работая над серьёзным критическим материалом, я понимал, что мою статью будут

рассматривать «под лупой» и сами герои публикаций, и силовики, и представители власти. Коллеги знали: если хочешь, чтобы на твою публикацию реагировали—виновных наказывали, невиновных оправдывали,—каждое слово в статье должно быть выверено и подтверждено, малейшая неточность могла похоронить весь эффект от работы.

Не секрет, что в советское время СМИ уважали во многом ещё и потому, что большинство критических публикаций приводило не только к серьёзному обсуждению проблемы и принятию важных решений. Я помню рубрику в «Красноярском рабочем», которая так и называлась: «Газета выступила, что сделано?» Там сообщалось о реакции ответственных лиц и организаций на наши публикации. И люди это ценили. Даже была такая расхожая шутка: «Что общего между чиновником и мухой? И того, и другого можно прихлопнуть газетой». Сегодня такую рубрику в газете невозможно представить. Репутация у СМИ такая, что их критику обычно игнорируют—фейков и сплетен в медиа зачастую не меньше, чем достоверной информации.

— Что же произошло? В девяностые упало качество или резко возросло количество информации?

— Появилась возможность писать о чём угодно. В этом смысле было очень показательно возникновение газеты «Комок». Ситуация выглядела так: в начале девяностых, помимо трёх официальных газет (в тысяча девятьсот девяносто первом году уже появился «Вечерний Красноярск»), существовала лишь одна в чистом виде коммерческая газета для публикации частных объявлений и рекламы—«Красноярская неделя», приложение к «Красноярскому рабочему». Из «развлекаловки» там были только кроссворды. Потом на потребу публике стали публиковать гороскопы, хотя поначалу это вызвало дискуссию: нужно ли «популяризировать мракобесие»? Именно тогда выпускник местного журфака Павел Лоскутов загорелся идеей создать красноярский «Бильд» и стал приглашать в проект разных людей. Помню, на каком-то этапе мне позвонил Борис Сергеевич Иванов, тогдашний собкор Агентства печати «Новости», и предложил нам с Золиком Мильманом—сейчас он главный редактор регионального выпуска «Российской газеты»—и фотокором «Правды» Анатолием Белоноговым поработать над пилотным выпуском новой газеты. Мы старались сделать нечто кардинально отличающееся от «Красноярского рабочего», и у нас получилась добротная советская газета, но совсем не то, чего ждал от нас заказчик. Мы не смогли преодолеть сложившиеся стереотипы относительно того, что можно в газете, а чего категорически нельзя. И речь не об идеологии, а о мерах допустимого и неуместного, культурного и вульгарного. Во всех сферах нашей жизни тогда эта граница сдвигалась.

«Комок» стал любимым и популярным, когда смог вырваться из рамок советской прессы и социалистической морали. В нём красноярцы могли найти всё, что может заинтересовать обывателя: сплетни про «звёзд», секс, купи-продай, мистика, домашние животные, здоровье, сад-огород, политика, анекдоты, гороскопы… Кстати, в то время слово «комок» имело вполне определённое значение—«комиссионный магазин», то есть место, куда несли вещи на продажу и где можно было раздобыть дефицитный товар. А если сегодня провести среди красноярцев опрос, то очень многие скажут, что «Комок»—это популярная газета.

Аналогично вышло с «Примой». Раньше в сознании большинства это были недорогие сигареты без фильтра, а теперь для красноярцев это телеканал. Так наши коллеги создавали новые красноярские бренды.

То есть происходила ломка стереотипов, и никто не знал, к чему это должно привести. С одной стороны, казалось, что теперь можно всё, с другой—лично мне вовсе не хотелось потакать валу чернухи и хвататься за непристойные темы в духе жёлтой прессы. Помню разговор того времени с коллегой из Москвы, который предложил мне написать для одной из столичных газет материал о том, как заключённые в одном из районов края приспособили для сексуальных утех козу. Я его послал по адресу, который не пишется на конвертах. И задумался. Что же такое должно было произойти в голове советского человека, чтобы федеральные СМИ заинтересовались такой «козьей» темой?!

Кто-то из коллег придерживался консервативных установок, кто-то шёл на радикальные эксперименты. И некоторые из этих экспериментов были удачны: появлялись новые популярные телевизионные и радиоканалы, рейтинговые передачи, звёздные журналисты—от Владимира Познера и Светланы Сорокиной до Владислава Листьева и Леонида Парфёнова. А кто-то пошёл уже в совершенную журналистскую канализацию в духе «СПИД-Инфо» и подобных ей газет.

Но я должен сказать, что подобные газеты имели колоссальный коммерческий успех. «Комок» становился всё толще, и на пике его успеха Павел Лоскутов мог дарить своим сотрудникам квартиры на день рождения. Сегодня себе такое ни одно СМИ не может позволить. Такой рыночный проект мог состояться только в девяностые годы, когда рухнули все шаблоны и возникли уникальные возможности для нестандартных решений.

Многие наши популярные и востребованные журналисты и блогеры состоялись в профессии именно в «Комке», ведь там было много качественной журналистики.

Когда же эта пена спала, мы оказались в совершенно новой ситуации.

— И как же ситуация выглядит сейчас?

— Сегодня существует чёткое деление. Классическая журналистика — это те редакции, которые зарегистрированы как средства массовой информации. Вне зависимости от содержания и формы они соответствуют закону о СМИ, то есть несут юридическую ответственность за достоверность опубликованной информации. Наряду с ними существует множество редакций и авторов-индивидуалов, которые нельзя в юридическом смысле считать СМИ, но которые тем не менее являются масс-медиа. Речь идёт о блогах и блогерах, телеграм-каналах, пабликах и прочих форматах, существующих в сети Интернет.

— Какова, по-вашему, специфика этих «новых медиа»? В какой мере они изменили обстановку?

— Можно сказать, что в этой сфере больше свободы в вульгарном её понимании — вседозволенности. В этом смысле новые каналы коммуникации имеют колоссальное преимущество перед традиционными медиа, поскольку они могут безнаказанно публиковать непроверенную информацию, слухи, сплетни, откровенную дезинформацию и клевету, которую зарегистрированные СМИ давать не посмеют во избежание проблем с Роскомнадзором, судом и самими фигурантами сообщений. Зачастую невозможно узнать, кто стоит за той или иной публикацией, кто скрывается за тем или иным псевдонимом.

В результате сегодня люди вообще перестали верить медиа. Социологи регулярно фиксируют эту деградацию отрасли. Скажем, во время перестройки уровень доверия СМИ зашкаливал, временами превышал девяносто процентов. Сегодня этот показатель стремится к нулю, журналистам и блогерам не верят так же, как и депутатам, чиновникам, полицейским... Всё меньше людей, которые всерьёз воспринимают бесконечные «журналистские расследования», понимая, что за большинством из них стоят информационные войны и «сливы компроматов». Собака лает, караван идёт!

Если традиционные СМИ публикуют критический материал, то на него всё-таки как-то реагируют: пресс-служба даёт комментарии, силовики проводят проверку; публикации же в нетрадиционных СМИ просто «принимаются к сведению». Но авторы подобных сливов на официальную реакцию особенно и не рассчитывают, у них иная цель — завлечь обывателя, живущего в Сети, подкормить его очередной порцией негатива. И не важно, чего он касается — коррупции или вакцинации! Делается это обычно вовсе не из-за политических или моральных причин, а чаще всего из коммерческих интересов. Ради отработки денег, полученных от заказчика за дискредитацию тех или иных людей, идей и компаний. Ради увеличения своей сетевой аудитории, а это напрямую связано с возможностью конвертировать свою популярность в реальные деньги.

— С этой точки зрения и социальные сети, в том числе странички официальных лиц, становятся вполне признанным каналом информации.

— Безусловно. Разделение масс-медиа на два вышеуказанных типа скорее юридическое. Можно сказать, что часть СМИ (официальные) работает по одним правилам, а другая часть («новые медиа») — по другим, облегчённым, или вообще без правил. Формально мы их не можем называть СМИ, но площадками коммуникации — несомненно.

Сегодня социальные сети сопоставимы по объёму аудитории с телевидением, при этом число фанатов телевидения постоянно сокращается, они стареют и уходят. Массовый газетный читатель уже практически исчез. Скажем, у таких высокотиражных (по нынешним временам) газет, как «АиФ» и «Комсомольская правда», подписчиков гораздо меньше, чем посетителей их сайтов и групп в соцсетях.

Вспомнилась показательная история. Когда Красноярский край стал переходить на цифровое телевидение, то начали наводить порядок с лицензиями, так что в результате вынуждены были уйти из эфира многие локальные телекомпании, работавшие в городах и районах края. Телеканал «Енисей» долгое время давал им эфирное время, буквально десять-пятнадцать минут, для трансляции новостей своего района. Пошли письма с просьбой сохранить существующую схему. Это было незаконно, поэтому местным тележурналистам было рекомендовано продолжать работу и выкладывать свои выпуски новостей в социальные сети. В районах, особенно сельских, очень популярны «Одноклассники». И местные телевизионщики стали осваивать эту информационную целину. В процессе они поняли, что не обязательно готовить полноценные выпуски новостей: проще снимать отдельные репортажи, записывать комментарии и интервью, а затем оперативно выкладывать их. В результате за несколько месяцев аудитория сельских телевизионщиков выросла в несколько раз, побив все рекорды эфирного вещания.

Почему так вышло? Телевидение — это жёсткая привязка к определённому времени показа, серьёзные затраты на студию, диктора... Сегодня не нужно создавать телекомпанию со штатом специалистов, директором и бухгалтерией; телеоператор (профессионал или продвинутый любитель), он же монтажёр, может работать, к примеру, в районном Доме культуры и фиксировать на видео все наиболее знаковые события. Вместе с журналистом они могут снять четыре-пять репортажей о жизни района, выложить их в «Одноклассники»,

и большинство земляков посмотрят эти новости в удобное время.

Мне рассказывали, что иногда люди в сёлах собирались в библиотеке, где есть Интернет, и им устраивали ретроспективные просмотры местных теленовостей. Средства доставки информации меняются, но потенциальный потребитель это сообщение непременно найдёт, если у него есть такая потребность и желание.

— Как бы вы суммировали сказанное?

— Мы имеем высочайшую степень недоверия к масс-медиа, и это влечёт за собой падение эффективности средств массовой информации. Как говорится, «мели, Емеля, твоя неделя». Вы должны показать людям что-то из ряда вон выходящее, чтобы публика начала реагировать. Именно по этой причине мы видим в лентах новостей кричащие заголовки, которые никак не подтверждаются текстами или видео, размещёнными ниже. Для журналиста теперь важнее не его умение проверять факты, не уровень эрудированности, а умение броско подать самую заурядную информацию. Ложь живёт в современных медиа наравне с правдой.

Телевидение вытесняют гаджеты, которые есть сегодня у большинства наших соотечественников. Наверное, футбол смотреть на телефоне не так удобно, как по телевизору, но возможность узнать последние новости во время прогулки или поездки на автобусе точно вытесняет традиционное телевидение из жизни молодых и не очень молодых людей. Тиражи газет с девяностых годов сократились в десятки раз, аудитория скукожилась, как шагреневая кожа. Смерть печатным СМИ предрекали ещё двадцать лет назад, они всё ещё живут, но эта форма донесения информации уходит вместе с аудиторией. Даже у городских и районных газет оказываются более значимыми их сайты или группы в соцсетях.

— Есть ли у красноярского информационного пространства какие-то уникальные особенности, отличающие его от медиасферы других регионов? Нужен ли нам «особый подход»?

— Красноярцы отличаются от омичей, новосибирцев или иркутян. Это объяснимо, учёные давно доказали, что среда обитания влияет на характер и даже на речь человека. Красноярский край имеет уникальный ландшафт: у нас есть арктическая пустыня и степь, горы и полноводные реки, тайга и тундра. Не то что у соседей: в Омске — «степь да степь кругом», в Новосибирске и Томске — то болото, то тайга. И всё это — Сибирь, везде живут сибиряки, в чём-то похожие, но в чём-то и очень разные. Красноярский народ — занозистый: наши ничего не берут на веру, любят поспорить, их любовь надо завоевать, но если тебя приняли, лучше красноярца друга не найдёшь.

Но это всё лирика, а если говорить об особенностях красноярского информационного пространства, то главное отличие края от большинства российских регионов заключается в том, что у нас всегда было очень много очень разных СМИ. Возьмём телевидение. Классический российский набор — это местный филиал ВГТРК и губернский канал. Это касается не только небольших городов, но и миллионников — именно такая модель работает в Омске, Новосибирске, Перми, Волгограде, Самаре... Исключения — лишь две столицы, Красноярск, Екатеринбург и, может быть, Нижний Новгород. У нас и сегодня, после катастрофического для регионального телевидения перехода на цифру, помимо двух государственных каналов (ГТРК «Красноярск» и ТК «Енисей»), каждый день делают новости частники: «Прима», «Седьмой канал», ТВК, «Афонтово», «Восьмой канал», «ТВЦ».

Когда формировалось современное медиапространство, в крае бытовал принцип, что любая крупная финансово-промышленная группа хотела иметь свою газету, свой телеканал, своё информагентство. Первая частная телекомпания «Прима» возникла как независимое СМИ, но её купил «Русал». «Афонтово», ТВК, «Седьмой канал» тоже создавались как независимые медиа, но сразу с прицелом на то, что их кто-то купит. Так и случилось: они вошли в медиахолдинги Владимира Гусинского, Анатолия Быкова, «Норникеля». Потом их несколько раз перепродавали, но общей тенденции это не меняло.

Что это давало журналистам? Возможность выбора. Можно было устроиться работать на канал, соответствующий твоим политическим, эстетическим, нравственным предпочтениям. Хочешь бороться с «кровавым режимом» — иди на ТВК, хочешь быть лояльным — иди на «Енисей». Примерно то же и в печати. Так сформировался самобытный тип красноярского журналиста.

От обилия самых разных точек зрения на одну и ту же проблему в головах красноярцев зачастую создаётся великая путаница, но именно это многоголосие и отличает нас от других регионов. А конкуренция заставляет масс-медиа постоянно развиваться. Этого нет в других сибирских миллионниках — Новосибирске и Омске, именно поэтому их телевидение в сравнении с красноярским — каменный век. Наше держит столичный уровень.

С другой стороны, в Красноярске в отличие от других регионов, ощущается дефицит журналистов. Казалось бы, у нас есть свой факультет, который выпускает по шестьдесят человек в год, а работать-то некому. Пожалуй, это больше вопрос мировоззрения, поскольку журналистский труд тяжёлый, зарплаты низкие, общественный престиж тоже невысокий. Тут собственное тщеславие не потешишь. Многие идут в профессию ради народной любви, а выходит, что все тебя

проклинают, отмахиваются, как от назойливой мухи. Снимать-то приходится в основном происшествия, официоз и коммунальные аварии.

Поэтому многие выпускники стараются пойти в пиар, на государственную или муниципальную службу или мечтают стать великими блогерами, построить карьеру в соцсетях.

Так что наша красноярская журналистика имеет свои особенности, но присутствуют и тенденции, общие для всех регионов: дефицит рекламы, то есть денег, профессиональная деградация. Читатели вашего литературного журнала, как люди, неравнодушные к родному языку и литературе, наверное, легко могут проанализировать практически любой выпуск красноярских телевизионных новостей и подготовить увлекательный доклад о типичных стилистических, грамматических и орфоэпических ошибках.

— Раз уж мы заговорили о журнале «День и ночь», Василий Владимирович, скажите, какую роль в информационной стратегии Красноярского края вы отводите литературе, писательским организациям? Вы считаете их относящимися исключительно к области культуры или также влияющими на медиапространство?

— Литература играет в медиасфере свою особенную роль, хотя и менее заметную, чем в культуре. К примеру, немало красноярских писателей начинали в журналистике, а многие и никогда не разрывали с ней связи. Не секрет, что большинство журналистов имеют базовое филологическое образование и — хорошо ли, плохо ли — изучали литературу. Наиболее романтические и одарённые из них мечтали стать писателями. Пожалуй, больше всех преуспели в этом Виктор Астафьев и Валентин Распутин. Виктор Петрович работал на заре своей большой писательской биографии в районной газете на Урале и, видимо, по этой причине, очень по-доброму относился к местным журналистам, многое им прощал. Валентин Григорьевич в шестидесятые годы работал корреспондентом «Красноярского комсомольца», здесь публиковал свои первые очерки и рассказы.

В разные годы работали (и работают) в красноярских СМИ многие другие красноярские писатели: Анатолий Иванович Чмыхало и Михаил Глебович Успенский, Александр Илларионович Щербаков и Анатолий Ефимович Зябрев, Александр Евгеньевич Григоренко и Елена Сергеевна Семёнова, Сергей Константинович Задереев и Сергей Михайлович Федотов, Олег Анатольевич Пащенко и Алексей Николаевич Мещеряков… Это те, кого вспомнил навскидку, с кем был хорошо знаком по журналистской работе. Красноярских журналистов, ставших писателями, несомненно, много больше. И тем не менее это, скорее, исключение из правил.

Журналисты чаще всего пересекались и пересекаются с писателями во время интервью, записи комментариев. И трагедия ухода Виктора Петровича Астафьева для журналистского сообщества была усугублена ещё и тем, что мы лишились человека, который был безусловным моральными авторитетом. Я отлично помню, как журналисты охотились за Виктором Петровичем, стремились взять у него интервью по поводу и без повода, потому что люди масштаба Астафьева могли в любой самой сложной ситуации чётко отделить чёрное от белого, добро от зла, они имели право на жёсткие нравственные оценки событий и поступков людей,

К сожалению, люди такого калибра и такого нравственного авторитета сейчас в остром дефиците. Есть эксперты в области политики, экономики, медицины. А если нужно дать событиям моральную оценку, то журналистам не к кому обратиться. Кто из сегодняшних писателей готов «судить» по законам морали и нравственности представителей власти, бизнеса, правоохранительной системы? В Красноярске я с ходу не смогу никого назвать.

По большому счёту мы живём в мире, где нет моральных авторитетов. И прикрыть проблему фиговым листком цитаты из библейской заповеди «не сотвори себе кумира» не получается. Человеку, даже самому «продвинутому», жить без авторитета очень и очень тяжело. Для ребёнка это могут быть мама, папа, учитель. Ну а взрослым людям на чьё мнение опереться? Людям прошлых поколений именно писатели часто заменяли родителей, наставников и друзей. На мой взгляд, именно в этом всегда была истинная роль литературы. Конечно, это не отменяет и других функций литературы: образовательной, развлекательной… Читая книги, мы, помимо всего прочего, получаем и великое удовольствие. Любимые книги заставляли нас задуматься, а самые любимые — становились потрясением и изменяли нашу картину мира. Думаю, тысячам потрясённых и очарованных читателей хотелось встретиться с автором любимой книги и поговорить с ним о том, что так волнует, переполняет душу и не даёт покоя.

Отчётливо помню, как я выбирал место своей будущей работы. На распределении предложили на выбор Пермь, Омск и Красноярск. Я выбрал последний, потому что именно в Красноярском крае были сконцентрированы многие мои тогдашние юношеские мечты: Северный полюс с полярной авиацией, могучий Енисей и Виктор Петрович Астафьев. А позже, когда я засиживался допоздна над статьёй, которая никак не получалась, я бодрил себя мыслями о том, что в эти же минуты в заснеженном Академгородке или в солнечной Овсянке сидит за письменным столом Виктор Петрович и пишет бессмертные строки. Надо стремиться соответствовать великому земляку!

Сейчас писатели, на мой взгляд, роль моральных авторитетов утратили. Возможно, из-за того, что играют в «звёздность», участвуют в низкопробных шоу, что слишком много говорят и думают о деньгах, уподобляясь знаменитым актёрам и футболистам. Появляются модные писатели, но мода быстро меняется. Хуже того, некоторые лезут в политику. Не хочется с такими людьми говорить о сокровенном. Да и читать люди стали меньше, чем ещё два десятка лет назад. Думаю, если сегодня попросить школьников назвать десять имён современных писателей, с этим не справятся даже «гуманитарии».

— Находите ли вы время для чтения художественной литературы?

— Честно вам скажу, с трудом. Время от времени с удовольствием перечитываю любимые книги. Гоголя перечитывал несчётное количество раз. Кому-то это покажется странным, но для меня Николай Васильевич — один из величайших философов, знатоков человеческих душ и стилистов. У меня на даче есть «Мёртвые души», я эту книгу могу на любой странице открыть и читать.

Конечно, стараюсь следить за новинками, в том числе за творчеством местных писателей. Общаюсь с ними через их книги.

Почему не удаётся уделять достаточно внимания чтению? Думаю, это связано с тем огромным объёмом информации, который обрушивается на нас. В день приходится прочитывать не менее ста страниц разнообразных текстов, сообщений, так что к вечеру уже зачастую не остаётся сил ни на что. Разве что по телевизору смотрю новости или спортивные передачи. Слежу за культурными событиями, но предпочитаю посещать их вживую. Много читаю публицистики, мемуаров — видимо, это профессиональное.

Из современных красноярских авторов я, пожалуй, лучше всего знаком с творчеством Михаила Тарковского. Читал все его книги, мы с ним хорошо знакомы.

После ухода Михаила Успенского, с которым был дружен ещё по совместной работе в «Красноярском рабочем», перечитал все его книги, которые смог найти. Читал всё, что написал Александр Григоренко. На днях мне передали книгу Марины Саввиных «Мосты над облаками», с интересом познакомился с публицистикой замечательного поэта.

Раз уж вспомнили Михаила Успенского… Очень жалею, что не привёл его на телевидение, ведь я тогда как раз был директором телекомпании. Нужно было обязательно сесть с ним в студии и записать разговор о литературе и жизни, разговор откровенный и неспешный. В идеале — для эфира, но как минимум — для архива, Очень удачный опыт был у Астафьева. Его пригласили на радио, и он в несколько приёмов прочитал «Последний поклон». В профессиональной студии, с качественным звуком. Виктора Петровича нет, а голос его остался. Потом мы это авторское прочтение издали в виде серии дисков.

Мне удалось уговорить на развёрнутое интервью Михаила Тарковского; кроме всего прочего он записал свои стихи. Эфиры были небольшие, но в архивах осталось много интересного.

Увы, посвятить достаточно времени чтению, забросив все дела, в последние годы просто физически не получается. Хотя я, конечно, книжный человек, и книги всё ещё нередко врываются в мою жизнь.

Например, недавно мы готовили презентацию книги Владимира Ивановича Долгих «Дорогой созидания». Это легендарный человек: один из руководителей СССР, общественный деятель, организатор промышленности. К сожалению, он не дожил до выхода своей последней книги. Честно скажу, я собирался её просто пролистать, поскольку нужно было выступать на презентации, но в итоге книга захватила меня, читал, как только появлялось свободное время. Владимир Иванович — автор очень сдержанный, но поразительно глубокий, понимающий суть, причины и следствия важнейших для страны событий, происходивших при его непосредственном участии в пятидесятые — девяностые годы прошлого века.

Если говорить о книгах, изданных в последнее время в рамках губернаторского гранта «Книжное Красноярье» (а на эти цели ежегодно из бюджета выделяется десять миллионов рублей), я был очень рад, когда издали «Сибирскую Арктику» Йонаса Лида. Написана она была ещё в начале прошлого века, но её уникальность и актуальность заключается в том, что у нас практически нет книг о становлении экономики Сибири. Лид — один из немногих, кто писал про лесные концессии в Сибири. Когда произошла революция, у местных капиталистов всё экспроприировали, а норвежцы ещё до тридцатых годов занимались у нас бизнесом, заключали сделки уже с Советской Россией. Совместная лесопереработка и добыча полезных ископаемых была у нас налажена при участии Фритьофа Нансена.

Есть у меня хороший знакомый и коллега — журналист из Швейцарии Эрик Хёсли. В прошлом году он написал книгу «Сибирская эпопея». Он начинает с того, что все знают историю освоения Дикого Запада, но никто не знает историю освоения Дикого Востока. Если взяться подбирать литературу, то получится, что Сибирь — это каторга, ссылка, репрессии и ГУЛАГ. А ведь это огромная часть Российской империи, которая давала золото, пушнину, нефть, газ и многое другое. И сегодня Сибирь — опорный регион страны, главная кладовая российских богатств. И вот швейцарский журналист Эрик Хёсли попробовал написать историю экономического освоения Сибири. И у него

получилось. Книга, переведённая в этом году на русский язык, пользуется колоссальным спросом.

Кстати, в позапрошлом году был завершён проект «Литературное наследие Красноярья», в рамках которого были переизданы произведения практически всех известных писателей, творивших на берегах Енисея. Книги переданы во все библиотеки региона.

— Какой книги сегодня не хватает вам как читателю? О чём, как вам кажется, стоило бы писать сегодня? Какие темы ждут своего писателя?

— Хотел бы прочитать книгу красноярского автора про современную жизнь, хотя бы про девяностые — нулевые, но не криминальную драму, а роман или повесть с живыми узнаваемыми героями — моими современниками. Не очень верю, что такая книга скоро появится. На осмысление эпохи требуется время. И талант, конечно. Астафьев смог написать свои лучше строки о войне только через пятьдесят лет.

В какой-то мере эти темы затронул Михаил Тарковский в романе «Тойота-Креста». Это моя самая любимая из его книг. Она больше нравится женщинам, поскольку рассказывает о любви. Но если в ранних книгах Тарковского — «Отпусти, Енисей», «Замороженное время» — чувствуется мощное влияние Астафьева и Шукшина (что само по себе замечательно), то «Тойота-Креста» самобытна и очень современна.

*Д*и*Н* ПАРОДИЯ

Евгений Минин

Открыл глаза я. Всем привет

Сомнительное

Я не стал охотничьим трофеем —
может, мир меня и не ловил?
Михаил Айзенберг

Жизнь меня не гладит по головке,
но обрыдла местная тусня.
Жаль, в прицел оптической винтовки
киллеры не смотрят на меня.
Не ведутся на меня гоненья,
посадить не пробуют в тюрьму.
Иногда царапают сомненья:
может, я не нужен никому?

Интерманное

Я иду по смс и кодам —
чёрным ходом к пятому углу…
Изяслав Винтерман

С виртуальным не дружу народом,
не брожу по долам и горам,
я хожу по смс и кодам,
из фейсбука прямо в инстаграм.
Чёрным ходом к чёрному квадрату,
пятый угол превратить в тупик
и смотреть, как брат идёт на брата,
чтоб ему укоротить язык.
Вижу, сколько там лежит балласта
и какая обитает чудь,
а в реал я выхожу не часто —
лишь перекусить чего-нибудь.

Предрассветное

Сквозь таявшую тьму небес
рассвет тихонько входит в окна,
неприхотливо, как балбес,
на нас взирая мутным оком.
Игорь Кохановский

Открыл глаза я. Всем привет.
Хоть и заснул я не под мухой:
балбесом выглядит рассвет,
и солнце выползает шлюхой.
День приползёт змеёй опять
и будет мне подобьем ада!
Нет, до заката буду спать —
надеюсь: он мужик что надо…

Риторическое

По утверждению историка,
весь мир стремится стать руинами,
всё остальное — блажь, риторика,
борьба ацтеков с бедуинами.
Светлана Кекова

Нам никогда не стать едиными,
клянусь родными мне глаголами,
ацтеки бьются с бедуинами,
им в помощь — конница с монголами,
с Америкой воюет матрица,
а Гамлет обижает Йорика…
Так вот, когда во мне сумятица,
тогда в стихах блажь и риторика…

Владимир Замышляев

Енисейский меридиан красноярских писателей

Красноярский край как отдельно управляемая территория в СССР возник в декабре 1934 года. В том году в стране произошли ещё два знаковых события. В Ленинграде был убит С. М. Киров, что привело к ужесточению сталинских репрессий против «врагов советской власти». Второе событие — создание Союза писателей СССР во главе с Максимом Горьким. Писатели объединились в централизованное союзное ведомство литературы. Его отделения в РСФСР (в автономных республиках, краях и областях) появлялись постепенно. Красноярская организация Союза писателей СССР создана в 1946 году. Но писатели на берегах Енисея заявили о себе значительно раньше. Историкам, культурологам и самим писателям известно, что с возникновением Енисейской губернии в 1822 году её губернатором А. П. Степановым была предпринята попытка создать некое литературное сообщество, но император Николай Первый на прошении об учреждении этого объединения наложил резолюцию: «Не вижу смысла». Самодержавная власть сама определяла, каким «смыслам» надлежит быть, а каким-то «смыслам» и не позволено. В России это традиция. Всё доброе выпрашивается или у Бога, или у власти. Без разрешения совершаются только преступления. И не всегда наказываются, опять же в зависимости от отношения к ним власти. Народ давно эту меру определил: закон что дышло, куда повернул, туда и вышло.

Вот и Красноярское отделение Союза писателей СССР появилось сначала после решения президиума крайкома ВКП(б) 1 июля 1946 года, а уж после этого, 11 июля, принято решение в правлении Союза писателей СССР. Таких же положительных решений были удостоены Ставропольское и Симферопольское отделения писательского Союза. Сведения о формировании в Красноярске литературной общности и о биографиях отдельных писателей представлены в обширном очерке Владимира Яковлевича Шанина «От былого к современности. К 70-летию писательской организации» в его книге «У времени в плену» (Красноярск, 2019). Есть и цветной буклет «Красноярской писательской организации — 65 лет» с краткими сведениями об истории организации и об отдельных писателях, с цветными иллюстрациями о событиях и изданиях. Выпуск буклета поддержали Министерство культуры Красноярского края и учреждение — Дом искусств.

Первым руководителем красноярской организации писателей стал Сергей Венедиктович Сартаков, главный бухгалтер треста «Севполярлес». Он и внешне походил на служащего, скромно и чисто одетого, приятного в отношениях. Проба пера его начиналась с фельетонов. А литературное крещение — с участия в коллективном довоенном сборнике «Начинающие писатели Красноярского края». С. Сартаков, как руководитель писательской организации, получал зарплату, но меньшую в сравнении с бухгалтерской. Это уже черта бескорыстия. Но судьба благоволила ему в другом деле. В 1957 году его избрали секретарём возникшего Союза писателей РСФСР во главе с Леонидом Соболевым, автором известного тогда романа «Капитальный ремонт». Следующий карьерный шаг — должность секретаря Союза писателей СССР после 1968 года и до перестройки-«катастройки». В тот период романы С. Сартакова потускнели — как подпавшие под критику «социалистического реализма». Опять те же «грабли»: меняется власть — меняются критика и оценки. Я встречался с ним лично один раз во время проведения «Енисейских встреч».

С 1958 по 1962 год Красноярскую организацию Союза писателей РСФСР возглавлял Николай Устинóвич, «певец сибирской природы». Но в этом определении есть ограничение писательского призвания. Человек — родовое существо, он вышел из Природы, но мыслит о ней образно, универсально. А. С. Пушкин написал: «Мороз и солнце; день чудесный!» Он что, певец сезонной погоды? В русской литературе всегда уделялось много внимания не столько описаниям природы, сколько переживаниям вместе с ней. Вспомним Михаила Пришвина, Леонида Леонова и его роман «Русский лес». Было и такое заявлено: «Природа не храм, а мастерская». Но в двадцатом пришло иное понимание. И нам понятнее стало наставление старца Зосимы в романе «Братья Карамазовы» Ф. Достоевского: «Любите всё живое, и вам воздастся».

Николай Устинович начал движение художнической мысли в направлении, которое сегодня связывается с экологическим сознанием. В эту тему и проблему резко встряли писатели-шестидесятники, которых назвали «деревенщиками». В их числе В. П. Астафьев, но о нём чуть позже.

Критик и литературовед Валентин Курбатов, умерший 6 марта 2021 года, однажды заметил, что в прозе городских писателей исчезает пейзаж, а без него повествования стали невыразительными, скучными. Красноярские писатели были и «городскими», и «сельскими».

В 1963 году писатели избрали в руководители организации Анатолия Ивановича Чмыхало, фронтовика-инвалида, начинавшего жизнь в Красноярском крае и журналистом, и в роли актёра драматического театра в Ачинске и Абакане. Актёрские и ораторские способности у него были: и телом крупный, и голос зычный, и лицо выразительное. Писатели-коллеги в шутку называли его «Громыхало». Вёл он писательскую организацию «верной дорогой» до 1976 года. Это, пожалуй, самый успешный период в деятельности писательской организации, как и в стране при Л. И. Брежневе. Вся страна была в стройках, «ударно-комсомольских», с лозунгами «Ленин. Партия. Комсомол!». В Красноярском крае велось строительство крупнейших гидроэлектростанций — Красноярской и Саяно-Шушенской, дороги Абакан — Тайшет, заводов и фабрик по всему краю. Осваивался Крайний Север, Енисейское заполярье. В 1969 году вышла поэтическая кассета «Полярный день» с участием Игнатия Рождественского, Зория Яхнина, Алитета Немтушкина, Е. Аксёновой, Л. Ненянг, Н. Оёгира, И. Удыгира, В. Кравца, А. Прицкера, А. Яльмарова. В аннотации написано: «Север… Пурга, ледяные торосы и Норильский металлургический комбинат, карликовые берёзки и Хантайская ГЭС, лучшая в мире пушнина и богатейшая в мире руда Талнаха, нарты и телевизионные антенны, стада диких оленей и новые города, новые песни, стихи…»

А писателей ждали везде и всюду, потому что они писали стихи, статьи и очерки, песни о молодёжи и рабочем классе, гегемоне коммунизма. С большим размахом проводились литературные фестивали, названные «Енисейскими встречами». В 1975 году на эти встречи приехало сто писателей со всего Советского Союза. Я могу лично свидетельствовать, потому что в том году работал инструктором впервые утверждённого в крайкоме КПСС отдела культуры. Культуру, науку, образование, творческие Союзы писателей, художников, композиторов, театральных деятелей вывели из-под контроля отдела пропаганды и агитации. «Агитпроп в зубах навяз», как писал свободный поэт-футурист Владимир Маяковский задолго до Союза писателей СССР 1934 года.

А. Д. Пацкевич, заведующий отделом пропаганды и агитации крайкома КПСС, сказал мне, инструктору отдела культуры: «Отдаю эту публику тебе с лёгкостью в душе, я устал от неё». Я пришёл на работу в отдел культуры с должности заведующего культурно-массовым отделом краевого Совета профсоюзов, потеряв в месячной зарплате пятьдесят рублей (с трёхсот до двухсот пятидесяти рублей). Сергея Сартакова влекла писательская миссия. Меня профессионально в тот период влекла культура и всё творческое, что с ней было связано. В отделе культуры я работал сначала один, через полгода пришёл на заведование отделом Б. В. Гуськов — с должности секретаря Норильского горкома КПСС по идеологии.

С А. И. Чмыхало мои отношения были нормальными, деловыми. Заочно я уже знал его, как и многих других писателей. Я писал статьи, стихи и печатался в периодических изданиях Красноярска. В 1968 году я, директор Красноярского краевого Дома народного творчества, вместе с Красноярским книжным издательством выпустил сборник «Поэты Дивных гор» участников строительства Красноярской ГЭС. Вместе с крайкомом ВЛКСМ мы проводили в Дивногорске семинар молодых писателей «Дивногорская весна». Я напечатал в «Красноярском комсомольце» статью «Спустившись с дивногорского Парнаса» с размышлениями о литературе и прочем. Мои творческие увлечения и послужили, как я думаю, основанием для назначения меня на работу в отдел культуры крайкома КПСС. Я стал курировать именно «творческое направление» в культуре края.

«Енисейские встречи» мы проводили летом. Прибыли (разными видами транспорта) в Шушенское и поселили писателей в новой гостинице. Она как раз к тому времени отстроилась. Село Шушенское превратилось в посёлок городского типа. Главная его привлекательность — Ленинский мемориальный дом-музей, ставший комплексом «Сибирская ссылка В. И. Ленина». Из Шушенского на автобусах двинулись в город Минусинск, потому что писатели обещали выступать там и в районе.

На границе Шушенского и Минусинского районов нашу яркую команду встретили хлебом-солью и поклонами труженики города Минусинска и района. Привела их А. Ф. Ворожко, секретарь Минусинского горкома КПСС, замечательная женщина, благоволившая интеллигенции. Минусинский район возглавлял Н. В. Евсеенко, участник Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, Герой Социалистического Труда. В истории края он, как партийный секретарь, был единственным со Звездой Героя. При нём Минусинский район достиг высоких показателей в сельском хозяйстве. Среди тружеников села были тоже Герои Социалистического Труда: примером служил Иван

Недобитков, комбайнёр, достигавший рекордов по намолоту пшеницы. Звание Героя имела и мать поэта Анатолия Третьякова, сравнившего потом в своих стихах лицо Родины с лицом матери. Прекрасная метафора! С Н. В. Евсеенко писатели встретились вечером, а днём они разъехались по району и выступали перед тружениками сёл в клубах и Домах культуры, а иногда и в поле и на фермах.

Вечером, в сосновом бору недалеко от города Минусинска, за сколоченными по этому случаю столами собрались приехавшие писатели, Н. В. Евсеенко, А. Ф. Ворожко, знатные труженики города и района. Зрелище получилось изумительное. Вкусные дары минусинской земли, обильное питьё и молочные продукты, ягоды, грибы и местные яблоки — всё в изобилии за столами. Как будто народная Дума собралась для решения государственных дел! Тосты были изумительные, ведь писатели-то приехали со всех республик СССР.

Были и шутки. Сильва Капутикян из Армении привезла в чемодане тёплое пальто, чтобы «не замёрзнуть». В Сибирь она приехала в первый раз и не знала, что на юге Красноярского края бывает так же жарко, как в её родной Армении. Взять с собой пальто надоумила Сильву её мать, сказавшая якобы, что «ты едешь туда, где всегда холодно». Смеялась и сама поэтесса, «открывшая Сибирь», и на шутки не обижалась.

За «дружбу народов», за процветание минусинской земли, за Любовь и Женщин выпили хорошо и славно закусили.

Главной заботой Анатолия Чмыхало и моей в этот вечер было одно — собрать всех писателей, никого не потерять среди сосен и погрузиться в автобусы, уехать в Шушенское, в гостиницу. На дорогу Анатолию Ивановичу минусинцы вручили два больших каравая хлеба, испечённого в этот день для писателей. В автобусе Анатолий Иванович сел впереди салона и держал хлебные караваи возле себя. Ароматный запах хлеба поплыл по салону над головами писателей. Они вдыхали хлебный аромат и томились. Кто-то из писателей скромно попросил: «Анатолий Иванович, дай кусочек, нет сил терпеть, уж больно вкусно пахнет». И тут все закричали: «И мне, и мне...» Анатолий Иванович крепкими своими руками стал разламывать каравай и бросать куски писателям. Они радостно ловили каравайные подарки, ели, нахваливали и шутили, что сильно проголодались после застолья в сосновом бору. Пока ехали в Шушенское, оба каравая съели. Незабываемая картина в памяти и литературная тема — «Земля и хлеб».

На второй день писатели поехали на встречу с коллективом строителей Саяно-Шушенской ГЭС, но два писателя не смогли подняться, ибо не протрезвели. У одного из них был синяк под глазом. Как оказалось, после приезда из Минусинска два «горячих кавказца» поспорили о чём-то так, что подрались. Их оставили в гостинице, чтобы они отдохнули и помирились.

Так и случилось. Писатели отходчивы.

В 1976 году в писательской организации начались волнения. А. И. Чмыхало руководил КРО писателей тринадцать лет. Авторитарный стиль его правления приелся, раздражал «инженеров человеческих душ». К тому времени в Красноярске сформировалась группа молодых талантливых литераторов: Зорий Яхнин, Роман Солнцев, Вячеслав Назаров, Владлен Белкин, Аида Фёдорова и другие. Они собирались иногда и выступали в литературном кафе «Мана» на улице Сурикова. Им хотелось перемен. Укрепился слух о том, что собирается вернуться на родную землю Виктор Петрович Астафьев, уже широко известный писатель. Мы в крайкоме КПСС знали об этих настроениях. И поддержали их.

Кажется, в 1976 году, летом, В. П. Астафьев навестил родных, приехав в посёлок Овсянку, на родину детства. По согласованию с первым секретарём крайкома КПСС П. С. Федирко мы, Б. В. Гуськов и я, поехали на встречу с писателем в Овсянку, чтобы провести с ним переговоры о его переезде на родную почву, на Енисей. Встреча произошла в деревянном доме одного из его родственников. Жалею, что не записал, у кого в доме встретились. Но хорошо помню, что было застолье и мы пили какую-то бормотуху. Б. В. Гуськова даже вырвало на огороде, когда мы вышли прохладиться. «Ода русскому огороду» всегда ассоциируется в моей памяти с этим случаем. При знакомстве с писателем мы спросили его, серьёзно ли он намерен вернуться на родину и на каких условиях, какие у него есть желания и просьбы. Он высказал их, а мы ответили, что просьбы решаемы. Они сводились к следующим вопросам: квартира в городе, легковой автомобиль, телефонная связь, дом в Овсянке. Мы гарантировали, что сделаем и поможем. Трёхкомнатная квартира потом была выделена в Академгородке, автомобиль — чёрная «Волга» — предоставлен. В то время в Академгородке ещё не было квартирных телефонов. К дому-квартире В. П. Астафьева провели по столбам специальный провод и поставили телефон. В последующие годы к трёхкомнатной квартире подсоединили ещё квартиру на этой же площадке, а хозяевам её дали другую квартиру. Дом в Овсянке Виктор Петрович выбрал и купил сам. В нём он проводил летние месяцы. Когда умерла дочь писателя Ирина в Вологде, то закрытый гроб с её телом привезли в Овсянку, траурные проводы были в этом доме, а похороны — на Овсянковском кладбище. Три партийных комитета — Вологодский, Ленинградский и Красноярский — организовали доставку гроба до Красноярска, а из краевого центра, из аэропорта, везли в Овсянку на микроавтобусе

под контролем милицейских постов. За траурным поминальным застольем Виктор Петрович поблагодарил «партию» за помощь. Я был на похоронах и помню его слова.

По указанию первого секретаря Красноярского крайкома КПСС Федирко П. С. было поручение начальнику краевого управления торговли Дееву — обеспечивать жизнь В. П. Астафьева и его семьи «всем необходимым» по его запросам. Такой льготой не пользовался ни один из красноярских писателей. Но был спецмагазин, и в нём по календарным государственным праздникам писателям продавались дефицитные товары и продовольствие.

Одним из условий В. П. Астафьева при его предполагаемом переезде в Красноярск называлась смена в руководстве писательской организацией, то есть отстранение А. И. Чмыхало от руководства КРО СП РСФСР. Сами писатели, ждавшие переезда Виктора Петровича в родную Овсянку, уже готовы были к смене руководителя. Но кто другой — вот вопрос. Чтобы не разогревать страсти разлада в организации, надо найти «нейтральную фигуру». Мы вспомнили про Николая Волокитина, известного писателя, жившего на тот момент в городе Томске. Он — бывший редактор казачинской районной газеты, «наш земляк». В Томске он имел хорошие условия для жизни и работы. Пришлось его уговаривать ради «переезда Астафьева». В конце концов он согласился, но без энтузиазма. Его пригласил на беседу Егор Лигачёв, первый секретарь Томского обкома КПСС, и спросил обидчиво: «Николай Иванович, что вас не устраивает в Томске, что ещё надо?..» Волокитин при беседе смущался и извинялся, ссылаясь на просьбы красноярских писателей-земляков. А Егор Лигачёв заботился об интеллигенции в Томске, стал потом соратником М. С. Горбачёва в перестройке, в борьбе с алкоголем и прославился фразой: «Чертовски хочется работать». «Энтузиазьма» (выражение Астафьева) закончилась развалом СССР. Красноярские писатели единодушно избрали Николая Ивановича Волокитина руководителем КРО СП РСФСР.

Анатолий Чмыхало сильно переживал свою отставку, недобрав два года до третьего срока правления писателями. Когда во Франции был опубликован опус Евгения Евтушенко «Автобиография рано созревшего молодого человека», началось осуждение поэта. В «Комсомольской правде» появилась огромная критическая статья «Хлестаковщина». Евтушенко напишет после этого стихи: «Когда румяный комсомольский вождь на нас, поэтов, кулаком грохочет...» Стихи расходились в списках. В писательских организациях страны сочинялись коллективные письма в осуждение «гения Евгения». Прибегнул к этому и Чмыхало, но красноярские писатели отказались «письменно осуждать» поэта. Чмыхало гневался. Об этом мне рассказывали потом Роман Солнцев и Зорий Яхнин.

Поссорился со Чмыхало и Алексей Черкасов, известность которого превосходила чмыхаловскую в стране. Однажды в ссоре Черкасов замахнулся на Чмыхало графином с водой, но воздержался и не ударил, честь и хвала ему. По состоянию здоровья автор знаменитой трилогии «Хмель», «Конь рыжий», «Чёрный тополь» уехал в Симферополь. Там прожил недолго.

Я работал инструктором в отделе культуры крайкома КПСС, и всё происходящее в коллективе писателей было под нашим контролем. Вскоре после избрания Н. И. Волокитина руководителем организации шёл я на работу к восьми тридцати в крайком. Подхожу к зданию крайкома, вижу возле ёлок А. И. Чмыхало, возбуждённого до пота на лбу. Он мне заявляет: «Я вот тут, у вас под ёлками, застрелюсь...» Я его успокаиваю, беру под локоть и веду на пятый этаж, в идеологический отдел, в мой кабинет. Беседуем полтора часа, не менее. Он очень обижен, что с ним так поступили. Утешаю его тем, что он должен радоваться освобождению от административной ноши, что теперь у него больше свободного времени для написания романов. Роман «Отложенный выстрел» он написал после «свободы».

В целом работу А. И. Чмыхало можно оценить положительно. Он был заметной фигурой среди деятелей культуры Красноярского края. Его везде принимали с почётом, как «идейного секретаря писателей», его ценили в крайкоме КПСС, он был вхож всегда в его кабинеты, особенно к секретарю крайкома по идеологии П. Г. Макеевой. Она, пришедшая из комсомола, трудилась на своём посту самоотверженно, не брала даже декретный отпуск по беременности, родила, как говорится, «на бегу». Её перевели из Красноярска на работу в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС, а это высокая партийная должность. В первой половине 1991 года она приезжала в Красноярск и выступала с лекцией перед партийными работниками в Доме политпросвещения. А. И. Чмыхало дружил с милицией, с управлением внутренних дел и с КГБ.

И вот я читаю книгу Людмилы Винской «Огонь на себя», посвящённую писателю (Красноярск, 2009). Название книги в двести двадцать четыре страницы, почти альбомного формата, тянет на «подвиг» писателя-фронтовика в мирной жизни. Книга написана в форме интервью писателя и журналистки, члена редколлегии в газете «Красноярский рабочий» при главном редакторе Л. Балашове. Писатель ни одного хорошего слова не сказал о коллегах по литературному цеху, не вспомнил об организации и своей роли в ней. Зато несколько раз на страницах книги утвердил, что его «предали». Кто предал? Братья-писатели, крайком КПСС, советская власть? Она тринадцать лет

поддерживала его во главе КРО Союза писателей РСФСР. В книге «Огонь на себя» пишется: «Анатолия Чмыхало сняли с работы — за отклонения, за недооценку роли партии, за возвеличивание не тех героев и за неправильно расставленные, с точки зрения партийных боссов, акценты». Это ложь!

Вот что писал А. Чмыхало в предисловии к изданию «Енисей» (указатель содержания 1940–1985 гг. Красноярск, 1986): «Роль „Енисея“ возрастает ещё более в свете задач, поставленных перед идеологическими работниками XXVII съездом КПСС».

Сами писатели предложили «убрать» Чмыхало, потому что его авторитарный, именно жёсткий партийный стиль руководства уже никого не устраивал. Общественные настроения менялись.

До развала СССР писатель Чмыхало не критиковал советскую власть, а после 1991 года присоединился к стану её хулителей и стал выставлять себя как жертву, как гонимого, что ничем не подтверждается. В книге с «боевым названием» «Огонь на себя» он, фронтовик, называет Сталина «тираном», советский период «несправедливым», комсомол «агрессивным», себя — «писателем с выбитыми зубами». Он жалуется на одиночество, что к нему никто не приходит, и добавляет: «И не надо». Виктора Петровича Астафьева назвал «Витей», претендуя на дружелюбие и равновеликость по таланту, но такого отношения со стороны Астафьева никогда не наблюдалось. Наоборот, как я уже сказал, одним из условий переезда Виктора Петровича в Красноярск выставлялось отстранение Чмыхало «от власти». Потому писатели и оборвали свои связи с «Громыхало» — они его не любили. Он их сам предал, проклиная «всё советское», хваленное им же до 1991 года. Такое поведение и называется фарисейством, иудиным. Почему к Виктору Астафьеву тянулись люди, многие писатели, красноярские в том числе, навещали его до последних дней жизни? Он, писатель-фронтовик, был открытым, искренним всегда и не держал фигу в кармане. Его высказывания о жизни, оценки людей, исторических событий и дел гражданских отличались куда большей остротой, чем запоздалые и уже банальные слова о прошлом у Чмыхало. Лицемерие никогда не украшает человека любого сословия.

Зададимся вопросом: почему А. Чмыхало пытался ставить в своих книгах «героев», у которых отношения с Россией нельзя назвать благородными? Адмирал Колчак с западным содержанием, Соловьёв и его банда в Хакасии, некто Многогрешный из казачьих атаманов, сосланный в Сибирь ещё во времена царской России… Не есть ли это некая скрытая месть за перипетии своего украинского казачьего рода?

Великий писатель Н. В. Гоголь в повести «Тарас Бульба» показал отца и двух его сыновей. Один погиб геройски, второй переметнулся к полякам, врагам России. Богдан Хмельницкий воссоединил Малороссию с Россией. Его сын вместе с Польшей воевал против России. Гетман Мазепа предал Петра Первого, продался шведам. А. С. Пушкин написал «Полтаву», осудил предательство, прославил победу над шведами и над Мазепой. Почему же Чмыхало отказался от себя советского и с опозданием по времени встал всё же в строй тех, кто, как Коротич, главный редактор журнала «Огонёк», все силы положил на разрушение советского строя? Где теперь Коротич? Может быть, вместе с теми, кто совершил в современной Украине майданный переворот? Получается так, что Чмыхало обманывал советскую власть, Красноярский крайком КПСС и красноярских писателей, да и Союз писателей РСФСР, изображая из себя русского писателя-патриота? Это всё, как сегодня говорят о политике, «двойные стандарты»…

Я помню, как на инаугурации П. И. Пимашкова после его всенародного избрания главой города Красноярска в приветствиях в театре оперы и балета выступал А. И. Чмыхало, доверенное лицо кандидата в градоначальники. Он произнёс такую яркую хвалебную речь, согласно которой П. И. Пимашков — самый выдающийся человек современности. Ничего не имею против Петра Ивановича, он хороший человек и руководитель города, но типичный «совок». А писатель А. Чмыхало при нём кто? Он хвалил властное лицо, изощряясь в эпитетах и образах. Его дочь стала заместителем главы города, а потом и заместителем губернатора края. На чьи средства издавалось собрание сочинений А. И. Чмыхало? Да и книга Л. Винской «Огонь на себя» как прошла через «Книжное Красноярье»? В этой инстанции верховодил А. М. Клешко. Он не пускал в печать рукописи книг, в которых положительно оценивался советский период. Он не поддержал даже «Энциклопедию о народном творчестве Красноярского края». Когда председатель Законодательного собрания А. В. Усс узнал об этом, то очень удивился. Почему не издали книгу В. Я. Шанина «У времени в плену» — очерки об истории Красноярской писательской организации, о писателях на берегах Енисея, очень ценное сочинение?! Оно напечатано за счёт средств автора в 2019 году. А депутат-журналист Алексей Клешко закончил жизнь драматически. Может, его совесть замучила по многим неправедным делам, или он разочаровался во власти, которой стал служить? Бог его простит.

В своей автобиографии, напечатанной в книге «Первые Астафьевские чтения в г. Красноярске. Выпуск 1» (Красноярск, 2005), В. П. Астафьев вспоминает:

«…Писательская жизнь в Красноярске шла по-прежнему в склоках, всё ещё угнетали здешнюю литературу графоманы и нахрапистые партийцы, поддерживаемые крайкомом партии.

Борис Васильевич Гуськов, тогдашний заведующий отделом культуры крайкома, всё настойчивее звал меня „домой". И однажды я поставил ему условие—квартиру за городом, желательно в Академгородке. Ибо, живя в центре города Вологды, побыл уже в осаде графоманов и праздношатающихся творческих людей. Ещё просил в дела мои не вмешиваться, помочь с ремонтом, с оформлением покупки дома в родном селе…

Осенью 1980 года я переехал „домой". Мария Семёновна… в Красноярск приехала гораздо позднее…

„Дома" мне сделалось спокойней и, поборов рутину, склоки, прямой и явный давёж со стороны крайкома, где уже устали „бороться" с местными писателями и охотно уступили поле брани тем, кто хотел навести здесь хоть какой-то порядок, удалось успокоить писателей, упорядочить творческую жизнь.

И сам я принялся жадно работать в своём домике в родном селе…»

Виктор Петрович в суждениях всегда был резок, в оценках часто впадал в крайности. По части «склок» среди писателей он прав, но склоки были и при нём. Крайком КПСС направил меня в издательство директором с поручением наладить мирное сотрудничество с писателями. Задание я выполнил, вражда прекратилась. Никакого «давежа» со стороны крайкома партии не было. А Виктор Петрович обустроился, ни в чём не нуждался. Ему даже выдавали бесплатные талоны на бензин для «Волги». Об этом говорил мне В. И. Окольников, заведующий хозяйственным отделом крайисполкома. Сам писатель об этом ни разу не обмолвился.

Интеллигенция частенько вообще губит сама себя, не щадя авторитеты и не смягчая выражения. Виктор Петрович вспомнил Б. В. Гуськова и не назвал меня. Мы уговаривали писателя вместе. В отношении литературы я был более просвещён и осведомлён, а Борис Васильевич жил в Норильске перед новым назначением и с писателями фактически не общался. В Красноярске он не выдержал испытания—через застолье с писателями нарушил правило «пей, да дело разумей». Он стал «похмеляться» и забывать о работе в крайкоме партии. Его «спасли» тем, что оторвали от писателей, переведя его на работу председателем комитета по радиовещанию и телевидению в Калининскую (ныне Тверская) область, куда отправили на роль первого секретаря обкома КПСС Татарчука Н. Ф., работавшего в Красноярске председателем крайисполкома. Для Б. В. Гуськова это было понижением, но и решением проблемы—его оторвали от писателей, любителей выпить с большим партийным работником. Такой соблазн мог бы увлечь и меня, но я уклонялся, потому что работа в книжном издательстве, куда меня перевели до приезда В. П. Астафьева,—это конкретная работа с производственным планом. Виктор Корчагин, мой преемник в отделе культуры, а потом в издательстве, увлёкшись «застольем», жизнь закончил драматически.

Я уважал и любил писателей, но в панибратство с ними не впадал. Помню, как однажды вбежал ко мне в кабинет в издательстве Зорий Яхнин, поприветствовал: «Привет, старик!»—такая у него была поговорка—и предложил поехать в Академгородок: у них там в компании «канистра спирта». Я ему в ответ: «Зорий, а кто ваши книги будет выпускать, если я „обниму канистру"?» Пошутили по-дружески и продолжили разное «творчество». Писателей я не осуждаю, но служить им надо, будучи трезвым на рабочем месте.

Латинская пословица гласит: книги имеют свою судьбу. И действительно, судьбы книг и писателей тесно связаны и обусловлены. После оздоровления обстановки в писательской организации с приходом в неё Н. И. Волокитина требовалось отрегулировать отношения между писателями и Красноярским книжным издательством республиканского подчинения. В 1978 году крайком КПСС перевёл меня из отдела культуры на должность директора Красноярского книжного издательства. Был я в этой роли до 1983 года, пять лет. Хвалиться не буду, но факты—упрямая вещь. Ежегодный выпуск книг, в основном художественной литературы, мы довели до трёх миллионов экземпляров в год. Повысились тиражи книг, возрос гонорар писателям. Приём в члены Союза писателей РСФСР рассматривался как шаг в профессиональную литературную деятельность. Условия приёма—две-три авторских книги и их редакторское прохождение в издательстве. Добрым словом хочу вспомнить редакторов издательства: М. Николаеву—главного редактора, редакторов О. Хонину, Т. Назарову, В. Ермакова, Г. Ермолину, В. Чагина, заведующую производственным отделом К. Королёву, корректоров Л. Мемнонову, Т. Ильющенко. Подготовкой и выпуском журнала (альманаха) «Енисей» занимались Иван Уразов, ставший потом членом СП РСФСР, и художник Марк Живило. Тираж издания—двадцать пять тысяч экземпляров—сразу расходился в торговой сети.

Мы выпускали книжные серии «Современная сибирская повесть» (В. Астафьев, В. Шукшин, В. Распутин и другие), «Писатели на берегах Енисея», поэтическую кассету «Встреча», сборник публицистики «Енисейский меридиан», краеведческую серию «Города края», книги об ударных стройках, о молодёжи, о комсомоле. Выпустили уникальный труд «Животный мир Красноярского края» учёных из Ленинграда Е. Е. Сыроечковского и Э. В. Рогачёвой, мужа и жены. Рисунки животных исполнены известным художником Виктором Бахтиным, уехавшим потом в США. Он же—автор «соболька», эмблемы Всесоюзной

зимней спартакиады, проведённой в Красноярске. Животный мир нынче — «экологически человеческий», гуманитарный.

Особая наша гордость — первый выпуск трилогии А. Черкасова «Хмель», «Конь рыжий», «Чёрный тополь» с художественными иллюстрациями. На подписание договора об издании этих книг приезжала жена писателя Полина Москвитина. На книге «Чёрный тополь» стояла и её фамилия. Я спросил, писала ли она эту книгу вместе с мужем. Она улыбнулась и сказала: «Это наша семейная тайна. Алексей читал мне написанные страницы, советовался со мной, я что-то подсказывала по женской психологии и женским характерам. Мы крепко любили друг друга». Да, жена Полина много добра подарила мужу, спасала его в трудные для него годы. Талант Алексея Черкасова заметил ещё Максим Горький, предоставлявший свой большой дом в Москве для проживания начинающих и страждущих молодых дарований, для Черкасова тоже. По какой-то причине они поссорились, и Черкасов покинул дом «пролетарского писателя». Трудно подсчитать, какое количество раз в стране издавались романы Алексея Черкасова. Они популярны до сих пор, и в рыночных условиях. А книги Анатолия Чмыхало в Москве ни разу не издавались. И художественное слово в его произведениях не столь прекрасно, народно, как у Астафьева, Черкасова, Распутина.

Работы по редактированию разных рукописей было много, для того и существовало профессиональное редактирование, чтобы литературные тексты приходили к читателю качественными. Виктор Петрович Астафьев был благодарен редакторам, отмечая свою «неграмотность», вспоминая опыт издания первых книг. Не стеснялся говорить о «соплях», которые надо было устранять в рукописях по замечаниям редакторов издательств и журналов.

Отношения между издательством и писателями наладились. Проводились совместные литературные конференции и семинары с участием московских и ленинградских литераторов. В писательской организации этими делами занимался К. Шней-Красиков, фронтовик.

Отношения между писателями и издательством развивались плодотворно.

В тот период стали известны имена прозаиков и поэтов И. Сибирцева (Худоногова), Н. Волкова, Н. Шагурина, Н. Мамина, М. Перевозчикова, И. Пантелеева, Б. Бобровского, З. Яхнина, В. Белкина, А. Третьякова, А. Зябрева, А. Фёдоровой, С. Павлова, Р. Солнцева, В. Назарова, Б. Петрова, А. Щербакова, В. Шанина, О. Корабельникова, А. Астраханцева, С. Задереева, Н. Ерёмина, Э. Русакова, А. Ероховца, О. Пащенко, И. Уразова, В. Ермакова, писателей из Хакасии М. Кильчичакова, С. Пестунова, из Эвенкии и Таймыра — Алитета Немтушкина, Огдо Аксёновой, Л. Ненянг и других.

Через поэтическую кассету «Встреча» (первая книга поэта) предстали перед читателями А. Вершинский, А. Козловский, В. Замышляев, С. Мамзин, И. Захаров, П. Коваленко и другие.

Все писатели публиковались в журнале «Енисей», имели авторские книги. Литературные рецензии писали О. Пелымская, В. Размахнина — из Красноярского педагогического института. Драматически ушёл из жизни поэт Игнатий Рождественский (1910–1969), учивший русскому языку детдомовца Витю Астафьева в заполярной Игарке.

К заслугам книжного издательства надо отнести выпуск книг В. П. Астафьева «Царь-рыба» (второе издание в стране) и «Затеси» (первое издание), первый литературно-критический очерк В. Курбатова о творчестве В. П. Астафьева «Миг и вечность» (1983), первое издание без купюр романа В. Зазубрина «Два мира», одобренного В. И. Лениным после Гражданской войны. Были и другие ценные, интересные издания, крепившие связь писателей и редакторов.

Красноярское книжное издательство впервые в своей истории получило переходящее Красное знамя от Госкомиздата РСФСР — за успехи в издании многообразной литературы и книжных серий. Меня это ведомство выбрало из всех директоров региональных издательств и рекомендовало к поступлению в Академию общественных наук в Москве. В 1983 году я поступил в очную аспирантуру в академии, на кафедру философии. Через три года учёбы там я защитился на кандидата философских наук и вернулся в Красноярск.

Красноярские писатели активно содействовали комплексному развитию производительных сил Красноярского края, намеченному постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР на 1971–1980 годы — первой «красноярской десятилетке». Вторая «десятилетка» намечалась на 1981–1990 годы. В годы одиннадцатой пятилетки (1981–1985 годы) возникло общественное движение «Превратим Сибирь в край высокой культуры».

20 марта 1981 года в газете «Советская культура» был опубликован исторический документ — обязательства красноярцев по дальнейшему развитию социально-культурного комплекса Красноярского края под девизом «Превратим Сибирь в край высокой культуры». Среди подписавших это обращение был и Виктор Петрович Астафьев, наряду со славными именами художников, композиторов, артистов. В июле 1986 года принято постановление бюро Красноярского краевого комитета КПСС и исполкома крайсовета «О программе социального развития Красноярского края на двенадцатую пятилетку». Под обращением «Во имя плодотворного труда, во имя полнокровной жизни» среди многих имён известных в крае людей стояли подписи Виктора Астафьева и Огдо Аксёновой, долганской поэтессы.

Это не формальные обязательства и подписи. Писатели не только создавали книги, но и активно занимались просветительством, по путёвкам литературного бюро и общества «Знание» часто выезжали в города и районы края, на стройки, выступали перед рабочими, крестьянами, молодёжью и учащимися. Действовали народные университеты культуры. Занятия велись не только в Домах культуры, клубах и библиотеках, но и в общежитиях. Так, писатель-публицист Анатолий Зябрев не раз встречался с рабочими Красноярского алюминиевого завода, выступал в общежитиях этого крупного предприятия. Поэт Анатолий Третьяков шутливо написал, что он однажды спал «на столе президиума», ночуя в сельском клубе после встречи с доярками на молочной ферме.

Вторая «красноярская десятилетка» (1981–1990) была уже не столь успешной, как первая, многое из запланированного в развитии края не выполнено. В стране развивался кризис. В этот сложный период писательской организацией руководили Н. И. Волокитин, В. Н. Белкин, А. Немтушкин, О. С. Корабельников, С. К. Задереев.

Президент страны М. С. Горбачёв произносил длинные речи о перестройке и гласности: «Больше демократии — больше социализма». Его соперник и оппортунист Б. Ельцин провозгласил: «С коммунизмом покончено». Интеллигенция металась и разобщалась, как и всё советское общество. Замечательный писатель, Герой Социалистического Труда Юрий Бондарев о перестройке сказал так: «Она похожа на полёт самолёта без адреса посадки». В недавно опубликованном романе Александра Проханова «Леонид» описано предательское поведение интеллигенции в те годы. Итог известен. Распад СССР нынешний президент России назвал «геополитической катастрофой века». В катастрофическое положение попали и писательская жизнь, и главное дело её — художественная литература. Закрылись региональные книжные издательства, появились коммерческие, но у писателей нет средств. Им перестали платить гонорары, которые в советское время начислялись даже в любой районной газете — за статьи, заметки, стихи, очерки и рассказы. С публикаций в «Чусовском рабочем» (Пермская область) начинал свой литературный путь В. П. Астафьев, получал там журналистскую зарплату и литературный гонорар. Изданная книга приносила писателю доход, на который автор мог прожить два-три года, в зависимости от тиража издания и своего социального статуса — «профессиональный писатель». В реестре специальностей нынешнего Министерства труда РФ профессии «писатель» нет. Литература, как церковь, отделена от государства. Но церковь как раз развернулась во все стороны — к верующим и в согласие с государством, имеет большие доходы от торговли религиозной атрибутикой, свечками, печатной продукцией, от благотворителей — предпринимателей, олигархов, замаливающих грехи.

Закрылось Красноярское книжное издательство. Встал вопрос о «жизни и смерти» альманаха «Енисей». Произошёл раскол единой российской организации писателей на два Союза: Союз писателей России и Союз российских писателей. То же и в Красноярске. С 2001 года КРО Союза писателей России возглавил Александр Щербаков. А Красноярское представительство Союза российских писателей возглавляли в разные годы Роман Солнцев, Марина Саввиных, Михаил Стрельцов, Эдуард Русаков, Рустам Карапетьян. С 2020 года эту организацию возглавила поэт Екатерина Малиновская.

Против раскола «одного Союза» возражал В. П. Астафьев, но и его авторитет уже не спасал от идейно-общественного разлада между писателями-государственниками и писателями-либералами. Либерализма на европейский манер никогда в России не было. О «русских либералах» с презрением писали Фёдор Тютчев и Ф. М. Достоевский, называли их «холопами Европы». Ко времени раскола после 1991 года В. П. Астафьев уже не был непоколебимым авторитетом для Р. Солнцева, З. Яхнина и других писателей. Их дружба остыла и лопнула. В литературе, отделённой от государства и разделённой между писателями, стали возникать автономные объединения «по интересам» и созданные ими журналы и альманахи, даже в районных центрах, чего никогда не было в России самодержавной и советской. Можно говорить о суверенизации в литературном процессе, даже о его местечковой обособленности.

В Красноярске Р. Солнцев создал журнал «День и ночь». Отрадно, что редколлегия журнала (В. Наговицын, М. Саввиных) регулярно проводят общественные презентации журнала, представляют известных и начинающих писателей, знакомят с новинками литературы. Сергей Кузичкин основал альманах «Новый Енисейский литератор», не уступающий по разнообразию и качеству публикаций традиционным журналам. Продолжается жизнь альманаха «Русло», созданного журналистом Александром Бердниковым. По его смерти альманах возглавили поэты Александр Захарченко и Николай Ерёмин. Исторически известный альманах «Енисей» после Сергея Задереева вели успешно Григорий Найда и Владимир Шанин. Потом альманах «Енисей», как «бесхозный», без юридического лица, взял под финансовую опеку Дом искусств Министерства культуры Красноярского края. С 2014 года главным редактором альманаха «Енисей» избран писатель Михаил Тарковский, охотник-промысловик. Альманах превратился в издание «без руля и без ветрил», с редакционным советом, который за семь лет ни разу не собирался. Альманашный кризис наметился.

Надо положительно заметить, что в смутное время неразберихи появилось много издательств и типографий-издательств. Но они все коммерческие, печатают книги за счёт средств авторов-заказчиков. Настали времена, когда можно продать и рукопись, и вдохновение. Мы бы отметили два «писательских» издательства, потому что они возглавляются писателями. Это издательства «Буква С» (издатель — член Союза писателей России Анатолий Статейнов) и «Семицвет» (издатель — С. Феньков, член СП России). Есть немалое количество других издателей, которые печатают всё (книги, бланки и прочее), только заплати. Наиболее ценные издания выпускает Анатолий Петрович Статейнов, потому что его «продукция» в основном художественная и социально-культурная: книги писателей, энциклопедии, цветные альбомы, газета «Литературный Красноярск».

Особо надо отметить «Красноярскую газету». В феврале 2021 года ей исполнилось тридцать лет. Большая заслуга в этом её главного редактора Олега Анатольевича Пащенко, члена Союза писателей России. В газете постоянно публикуются разные литераторы, в основном защитники Отечества, служители России. В 2020 году Олег Пащенко издал, по сути, эпическое повествование «Не отрекаюсь!» — «о времени и о себе» и всё о газете за её тридцатилетие. Это «момент истины».

Регионализация литературного процесса выражается не только в существовании разных писательских организаций, но и в наличии литературных объединений, в проведении литературных фестивалей и конкурсов. В 2019 году впервые был проведён краевой конкурс литературных объединений, действующих в городах и районах края. 50-летие плодотворной жизни отметило литературное объединение в Дивногорске «Потомки Ермака». Руководил им в последнее десятилетие поэт Владлен Белкин, почётный гражданин города Дивногорска, учитель по профессии и участник строительства Красноярской ГЭС. Его имя — на почётной мемориальной доске в корпусе гидростанции. К сожалению, «Потомки Ермака» не участвовали в конкурсе литобъединений по причине неразберихи в руководстве ими на местах. Первое и второе место в этом конкурсе заняли литобъединения «Сибирская лира» (город Минусинск) и «Радуга» (город Лесосибирск).

На юге края с литературными общинами в Минусинске большую работу ведёт Ольга Тараканова, член Союза писателей России. Там проходят творческие семинары, выпускается альманах, издаются сборники. Она и получила за «Сибирскую лиру» диплом лауреата. Председателем жюри конкурса был В. И. Замышляев, председатель КРО Союза писателей России.

В Лесосибирске тоже сильное литературное объединение — «Радуга». Там два члена Союза писателей России — Василий Бурягин и Алексей Иванов.

К сожалению, статус литературных объединений в организационном плане на местах не определён. Хорошо бы их привязать к библиотекам!

Отметим и конкурс «Читающий край». Его каждый год проводит краевая научная универсальная библиотека. Библиотеки края, участвуя в конкурсе, активно проводят литературные конкурсы среди читателей, особенно среди учащейся молодёжи, активно продвигают книги писателей (и красноярских тоже), расширяют круг читателей всех возрастов. Есть и уникальные проекты — например, «Литературный Боготол», получивший президентский грант. В составе жюри конкурса участвуют писатели Красноярска В. Замышляев, Р. Карапетьян и другие.

Дом искусств Министерства культуры Красноярского края проводит ежегодный конкурс имени Игнатия Рождественского и литературный фестиваль «КУБ» («Книга, Ум, Будущее»). Отношения этого учреждения культуры с писателями становятся тоже плодотворными.

С 2007 по 2017 год КРО СП России руководил Алексей Мещеряков. В 2010 году он стал дипломантом Всероссийского конкурса «Мастер», а в 2011-м с книгой «Данилка-волшебник и его родичи» победил на Всероссийском конкурсе произведений для детей и юношества имени Петра Ершова. Алексею Мещерякову удавалось находить спонсорскую финансовую помощь и содействовать в издании книг красноярских писателей. Но он упустил из-под влияния КРО альманах «Енисей», а к 70-летию организации как бы «искупил вину» — составил и издал коллективный сборник писателей с названием «Енисей» и организовал юбилейные поощрения членов КРО со стороны Союза писателей России и Министерства культуры Красноярского края. Увы, вторая «пятилетка» его правления оказалась менее успешной из-за отсутствия средств на поддержку писателей. А писатели, если им материально не помогать, сразу начинают считать, что руководитель «плохой». В 2016–2017 годах среди членов КРО начались «волнения», отрицательные публикации в «Красноярской газете» против А. Мещерякова. Возникла оппозиционная группа, попытавшаяся досрочно освободить руководителя от его обязанностей. Но они действовали с нарушением Устава Союза писателей России, и их «решения» не зарегистрировало Красноярское управление Министерства юстиции России.

Положительную роль в этой интриге сыграл авторитетный Алексей Маркович Бондаренко, писатель из Енисейска. Он приехал из села Озёрное Енисейского района (место его проживания) на собрание, восполнил кворум. И собрание стало законным. Оно состоялось в конце декабря 2017 года.

Тут я вынужден сказать о себе. Писатели попросили меня стать председателем КРО СП России. Я был материально обеспечен, имел зарплату, работал профессором Сибирского государственного аэрокосмического университета имени академика М. Ф. Решетнёва. Там создавал гуманитарный факультет и кафедру общественных связей («пиар»), ими руководил до 2003 года, после этого от административных обязанностей освободился и работал профессором. Я имел авторитет преподавателя философии, культурологии по специальности «паблик рилейшнз» (связь с общественностью), международных отношений (имидж России). В роли профессора я работал до 1 сентября 2020 года.

В прежние, советские, годы, находясь на партийной работе, я курировал сферу культуры, творческие союзы, имел опыт общения с писателями, помогал им, поэтому они посчитали, что я, член КРО, могу устранить разлад в организации. Виктор Петрович Астафьев говорил и писал «об упорядочивании творческой жизни». Он не прав. Творчество нельзя «упорядочить». Каждый писатель имеет, прежде всего, внутреннюю свободу. Ею он и руководствуется, что всей жизнью своей утвердил и В. Астафьев. А вот помочь наладить человеческие отношения в общих заботах и в поступках можно. И я согласился понести бремя руководителя организации — ради общих интересов писателей. Раз доверяют и просят, то надо соглашаться. Так я и сделал. В декабре 2017 года меня избрали председателем КРО СП России.

В феврале 2018 года в Москве состоялся пятнадцатый съезд Союза писателей России. На сборе писателей страны не было представителей правительства государства, Совета Федерации и Государственной Думы РФ. Не пришёл даже министр культуры РФ В. Мединский. Власть подтвердила «дух времени»: литература — дело не государственное, а Союз писателей России — общественная организация, не имеющая обязательств перед государством. С обществом писатели связаны, но добровольно. Служим, но не прислуживаем и быть верными не клянёмся. Свобода, о которой мечтали до 1991 года, пришла, но она «нагая», как определил в Серебряном веке Велимир Хлебников. Хорошо ли это? Вопрос и ответ служебных определений не имеют.

Приступив к исполнению председательства среди писателей, я увидел, что никаких финансов для должностной работы нет. И я исполняю обязанности председателя КРО бескорыстно. Зарплаты у нынешнего «лидера» писателей нет. Но отчёты перед налоговой инспекцией и перед управлением социального страхования есть. Значит, все расходы на служебные функции — это «личное дело» председателя. Искусство (литература) требует жертв. Духовная жизнь — жертвенное служение. Писатель — пророк, «духовной жаждою томим». Живём по завету А. С. Пушкина. Он — «наше всё».

Отношения в Красноярском региональном отделении Союза писателей России к моменту его 75-летия нормальные, бесконфликтные. Обиженные личности есть, но по мелочам, по причине личных притязаний на олимп. Писатели едины в общем порыве — писать хорошие и очень хорошие произведения, издавать книги. Установился, можно сказать, деловой контакт с библиотечным коллектором и библиотеками Министерства культуры Красноярского края. В первом квартале года КРО подаёт заявку со списком новых изданий писательских книг для их продвижения по краю. На них собираются заявки от библиотек. После этого бибколлектор подписывает договор с писателем на приобретение его книг на платной основе. Такая материальная поддержка не всегда оправдывает издательские расходы за счёт автора, но всё равно хорошо, а иногда и выгодно, если доход выше затрат. К сожалению, «закупочная комиссия» руководствуется порочным принципом «нравится — не нравится» и негласно вводит цензуру, превышая свои полномочия. Библиотеки стали мало заказывать поэтических сборников, а ведь поэзия — самый высокий по смыслам вид литературы. В ней нет криминальных сюжетов, чем увлеклись и библиотекари. Кого они воспитывают?

В 2018–2021 годах произошли события, волновавшие и писателей. В 2019 году отмечалось 95-летие со дня рождения В. П. Астафьева. На конференции, посвящённой этой дате, в педагогическом университете имени писателя выступил с докладом о творчестве В. П. Астафьева председатель КРО В. И. Замышляев, в работе секции участвовала Р. Т. Сакова. Участвовали писатели и в «круглом столе» в краевой библиотеке, и в поездке в Овсянку — на мемориальный комплекс в честь писателя. Были журнальные и газетные публикации, посвящённые В. П. Астафьеву.

Святая для всех дата — 75-летие Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Увы, из-за пандемии и карантинов не состоялись многие встречи писателей с читателями. Но литературные публикации были и в журнале «День и ночь», и в разных альманахах, и в «Красноярской газете». И напечатаны произведения, тематически связанные с войной, в коллективных сборниках. Их авторами стали В. Г. Нестеренко, А. А. Янжула, В. Ф. Пшеничников, В. И. Замышляев и другие писатели.

На юбилей — 400-летие — города Енисейска ездили В. И. Замышляев, С. Н. Кузичкин, Н. Н. Ерёмин. Они подарили свои книги центральной библиотеке города-юбиляра.

В августе 2020 года писатели В. Замышляев и С. Кузичкин побывали в Крыму, участвовали

в литературном фестивале «Седьмое небо» — в качестве членов жюри и ведущих мастер-классы. Выступала там и поэтесса из Красноярска Маргарита Радкевич, получившая в одной из номинаций фестиваля почётный диплом. Писатели награждены почётными грамотами Союза писателей Крыма. После фестиваля издана в Крыму книга «В начале пути», а в ней произведения В. Замышляева и С. Кузичкина. Они представлены и в электронном журнале Крыма «Белая скала». В первом квартале 2021 года в Крыму вышел журнал «Литературная Феодосия», в нём тоже опубликованы произведения красноярских писателей.

В январе 2021 года состоялось общее собрание КРО в Доме искусств. Обсудили «пандемийный» год, наметили, как жить дальше в этих условиях. На день собрания, 15 января, исполнилось писателю Владимиру Георгиевичу Нестеренко восемьдесят лет. Коллеги поздравили его, вручили цветы и единодушно представили к званию «Заслуженный работник культуры Красноярского края». В марте, в День работника культуры, он это звание получил.

В 2017–2020 годах список членов КРО пополнился новыми именами: В. С. Топилин, В. Г. Шваков, Л. Г. Феррис-Кротова (Железногорск), Н. Сафронова, В. Ануфриева, А. А. Иванов, А. С. Чичерин, В. Иванов. На учёт встали М. Саввиных, Н. Подгурский, В. Бурягин (Лесосибирск), О. Тараканова (Минусинск). По просьбе Союза писателей Хакасии приняли в Союз писателей России А. Кошелеву, доктора филологических наук, профессора, автора сочинений о хакасских, тюркских писателях. У неё с местным отделением были сложные отношения. Мы, красноярские писатели, устранили этот «узелок».

В 2019 году умер Алексей Бондаренко на недостроенной даче. В 2020 году ушли из жизни В. Н. Белкин, В. Чариков, Р. Сакова. Вечная память им.

Всего на учёте в КРО на 1 января 2021 года числится тридцать шесть писателей. Есть и новые кандидатуры в члены СП России, хотя социальная мотивация этого труда в современных условиях мала. Вера в изменение отношений с государством, в его материальную поддержку остаётся. В Москве создана Ассоциация Союза писателей России, Союза российских писателей, Книжного союза и издателей. Её возглавил писатель, депутат Государственной Думы РФ, главный редактор журнала «Юность» Сергей Шаргунов. Региональные отделения солидарны с Ассоциацией, но свою автономность не утрачивают.

Литературный процесс в регионе Красноярского края продолжается. Пандемия вредит общению, зауживает пространство личной и групповой связи с читателями, но книги пишутся и издаются. А в пространстве Интернета нет никаких ограничений. Но у читателей не пропадает желание увидеть писателя, встретиться лицом к лицу, услышать Слово из уст тех, кто им владеет именно как Писатель, мыслящий небанально, изрекающий откровенье. Красноярское региональное отделение Союза писателей России, имеющее исторические корни и немалые литературные достижения, продолжает служить России, Сибири, многонациональному народу.

Виктор Петрович Астафьев завершил «Царь-рыбу» многими вопросами к самому себе и к миру. Среди них и такое вопрошание-утверждение: «Всему свой час, и время всякому делу под небесами». Литература будет жить, пока живёт сам человек.

Александр Астраханцев

«Жил отважный капитан»

Взялся я за свои воспоминания об Анатолии Михайловиче Старикове (1938–2013), в первую очередь, с благодарностью к нему за то, что он, сам будучи страстным яхтсменом, потратил много усилий, чтобы вовлечь меня в яхтенный спорт, и отчасти в этом преуспел: при его жизни я много лет состоял рядовым матросом в его яхтенной команде.

Но сначала объяснимся: что это за явление такое—«яхтсмен»? Ведь для большинства сибиряков явление это, казалось бы, скорее экзотическое.

С моей точки зрения (сугубо субъективной, разумеется), яхтсмен—это, в первую очередь, человек, умеющий страстно, безоглядно, жертвенно любить, любить так, чтобы отдавать предмету своей страсти всю свою душу, силы и средства—даже, в конце концов, жизнь. А главных предметов страсти у яхтсмена—два: первый—это его судно (или, если судьбе угодно, скромное судёнышко), т.е. его любимица-яхта, в которую он безмерно влюблён (как бывают влюблены в женщину), которую он старается содержать всегда в достойном порядке: следить, чтобы она выглядела красивой и нарядной, одевать её (в паруса) и не жалеть на неё средств; и второй предмет его любви—это природа, среди которой он живёт, пока происходит его акт общения со своим судном: простор водной глади и неба перед глазами, живописные берега, закаты и рассветы или ночные звёзды над головой.

Причём хорошо любить природу посреди лета, когда жарит горячее солнце, твою нагретую им кожу обдувает лёгкий ветерок, а за бортом журчит тёплая ласковая водичка, в которую так приятно бывает окунуть разгорячённое тело. Но природа, особенно сибирская,—это не только жаркое солнце, а частенько ещё и пронизывающие насквозь ветры (особенно холодные, если кругом—открытое пространство воды), дожди сутками напролёт, да ещё иногда и с колючим снежком, а на судне—ни согреться горячим чаем, ни обсушиться как следует. И всё равно яхтсмен неудержимо, изо всех сил, рвётся от городских дел и городских удобств, чтобы испытать счастье встречи со своей любимицей, счастье поднять паруса и—рвануть вперёд, навстречу простору воды и неба.

Знаю также, что каждый уважающий себя яхтсмен презирает в душе моторные лодки, эти громыхающие, воняющие бензином и гарью жестянки,—ведь настоящий яхтенный спорт чист и элегантен; недаром его считают спортом принцев и миллионеров. И не поколеблют этого мнения нынешние российские скороспелые миллиардеры с их так называемыми «яхтами», а точнее, плавучими барами и одновременно—плавучими же борделями с девицами в бикини; на таких «яхтах» яхтенным спортом и не пахнет. Потому что яхта без наполненных ветром парусов, без тишины среди природы и тихого шелеста воды за бортом—это никакая не яхта: это какое-то извращение—называть яхтами огромные двух-трёхэтажные морские посудины без мачт и парусов.

Мне в жизни очень повезло: я бывал среди красноярских яхтсменов, принимал участие (хоть и весьма скромное) в их жизни и даже дружил с некоторыми. И первый среди них—Анатолий Стариков; причём для меня он так и остался без отчества, потому что мы—сверстники и знакомы были лет с двадцати пяти. Именно о нём мне и хочется здесь рассказать—каким я его знал около пятидесяти лет подряд. Причём, если я начну рассказывать, каким он был в молодости, мне, скорей всего, не поверят те, кто знал его только пятидесяти-, шестидесяти- или семидесятилетним: настолько всякий человек может меняться в течение жизни.

Помнится, познакомил меня с ним наш общий товарищ, Вадим Серебреников, работавший в одной с ним организации—институте «ЦветметНИИпроект», причём нечаянно столкнулись мы, все втроём, в самом ближнем от их института книжном магазине, самом популярном тогда среди читающей публики,—красноярском магазине «Знание», в отделе современной литературы. Двух-трёх фраз, которыми мы обменялись тогда по поводу новинок этой самой литературы, вполне хватило, чтобы понять, что мы—«люди одной крови» (т.е. люди одних и тех же литературных вкусов и взглядов).

Хочу подчеркнуть: своей внешностью он обращал на себя внимание с первого же взгляда—высокий, статный, с тёмной кудрявой шевелюрой, с удлинённым лицом, а на нём—серые глаза, очень

густые тёмные брови и солидные очки в тёмной же оправе. И при этом — чувство собственного достоинства, сдержанность, но и… лёгкий налёт юношеской застенчивости тоже. Позднее, когда мы сдружились тесней, знакомые женщины, если видели нас с ним рядом, непременно потом донимали меня вопросами: «Кто это?», «Кто это был с тобой?»…

Через некоторое время оказалось, что мы с ним возвращаемся с работы одним и тем же автобусом (разнообразием автобусных маршрутов нас тогда не баловали); стали частенько сталкиваться и общаться с ним дорогой, а потом и вовсе сдружились — и всё на той же почве: на чтении новинок литературы и толстых литературных журналов, на страницах которых была сосредоточена вся тогдашняя духовно-интеллектуальная жизнь. Даже бывали изредка в гостях друг у друга — знакомились с библиотеками, обменивались книжными новинками, весьма дефицитными тогда; естественно, при этом выпивали «по маленькой» в тесных кухоньках.

При более тесном сближении открывались новые темы общения; он, например, оказался меломаном, любителем классической музыки, имел большое собрание грампластинок. Я вместе с супругой тоже пытался приобщаться к музыкальной классике, тоже собирал пластинки; но без какого-либо музыкального образования приобщение моё шло трудно; больше всего мне нравилась старая европейская классика, а вот музыкальный модерн, в том числе русский: Стравинский, Прокофьев, Шостакович, — моему пониманию был совершенно недоступен; Анатолий терпеливо пытался мне что-то подсказывать, давал послушать свои пластинки…

Но, в общем-то, это было чисто «книжное» общение. При этом у каждого из нас имелась своя компания, в которой проводили выходные.

Той небольшой компанией, в которую входил я, мы делали вылазки на ближние и Дикие Столбы, сплавлялись на плотах по Мане, по Енисею (от устья Бирюсы до Красноярска). Верховодил в ней всё тот же Вадим Серебреников, коренной красноярец, хорошо знавший окрестности. Я работал тогда на красноярских «комсомольских» стройках; летом на них постоянно бывали «штурмы» и авралы, часто приходилось работать по выходным, и отпусков летом, как правило, не давали. Да ещё в редкие свободные минуты я пытался писать рассказы, поступил заочно в Литературный институт (Москва). А кроме всего этого — семья, двое маленьких детей… Так что полноценные вылазки на природу с ночёвками у меня случались редко: всего две-три за лето. Анатолий Стариков же, вместе со своей компанией, знаю, имел моторную лодку и летом отдыхал главным образом на воде, на Енисее.

В начале 70-х годов, когда была полностью возведена Красноярская ГЭС, заполнено водохранилище («Красноярское море»), до Дивногорска проложена и заасфальтирована автодорога и по ней пошли автобусы, а в самом Дивногорске ниже створа ГЭС построен мост через Енисей, — на «море» потянулась красноярская молодёжь.

А ведь я ещё помню время, когда не на чем было доехать даже до Дивногорска; мне, например, дважды приходилось ходить туда или оттуда на своих двоих (тридцать с лишним километров), иначе — никак. Но даже когда туда пошли автобусы (уже само это стало великим событием!) — от Дивногорска до «моря» надо было ещё долго добираться, причём пешком: от автовокзала — через весь Дивногорск, затем — через мост, а уж от моста — тропой по крутым скалистым горам — до Шумихинского залива. Весь маршрут составлял километров десять, да десять обратно, снова пешком. Но ничто не держало молодых красноярцев, душа которых рвалась к «морю»; только через много лет дорогу от Дивногорска на юг, вдоль Красноярского моря, наконец, закончили и заасфальтировали, и по ней пошли автобусы, в том числе и до Шумихи. А уж в 90-х гг. у многих красноярских яхтсменов, к тому времени посолидневших и постаревших, стали появляться свои автомашины…

Но вернёмся к тому — патриархальному, можно сказать, — времени, когда до «моря» из Дивногорска ещё ходили пешком, а яхтинг на «море» делал первые робкие шаги. Попробую вернуть свою память туда. Но ведь это было чуть ли не полвека назад; некоторые детали стёрлись из памяти или переместились во времени; пробовал кое-что уточнить у товарищей, прошедших теми же дорогами, — и с ними та же история; так что если чуть-чуть ошибусь в рассказе — не пеняйте; главная канва событий врезалась в память навсегда.

К тому времени молодёжная компания, к которой я примыкал, распалась; остались лишь Вадим Серебреников да я. И вот однажды он приглашает меня на море: оказывается, у его отца, Бориса Владимировича, страстного рыбака, появилась там своя лодка… Однако при его жизни я ездил туда с Вадимом лишь однажды; отец его, насколько помню, был человеком строгих правил, а потому нас с Вадимом, уже взрослых мужиков, «строил» и «воспитывал». Лодка была деревянной, с тихоходным моторчиком, с небольшой мачтой и брезентовым парусом, и носила она гордое название «Кентавр» (позже я узнал, что этот «Кентавр» прежде принадлежал Старикову)… После кончины Бориса Владимировича Вадим стал полновластным хозяином лодки, и я бывал на ней ещё раза два (прости, Вадим, если я тут тоже что-то за давностью лет напутал).

Тогда-то в один из выходных дней я и встретил на море Анатолия, уже в роли капитана парусной яхты. Звалась она «Феминой».

Почему «Фемина»? Это особая история, история Великой Любви (той самой, с большой буквы), о которой в старину складывали легенды и которая не у каждого в жизни случается, а если случается—то заставляет человека совершать подвиги, двигать горы и творить другие чудеса, непосильные человеку в обыденной жизни.

Анатолий встретил такую Любовь именно там, на море, и отныне вся огромная и неуёмная энергия его души стала своеобразным рыцарским служением ей, а вся его последующая жизнь, до самого конца, была посвящена Красноярскому морю и яхтенному спорту. Отныне эти три явления: Любовь, Море и Яхта (именно так, всё—с большой буквы),—слились в нём в единый образ, овладевший им; с того времени, когда я встречался с ним в городе, у меня складывалось устойчивое впечатление, что он приезжает с моря в город только затем, чтобы отбыть рабочую неделю, заработать толику денег, найти, купить или заказать необходимые для яхты материалы, встретиться с «нужными» людьми, которые бы эти материалы помогли ему достать, и поскорей (на выходные)—обратно, на море.

О том, откуда взялась «Фемина», коротко рассказывал мне потом он сам, а из его рассказа запомнилось и того меньше. Дело обстояло примерно так: судно это не было в полном смысле слова яхтой; вместе с компанией товарищей они раздобыли где-то белый пластиковый корпус моторного катера и переделали его в яхту, причём, ввиду довольно скромных размеров и неподходящих обводов катера, работу проделали большую: удлинили и укрепили корпус, приделали снизу киль, нарастили борта, настелили палубу, надстроили рубку, поставили мачту… Не помню уж, были ли тогда на «море» ещё яхты,—память моя оставила на совершенно пустынной глади воды одно лишь почти сказочное видение «Фемины»: белый корпус с изящными обводами и белоснежные паруса…

Сам Анатолий выглядел на «Фемине» в роли капитана, под стать яхте, тоже эффектно—я бы даже сказал, несколько театрально: белые брюки, чёрный пиджак с полосатой тельняшкой под ним, на голове—морская фуражка с белой тульёй и огромным «крабом» над преувеличенно огромным же чёрно-лаковым козырьком… Для пущего эффекта он даже курил тогда большущую трубку.

А на палубе отчаливающей от берега «Фемины» по случаю летнего выходного дня было полно молодёжи—парней и девушек; кажется, даже сидеть им было негде—стояли чуть ли не впритирку, держась за леера и ванты, благо день был почти безветренным. А я, по своей привычке инженера-строителя, глядя на это легкомысленное с точки зрения техники безопасности плавание, думал с тревогой: «Что они творят?! Не дай Бог, дунет порыв ветра или наткнутся на плавающее или вовсе подтопленное бревно, лодка опрокинется—и что с ними всеми тогда станет?..»

Правда, уплыли они в тот раз недалеко и пристали к пологому, почти от самой воды поросшему сосняком берегу. Мы с Вадимом на его «Кентавре», порыбачив немного, присоединились к ним.

На небольшой зелёной поляне компания разожгла костёр, разложила обед; выпивали, причём—скромно: было, кажется, только сухое и полусухое вино. После обеда Анатолий просвещал свою компанию: читал ей вслух книгу—то, как сейчас помню, были «Похождения бравого солдата Швейка»; компания, несмотря на весёлую занятность книги, слушала чтение с очень серьёзными лицами. Теперь я вспоминаю ту идиллическую картину с улыбкой—по сравнению с теми весёлыми шабашами при ночных кострах, которые устраивались нами в яхт-клубе лет через десяток, когда мы слишком повзрослели и «оборзели»…

Кроме самого Анатолия, я в его компании не был тогда ни с кем знаком; было непонятно: кто тут есть кто, и кто тут—с кем? (всё это были его молодые сослуживцы и сослуживицы по институту)—а потому мы с Вадимом, немного послушав это серьёзное чтение, тихонько, чтоб никому не мешать, удалились на «Кентавр», выпили там, в безлюдной тишине, бутылку водки на двоих и почувствовали себя легко и свободно.

Но это видение белой, словно призрак, изящной яхты на синей воде меня, помню, очень впечатлило. Правда, ненадолго: Вадим вскоре перебрался в Москву, и на море я ездить перестал—одному там делать было нечего. А с Анатолием по-прежнему изредка встречались в городе и продолжали наши обрывочные интеллигентные беседы о событиях в книжном мире…

Прошло не помню уж сколько лет… Однажды он пришёл ко мне домой, попросил меня—на этот раз как инженера-строителя—проконсультировать его по некоторым вопросам и рассказал о том, что они решили строить на берегу водохранилища огромную яхту из армоцемента (пластиковая «Фемина» по своим ходовым качествам его совершенно не устраивала, да и команда разрослась настолько, что не вмещала всех желающих); при этом до Анатолия дошла информация о том, что армоцементные яхты уже вовсю строят за рубежом, а в СССР будто бы начали строить их в Киеве. И хотя в Сибири об этом никто ещё не помышлял, он решил построить такую яхту и вдохновил на это всю свою команду, которая будто бы дружно его поддержала и согласилась активно помогать.

Меня, помню, поразила эта идея, или, если хотите, мечта, которая показалась мне совершенно

несбыточной: армоцемент — материал высокотехнологичный; как можно строить из него что-либо в примитивнейших полевых условиях? При этом армоцемент (т. е. тонкостенный, толщиной 10–15 мм, железобетон) — материал тяжёлый; не пойдёт ли такая яхта камнем на дно при малейшей течи? Поразили и масштабы проекта: задумано было двухмачтовое судно с предполагавшейся грузоподъёмностью чуть ли не в шестнадцать тонн, с площадью парусов в сто с лишним квадратных метров, с длиной корпуса (без бушприта) одиннадцать метров, с осадкой (вместе с килем) более двух метров, с обслуживающей её штатной командой в четырнадцать человек (в расчёте на три смены в сутки при крейсерском, т. е. длительном, плавании). Мало того, меня этот «прожект» даже насмешил. «Во-первых, качественно такой корпус на берегу не сделать — можно только в закрытом цеху, с хорошей вибрацией бетонной смеси и её дальнейшей пропаркой в тепловой камере!» — возражал я и даже предлагал ему какие-то заводские варианты. Однако проблема (при строительстве в городском цеху) упиралась в то, что увезти эту махину на море — невозможно. «Во-вторых, зачем вам такой огромный корабль в тесном, зажатом горами водохранилище?» — недоумевал я. А он выкладывал передо мной свои заветные мечты: сходить на яхте на Байкал, а в дальнейшем спуститься по Енисею в Северный Ледовитый океан, пройти до Ленинграда, поплавать в Белом море, на Балтике, а где-то в туманном будущем — ещё и махнуть вокруг света!

Думаю, немаловажным фактором было и честолюбие Анатолия: преодолеть невозможное — первым в Сибири построить двухмачтовую крейсерскую яхту, да ещё железобетонную! — и был так страстен в своей мечте, что и я, в конце концов, поверил в её исполнение. Даже согласился принять посильное участие в строительстве: мне как инженеру просто стало интересно: что из этой сумасшедшей затеи может получиться?

Разумеется, самой сложной проблемой было изготовление в полевых условиях армоцементного корпуса. В Красноярске к тому времени уже применялись большепролётные армоцементные плиты перекрытий и армоцементные же оболочки; однако при формовании тонкостенных армоцементных конструкций в строительстве обязательно необходимо соблюдение нескольких очень строгих требований: наличие высокопрочного и морозостойкого цемента и тщательно отмытого от ила и глины песка, очень точная дозировка их с правильным соотношением цемента, песка и воды, непрерывное, без перерывов, бетонирование всей конструкции целиком, причём — с обязательной выдержкой толщины в 10–15 мм (что очень трудно при ручной укладке цементной смеси), тщательный лабораторный контроль за всем этим, тщательное же перемешивание бетонной смеси и хорошая вибрация при укладке бетона (укладка, как правило, делается в металлических формах на мощных вибростолах), а затем — пропаривание отформованных конструкций в герметичных тепловых камерах при температуре до 100 градусов. Как выполнить все эти требования в полевых условиях? Армоцементные конструкции были тогда делом новым (хотя красноярские строители активно ухватились за эту новинку, построили с их применением несколько уникальных большепролётных объектов и даже отхватили за них Государственную премию СССР), и информации относительно их было мало; я достал и дал Анатолию прочесть кое-какую техническую литературу по этому вопросу.

Этот разговор происходил зимой, а весной, где-то в конце мая, я впервые приехал на море, уже к Анатолию, чтобы подключиться к работе и постепенно познакомиться с командой, и увидел такую картину: на огороженной территории яхт-клуба уже появились там и сям вагончики, но большинство яхтсменов жило в палатках; кругом костры. Сам двухэтажный яхт-клуб, кирпичные эллинги и уходящий в воду наклонный слип из тяжёлых бетонных плит ещё только строились; само водохранилище было заполнено до краёв, причём выглядело удручающе: вся береговая кромка до самого горизонта, насколько хватало глаз, завалена огромными, в полтора-два метра высотой, буртами из плавника — склизких, обглоданных водой брёвен разной толщины, вместе с торчащими во все стороны корнями и сучьями; всё это беспорядочно переплетено и в то же время «дышит», так что через бурты эти, чтобы добраться до воды, опасно перелезать; кроме того, вся поверхность воды на много метров от кромки берега засорена корьём, ломаными ветвями и прочим мелким мусором; всё это — беда всякого нового водохранилища с миллионами кубометров не вырубленного и затопленного леса, который ещё много лет будет потом захламлять воду и берега.

У Анатолия — свой небольшой вагончик (правда, потом он привёз другой, больше размером, да мы ещё пристроили к нему обширную веранду). Команда, молодая, зубоскалящая, весёлая: парни, девушки, молодые семейные пары, — в палатках вокруг; народищу — уйма: за общий дощатый стол на ко́злах садилось больше двадцати человек; зато народ всё — интеллигентный, приветливый, доброжелательный (Стариковым с самого начала было установлено строгое правило для команды: никакой матерщины, никаких конфликтов, грубости и хамства; за нарушение этого правила человек бескомпромиссно изгонялся из коллектива, — и правило это неукоснительно соблюдалось: за двадцать с лишним лет я, по-моему, ничего этого ни разу не слышал).

Работа уже кипела: в небольшом котловане, выкопанном на самой кромке не тронутого разрушением берега, строился из брёвен и досок длинный ряд деревянных кружал, повторяющих (кверху днищем) обводы будущего судна, чтобы по этим кружалам затем разложить в несколько слоёв и плотно прошить проволокой мелкоячеистую сетку Рабица, чтобы уже по ней отформовать армоцементный корпус.

Работающих много; стоит толкотня; навыков работы с древесиной ни у кого нет; однако низкая квалификация молодых людей с лихвой восполняется энтузиазмом. А в вагончике за столом сидит над листами бумаги с эскизами будущего корпуса яхты «мозговой центр» из трёх человек — сам Анатолий Стариков и его самые близкие по яхт-клубу соратники: Анатолий Александрович Иванцов (гражданский лётчик, командир огромного лайнера, и при этом — самый опытный из всех остальных яхтсмен) и Владимир Зенонович Чекушин (преподаватель института цветных металлов, ставший впоследствии доктором технических наук, и при этом — страстный яхтсмен). Все трое — с характерами; они беспощадно смолят сигареты, не менее беспощадно спорят, на ходу исправляют эскизы и тут же чертят новые. О, какие кипы бумаги они извели на эскизы, пока шла стройка!.. Без конца в вагончик заходят новые люди, преимущественно — капитаны других яхт, тоже пытаются давать какие-то советы, но их в пылу спора уже никто не слушает. Тут же, на столе, — справочники и подшивки журнала «Катера и яхты», которые время от времени открываются спорщиками и служат им аргументами. Казалось бы, спор вот-вот закончится ссорой, но нет — после жарких дебатов троица наконец приходит к единому мнению; причём чаще всех в спорах побеждает самый старший из них, самый опытный и самый сдержанный — Иванцов.

И как только новое мнение рождается, Стариков выскакивает из вагончика, бежит к строящейся опалубке, и начинается новая разметка и переделка её… Мне на плотницких работах места не хватает, поэтому я сижу рядом со спорящими и даже изредка вставляю какие-то свои замечания, касающиеся моей компетенции.

Потом год с лишним на море я не был, хотя, встречая Анатолия в городе, интересовался: как там идёт строительство?.. Дело в том, что, полностью переходя на литературное поприще, я в эти самые годы ушёл с постоянной работы инженера-строителя и, чтобы заработать на жизнь «свободного художника» (хотя бы в течение зимы), уезжал с бригадой шабашников на всё лето, до осени, строить брусчатые дома при переносе посёлков из будущей зоны затопления Богучанской гэс на Ангаре, — так что в следующий раз я появился на море лишь спустя год с лишним, в середине сентября следующего года, вернувшись из очередной «шабашки». А что такое «шабашка»? Это напряжённый труд в течение трёх месяцев, почти без выходных, по четырнадцать часов в сутки; для меня это было, кроме физического, ещё и большим умственным и психическим напряжением: мне приходилось быть там не только бригадиром — надо было при этом ещё показывать горожанам-бригадникам, жаждущим зарабатывать «тыщи», но не умеющим даже правильно держать и наточить топор и пилу, что и как надо делать, причём показывать только собственным примером, да ещё и, одновременно с этим, исполнять должности прораба, снабженца, нормировщика, бухгалтера и кассира, — и меня моё бригадирство за лето так изрядно выматывало, что после «шабашки» я с месяц «отходил» от неё, стараясь ни о чём не думать и ни с кем не встречаться.

Стояла ещё относительно тёплая середина сентября, и, естественно, мне захотелось побывать на «море». Мы с Анатолием созвонились, и он попросил меня пожить там вместе с ним пару недель — помочь до осенних холодов сформовать киль строящейся яхты, и я с удовольствием согласился «совместить приятное с полезным», но с одним условием: буду жить там в будни, а в выходные уезжать домой, в город, — я уже знал, какое людское столпотворение бывает там по выходным.

И что же я, приехавши, увидел? Армоцементный корпус яхты (длиной около одиннадцати метров) был уже готов, перевёрнут днищем вниз и водружён на мощную стальную раму; оставалось нарастить под днищем железобетонный киль. Большинство материалов для этого у Анатолия уже было заготовлено. И мы взялись за дело.

По расчётам Анатолия, киль должен был быть солидным: около двух метров высотой, около трёх длиной и толщиной сантиметров в 25 (все размеры здесь я привожу на глазок — насколько позволяет память). К вертикальным арматурным выпускам, густо торчащим из-под днища корпуса, мы приваривали арматурные стержни толщиной примерно по 16–20 мм и на этих стержнях сваривали арматурный каркас киля. Затем, заполняя ячейки этого каркаса, последовательно, снизу вверх, вставляли балласт: болванки отслуживших анодов с алюминиевого завода; болванки эти представляли собой круглые металлические стержни диаметром сантиметров в пятнадцать, длиной метра в полтора и весом каждая около ста килограммов; болванок было штук 15, т. е. общим счётом (вместе с обетонированием каркаса) должно было получиться более трёх тонн балласта.

Для остальной многочисленной команды в выходные дни работы и без киля хватало: надо было шлифовать и оклеивать стеклотканью на эпоксидном клее корпус, настилать деревянную

палубу, возводить рубку, обустраивать внутреннее пространство лодки; кроме того, по окончании сборки металлической части киля предстояло этот киль ещё забетонировать.

Вот этой сборкой металлической части киля мы с Анатолием и занимались все две недели. Работа шла медленно; было много сварки, а сварщиками оба были никакими; много спорили; болванки были тяжеленными и не хотели лезть в ячейки, так что чаще всего приходилось работать ломом и кувалдой, а иногда и резать уже приваренную арматуру и снова её потом проваривать; чего-то всё время не хватало; мешали советами немногочисленные в будни яхтсмены, приходившие поглазеть на невиданное чудо красноярского судостроения, и тоже спорили, отвлекая Анатолия, а затем зазывали его «на стопарик» в свои вагончики; он охотно на эти приглашения отзывался и исчезал «на минутку»...Чаще всего это бывало уже под вечер, когда понемногу накапливалась усталость. Я тогда ещё почти ни с кем не был знаком, и меня оставляли в покое; Анатолий уходил, а я разжигал костёр и начинал кашеварить: готовить еду на вечер и на завтрашний день.

Вспоминаю теперь эти две сентябрьские недели как прекрасный, почти сказочный сон. Стояла солнечная погода, уже не жаркая, но ещё тёплая, даже ночами; вода в море, прогретая за лето, тоже была удивительно тёплой, так что окунуть в неё разгорячённое за день тело было просто блаженством.

Анатолий возвращался уже в темноте (а вечера в это время года черным-черны); при свете электролампы мы не спеша ужинали на веранде, одним углом нависшей над водой, которая тихонько хлюпала внизу, и неспешно же болтали на «свободные темы», тоже со «стопариками». Кто-нибудь приходил «на огонёк», сидел и тихо нас слушал: наши «свободные темы» уводили нас так далеко, что гость не был в состоянии вклиниться и потому не мешал... Отужинав, переходили к догорающему костру, расшевеливали его, курили, опять лениво болтали. А когда болтать надоедало—молчали. Над нашими головами в чёрном небе висели звёзды, почему-то всегда яркие и огромные осенью, и на чёрной неподвижной глади воды сияло их отражение... А когда уже и от молчания уставали и пора было идти спать, Анатолий, утомлённый красотой момента, просил: «Не могу, Сашка,—давай читай стихи!»

Дело в том, что постоянное чтение литературы, учёба в Литинституте с бесконечными контрольными и экзаменами и дружба с влюблёнными в литературу пишущими собратьями заставляли меня знать множество стихов моих друзей, стихов из современной русской поэзии, из русской и зарубежной классики... Моего знания стихов хватало на несколько вечеров. И всё же запас их в конце концов иссякал; тогда я начинал их по новому кругу, и Анатолий продолжал удовлетворённо слушать: ведь от повторения любая настоящая классика не проигрывает. Наоборот...

Хороши были и утра. На территории яхт-клуба стояла абсолютная тишина—малочисленные яхтсмены продолжали отсыпаться после вечерних «стопариков». Над водой висел негустой туман; но как только из-за высокой горы по ту сторону водохранилища выкатывалось солнце, он рассеивался, оставляя лишь прозрачную дымку, сквозь которую, как на проявляемой в бачке фотобумаге, постепенно всё чётче проступала уходящая вдаль гряда сопок на том берегу, широко распахивая светлое небо и светлую же водную гладь, и в эту голубую, прозрачную утреннюю дымку, растворяясь в ней, уходит чей-нибудь белый парус. Как в сон. А потом уже и дымка рассеивалась, и начинался новый жаркий день...

В своей жизни я успел достаточно поколесить по Советскому Союзу и много видел красивых мест: Крым, Кавказ, Восточный Казахстан, Саяны, Алтай, Дальний Восток вплоть до Сахалина,—однако осмеливаюсь утверждать, что красивей, чем на Красноярском море, места я не встречал. Не потому, что всяк кулик своё болото хвалит,—просто есть с чем сравнивать. Причём красота нашей природы—ещё и в том, что состояния её подвижны и легко изменчивы: от идиллии, в которой я тогда пребывал, до холодного мрака, который нагрянул уже вскоре после тех двух недель,—когда всё вокруг—вода, горы, небо—окрашивается лишь в одну краску, тёмно-свинцовую, по воде идут крупные, тоже свинцовые, волны, а лицо сечёт снежная крупа. Тогда сразу вспоминаешь, что ты живёшь в Сибири—а она не даёт расслабляться...

Потом уже, когда построили яхту, назвали её «Кентавром» и ходили на ней в походы,—такие состояния погоды выпадали многократно... Но даже в этих мрачных состояниях нашей природы есть своя суровая красота и—своё состояние влюблённости в неё. Особенно когда после вахты на палубе под дождём и ветром спускаешься в сухой тесный кубрик, ещё хранящий летнее тепло, да сидишь за небольшим общим столом и пьёшь обжигающий чай, а совсем близко, за тонкой, как скорлупка, двухсантиметровой стенкой корпуса, бьёт в борт штормовая волна—тогда особенно чувствуешь ещё и другое тепло—тепло тесного товарищеского круга.

Но—ещё немного о киле, который мы тогда строили. Разновременность бетонирования его—и остального корпуса—была серьёзной ошибкой и сказалась потом на герметичности корпуса: в дальнейшем именно в этом рабочем стыке корпус постоянно давал течь, ведь это сопряжение несёт самые большие нагрузки при наполненных ветром парусах и значительных кренах судна,—и сколько

мы потом ни бились над герметизацией стыка: разбивали бетон, бетонировали снова, неоднократно проклеивали стеклотканью на эпоксидном клее, промазывали разными герметиками,—всё было напрасно: корпус в этом месте тёк постоянно… Впрочем, почти все яхты потихоньку текут—ничего страшного в этом нет: вычерпать и слить за борт пять-шесть вёдер воды после недельного отсутствия для большой команды—пустяк.

Но однажды осенью, уже после окончания яхтенного сезона, «Кентавр», помнится, месяца два простоял на воде—что-то у Анатолия не «срасталось» найти тяжёлый тягач, чтоб выкатить яхту на «телеге» с кильблоком на сушу; а когда, наконец, нашёл—то попросил меня и ещё одного матроса, Сашу Конева, помочь ему. Но когда мы туда приехали—«Кентавр» стоял полузатонувшим: столько в нём оказалось воды. Анатолий, конечно же, знал, что это произойдёт, и предусмотрительно привёз мотопомпу, но мотопомпа в первые же пять минут работы заглохла намертво, так что нам с Сашей пришлось часа три без устали вычерпывать её вёдрами; думаю, что вычерпали мы тогда тонн семь-восемь и, конечно же, вымокли с ног до головы—и от воды, и от пота, который тёк с нас ручьями; а между тем уже стоял ноябрь с устойчивой минусовой температурой, и берега засыпало снегом; правда, вода в «море» была ещё довольно тёплой.

После того, как «Кентавр» спустили на воду и команда начала ходить в походы, приобретая навыки управления большим двухмачтовым судном, ещё около двух лет яхту достраивали и доукомплектовывали: ставили новую грот-мачту (взамен сломанной в шторм), удлиняли и укрепляли бушприт, дошивали (на большой ручной швейной машине) полный комплект парусов, продолжали отделывать внутреннее пространство, красили, перекрашивали и много чего ещё.

Но вот летом 1980 года, помню, я летал по делам в Дудинку, и Анатолий дал мне попутное задание: зайти в дудинскую контору Игарской инспекции речного регистра (которая давала разрешение на выход судов в открытое море—то есть, по сути, в Северный Ледовитый океан) и точно узнать, что именно для этого требуется. Я побывал в той конторе, побеседовал с её начальником и, вернувшись, письменно представил Анатолию полный реестр их требований.

В моих записных книжках до сих пор хранится черновик этих требований; вот они: наличие разрешения от Красноярской инспекции речного регистра; наличие полной бортовой сигнализации; укомплектованность экипажа аттестованными (т. е. прошедшими экзамен на профессионализм) матросами; наличие в экипаже квалифицированного штурмана и профессионального радиста; наличие радиостанции дальней радиосвязи с морским диапазоном; наличие морского навигационного оборудования (морской цифровой компас, эхолот и далее по списку); наличие форменного судового журнала; наличие полного комплекта морских карт по маршруту, а также береговых карт (лоций) с указанием бухт отстоя (на случай больших штормов); наличие полного комплекта индивидуальных и коллективных спасательных средств (спасательные круги, жилеты, надувные шлюпки или плотики); наличие пропусков на выход в открытое море от краевой милиции и пограничной службы; конкретное задание от яхт-клуба (с чётко обозначенной целью плавания, желательно значимой—к примеру, изучение мест боевой славы или истории плавания русских землепроходцев по северным морям). Кроме того, при наличии всех этих требований надо было ещё получить на Диксоне разрешение на выход в открытое море в зависимости от ледовой обстановки (а там, при всех прочих выполненных условиях, при тяжёлой ледовой обстановке могли это разрешение и не дать).

Анатолий внимательно прочитал перечень и заметно погрустнел. Опять требовалось неизвестно сколько сил, времени и, главное, денег на всё это—наверное, чуть ли не столько же, сколько потрачено на строительство яхты… Со временем из всего этого списка на яхте появился один только морской компас.

Ко времени окончания строительства нашего судна на «море» уже имелся многочисленный парусный флот самых разных размеров; во время соревнований парусных судов море пестрело от парусов. И всё же «Кентавр» был—и до сих пор остаётся—самым крупным парусным судном в истории красноярского парусного флота, его флагманом. Теперь это своего рода плавучий памятник главному создателю «Кентавра».

На территории яхт-клуба к тому времени появился целый городок из вагончиков самых разных размеров, и по выходным здесь вовсю кипела обыденная жизнь яхтсменов. Однако в пятницу вечером, когда яхтсмены съезжались в яхт-клуб после недельной разлуки, начиналась атмосфера праздника: приподнятое настроение, шумные приветствия, обмен новостями; в каждой компании накрывался общий стол, на который выкладывалось всё, что привозилось для пропитания, а также наличный алкоголь, и начинался ужин. Было похоже на то, как встречаются члены одной семьи, давно не видевшие друг друга; да так оно и было на самом деле: каждая команда становилась большой дружной семьёй, в которой все вместе трудятся, отдыхают, веселятся, делят общие невзгоды…

Когда наступала ночь, начиналось хождение друг к другу в гости, новые встречи, уже между

членами разных команд... С новой силой вспыхивали костры (благо дров было навалом), команды перебирались поближе к кострам; появлялся гитарист с песнями, а если его не было — просто начинался общий разговор со «ржакой»: перекидывались остротами, подначивали друг друга, вспоминали анекдотичные, или нелепые, или вовсе драматические истории, произошедшие некогда с кем-то из членов команды (а то и со всей командой вместе), которые остались в памяти лишь причиной для всеобщего хохота... И посиделки эти длились иногда до первых признаков рассвета.

А с утра (если это было в начале лета) — большая и долгая работа по ремонту и подготовке судна к спуску на воду, потом сам спуск на воду (который был большим, торжественным событием), потом — небольшие походы по морю (на далёкие в выходные не хватало времени), остановки в какой-нибудь уютной безлюдной бухте с купанием, рыбалкой, грибной охотой, ночёвкой у костра; и наконец (как главная награда за все труды) — единственная за лето большая безостановочная крейсерская гонка до Абакана (или до Черногорска — в зависимости от того, откуда в данный сезон начинается Красноярское море), которая длилась (вместе с возвратом в яхт-клуб) недели по две, со всевозможными приключениями в пути: грозами, штормами, изорванными парусами, поломками мачт, рулей, блоков, массой утопленных вещей, — и, конечно же, с богатыми впечатлениями и воспоминаниями на всю жизнь.

Да, Анатолий прожил большую, густо насыщенную делами и событиями жизнь... Мало того, в ноябре 1981 года он ещё пережил страшную авиакатастрофу в норильском аэропорту Алыкель, когда в условиях полярной ночи и резкой смены погоды самолёт рухнул, не долетев около 500 метров до взлётно-посадочной полосы. От удара о землю самолёт развалился на части, и эти части от инерции ещё 300 метров скользили по снегу со страшной скоростью, вращаясь и кувыркаясь при этом. В катастрофе погибло или умерло вскорости от не совместимых с жизнью травм 99 человек; 66 человек были госпитализированы с травмами разной степени тяжести; и только два человека сразу после авиакатастрофы встали на ноги и ещё помогали тотчас прибывшим спасателям вытаскивать из обломков живых, но стонущих пассажиров; одним из этих двоих был молодой член экипажа, а вторым — наш 43-летний Анатолий Стариков.

Помню, я потом тщательно расспрашивал его о подробностях катастрофы и подробностях же его счастливого спасения в ней, и он мне рассказал, что, конечно же, его спасла мгновенная реакция яхтсмена: в момент удара о землю он сумел сжаться в своём кресле в тугой комок и обеими руками защитить голову. Правда, при обследовании состояния его здоровья у него нашли перелом одного пальца и трещину ключицы, хотя поначалу, в состоянии стресса, он этого даже не заметил...

Такая напряжённая и полная опасностей жизнь, как правило, круто меняет человека. Она превратила его, скромного, воспитанного, интеллигентного молодого человека, в прожжённого «морского волка», каким он стал к концу жизни и каким, скорее всего, запомнился тем, кто знавал его только в последние годы жизни: суровым, даже мрачноватым, ироничным, немногословным человеком с непроницаемым лицом, с усталостью и некоторой медлительностью в походке и всей его фигуре, с громовым голосом и с установившейся привычкой делать резкие выговоры или едко-саркастические замечания любому нерасторопному члену команды.

Таким он стал, сумев из ничего, можно сказать, построить огромную яхту и всю жизнь потом содержать её в плавучем состоянии в те времена, когда почти ничего невозможно было купить, а — только «достать» с неимоверными усилиями, выпрашивая, выклянчивая, уговаривая кого-либо, выменивая что-то на что-то («Я тебе — краски, а ты мне — шпаклёвки», «Я тебе — эпоксидки, а ты мне — электродов» и т. д.), а то и просто потихоньку крадя на работе. Таким он стал, много лет будучи непререкаемым лидером большой яхтенной команды, пройдя вместе с ней тысячи километров, побывав с ней во множестве рискованных ситуаций, когда необходимы огромный жизненный и капитанский опыт, твёрдая воля и умение сплотить разношёрстную компанию в дружный коллектив, воспитав при этом ещё и целую плеяду красноярских яхтсменов, ставших потом тоже опытными капитанами. А ведь это непросто — сплотить в единую команду разношёрстную компанию взрослых парней или мужчин, пьющих, уставших от недельной работы, от домашних забот и неурядиц, приехавших на море только затем, чтобы «получить кайф» среди природы, когда капитан, кроме силы характера, огромной душевной энергии и умения влиять на людей, не имеет никаких других возможностей заразить их любовью к яхтенному делу, требующему от человека огромных затрат труда.

Его душевная энергия проявлялась не только во всём, что касалось яхтенного дела, — он умел (в свои лучшие годы) быть и весёлым, остроумным, любил, чтобы рядом были душевно богатые люди, интересные собеседники; именно поэтому в гостях на «Кентавре» часто бывали люди, причастные к творчеству: учёные, писатели, художники, музыканты. Так, однажды (не помню точно в каком году) на «Кентавре» даже побывал вместе со своей супругой-иностранкой Дмитрий Хворостовский; дело в том, что Анатолий Стариков

смолоду дружил с Александром Хворостовским, отцом знаменитого певца, и Дмитрий, ребёнком часто сиживавший на коленях у Анатолия, всю жизнь потом почтительно величал Старикова «дядей Толей».

Надо сказать, что команда «Кентавра» имела уровень культуры и образования выше среднего, была весёлой, остроумной, «заводной», и сам капитан мог завести и поддержать в застольях интересный для всех разговор, любил пение, сам мог при хорошем настроении затянуть густым, рокочущим басом какую-нибудь оперную арию, многие из которых хорошо знал, будучи меломаном.

Не только все капитаны яхт были с ним дружны, тянулись пообщаться, обменяться какими-нибудь техническими соображениями, сообща решить общие яхт-клубовские проблемы—но к нему тянулись все, кто его знал. Когда, например, перед соревнованиями экипаж «Кентавра» не был полностью укомплектован—в яхт-клубе всегда находились желающие пойти с ним в гонку. Впрочем, товарищество и взаимопомощь в яхт-клубе были, по-моему, всеобщими: не припомню, чтобы за многие годы среди коллектива яхт-клуба случился хоть один конфликт.

При этом Анатолий стал одним из самых признанных, самых авторитетных лидеров всего яхтенного содружества края. Для этого нужны были не только богатейший жизненный и профессиональный опыт и не только огромная любовь к яхтенному делу—но и опустошительная, безоглядная трата этой самой душевной энергии. Вот он и истратил себя, имея смолоду отменное здоровье и прекрасные физические данные и уйдя из жизни чуть-чуть раньше предназначенного ему жизненного срока.

Д*и*Н симметрия

Николай Полетаев

Песня о соловьях

Апрель окреп и потонул в лучах
И бьётся голубем ко мне в подвал,
А я хочу вам спеть о соловьях,
О соловьях, которых не слыхал.

Но только двор, и синевы кусок,
И грязь цветёт, и в золоте ручьи,—
По ним мальчишкой гнал я корабли.
Гнал на коленках, не жалея щёк.

И ночью плыл большущий мой корабль,
А я в песках, я на коне скакал,
И утром плесень—солнечная рябь,
И утром не гудок гудел, а выл шакал.

Послушно шли большие на тот вой,
А я к ручьям на двор, на грязь в цветах,
Но это всё опять о мостовой,
Ведь я хотел вам спеть о соловьях.

Это раз, но было со мной,
Синева разгорелась кругом,
И под этой под синевой
Только рожь—золотым ковром.

И потом, когда волосы мать
Рассыпала дождём по плечам,
Золотилась рожью кровать
И подвал облизался в лучах.

Вырос я и послушен гудку,
Только ночью жгут губы дня маяту,
Да вверху по тому же кусту
Звёзды горсткой сверлят темноту.

На дворе я? Нет в тёмном пахучем саду,
Полон он соловьёв и гремящего сна,
Я в доспехах сверкаю, я рыцарем с нею пройду.
Не помойкой—розами душит весна.

Вот почему, когда окошка сеть
Втянула голубя ко мне в подвал,
Мне хочется о соловьях вам спеть,
О соловьях, которых не слыхал.

1921

1919–1980

Казимир Лисовский

Основатели

Летом 1628 года, к Успеньеву дню,
при слиянии рек Енисея и Качи
построен острог «Красный Яр».
Историческая справка

— Чаль, ребята, с Дона!
Не оттуда ль
Это слово и пошло: «чалдон»?
Слышится мне в нём былая удаль,
Гром пищалей, сабель острых звон.

Вижу их, далёких наших предков,
Шедших там, где зверю не пройти,
Где за каждым камнем, каждой веткой
Смерть подстерегала на пути.

Вижу их, плывущих в утлых кочах.
Ветер лица грубые обжёг.
Вьюга снегом засыпает очи,
Волны разбиваются у ног.

Иртышом плывут, плывут Тоболом,
По Оби плывут — и там, и тут.
По чащобам, по равнинам голым
Всем смертям наперекор идут.

Исполать вам, соколы донские!
Степи за Уралом широки.
Суждены вам битвы, да такие,
Что ещё не знали старики.

Суждены вам тризны на курганах,
Злые сечи, диких стрел полёт.
И змея татарского аркана
Не к одной головушке прильнёт.

Но пьянит хмельнее браги воля,
Но постыло вечно спину гнуть.
Нелегка, зато отрадна доля:
Проторять непроторённый путь.

Тропами нехожеными,
Далями немеряными,
По рекам встревоженным,
По лесам ощеренным,
Топями да блатами,
Да хребтами бурыми,
Грудь прикрыв заплатами,
Укрываясь шкурами,

В сечи неминучие
Шли вы безымянными,
Спорили с гремучими
Море-океанами.

Много птицам надо ли,
Коль гнездо покинули?
Спотыкались… Падали…
Поднимались… Хлынули!

Хлынули, да дружными
Ручейками узкими,
Чтоб землицы вьюжные
Стали вечно — русскими!

Неужель в курганах затерялась
Дерзость этих душ и этих глаз?
Неужели только в тихий час
Песня проголосная осталась
Памятью единственной о вас?

Как ревела буря, дождь угрюмый
Падал в блеске молний не спеша,
Как сидел Ермак, объятый думой,
На скалистом бреге Иртыша.

Нет, неправда! Не напрасно ноги,
Проторяя новые дороги,
Били вы в пути, сдирали в кровь…

Встали острозубые остроги
На местах грядущих городов!

Зашумела хлебушком землица,
Избы выросли — то тут, то там.
Сколько живности и разной птицы
Развелось по этим берегам!

Лён серебряные кисти вскинул,
Поклонилась ветру конопля.
Значит, бабам новые холстины…

И встречает пахаря, как сына,
Тучная сибирская земля.

Так вот, тьму татарскую развеяв,
Предок безымянный, сердцем яр,
У слиянья Качи с Енисеем
Выстроил острог, пустырь засеял,
Дал острогу имя «Красный Яр».

Николай Ерёмин

Дружеские послания

Вечернее признание поэта Петра Ермолаева в городе Боготоле

Я купался в Чулыме,
В кучевых облаках…
Я ветрами шальными
И цветами пропах…
Взбудораженный соком
Боготольских берёз,
Я взрослел ненароком,
Я стремительно рос…
…С каждым годом прощаясь,
Никого не виню.
Каждый год возвращаюсь,
Навещаю родню.
И берёзовым соком
Меж друзей и родных
Поминаю усопших,
Понимая живых…
И в Чулыме купаюсь,
И смываю года,
Чтоб уехать, не каясь,—
Неизвестно куда…

Экспромт, написанный за Матвеичева после вручения ему казачьего Железного креста имени Ермака Тимофеевича

Кто я?
Русский, и казах,
И монах, и вертопрах,

Я—
Матвеичев, поэт,
И меня надёжней нет:

И кадет,
И либерал,
Я судьбы не выбирал…

И не зря
Мне орден дал
Кривоногов, генерал!

Postskriptum:

Вновь
Судьбой Матвеичев храним:
Все кресты—на нём, а не над ним.

● ● ●

Задумавшись крепко—печаль на лице,
Лесник Бондаренко сидит на крыльце.
Шумит за спиной вековая тайга.
Блестит сединой борода лесника.
Всё ближе, всё глуше вечерняя тишь.
«Признайся: о чём, Бондаренко, грустишь?»
И он отвечает: "Да так, ни о чём…»
И тут же, серчая, поводит плечом:
«Всех бед и забот моих не перечесть.
Садись!»—«Отчего ж,—говорю,—не присесть?»
И вот, он—печален, я—рядышком, рад,
Сидим на крылечке, смолим самосад.
И смотрим за дальнюю кромку лесов,
И всё, что хотим, понимаем без слов…

Наполеон

А. Третьякову

Ты хочешь знать, что сделал он,
Когда допил «Наполеон»?
Он перед зеркалом—с поклоном—
Назвался сам Наполеоном
И стал размахивать руками,
Как бы командуя войсками
И в бой ведя… В конце концов,
Перебудил он всех жильцов
И стал гонять их, взяв «на мушку»…
Пока не угодил в психушку.
Его я нынче навещал—
И жалко было мне беднягу,
Когда он выдать обещал
Мне «высший орден—за отвагу»…

Поэту Полуяну, перебегающему дорогу на красный свет

Среди людской неразберихи
Ты будешь, был и есть таков:
Умён, как трезвый Кузнечихин
Или как пьяный Третьяков.
Наперекор автомобилям
Бежишь, стихами обуян,
Бесстрашный и любвеобильный—
О!—полупьяный Полуян…

Посвящение Астафьеву

Когда Виктор Петрович Астафьев приехал в Красноярск из Вологды, мы часто встречались с ним в редакции альманаха «Енисей». Литературная жизнь вокруг альманаха оживилась. Напечататься на его странифцах вместе с Астафьевым мечтал каждый. И ответственный секретарь Иван Владимирович Уразов всячески способствовал этому. Однажды я прочитал в присутствии Астафьева стихотворение «Жаль, не играл я на белом рояле», и оно ему понравилось. Это послужило причиной возникшего посвящения.

В. П. Астафьеву

Жаль, не играл я на белом рояле,
Жаль, не скакал я на белом коне
В день, когда, белые листья роняя,
Жертвенный лес наклонялся ко мне…

Жаль, что не встретил я женщину в белом,
Не проводил её в белую ночь,
А, остывая душою и телом,
Следом за листьями бросился прочь…

И, побелевший уже: «Это я ли?»—
Думал, и видел, и слышал во сне,
Как я играю на белом рояле
Женщине в белом на белом коне…

Стихотворение появилось в альманахе «Енисей». Виктор Петрович Астафьев его, конечно же, прочитал. А композитор из Шушенского Серафим Прокопьевич Щукин написал на эти стихи романс, который прозвучал по красноярскому радио, и сейчас он звучит с лазерного диска. А Виктор Петрович любил слушать романсы, да и сам, под настроение, был не прочь спеть в компании соло или хором, под гитару…

Приглашение в «День поэзии—2013»

Марине Саввиных

1.

О, если бы я знал, кто будет *там!*
Я шёл бы вслед за ними по пятам…
А нынче, сам не зная, на беду,
Один в пустыне наугад бреду—
Надеясь, что в скитаниях моих
Примкнёт ко мне Марина Саввиных…

2.

Спасибо за стихи вам!
Видит Бог—
В них аониды плачут и смеются…

Настанет срок—
И ваши двести строк
В грядущих поколеньях отзовутся!

14 октября 2012

Стена

С. Кузнечихину

А жизнь нет-нет да и подкинет тему…
Ну, скажем, как мой друг стремится стену
Лбом прошибить… Огромный умный лоб.
Да и стена огромна. Нужно, чтоб
Он обошёл её… А он не хочет,
Гневливо квохчет, как весенний кочет…
Старинная кирпичная стена
Молчит в ответ… Вся в трещинах она…

В. Белкину

в ответ на стихи из новой книги «В дни великой смуты»

Во времена великой смуты,
Когда неясно—что и как,
Зачем, о чём ты и кому ты
Поёшь, встревоженный земляк?
Когда никто не хочет слушать
И подпевать словам твоим,
Поёшь: «На море и на суше
Мы все не знаем, что творим!..»
В ответ—мелодия одна лишь:
«Кто был ничем, тот станет всем!..»
А ты и голос надрываешь,
И струны звонкие… Зачем?
Когда настойчиво и властно
Лжёт теле-радио-печать,
Ты вновь пытаешься напрасно
В сердцах толпу перекричать…
Чтобы себе, а не кому-то
Признаться, песней песнь поправ:
«Во времена великой смуты
Я был один, к несчастью, прав!»

Гитара

Геннадию Васильеву

Мы пустили гитару по кругу,
Чтобы вспомнить минувшие дни…
Чтобы вновь, подпевая друг другу,
Убедиться, что мы—не одни
И что нет нашей дружбы чудесней,
Потому и поём—чуть дыша
От восторга—заветные песни,
Без которых душа—не душа…
Без которых мы сами едва ли
Что-то значим—не зря мы опять
Песни старые припоминаем…
Ну а новых нам—не занимать.
Я к гитаре тяну свою руку—
Мне она в этот миг так нужна!
И гитара стремится по кругу,
И звучит за струною струна…

Первомайский сонет

Светлой памяти Виктора
Петровича Астафьева

Помню развесёлые гулянки—
Берег Енисея у Овсянки…
Как вокруг Астафьева народ
Собирался в дружный хоровод…

Всё, о чём мы пели, что любили,
Боже мой, о чём ни говорили,—
В мемуарах издано давно,
Много раз показано в кино…

Вот—часовня… Вот—библиотека…
Есть где помолиться… и опять
Вспомнить дорогого человека
И его «Царь-рыбу» почитать…

На дворе—желанный Первомай.
Жди, Петрович, нас, не забывай!

Приглашение на праздник

Ивану Захарову

Хочу побыть па празднике!
Ах, я устал, ей-ей…
Иван, поедем в Вязники
На праздник поскорей…
Где с песнями Фатьянова
Соперничает тишь,
Где трезвого от пьяного
Почти не отличишь…
Где слышится гармоника
У каждого крыльца,
Где мы, взгрустнув легонько,
Нальём себе винца,
И сядем под окошко,
И станем песни петь
В надежде хоть немножко
Душой помолодеть,
Где будет вторить нам с реки
Влюблённый соловей…
Иван, поедем в Вязники
На праздник поскорей!

Псевдоним

—Нету любви! Нету!
Роман Солнцев (Суфиев)

Как было можно жить поэту,
Сказавшему,
Что нет любви…
И вдаль идти по белу свету
По бездорожью
Меж людьми…
Где каждый—мрачен, нелюдим?..
…А светит
Только псевдоним…

Бондаренко уходит в тайгу

Бондаренко уходит в тайгу,
Оставляя следы на снегу…

За спиною несёт он ружьё—
Берегись, разбегайся, зверьё!

Он, прощаясь, сказал мне: «Поверь,
Нынче сам я голодный, как зверь.

А на полках моих—ни фига!
И поэтому манит тайга…

Кто я там? Сам себе господин!
И, надеюсь, непобедим».

Бондаренко уходит в тайгу.
Снег скрипит… А вокруг—ни гу-гу…

И пока что ему невдомёк,
Где медведь, где сохатый, где волк…

Эдуарду Русакову накануне дня рожденья

Был когда-то Русаков
Членом многих редколлегий
И имел—таков-сяков—
Очень много привилегий…

Но сменились времена—
И осталась—вот те на!—
Точно верная жена,
Привилегия одна:

Позже лечь и раньше встать—
И писать, писать, писать!
Больше всех и лучше всех,
Без особенных помех…

Чтобы к октябрю опять
Книгу новую издать
И сказать, как джентльмен:
—Хорошо, что я—не член!

9 января 2011

Бадалык

Неужто мы дружили?
И Зорий, и Роман…
И по соседству жили…
И вместе—ох, обман!—
За славою спешили
И год, и день, и миг…
Чтоб опочить в могиле
В деревне Бадалык…
Вот Солнцева надгробье…
А вот и Яхнина…
Как много—«За здоровье!»—
Мы выпили вина…
Доигрывая роли
В хмельные времена…

Александр Чичерин
Я надеюсь, что Бог нам поможет

Письмо старому поэту

А. И. Щербакову

О чём тоскуешь ты, поэт?
О чём опять взываешь к людям?
Страны Советской больше нет
И никогда уже не будет.

Теперь другие времена:
В них много подлого и злого,
В них перспектива не видна
Для поэтического слова.

В них голос правды всё слабей,
Призывы к совести всё тише,
И только стаи голубей
Сидят по-прежнему на крышах.

Цветёт по-прежнему сирень,
Восходит солнце в небе чистом,
И наступает новый день,
Как и тогда, при коммунистах.

Шумят большие города,
Безмолвны малые селенья,
Всё тех же мыслей череда
Из поколенья в поколенье

Передаётся сквозь века,
И в этой вечной эстафете
Доносится издалека
Непреходящее на свете.

Пусть, откровенно говоря,
Любая жизнь пройдёт мгновенно,
Но ты, поэт, страдал не зря,
И слово мастера нетленно.

Прими мой искренний привет!
Преодолев тоску и скуку,
Другой, но родственный поэт
Тебе протягивает руку.

Старость

И мне уготован судьбой
Со смертью, идущей по следу,
Последний решительный бой
Без шансов, увы, на победу.

• • •

Обереги, Господь, обереги!
От подлости, от помыслов лукавых,
От фанатизма, от слепящей славы—
Они и есть коварные враги,—

От мелких мыслей, суетных идей,
От страхов и волнений пустяковых—
Они и есть гнетущие оковы
Для ищущих и страждущих людей.

Но если жребий брошен—не спасай!
Дай встретиться лицом к лицу с судьбою.
Когда готов Твой сын любимый к бою,
И к подвигу, и к смерти—не спасай!

Надежда

Я надеюсь, что Бог нам поможет:
После всех тяжелейших невзгод,
В двух шагах от погибели, всё же
Возродится великий народ.
Кто сказал, что враждебные козни
Прекращаются сами собой?
Но стихают раздоры и розни
У людей перед общей бедой.
Забываются склоки и свары
И стираются с лика Земли,
Чтобы снова влюблённые пары
В наших парках встречаться могли.

• • •

В любви не ищи идеал,
Подсказки не жди от учителя,
Лишь собственный опыт мучительный
На высший поставь пьедестал.

Иная красива, умна,
Нарядная, статная, видная,
Но доля твоя незавидная—
Хлебнёшь с нею горя сполна.

Что слово ни скажет, то ложь.
Расстанешься. Песня короткая.
Но встретится женщина кроткая,
С которой до смерти живёшь.

Тамара Пирогова

Жизни нескончаемая память…

● ● ●

Залитый солнцем августовский вечер
Зовёт меня куда-то наугад.
И каждый путь несёт мне радость встречи,
И птичьи песни счастье мне сулят.

Я складываю скромные пожитки:
Ведь август обещает чудеса.
А сердце, как воздушный змей на нитке,
И мечется, и рвётся в небеса!

Спасибо, князь!

Сюда пришёл ты, всемудрый княже,
И рёк: «Мы город поставим здесь.
Когда потомок спасибо скажет —
Мы сквозь столетья услышим весть!»
И вот стою я в огнях витринных,
И шепчут губы: «Спасибо, князь!»
Всё чаще думы о днях былинных,
Всё крепче с сердцем народным связь.

● ● ●

Высокий берег. Волга не спеша
Уносит в дальний путь свои глубины.
В них растворились шорох камыша,
И вёсел взмах, и рокоты турбины.

В них светятся ушедшие века
И воинов победные доспехи…
Бежит, бежит великая река
И по столетьям расставляет вехи.

● ● ●

Время любви в разгаре.
Август, не торопись!
Лето ещё мне дарит
Полную света жизнь.

Льются дожди косые,
Радуги-миражи.
Мы по тропе, босые,
В рощу с тобой бежим…

Дни будут всё короче.
Выстудит дождь стекло.
Буду хранить меж строчек,
Август, твоё тепло.

● ● ●

Морозной ночью пишутся стихи
О том, что мир во тьме глухой затерян…
О Господи, прости нас за грехи
И дай нам путь, который будет верен!

Окно покрыто мглою ледяной,
И не видать конца суровой ночи…
Всё не хватает мне строки одной,
Единственной среди случайных строчек.

Героям 1812 года

Их имена начертаны на стенах
Святого храма имени Христа.
Их души — здесь. Их подвиг —
в наших генах.
Над их судьбою — золото креста.

В молитвах наших оставаясь с нами,
Они навечно обрели покой,
Но держат над землёй родное знамя
Своею богатырскою рукой!

● ● ●

Нежданно снег сошёл с небес
Некстати, рано.
И непривычен белый лес,
В саду — всё странно…
Зачем ему так рисковать?
Ведь он растает!
Но кто-то хочет колдовать —
И снег летает.
Но кто-то хочет изменить
Наш мир уставший,
А может, просто подразнить
Листок опавший…

● ● ●

Дождь бросает в тихий вечер
Брызги серебра.
Капли падают на плечи,
Вся трава мокра.
Каждый листик шепчет: «Здесь я
Радугой зажгусь…»
Пусть сияет в поднебесье
Сказочная Русь!

● ● ●

За вагонным окном всё мелькают берёзы,
Словно силятся поезд догнать.
Но лишь нежный и горький дымок тепловоза
Остаётся стволы обнимать.
Так составы судеб громыхают сквозь годы,
Остановок не будет в пути.
Говорят, ностальгия выходит из моды…
Хорошо бы вот здесь и сойти.

● ● ●

Кончилось время смешков и пародий,
Стала золой золотая листва.
Ветер холодный по улицам бродит —
И остывают земля и слова.
В мире всё тише, мрачней и тревожней.
В тёмную заметь уводят следы:
Там, прижимая к ветвям осторожно
Новые почки, притихли сады…

● ● ●

Узкая знакомая дорога.
Вдоль неё — черёмухи кусты,
Жёлтых одуванчиков морока…
Полем до деревни — три версты.
До сих пор там ждут меня, я знаю,
И привычен молчаливый путь.
«Вот моя деревня…» — вспоминаю.
Некуда от родины свернуть.

● ● ●

Запуган и жалок мир бренный —
Тиранит ковид всех людей.
И каждый сидит, словно пленный,
В квартире смиренной своей.
Один защищается маской,
Другой ждёт спасенья с небес,
А третий всё стонет с опаской:
— Кто снимет нам с плеч этот крест?..

● ● ●

Природа листает поспешно
Потрёпанный свой календарь.
То май закурчавится нежный,
То иглами колет январь.
И нет никакой передышки
Усталым наездникам дней,
И плачут они от одышки,
Своих проклиная коней.
А время в тупик загоняет…
И вдруг открываешь простор:
Как солнце сегодня сияет!
Как тонок снежинок узор!

● ● ●

В поле заснеженном — тихий свет,
Солнца усталый взгляд.
Кем-то оставленный лыжный след
Тихо пронзил закат.
Сумерки нежно обняли даль,
Кончился зимний день…
Как безответна земли печаль
Перед уходом в тень!

● ● ●

Спускался белый снег с небес
Торжественно и тихо
На ближний дом, на дальний лес…
Божественная прихоть!
Небес немая благодать
Ложилась мне на плечи,
И мне хотелось снегом стать —
Лететь в твой день и вечер…

● ● ●

Кленовая жизнь золотая, —
Недолго ей быть золотой.
Листва, над землёю летая,
Лепечет куплетик простой,
Куплетик заигранной песни:
«Мгновенья уходят, лови!»
В ладони мне падает вестник
Нечаянной чьей-то любви…

● ● ●

Срываются яблоки с веток,
Лежат на холодной земле.
Уходит, прощается лето…
Я помню, как в Божьем тепле
Плоды созревали на воле,
Был сад — словно маленький рай.
И вот в золотистом подоле
Их осень несёт: «Забирай!»

● ● ●

Что ты задумалась, осень, —
Вновь этот мир постарел?
Всех нас однажды уносит
В тёмный незримый предел.

Падает золото листьев
В липкую грязь октября.
Свет нестареющих истин
Льётся, надежду даря…

Летели птицы на закат,
Что догорал вдали сурово…
Как этот мир велик и свят,
Я поняла в тот вечер снова.
Мне открывалась тайна тайн…
Как будто ангелы летели
Среди негромких птичьих стай,
Среди мороза и метели.

Я слушаю шёпот листьев.
Пора им, пора в полёт.
Вся мудрость извечных истин
В багряной листве живёт.
Ветра на ветвях качают
Восход и закат земной…
То радостно, то печально
Шепчитесь, друзья, со мной!

Резные листья
Летят во мрак.
А ветер-мистик,
Осенний маг,
Вовсю колдует,
Несёт их вдаль.
Да, всё минует…
Но мне их жаль!..

ДиН ревю

Ирлан Хугаев

Конец света, или Всё будет хорошо

Пастельные сцены
Ridero, 2021

Повесть о любви, преодолении одиночества и вечном торжестве света. «Свети, солнышко наше, отогрей сердца озябшие, пробуди ото сна прошлогодних комариков, воскреси вчерашних гусениц для райского порханья над садами земли, уврачуй наши недуги, рассей наши сомненья, сумерки наших скорбей и отчаянья! Пусть всегда будет Солнце!»

«Она, не моргая, смотрела в потолок; медленно намотав прядь волос у виска на указательный палец, она задержала дыхание, а потом тихо выдохнула:
— Тогда скажи ещё: жизнь коротка или длинна?
— В самый раз.
— Почему?
— Потому что она и длинна, и коротка, и ни длинна, ни коротка.

Жизнь точно такова, что как бы мы ни сказали о ней, длинна она или коротка,—это будет одно и то же. Золотая середина.

Он тоже говорил тихо, но её тихий голос был в то же время так ясен, явен и певуч, что ему казалось, что он говорит слишком громко и его гнусавый тенор неповоротлив и груб.
— Но ведь все живут по-разному длинно?
— Или по-разному коротко.

Она немного помолчала, повернув голову к окну.
— Это, конечно, умно, как всегда; но я не согласна. Не с тобой, нет, а с тем, как это устроено. Несправедливо.
— Мы не можем судить, справедливо это или нет. Никто не может поручиться, что там хуже, чем здесь.
— Если там лучше, чем здесь, то опять несправедливость: уже по отношению к тем, кто задерживается здесь, кто живёт длинно.
— Ничего. Можно и подождать… И теперь представь себе того, кто живые души блюдёт, кто рай блюдёт. Забирая к себе наших друзей, он не столько сочувствует нам, не знающим его доброты, сколько умиляется на наше горе. Он улыбается, как улыбаются дедушки, глядя на слёзы внучат, и говорит, хотя его и не слышат, не понимают: „Ну, простите меня, старика, не обижайтесь, что разлучаю; увидитесь ещё, детки, не плачьте, родимые; всё будет хорошо“.

Ирлан Хугаев, доктор филологических наук, известный литературовед, историк осетинской литературы, в то же время автор оригинальной реалистической прозы и лаконичной, глубокой философской лирики, которые публиковались в литературных журналах России и за рубежом. Издано несколько книг Ирлана Хугаева. По его рассказу «Ласточки прилетели» снят одноимённый художественный фильм. Писатель не только участвовал в создании сценария картины, но и сыграл в ней главную роль.

Михаил Иверов

Мальчишка мастерит огниво

* * *

Моя промзона на семи ветрах
была в тот день не видима с радаров.
Я нёс большое зеркало в руках,
нащупывая путь среди ангаров.

Я не хотел пуститься во всю прыть
и в три прыжка достигнуть поворота:
несдержанный, я мог бы ослепить,
я мог поранить запросто кого-то.

В тот день не странно выйти было мне
в Трастевере окраиной Кабула.
Полуфигура женская в окне
заводоуправления мелькнула.

Приметы наблюдая, как авгур,
не рвись вперёд, не делай остановок.
О, где ты, мастер мой полуфигур,
и ты, искусный мастер драпировок?

Домашней книги, мраморных мадонн,
книг хоровых далёкого Ассизи
(промзона ли вокруг, Армагеддон,
закатный луч забрезжил на карнизе),

игральных карт и вышитой листвы,
садов любви и ангелов мятежных—
всех мастеров не вспомните и вы,
всех прозвищ их, таинственных и нежных.

Гудели трубы на семи ветрах.
Прислушиваясь к фуге и токкате,
я нёс большое зеркало в руках,
и зеркало сверкало на закате.

* * *

Не всё оцифровано в мире,
как, может, хотелось бы вам,
но ангелам тесно в эфире
и не протолкнуться словам.

Должно быть, кривая и вектор
придуманы были не зря,
и всё же порой архитектор
приметит в руках кустаря

простую и ясную форму,
а к ней—немудрёный приём,
и нам как высокую норму
представит в салоне своём.

Из малой, но верной детали
выходят во всей полноте
и средние планы, и дали,
и то, чего нет на холсте.

А я, записной литератор,
своей увлечённый игрой,
прозрений чужих арендатор,
а чьих—и не знаю порой,—

хотел бы я стать анонимом,
совсем позабыв о себе,
в сознании, может быть, мнимом,
причастности общей судьбе,

чтоб тихой свечой в изголовье,
свеченьем ночных облаков
светило мне Средневековье
из варварских тёмных веков.

* * *

При приближении к сущности вещи раздваиваются.
Жан Парвулеско

На Маленковской ставят турникеты—
последняя на линии судьбы,
где не нужны ни деньги, ни билеты,
где выходил, бывало, налегке ты
и шёл на зов архангельской трубы.

Не римский лагерь—тихий околоток
в начало положив координат,
сошлись отроги сталинских высоток.
Сквозь арку из растений и решёток
ты входишь в лес, как римлянин в сенат.

Снуют дворняги местные при входе
в Сокольники—разбойничий собор!
Мы говорим с тобою о природе
чуть слышно отражённых в небосводе
двоящихся вещей, и разговор,

как Сириус, спешит вослед Плеядам,—
пёс Ориона. Хитрый, словно лис,
дворовый наш всё время где-то рядом,
назло и турникетам, и оградам.
А там—корнями мощными сплелись,

вот этот пень был дуб, а этот—ясень,
увенчан каждый множеством колец,
союз их тесен, подвиг не напрасен,
стоят, как декорации для басен,
как папа с патриархом, наконец.

Двуликий Янус—те же атрибуты,
что у Петра-апостола—ключи,
а если так, архангела трубу ты
в последние ужасные минуты
поди ещё от флейты отличи.

Пока ещё тревожные приметы—
не предзнаменования, пока
пленяют нас нам чуждые предметы,
не говори, пожалуйста, при мне ты—
Пруд-Ключики и Нищенка-река.

Прикладываешь раковину к уху
едва ли не под соплами ракет,
а я не верю зрению и слуху—
двоится всё. Хватило бы мне духу
шагнуть через последний турникет.

Мальчишка мастерит огниво

Мальчишка мастерит огниво,
он в тайну некую проник.
Проходишь мимо—эко диво,
но вдруг, закрыв глаза, счастливо
ты им окажешься на миг.

…По крышам, чердакам, сараям—
носило нас бог знает где,
и вслед за стареньким трамваем
гурьбой бежали к чёрным сваям,
к днепровской гибельной воде.

Торцами спичечных коробок
мы прижигали каблуки:
мой друг—помладше, но не робок,
и вот уж мчимся с ним бок-о-бок,
светясь во мгле, как светляки…

Где этот миг благословенный?
Он промелькнул и вышел весь.
Где этот мальчик? Во Вселенной,
отваги полон дерзновенной,
шагает или мёртв—бог весть.

И пусть я что-нибудь забуду,
но искры от его ботфорт
летят и проникают всюду:
от слов простых, подобных чуду,
и до сетчаток и аорт.

* * *

Едва касаясь шеи и плеча,
кувшин летает в воздухе горячем,
не смальта под ногами горяча—
земля в сюжете древнем и бродячем,
кувшин парит под самым потолком,
а нам—не разминуться у колодца.

…Кого ждала ты, грезила о ком?
Любовь проходит, ревность остаётся.
Смеялась, говорила мне, что вот
нет у судьбы каких-то чётких линий,
что красота себя не сознаёт,
что глупость как-то связана с гордыней.

Повеяло прохладой от вершин.
Вечерний час, стремительный и краткий,
колодец, небо, воду и кувшин,
одежды ритмизованные складки
туманом или облаком укрыл—
видение двоилось на тропинке,
но где-то там ударом мощных крыл
свои соединило половинки—
и хлынул дождь. А чёрточки у лба,
и глаз разрез, и профиль слишком резкий?—
Всё что угодно, только не судьба
в пустом дому колышет занавески.

Ксения Август

Солнечные параллели

• • •

Дубы святые жёлуди несут
в трухлявом пне, похожем на сосуд,
и небо опирается на посох
фонарных пилигримов. За плечом
моста твой путь становится лучом,
и листья, замирая в разных позах

на простыне земной, играют блюз.
Я больше никуда не тороплюсь,
но выдыхают песни пара Лели
стыдливых красок и пустых высот,
и пробегает ночь наискосок,
минуя все земные параллели.

На ветках застывает звёздный воск,
и мир, открытый настежь, как киоск,
раскладывает на витрине прессу
полночных туч и листопадных схим,
и окрыляет штампом заводским
письмо, в котором слог твой сжат и пресен,

и, оплетая небо, снов лоза
через стекло глядит в твои глаза
и, наглядевшись вдоволь, попредметно
раскладывает ночь из длинных лиг
на фразы, и твой мир, что не велик,
величьем наполняет воздух медный.

Становится случайным перелёт
из лета в осень, неслучайным—лёд
в душе моей. Из лунного опала
искра сбегает в подвенечный бриз
рассвета. Выступ времени—ребрист,
и там, за ним, листва уже опала.

И на излёте белогривый ров
сбегает в погреб по ступеням строф,
в кадушку слова. В зареве, пропетом
десятки раз, но всякий раз иным,
нет вдохновенья, нет моей вины,
лишь осень за небесным парапетом.

• • •

За кирпичным склепом—ежевика,
за молчаньем шторы—шорох фраз,
посмотри на небо и живи, как
в первый раз и как в последний раз.

Сам себе и воля, и темница,
закрывай внутри себя ключи.
Видишь, засыхает медуница
там, где птица больше не кричит,

и спешит тропа твоя из дома
в сизый плен тернового куста,
но строка, как в детстве, невесома,
а душа по-прежнему чиста,

нет в ней ни запрета, ни предела
чуда, есть полётная строка,
только бы душа не оскудела,
только бы не дрогнула рука,

и весны, и воздуха хватило
досказать, домыслить и допеть
миг тот, что раскачивал кадило
лунное и солнечную сеть,

и к нему на грудь слетала дрёма,
и в его ладонь ложились мхи,
а в моей сейчас клубок черёмух,
видишь, и огарочек ольхи.

Только не гляди вперёд с опаской,
я с тобой, а значит—не страшись,
упразднится смерть с Господней Пасхой,
и опять случится с нами жизнь.

● ● ●

Хрустит каждый камешек, как позвонок,
внутри пересохшей речки,
безумствуй, кричи, телефонный звонок,
но помни и веруй в речи.

Мороза дыхание, ветра гудки,
миграция снежной стаи,
уже не облако — белый кит
наш дом целиком глотает.

В его животе не могила — цех,
там плавятся песнь и слово,
ты что-то кричишь мне на том конце —
и я выживаю снова,

и вновь обретаю покой и мир,
но чувствую хрупкость крова
и жизни твоей, между нами — миг
длиной в телефонный провод.

А город кружится в руках зимы,
и сыплется снег на счастье,
в коротких гудках умираем мы,
чтоб в длинных опять начаться.

Моё дыхание сбереги
от тех, кто на холод ропщет,
и мы пройдём мимо той реки,
где ждёт нас седой паромщик,

и воды льнут к нему и, рыча
на небо, наш берег точат,
но давит ангел мой на рычаг —
и нас разделяет тотчас.

● ● ●

К тебе летит орёл двуглавый,
ко мне — крещенский голубок,
я выхожу на берег Лавы,
где нити трав, верстая главы
зимы, закручены в клубок,

и снежный ком в речной гортани
стоит — ни вскрикнуть, ни вздохнуть.
Челнок рассвета по батане
воды бежит и в Иордане
крещенья ждёт, расправив грудь.

И выгибаются глубины
хребтами рыбьими, по дну
скользят чешуйчатые спины,
вода горчит, как горсть рябины,
и вслед за духом голубиным
летит к раскрытому окну

на крыльях солнечной метели,
на белых мётлах тишины,
и я не знаю, на кресте ли
распяты крылья свиристели
или над нами скрещены.

● ● ●

Лучики-пальцы приподнимают ловко
ясли за уголки невесомой тени.
Что ты мне скажешь, шёлковая головка,
золотое темя?

Нет ни волов, ни овец у нас — только звёзды.
Падать начнут — будем плести корзину.
Сколько тревог и радости мне принёс ты,
чтобы наполнить зиму?

Сколько любви? Оставь. Мне делиться не с кем.
Снег мой пернатый кружится над лесами.
Там, под звездой, наверное, Вифлеемской,
хлев наш стоит, и сани

по лесу мчатся к снежному Назарету.
Тень на ладони вечера легче пуха.
Хочешь, коснёшься облака на заре ты
ризой Святого Духа?

И ни волхвов не случится, ни стад пастушьих
к нам не придёт — дары не нужны ничьи нам.
Только над нами будут служить, послушай,
звёзды соборным чином.

● ● ●

Солнечные параллели, между ними на
зелёном стержне утра звенят монеты.
Давай придумаем птицам новые имена,
давай придумаем людям новые имена
и назовём этими именами созвездия и планеты.

Из витража событий осколок сам
медленно выпадает и бьётся оземь.
Давай разложим ветер по голосам,
давай запомним ветер по голосам
и голосами этими заполним наш дом и осень.

Там, где случится радужный перекат,
на мелководье неба мелькнёт зарница.
Давай откроем новые берега,
давай охватим новые берега
руками сосен, весною, что в них хранится.

Ветреное созвездие срывая, ты просто не
думай про силу мифов и аллегорий.
Давай пройдём по солнечной простыне,
давай взойдём по солнечной простыне
на облако, останемся там, в радости или в горе.

В сердце своём и в слове ты бунт твори,
не разбирая, что в море том: остров, мыс ли?
Давай найдём мы старые буквари,
давай откроем старые буквари
и выучимся по ним, как в детстве, читать и мыслить.

Владимир Шанин

Лазурит

У Анны погиб муж. Летел с геологами в Приангарье, и что-то там с самолётом случилось. Погибли все: двое пассажиров и он, пилот. Позже Анна услышала: уговорили Петра эти ненормальные двое — будто знали, где им помереть, и очень торопились.

И хотя прошло несколько лет, Анна ждала его. Ей казалось, что муж всего лишь в длительной командировке и что вернётся со дня на день. Она не видела его мёртвого, а только памятник, который показали ей на кладбище, да толпу людей, что стояли у могилы, смутно помнила, однако не верила ни серому камню, ни тому, что под ним может лежать её Пётр. Друзья-лётчики не открыли гроб, не показали ей, что в нём, и потому Анна не верила и ждала.

Каждый год в день гибели мужа Анна приезжала в аэропорт, заказывала в ресторане сухого вина — помянуть. Из одного фужера она медленными глотками тянула вино, другой же, наполненный до краёв, отставляла, смотрела на этот одинокий фужер, многое вспоминая, и видела одобряющую Петину улыбку: «Ну-ну… что же ты? Мокро разводишь…» Потом она выходила слушать мощный утробный рёв самолёта, улетающего в Богучаны, желала ему счастливого полёта и долго смотрела вслед. И только после этого садилась в троллейбус и ехала домой.

Поженились они сразу же, как только Анна окончила институт, а до этого около года дружили. Пётр хотел ребёночка — обязательно девочку, но Анна каждый раз, когда разговор заходил о детях, подтрунивала: нормальные мужики больше о сыне мечтают, он — о дочери…

Анна подумала: был бы ребёночек — может, и прошла бы тоска по мужу, она забылась бы в заботах о нём, а так — пусто в душе, как в бездонном колодце.

Мимо столика проходили люди. Мужчины заигрывали с одинокой женщиной, не скупились на комплименты, набивались в попутчики, но все они казались Анне на одно лицо. Она просто не замечала их. Она ждала того, кого потеряла однажды: а вдруг всё это неправда и он объявится?

На этот раз Анна увидела его…

Увидела и растерялась: фигурой, походкой и даже оттопыренными ушами незнакомец походил на её Петра. Бывает же такое сходство!..

«Совсем уж с ума схожу, — подумала Анна. — Всё мерещится: он, он…»

Незнакомец покрутил головой — видно, искал, где посвободнее, и… глаза их встретились.

«Господи! — похолодела Анна. — Петя… Живой Петя!» Ей хотелось, чтобы он заметил её и ни за какой другой, кроме её столика, не садился, чтобы заговорил первым, а она бы ответила и за разговорами разглядела: так ли похож, как ей показалось?

Мужчина скользнул по ней отсутствующим взглядом, потом ещё раз и, как бы споткнувшись, посмотрел с удивлением: чего, мол, уставилась? Постоял, раздумывая, подойти или не стоит, улыбнулся и решительно направился к Анне.

«Надо же, — тревожно отметила про себя Анна. — Улыбка почти что Петина. И губы…»

— Свободно? — услышала она глухой, с хрипотцой, незнакомый голос и разочаровалась: у Пети голос мягче, с едва уловимой картавинкой — когда он говорил, то в горле у него что-то соскакивало и тормозило букву «р».

— Пожалуйста, — ответила Анна. — Не занято.

— Ну, я сажусь, да? Вдвоём оно всегда веселее.

Анна пожала плечами.

— Конечно, веселей, — самоуверенно, с молодецкой игривостью, произнёс мужчина и прочно, будто собирался сидеть до утра, утвердился на стуле. — А этот… что? — кивнул на фужер. — Ушёл?

— Да нет, — смутилась Анна, — так… поставила. Если хотите — угощаю.

— Спасибо. Я коньячку закажу.

Он небрежно, ребром ладони, отодвинул фужер с вином в сторону, отчего у Анны шевельнулось в груди ревнивое чувство: «Это же Петин! Разве можно?»

— Давайте знакомиться.

Анна назвала себя, и мужчина протянул через стол свою широкую, как шпаклёвочный мастерок, твёрдую, крепкую руку:

— Михаил я. Варенцов моя фамилия. Комбайнёр.

— Очень приятно. И профессия хорошая.

Теперь Анна смело его рассматривала.

Это был точно сбитый, широкий в кости, крутогрудый человек с большими и очень сильными руками. «Петя слабее был, — отметил Анна. — Хотя… Ну конечно же, этот, наверное, мешки с зерном легко перекидывает. А мой Петя — интеллигент».

В Михаиле ничего не было интеллигентного: грубое, посечённое ветром лицо, острые выпирающие скулы гладко синели после недавнего бритья, тупой раздвоенный подбородок тоже был синим, нос прямой, с горбинкой, чуть сшибленный на сторону. Никакого сходства с покойным мужем Анна в нём не нашла. И лишь глаза—небесно-голубые, бесхитростные, такие же, как у Пети,—притягивали к себе, завораживали, не отпускали, и Анна каждый раз, когда Михаил прямо и открыто смотрел на неё, немела и терялась.

—Нынче я в «гвардейцы» вышел,—хвастливо заявил Михаил.—Да. Может, слыхали? Конечно, слыхали. Так вот, я пятнадцать тысяч центнеров зерна намолотил по нашей зоне. За шесть лет—первый раз.

—Поздравляю,—сказала Анна.

—А, ерунда!..

«Нет, это не Петя»,—думала Анна, с пятого на десятое слушая Михаила.

Официантка принесла коньяк в тонком графинчике и закуску, поставила всё это на столик и упорхнула за ширму. Михаил взял было рюмку, но раздумал и наполнил фужер коньяком.

—Коньяк из рюмки пьют,—заметила Анна.—Смакуют...

—Этими-то напёрстками?—искренне удивился Михаил.

—Но ведь... коньяк же! А у вас—пол-литра, наверное, быстро опьянеете.

—Я? Опьянею? Ни-ко-гда!—Михаил громко, без всякого стеснения и приличия, будто находился не в ресторане, а у себя в поле, хохотнул и ударил себя кулаком в грудь.—Да я пару «огнетушителей» на спор через горлышко выпивал—и ничего! Ни в одном глазу. А вот мужик у нас один есть, так он ведро пива в полтора роздыха... залпом!.. На спор, конечно. Классно пил, между прочим!

Михаил допил коньяк, съел салат и бифштекс и, закурив, откинулся на спинку стула.

—Но...—он покрутил перед собой указательным пальцем—помаячил и уже заплетающимся языком повёл свою мысль в сторону.

Анна смотрел ему в глаза: зрачки расширились, походили на два направленных на неё дульца, и даже выпитый коньяк не растопил усталости в его глазах.

—Вам надо хорошо выспаться,—посоветовала Анна.—Вид у вас усталый—наверное, мало спите.

—Бывает, чего уж там. Да... и не сплю я... Бывает, зашибаю. Но...—помаячил пальцем.—Жатву—ни-ни. Боже избавь. На комбайне нельзя. А потом, бывает, загуляю-ю.

И после, когда Михаил окончательно захмелел и стал болтать что попало, Анна решила оставить его.

Снаружи нарастал, глуша все звуки, самолётный рёв—прибыл Ан-24 из Абакана. Но вскоре звук ослаб, и тогда вновь со звонкой ясностью вспыхнул окружающий Анну сутолочный шум.

В ресторане появились новые люди, они ступали твёрдо, как будто за время полёта разучились ходить, и оглядывались на занятые столики с выражением досады на лице.

Этот самолёт улетал через несколько минут, и Анна спешила проводить его, потому что тот, который провожала всегда,—на Богучаны—по метеоусловиям отменялся.

—Мне надо идти. Спасибо за компанию.

Анна поднялась и не удержалась—заглянула в усталые Михаиловы глаза. «До чего похожи!» Она с трудом оторвала взгляд, замешкалась.

—Больше не пейте,—вырвалось у неё не то, что держала в уме.—Когда придёте в гостиницу и... и после. Дайте слово, что не будете.

—Думаете, пропьюсь? Не. Деньжат не жалко,—Михаил полез в карман и осёкся: на него смотрели осуждающие глаза Анны.—Всё, всё! Не буду,—сказал он и предложил:—Я с вами, ладно? Провожу.

Они вышли и встали у решётчатой ограды, за которой начиналось лётное поле с серебристыми вдали машинами. Даже в темноте, при фонарях, они поблёскивали тусклым серебром. Поле уходило к горизонту и сливалось с тёмным у основания небом, на невидимой взлётной полосе горели сигнальные огни. И снег там был фиолетово-синим, и воздух.

—Сколько ни смотрю туда—каждый раз боюсь: вдруг погаснут? Самолёт пошёл на посадку, а они погасли... Я даже на самолётах не летаю—боюсь. Всё больше поездом. Трусиха такая, ужас!

—Бывает,—поддакнул Михаил, закуривая.—На земле, однако, чаще бьются. В колхозе у нас сковырнулся. Понимаете, на ровном месте! Шёл-шёл и в канаву завалился. Шофёра—насмерть.

—Не надо об этом, прошу вас.

Анна представила, какая катастрофа случилась там, в Приангарье, и ей по-настоящему сделалось страшно—внутри всё осело, напружинилось. Инстинктивно она ухватилась за Михаилов рукав и ощутила знакомую мягкость меховой куртки. Анна этого никак не ожидала, тем более ни о чём таком не помышляла; всё в ней разом стронулось и поплыло навстречу этому человеку.

«Что же со мной происходит?»—удивилась Анна, пугаясь даже самой мысли, что Михаил может быть ей так же дорог и понятен, как дорог и понятен покойный теперь Пётр. И всё же хорошо, что он есть на свете—напоминание о Петре.

—Когда сядете за руль, будьте осторожны,—сорвалось у неё с языка.

На морозе хмель у него прошёл, и он много смеялся, бодрясь. Анна постепенно оттаивала от грусти, ей хорошо было с Михаилом, и нежность к нему, пока ещё непонятному, тёплыми волнами подступала к горлу.

— Счастливая семья! — вздохнула Анна. — И жена, и дети…
— Ещё бы! — подхватил Михаил. — Супруга у меня — во, что надо! Из райцентра переманил. Агроном! Три года уламывал… Скоро сын будет. Да. Может, и дочка. Пускай, дочка даже лучше: первой няньку надо, а потом — ляльку. Верно я говорю?
— Да как вам сказать, — замялась Анна. — Дети все одинаковы. И дочка — хорошо, и сын… Петя, например, дочку хотел.
— Муж, да?
— Муж, — голос у Анны дрогнул. — Он разбился.
— Да-а, тяжёлый случай. Шофёром был?
— Лётчиком. С геологами летал. Хороший он был человек, ну… вроде вас.
— Скажете, тоже, — смутился Михаил. — Куда мне! Я ведь из крестьян. Моё дело — землю пахать, сеять, убирать хлеб. Словом, такое дело. Да и грамотёшка — десятилетка на пару с братухой. В техникум как-то колхоз посылал. На механика. Может, и учился бы, да женился вот. А теперь уж грамота ни к чему мне: зарабатываю побольше инженера.
— А меня Петя жалел — с работы чуть не снял. Хочу, говорит, чтобы нервы в школе не портила, себя берегла… Я — учительница, боялась дисквалифицироваться. А он смеётся: проживём, денег хватит! При чём тут деньги, не понимаю. Злиться я стала, и мы поссорились.
— Что не снял — хорошо. Работать — это же удовольствие. И потом же, смотрят на тебя по-другому, ну… — Михаил заэкал, подыскивая нужное сравнение. — Ну, как на хорошего человека, что ли. Вот у нас мужик один: ему ногу отдавило, так он, понимаете, от безделья усох весь.
— Бывало, вернётся из полёта, — задумчиво продолжала Анна, вглядываясь в фиолетовую от огней даль, — и что-нибудь обязательно привезёт. То цветы — говорил, северные они, в тундре растут, то оленьи рога — ему подарили их оленеводы. Как-то принёс полрюкзака красивых камней. Запомнила один — лазурит, небесно-прозрачный камень с голубыми прожилками. На Петины глаза похожий. Зачем, спрашиваю, они тебе? А в школу, говорит, отнеси, пускай ребятишки геологию изучают по экспонатам. Ну, что делать — отнесла.
— Повидал свет. Точно. А я, кроме Красноярска, нигде ещё не бывал. Некогда: работа, работа…

Михаил отбросил потухшую папиросу, полез карман за новой. Прикурил, сунувшись лицом в освещённые спичкой ладони.

Последний самолёт улетел, и на аэродроме установилась зыбкая тишина. Подул ветер, сверху наплывал мороз, и у Анны закоченели ноги.
— Поздно уже, — сказала Анна. — Ехать надо, добираться долго: живу далеко — на правом берегу Енисея. Пока доедешь — ночь, а мне ещё тетрадки проверить надо.

Анна сняла перчатку, Михаил поймал её холодную руку — сухая шершавая ладонь даже на морозе оставалась тёплой, греющей, и Анна про себя отметила: рука и впрямь как в варежке — у Пети тоже были горячие руки.
— Мне пора, — Анна повернулась, чтобы уйти.

Михаил встрепенулся, попросил дождаться и убежал.

Прошло пять-десять минут. Одиночество и мороз угнетали, и Анна пожалела, что отпустила Михаила от себя, с тревогой подумала: что с ней будет завтра?

Появился Михаил, взял Анну за локоть.
— Пойдёмте быстрей, такси ждёт.

Проехали длинный мост через Енисей. В чёрной, не застывающей в зиму воде ломались цветные столбы огней.
— Хорошо в городе, — мечтательно протянул Михаил. — На отдых манит. А всё-таки в деревне лучше. Природ у нас — закачаешься!
— Я вот на родине своей в отпуске был, — поддержал разговор таксист. — Хорошо, ничего не скажешь. Живу помаленьку: валяюсь на песочке, рыбку ужу, ем, сплю… На вторую-то, понимаешь, неделю затосковал, хоть плачь. И что бы ты думал? Сбежал ведь! Мотанул обратно в город. Вот тебе и деревня…
— Чудак! Совсем ничего не делать — и в городе с ума сойдёшь.
— Ну, не скажи…

В мужской разговор Анна не вмешивалась. Пригревшись, она закрыла глаза, расслабилась и в лёгкой полудрёме представила себя с мужем. Будто едут они за город, в лес, и Пётр по-приятельски балагурит с шофёром. Говорят больше всего о рыбалке: о том, что хариусы на Амыле ловятся хорошо, что в палатке у костра — одно удовольствие и что отпуск обязательно следует проводить на реке, где-нибудь верховьях Амыла.

Как-то раз ездила с ним и спала в палатке Анна. Однако от такого отдыха отказалась: с вечера, нервничая, отбивалась от комаров, а к утру, не попадая зубом на зуб, дрожала от холода и в довершение ко всему схватила насморк. А Пётр в одних плавках носился по берегу, гогоча от удовольствия, и дождь хлестал его по бронзовой от загара спине.

Но вот они едут домой, влажно шуршит под колёсами такси песок. Пётр весел, бодр, много шутит, нет-нет да и прихвастнёт, и собеседник — молодой шофёр, — покачивая головой, удивляется: «Надо же, а!..» Пётр по-мальчишески звонко хохочет, обнимает её, Анну, и целует возле уха, в курчавившийся пушок. Она, дурочка, сердилась на него: посторонний же рядом — неудобно. Пётр не понимал этого. Он ничего, кроме любви, не хотел понимать…
— Жена у тебя не больно говорунья, — заметил таксист и подмигнул Михаилу в зеркальце. — Тихо, поди, в квартире, а? Благодать!

Кровь прилила к лицу Анны—будто Пётр полез целоваться и горячо дохнул: «Жена-а…»

Михаил не сразу нашёлся что ответить, замешкался, а потом сказал:

— Анна—просто товарищ, хорошая знакомая.

— Все ясно. Везти-то куда вас?—таксист обернулся и понимающе скосил на Михаила хитроватые глаза.

Анна вся напряглась от стыда и обиды. Не поднимая головы, она тихо, бесцветным голосом назвала адрес. Щёки её горели, в горле першило и отдавало в уши неприятным зудом, а в груди, там, где сердце, Анна ощутила щемящую пустоту.

«Ну и пускай думает что хочет. Какое кому до этого дело?»—сказала она сама себе и, уже не таясь, достала из сумочки зеркальце и губную помаду.

Когда такси подкатило к дому, прямо к подъезду, Анна заволновалась. Одиночество, с которым она всё время справлялась сама, оковало Анну поперёк груди железным обручем: «Вот и всё. И опять одна…»

Она хотела позвать Михаила—пускай зайдёт, побудет часок в её комнате и покурит, чтоб мужским духом попахло; она усадит его напротив, в кресло, сама сядет на диван и будет смотреть на него, смотреть и сравнивать—живого…

Но сказать, что в уме сложила и приберегла для живого, у неё не повернулся язык.

— Прощайте, Михаил,—в горле у Анны остановился воздух и затвердел.—Прощайте…

Она вышла из машины, и в тот же момент, будто привязанный к Анне невидимым поводком, Михаил рванул от себя дверцу, натужно сдвинулся. В его печальных глазах растревоженно прыгали отсветы уличных фонарей. «Точь-в-точь как у Пети в тот последний день»,—вспомнила Анна и пугливо отпрянула: неужели он отгадал её мысль?

Теперь она боялась только одного: чтобы Михаил не настоял на своём и не остался. Но Михаил уже рассчитывался с таксистом.

— Я провожу вас,—пролепетал он.—Провожу. Мало ли что?.. Темно. Напугают… Провожу.

…Утром Анна проснулась первой. Словно кто-то грубо ткнул кулаком ей в бок и сказал: «Вставай, грешница!»

В доме напротив жиденько светились несколько зашторенных окон—видно, так и не гасли всю ночь. Изредка со стороны железнодорожной станции ветер доносил короткие, нетерпеливые, постоянно чего-то просящие вскрики маневрушки. В застывшем свете фонарей за окном светился, переливаясь то голубовато-розовым, то золотисто-чёрным, ночью выпавший снег. Анна глядела на этот очищающий снег и думала: зачем оставила Михаила у себя? Разве можно заменить прошлое чужой жизнью?

Включив настольную лампу под розовым абажуром, Анна присела перед Михаилом на корточки и несколько минут изучала его лицо. Она вглядывалась в каждую морщинку, в каждую чёрточку, будто в этом ей должен открыться какой-то изначальный смысл, тайну которого она всё время пыталась разгадать.

Михаил лежал на спине—крупно, широко, по-деревенски открыто, как спят косари, положив под голову охапку ещё зелёной знойно-душистой травы. Сморённые гудящей истомой, сильные, наработавшиеся за день руки заломлены на затылке, чётко выделяясь на белой подушке естественной кофейной смуглостью. А лицо, подсвеченное розовым светом, казалось отлитым из бронзы—спокойное и мудрое. «А Петя, когда спал, губами чмокал—совсем как маленький».

Чем дольше Анна вглядывалась в его черты лица, тем больше убеждалась: нет, это далеко не Пётр. Ничего похожего в Михаиле она не нашла. И густые неприбранные волосы, и нос, и закрытые припухлыми веками глаза—всё чужое. Анна представила себя той, вчерашней, как бы посмотрела на себя со стороны—и увидела чужие нетерпеливые руки, горящие неуёмней страстью чужие глаза, и ей сделалось страшно и стыдно: как она могла?!

Она с бестолковой поспешностью растолкала Михаила, и пока он вяло, с мужицкой нерасторопностью, одевался, смотрела на него и думала: «Чужие глаза: и цвет не тот, и разрез… У Пети они голубые. Как лазурит. А эти—серые, растерянные, шаловливые».

— Уходите,—холодно приказала она Михаилу и отошла к окну.

Дом напротив зажигал одно окно за другим, и улица посветлела. Шёл мягкий снег, казавшийся Анне искусственным. Редкие мохнатые снежинки летели по спирали, беззвучно скребли по стеклу, падали. Одинокий дворник—старый седой человек—размеренно, шаг за шагом, стирал чьи-то ранние, убегающие вдаль следы. Анна дождалась, когда внизу протопает Михаил и его следы затрёт аккуратный дворник, стала собираться на работу. На душе у неё было покойно: только теперь она поняла, что нет у неё Пети и никогда не будет.

Елена Басалаева

Бабушка в музее

Если бы Галину Васильевну попросили охарактеризовать свою дочь одним словом, она бы сказала: недотёпа. Находились у неё для Вики слова и похлеще, но «недотёпа» было слово самое точное, к тому же несколько жалостливое,—а кому, как не матери, пожалеть своё плоховато устроившееся в жизни дитя?

Галина Васильевна старалась для единственной дочки много. У неё самой и у мужа образование было только среднее, поэтому с ранних Викиных лет Галина Васильевна желала, чтобы дочь окончила университет и вышла в люди. Образованных людей Галина Васильевна искренне уважала, считая их лучше себя.

Училась Вика неплохо, со второго класса запросилась в художественную школу, и пришлось постоянно покупать ей краски, бумагу, маркеры, какие-то соусы и сепии. Но Галина Васильевна не жалела денег ни на художку, ни на репетиторов, твёрдо держа в уме план, что дочь должна выбиться в люди, а не сидеть, как она сама, на нервотрёпной бухгалтерской работе. Галина Васильевна заставляла мужа заниматься с Викой математикой и физикой, но тот справлялся до поры до времени, а потом, сколько бы Галина Васильевна ни ругалась, помочь дочери в освоении школьной программы ничем не мог.

Всё же Вика вполне прилично сдала экзамены по русскому, английскому и (с помощью репетитора) по математике и поступила в Суриковское училище, только зачем-то на живопись, а не на дизайн. Галина Васильевна надеялась вразумить Вику как-нибудь переквалифицироваться на дизайнера уже во время учёбы. Но та, хотя всегда была послушной девочкой, по-глупому заупрямилась и не пожелала расстаться со своими (между прочим, дорогими) красками. Да ещё и стала тратить время на посиделки в каких-то компаниях и, возвращаясь домой иной раз ночью, огрызаться.

Закончились все эти художества, как Галина Васильевна и предвидела, плохо. В кругу непризнанных талантов Вика сошлась с каким-то типом не то хакасских, не то тувинских кровей, съехалась с ним и совершенно некстати забеременела. Галина Васильевна была готова проклясть всё на свете, если бы из-за этого ребёнка Вика не сдала бы выпускные экзамены. Но она снова всё благополучно сдала и получила диплом, только устроиться на работу уже не успела.

Узкоглазый зять сразу не внушил Галине Васильевне доверия, так что она ничуть не удивилась, когда обнаружилось, что в степных краях у него имеется ещё одна жена и другой ребёнок. Через время зять уехал, неопределённо пообещав, что это временно, и из съёмной квартиры Вику не выгонял. Галина Васильевна сама предложила ей вернуться домой:

—Жизнь у тебя не удалась. Возвращайся уже к нам с отцом.

В ответ на эти слова Вика разразилась внезапными обильными слезами.

—Что плакать?.. Я ведь тебе говорила. Плохо тебе жилось, гулять захотелось…

Вика больше не огрызалась—рыдала, уронив голову на руки. Галине Васильевне стало жаль её.

—Ну, ну, не реви,—потрепала она дочь по тонким и лёгким, как у ребёнка, волосам.—Я помогать буду. Ребёнку два года исполнится—в садик пойдёшь, на работу устроишься там вместе с ним. И сама сыта, и он при тебе,—Галина Васильевна не обращала внимания на то, что говорит о маленькой внучке в мужском роде.

Вика глубоко вздохнула и обхватила себя за плечи тонкими руками.

—Я вот тебе сумку принесла. Мясо, говядину сварила. Отец вон взял, я его по субботам на базар отправляю. Мясо хорошее, ты сама такого не купишь…

—Спасибо,—прошептала Вика.

—Ну, так что по делу? Домой к нам будешь возвращаться?

Вика всхлипнула:

—Он сказал, что уедет, наверное… туда, а квартиру нам оставит. Будет мне деньги перечислять на аренду.

Галина Васильевна провела рукой по верху холодильника и, рассматривая посеревшие пальцы, брезгливо поморщилась:

—Пыль кругом. У тебя ребёнок маленький, а ты живёшь в грязи… Какая тебе аренда?! Всё время я за тобой ухаживала. Не умеешь ты самостоятельно жить.

—Умею,—с проснувшимся упрямством возразила Вика.

— А! Ну, умеешь — так умей. Денег тогда не дам, — отрезала Галина Васильевна и вышла в коридор обуваться. — И не приду.

Приходила она, конечно, регулярно. Раз в неделю — обязательно, второй — если было с чем идти. С пустыми руками Галина Васильевна не заявлялась ни к кому никогда и не могла понять людей, которые себе это позволяли. Она приносила детское питание в баночках, фрукты, котлеты, беленькие маечки, трусики и носки для ребёнка, мыло и шампунь для Вики. В квартире, конечно, не было особого порядка, но деньги на съём откуда-то водились.
— Выгоняют с квартиры-то? — вызывала дочь на откровенность Галина Васильевна.
— Нет, почему?
— А где деньги берёшь?
— Я стала немножко в Интернете подрабатывать… Главное, Ваня присылает. Как обещал.
— Ваня! — презрительно бросила Галина Васильевна. — Тоже мне, Ваня нашёлся. Ты вот не говоришь матери, а он ещё, поди, ездит к тебе, совести у него хватает?
— Два раза был…
— Тьфу! Нет гордости у тебя. Я бы его на порог не пустила. Обманул, унизил…

Галина Васильевна задержала взгляд на внучке, которую назвали Юлианой. Ей исполнилось уже полтора года, но она до сих пор ходила нетвёрдо и слегка косолапила. Глаза у неё были узкие, припухшие, как у всех тувинцев, нос чуть приплюснутый, скулы широкие. Только русым волосом да тонкой костью девчонка пошла в мать.

«Жаль, некрасивая девка будет», — опечалилась Галина Васильевна, но вслух этого говорить не стала, пожалев дочку.

Шёл год за годом. Вика ради ребёнка устроилась работать в сад: вначале была нянечкой, потом её взяли воспитателем и заодно дали вести изостудию, правда, предупредив, что года через два надо будет проходить педагогические курсы, чтобы к работнице без педобразования не предъявили претензий проверяющие. Галина Васильевна не выносила суеты и не любила ходить в сад, при надобности отправляя туда мужа. Тот, и всегда не очень серьёзный, к старости вовсе впал в детство и с радостью выгуливал девчонку, катал её на лошади, иной раз водил в кафе.
— Ты бы лучше на другое деньги потратил, — упрекала его Галина Васильевна. — Она разговаривает как? Половину букв не произносит. Ей логопед нужен. Или хоть на одежду. Ходит в каких-то обносках.
— Сами и купи, — резонно возражал муж.

Аккурат к восьмому марта Галина Васильевна присмотрела для внучки две симпатичные кофточки в добротном магазине. Шестого числа она позвонила Вике и объявила ей:
— Я Юлиане две блузочки нашла. Померить надо. Магазин хороший, в Ветлужанке. Чтоб никто другой не взял, надо сразу, в десять часов, приезжать.

Вика на том конце провода помолчала.
— Не знаю, мам, сможем ли мы…
— Не сможешь так не сможешь! — вспылила Галина Васильевна. — Ходите в своём рванье.
— Да подожди. Я не договорила. В десять, ты сказала… Ну ладно.

Галина Васильевна, разумеется, сама приехала тоже, чтобы посмотреть, хорошо ли будут сидеть кофточки на Юлиане. Примерив на ребёнка пять или шесть предметов одежды, Галина Васильевна остановилась на голубой блузке с воланами и розовой водолазке с котёнком.
— Доченька, ты согласна? — Вика наклонилась к Юлиане.

Та захотела взять голубую блузку, но от розового одеяния отказалась, предпочтя ему невнятного цвета толстовку с капюшоном.
— Мам, мы это берём, — пододвинула вещи на кассу Вика.

Галина Васильевна уже хотела высказаться на тему того, что некоторые, даже выучившись в художественном училище, не имеют вкуса, но заметила, какими радостными глазами смотрит на обновки Юлиана, и решила промолчать.
— Носи, моя хорошая, — погладила она ребёнка по плечу. — Носи, это от бабы Гали тебе подарок, от бабушки единственной. А я вам ещё фруктов привезла.
— Мам, ну куда мы сейчас с твоими фруктами? — смутилась Вика. — Мы же не домой.
— А куда это вы навострились? — искренне удивилась Галина Васильевна.
— В музей.

Чего-чего, но такого ответа Галина Васильевна точно не ожидала. Она уже приготовилась пожурить Вику за то, что та шляется к своей подруге, а то и подцепила мужика; или, может быть, наоборот, похвалить, если та собралась, скажем, на рынок за продуктами или наконец-то в соцзащиту, разузнать про льготы. И тут — музей. Такое место, как музей, не входило ни в одну из знакомых Галине Васильевне категорий.
— Что делать-то там? — растерялась она.
— Там программа «Сладкие истории». Будут рассказывать про историю конфет в мире, про то, как они в Россию попали…
— Что рассказывать, их есть надо, — перебила Галина Васильевна. — Бог с вами, поезжайте куда хотите, если больше заняться нечем.

И вдруг Юлиана, крепко держа в руках пакет с подаренными бабушкой кофточками, воскликнула:
— Баба Галя, поедем с нами!

Вика смущённо прыснула смешком и позвала тоже:

— Мама, ну а что? Давай поедем? Мы такси вызовем.

Галина Васильевна нахмурилась:

— Придумали ерунду какую-то. Я не вы, мне заняться есть чем. Я домой пойду. И фрукты заберу, раз вам лень их нести.

По правде говоря, ей совсем не хотелось тащить обратно сумку с яблоками и апельсинами, в которую она положила ещё и тяжёлую бутылку подсолнечного масла. Поэтому Галина Васильевна всё-таки согласилась, когда дочь сказала ещё раз:

— Давай поедем! Ребёнок ведь просит.

Музей находился на спуске с моста, на крутом яру, с которого была видна стальная лента Енисея. Состоял он из двух деревянных домов, на шоколадном фоне которых были издалека видны ярко-белые наличники. Один представлял собой старинную купеческую дачу, другой — библиотеку.

Дорога до музея оказалась такой извилистой и ухабистой, что Галина Васильевна не раз пожалела о том, что согласилась сюда ехать. То машина должна была красться по долгому спуску, то проваливалась в яму, то должна была резко поворачивать вправо, так что голова стукалась о стекло.

— Да что ж за дорога-то такая! — пожаловалась Галина Васильевна вслух таксисту-женщине. — Всю печень можно отбить на этих колдобинах. Музей называется!

Водитель, приятной внешности дама, охотно согласилась:

— Дорога и правда дикая. Но ничего, не волнуйтесь, уже почти подъезжаем. Вы дороги не побоялись, вон едете всем семейным женским составом. Начинаете восьмое марта праздновать!

— И не говорите, — неопределённо отозвалась Галина Васильевна.

В музее их встретила старушка, похожая на одну сослуживицу Галины Васильевны, причём не только сморщенным лицом, но и привередливым нравом.

— Скажите девочке, что в тот зал ходить нельзя, это запрещено, — строго заметила старушка.

Галина Васильевна отозвала внучку, но про себя пробормотала:

— Ишь какая деловая. Что там ребёнок тебе испортит?

Сама Галина Васильевна с любопытством заглядывала внутрь. Комнаты впереди виднелись большие, с высокими потолками, с добротным паркетом на полу.

— Сегодня будет кто, кроме нас, или мы одни такие дураки приехали? — с опасением спросила она.

— Не бойся, не одни. Видишь, люди заходят, — показала на раздевающихся в гардеробе гостей Вика.

Посетителям до начала экскурсии разрешили зайти в два зала. В одном из них находились какие-то кости и черепки, картинки древних людей, в другом располагался макет купеческой дачи, какой она была примерно сто двадцать лет назад.

— Домики, домики! — радостно показала пальцем на макет Юлиана.

Галина Васильевна окинула взглядом объёмистый макет. Рядом с бордовым домиком, обозначавшим саму дачу, находились сад с цветущими деревьями, какой-то сарай или хлевик с гусями, баня, огород. На расстоянии был другой дом, поскромнее прежнего, но тоже аккуратный и нарядный, а за ним — мельница и разные хозяйственные постройки.

«Неплохо жили люди, — подумала про себя Галина Васильевна. — А мы? Ютимся в халупе, хорошо, если двухкомнатной».

Из боковой двери вышла высокая девушка, фигура которой была откровенно обтянута стрейчевым платьем с вырезом, и бойко поприветствовала всех.

— Здравствуйте, здравствуйте, — без особой симпатии ответила ей Галина Васильевна.

— Сегодня мы с вами можем поиграть семьями, — предложила фигуристая девушка и показала на лысоватого папу с двумя дочками.

Папа с девчонками отсели на предложенное место, чуть поодаль расположилась мама с похожими друг на друга чернявыми детьми. Оставшиеся три стула заняли Галина Васильевна, Вика и Юлиана.

— Ну что ж, начнём нашу программу! — задорно объявила девушка и, хотя в комнатах не было холодно, накинула на плечи платок.

«Так-то поприличней будешь выглядеть», — мысленно одобрила её Галина Васильевна.

Девушка стала рассказывать о том, что в древности у бедных людей не было конфет, и вместо них ели варенные в меду финики, урюк, изюм, но и то не все и далеко не каждый день. В приятном расположении духа древние правители бросали в толпу такие самодельные конфеты, но скоро им стало жалко разбазаривать своё добро, и в ход вместо фиников пошли нарезанные бумажки — конфетти.

«Ну конечно, что тратиться? Народ и так схавает», — возмутилась про себя жадностью древних повелителей Галина Васильевна.

Поговорив ещё об истории сладостей, девушка раздала каждой семье конверты с карточками и надписями. Надо было дать ответ, как называется то или другое лакомство и в какой стране его производят. Галина Васильевна знала только про ягоды в меду, но Вика на удивление быстро разложила все надписи по нужным картинкам.

— Так, посмотрим, какая команда справилась первой, у кого сколько ответов, — девушка бодрой походкой направилась к столам. — У вас одна ошибка, у вас две… А у вас всё правильно. И вы были первыми! Вот вам призы, — положила она ириски прямо около Галины Васильевны.

— Обалдеть,— усмехнулась та и посмотрела на дочь.— Ты откуда это всё знаешь?

Вика пожала плечами. Дальше девушка стала рассказывать про шоколад и расспрашивать про открытие Америки и про индейцев. Тут Галине Васильевне пришёл черёд удивляться за внучку: девчонка, хоть шепелявя и картавя, ответила на все вопросы, которые задавала музейная работница.

Окна музея закрывали рулонные шторы, но даже сквозь плотную ткань просачивались медовые лучи весеннего солнца. Крышка стола тоже была яркая, золотистого цвета, и Галине Васильевне вдруг вспомнилось, как она первоклашкой зашла в школу, села за парту, приготовилась слушать первый в жизни урок. Ей тогда показалось, что парта пахнет солнцем.

— Сейчас начнётся самое интересное!— пообещала музейная девушка, и Галина Васильевна даже ей поверила.— Мы с вами изготовим собственными руками коробочки для конфет— бонбоньерки.

Участникам раздали схемы, ножницы, фигурные дыроколы. Девушка показала, как пользоваться последними: стоило легко нажать на край бумаги, и в нужном месте появлялся красивый вырез в виде ажурного солнышка, цветка, голубя, зайчика.

— Ну-ка, покажи мне, как сделаешь эту коробочку,— попросила Галина Васильевна внучку.

Юлиана аккуратно вырезала развёртку, скрепила концы.

— Баба, ты какой возьмёшь степлер?

— Какой степлер?

— Ну, что тебе на коробочке сделать: зайчика, птичку, солнышко?

— Солнышко мне,— уверенно ответила Галина Васильевна.

Вышла милая, аккуратная коробочка с прорезями, которой не хватало разве что цвета. Вика сложила внутрь причитающиеся матери три конфетки.

Музейная девушка тем временем предложила всем пройтись по комнатам. В ближайшем зале были развешаны картины каких-то школьников, в следующей комнате пространство занимали книжные шкафы. Самое интересное, как и предполагала Галина Васильевна, ждало наверху.

На втором этаже девушка, светя красным лучом лазерной указки, демонстрировала яркие большие конфетные фантики, жестяные коробки из-под печенья. На фантиках были нарисованы нарядные дети в башмачках с лентами, цветы, птицы. Коробки из-под эклеров и печенья тоже отличались богатой отделкой. Всё в этих залах дышало роскошью и красотой. Галина Васильевна внимательно осмотрела заключённые в витринах женские украшения, длинные платья, пояса, туфли и попыталась представить себе жену и дочерей купца, которые сто лет назад жили на этой даче, ели тут конфеты и от нечего делать собирали фантики. Представить получалось с трудом— настолько их жизнь мало соотносилась с той, которой всегда жила Галина Васильевна.

Девушка, бойко щебеча, показывала по порядку обтянутый сукном письменный стол, коллекцию бабочек, фотографические принадлежности, альбомы и прочие вещи, принадлежавшие семье купца.

— Он торговал в том числе и сладостями,— будто спохватившись, добавила девушка.— Посмотрите, пожалуйста, на прейскурант конфет.

— Деньги сам считал, или были работники?— поинтересовалась Галина Васильевна.

— Ой, я, если честно, не в курсе. Вы посмотрите на этот лист.

Галина Васильевна принялась внимательно изучать прейскурант. По оптовым ценам покупались мармелад «Лилипут», карамель «Утиные носы», монпансье из фруктовых соков, каштаны и клюква в сахаре, шоколадные наборы «Азбука», «История» и «География».

— Как это, наверное, было всё вкусно!— воскликнул чернявый ребёнок, тоже заглянувший в прейскурант.

— Да уж думаю,— поддержала его Галина Васильевна.— Не то что нынешняя отрава.

Девушка пошла рассказывать что-то про декабристов, про поселения, про царские указы. Её слушали уже плохо.

— Есть вопросы?— осведомилась она в конце своего монолога.

— А чем он вообще занимался, этот купец?— спросила Галина Васильевна.— Образование-то у него какое было?

— Ну, я вам говорила, что он был меценатом… А так, вообще… У него был ликёро-водочный завод. Он предпринимательством занимался с четырнадцати лет, ну и… самообразовывался.

Галина Васильевна угрюмо усмехнулась.

— Водкой, значит, торговал. Народ спаивал, а себе устроил сладкую жизнь.

Девушка поморгала глазами и деланно посмеялась:

— Ой, ну зачем вы так? Он много хорошего оставил после себя.

— Ну, пооставлял кое-что,— примирительно сказала Галина Васильевна.

Внизу она ещё раз прошлась по всем залам купеческого дома, полюбовалась на высокие потолки, на хрустальные люстры, на белёные бока голландской печи, которая в старые времена давала тепло этому дому.

Юлиана остановилась возле стеклянной витрины с какими-то значками и медалями.

— Что это, мама?— спросила она у Вики.

— Это разные награды, доченька.

— За великую войну?

Вика присмотрелась к витрине:

— Нет… похоже, нет. Уже за более позднее время.

— Да какие это награды?—усмехнулась Галина Васильевна.—Это же просто советские значки. У меня такой есть.

— У тебя?—радостно спросила Юлиана.

— Что там показывать-то?!—напоказ сердясь, ответила Галина Васильевна.—Обыкновенный значок, «Ударник коммунистического труда». У меня ещё и грамота похвальная есть.

— Мам, ты покажи Юлиане, ей интересно,—попросила Вика.

— Покажу, моя девочка… Придёшь ко мне, покажу… Там и у отца есть значок, «Пятнадцать лет на заводе телевизоров».

— Там у вас дома все значки да грамоты собрать—тоже целый музей получится,—улыбнулась Вика.

— Музей… Кому он нынче нужен, этот музей? Мусор это теперь всё…

— Баба, это не мусор!—горячо возразила Юлиана.

Галина Васильевна засмеялась, глядя на неё.

— Ты моя девочка, красавица! Всё тебе покажу. Будешь нашими значками играть.

Юлиана взяла бабушку за руку и проговорила:

— А ты, баба, ведь тоже девочка. Только старая. Я тебя раньше не знала, а теперь узнала.

— Ну, ага,—полупечально улыбнулась Галина Васильевна.

Музейная девушка объявила результаты конкурса:

— Победителями у нас сегодня стала женская команда: бабушка, мама и внучка! Они набрали больше всего баллов. Поздравляем!

Девушка вручила им ещё одну горстку конфет, но остальных тоже одарила ирисками, так что в обиде не остался никто. Гости начали расходиться. Галине Васильевне захотелось заговорить с кем-нибудь, узнать, как им понравилась экскурсия. Она была в музее последний раз ещё в комсомольской молодости, когда по музеям да театрам хотя бы изредка ходили все. А после не была—времена в стране настали такие, что заниматься приходилось не музеями, а выживанием. Но вот теперь, оказывается, люди опять потянулись к красивому, и это теперь не странно и не стыдно.

Она заглянула в не замеченный до сих пор зал, где стояли большие и маленькие деревянные игрушки. Тут были выточенные из дерева кот и собака, щука на колёсах, расписной домик и даже настоящий маленький театр—балаганчик с флюгерами и башенками. Галину Васильевну охватила острая обида: мало того, что эти богатые наряжались в роскошные платья, собирали бабочек да фантики, ели пирожные коробками, так ещё и дети у них играли в такие великолепные игрушки, какие не снились нынешним ребятишкам вроде Юлианы.

— Это заграничное или у нас делали?—горько вопросила она музейную девушку.

Та вежливо засмеялась:

— Это делали у нас, это современный мастер. Он до сих пор в городе живёт. По специальности театральный художник.

— Сейчас живёт?!—несказанно обрадовалась Галина Васильевна.—Ты смотри! Не всё хорошее в прошлое ушло. Есть мастера-то!

— Конечно, конечно, не всё,—заулыбалась музейная девушка, ничего не понимая.

Старуха со сморщенным лицом стала пристально глядеть на Юлиану, которая присела на корточки перед деревянным балаганчиком.

— Руками не трогать,—напомнила она.

— Да идём уже мы, идём,—успокоила её Галина Васильевна и проворчала про себя.—Вот ведь старая ведьма…

На улице было холодно, с Енисея задувал ветер, но предчувствие весны близилось в жидких солнечных лучах, в низких и плотных, как осевшая опара, сугробах.

— Вызывай такси,—сказала Галина Васильевна дочери.—Завезли меня сюда, сейчас будем битый час толкаться, пока уедем. Дороги чёрт пойми какие, автобусы не ходят. Музей, тоже мне…

Она привычно ворчала на дочь, дороги, автобусы, власти, но в глубине души была довольна сегодняшним днём и совсем забыла о том, что в раздевалке музея осталась сумка с апельсинами и подсолнечным маслом.

Аркадий Реунов

Рыбак-Солнце

Синь океана и притяжение золотой плазмы

Однажды, когда где-то там, наверху, столкнулись своими неистово сильными телами колоссы-вершители, схватившиеся в битве за нужные им мегавозможности, из бурных вихрей, созданных их борьбой, родился ветер, принёсший живущим внизу людям энергию алчных устремлений. Многие мужчины и женщины, неуверенные в том, что до этого жили правильно, отвергнув всё наскучившее, с готовностью отдали себя во власть этого возбуждающего потока, считая его ветром перемен. Однако новый ветер заинтересовал далеко не всех. Некоторым людям, хорошо понимающим своё предназначение, он показался всего лишь непогодой, от которой нужно защититься, поплотнее закрыв окна.

Жéка был из людей, которых судьба наделила великим даром увлечённости своей работой. Он занимался исследованием морских организмов, полагая, что расшифровка и имитация их «хитрых умений» способны наделить человечество революционно новыми возможностями. Разгадывание подводных тайн захватывало его столь страстно, что он отдавал ему все свои дни, а порой и ночи, чувствуя себя абсолютно счастливым.

Несовершенство окружающего бытия, досаждавшее населению страны скудным ассортиментом продуктов на полках магазинов, не мешало ему и его семье жить сытно, потому что знакомый грузчик из местного гастронома «из-под полы» снабжал его мясом, колбасой и маслом. Поэтому в ветре перемен, подувшем над Россией в «лихие» постперестроечные годы и искушавшем народ предпринимательскими возможностями, Жека не увидел ничего, что могло бы его заинтересовать.

Когда его товарищи, ставшие добычей нового ветра, переставали быть весёлыми и беззаботными сверстниками и перерождались в холодноdушных охотников за прибылью, Жека с сожалением наблюдал за этим неприятным ему метаморфозом. Когда недобрый ветер заставлял офицеров превращать казармы своих воинских частей в товарные склады, учителей и врачей обращал в «торгашей-челночников», а спортсменов принуждал становиться бандитами, он ни разу не захотел предать своё любимое дело. Продолжая спокойно трудиться в океанском институте Владивостока и видя мир через призму своих страстей, он незаметно для окружающих мысленно обитал в пронизанных косыми лучами солнца фиолетовых глубинах, под которыми едва виднелись ещё более глубокие и маняще замутнённые океанские низины.

Он был женат на миловидной девушке Марии, которую все называли Мэри. Судьба привела Мэри в то же научное учреждение, в котором работал Жека. Здесь девушка встретила его — красавчика, вскоре ставшего её мужем, но здесь же она со временем начала томиться, не в силах заставить себя увлечься научными идеями, считая все известные ей идеи далёкими от реального воплощения и поэтому бесполезными, а порой просто глупыми. Её душевная кладовая была пуста и готова к наполнению чем-то действительно стóящим. Поэтому в ветре перемен она сразу уловила то нужное дуновение, которое могло принести желаемое содержание в её кладовую. Продолжая в том же аллегорическом духе, можно сказать, что ей открылось осознание сути денег как созидательной плазмы, из которой целеустремлённый человек способен создать любые реально возможные формы желаемого. Концепция обогащения, принятая ею как единственно верная жизненная философия, всё чаще сталкивалась с убогой и скучной реальностью каждодневной жизни.

Всё ещё не осознавая глубины той непоправимой трансформации, которая уже случилась с его женой, Жека, как ему казалось, внимательно и с уважением относился к её иногда озвучиваемым желаниям. Он решился на целый год уволиться из института и, отработав строителем в молодёжно-жилищном кооперативе, получил новую двухкомнатную квартиру. Более того, он смог завести знакомства с нужными людьми, которые, несмотря на отсутствие шкафов, столов и диванов в торговой сети «страны всеобщего товарного дефицита», помогли ему «по блату» достать новую мебель. Квартира, в которой появились гостиный и кухонный гарнитуры, оплаченные деньгами, взятыми в долг у родителей, приобрела красивый и законченный вид. С гордостью считая, что его бесценный бриллиант с именем Мэри получил

достойную оправу, Жека вернулся в океанский институт и увлечённо продолжил свои исследования.

Новая квартира, конечно же, обрадовала жену, но не смогла унять её сопутствующих желаний. Поскольку некоторые из знакомых Жеки и Мэри уже стали успешными членами новой общественной формации и быстро создали несоветские платформы нового бытия, обретя яркую атрибутику в виде заграничных автомобилей, изысканного антуража жилищ и необычайно красивой одежды, Мэри, подталкиваемая томящей её завистью, хотела как можно скорее догнать счастливчиков и войти в круг этих достойно живущих людей. Поэтому она настойчиво пыталась стимулировать мужа к началу собственной коммерческой деятельности. Супруг к коммерции склонен не был и не сильно соглашался с предложениями жены, наивно полагая, что сможет охолонить её полную горячих идей симпатичную головку. Между ними часто происходили разговоры, подобные следующему:
— Муж, ты же умный! Нужна идея для нашего бизнеса. Именно идеи создают состояния. Например, когда на Аляске нашли золото и золотоискатели поехали его добывать, Леви Штраус вложил все свои деньги в крепкую ткань и приехал на Аляску, чтобы шить и продавать этим людям палатки. Но оказалось, что они любят жить в землянках, а палатки им не нужны. Он понял, что прогорел, и решил повеситься. Однако, придя в бар, чтобы выпить напоследок, он случайно услышал разговор старателей, обсуждавших то, как быстро приходят в упадок их штаны. Тогда Леви внезапно понял, что нужно шить не палатки, а прочные штаны. Он нанял китайских портных, они стали шить штаны, и Леви не только вернул вложенные деньги, но и получил прибыль. А потом он создал джинсовую империю «Леви Штраус». Здорово, да? Подбери и ты идейку…
— Есть одна! Ты в курсе, что личинки двустворчатых моллюсков после рождения носятся по океану вместе с течениями и ищут место для того, чтобы осесть на дно, прикрепиться и начать самостоятельную жизнь? Взрослые, которые уже живут внизу, посылают им какие-то сигналы. Если сигналы позитивны, дети прикрепляются, если негативны, то дети ищут другое место. Мы не понимаем, что это за сигналы. Тот, кто поймёт их, сможет создать моллюскоподобный передатчик для океанских глубин и заработает кучу денег.
— В принципе, нормально, но, видимо, нереально или не очень быстро. А я хочу, чтобы мы к моему дню рождения купили японский автомобиль «Тойота-Краун» с велюровым салоном. Если привезти из Японии, то выйдет чуть больше четырёх тысяч долларов.
— Где их взять с моей-то работой?
— Их можно сделать! Просто нужна идея. Например, ты мог бы нанять грузовик, подъехать к мясобойне, купить у мужиков «левого» мяса подешевле и продать его в нашей институтской столовой с наценкой, но дешевле, чем на базаре. Наши же сотрудники на обеденном перерыве всё разберут и ещё спасибо скажут.
— Мэри, думай, что говоришь. Торгашество в храме науки позорно. Я навсегда испорчу себе репутацию, если это сделаю. Мне противно даже думать об этом.
— А тебе не противно, что твоя жена одета как лахудра?
— Ты одета не хуже других.
— Других? А я не хочу быть как другие! Я хочу быть собой и одеваться так, как я того достойна!
— Хорошо, я попробую что-нибудь придумать!
— Скорее я придумаю.

Задумка Мэри

— У меня есть предложение, но нужна твоя помощь,— сказала Мэри однажды.
— Конечно, с готовностью выслушаю,— ответил Жека, и жена раскрыла ему план придуманной ею операции.

Она предлагала заработать на разнице в курсе рубля к американскому доллару во Владивостоке и в Москве. Сравнивание соотношения рубля к доллару в центральных и провинциальных банках происходило в течение двух-трёх дней. Поэтому при внезапном повышении стоимости доллара в столице в эти дни можно было получить серьёзную прибыль, купив доллары в провинциальном банке, а на следующий день продав их в одном из московских банков.

Желая задобрить жену и сочтя этот план приемлемым, а также радуясь быстроте предстоящей акции, сулящей возможность скорого возврата к научной работе, Жека согласился. Готовясь к финансовой операции, они заняли деньги у друзей и, купив доллары на всю сумму, стали ждать изменения курса валют в Москве. Оно случилось довольно скоро, и вечером того же дня Жека, получив напутствия жены, помчался в аэропорт, где, купив билет, вылетел в столицу. Оказавшись в Москве рано утром, он вскоре нашёл отделение банка и, убедившись в том, что текущий курс валют действительно выгоден, продал доллары, получив солидную прибыль в рублях.

«Ну наконец-то жена будет довольна. Нужно было побольше занять»,— подумал он, выходя из банка.

Победа алчных демонов

На радостях от удачно выполненной работы его отпустило нервное напряжение. Воображение

заиграло, и грязный московский асфальт вдруг привиделся ему так странно, словно это было заиленное морское дно. На этом дне сначала ничего не было, а затем проступили слегка видные силуэты нескольких камбал, которые начали набирать желтоватый оттенок, потом порозовели и стали вдруг ярко-красными.

«Да, классно у них получается менять окраску кожи,—подумал Жека, осмысливая образ, посетивший его.—Нужно сказать Мэри, что я начинаю работу над маскировочными костюмами-хамелеонами для военно-морских ныряльщиков. Патент принесёт хороший финансовый бонус»,—начал было рассуждать он, мысленно теша супругу приятной для неё темой беседы.

Жека едва не столкнулся с быстро идущим навстречу неприметным человеком, и вдруг на серое морское дно шлёпнулась толстая пачка зелёных купюр, завёрнутая в полиэтилен, заставив изобретателя вернуться к реальности. Мгновенный шквал смешанных эмоций захватил его сознание, но в тот же миг чья-то рука подхватила доллары, и он увидел низкорослого паренька, который сунул желанный пакет с валютой в свой карман.

Жека почувствовал, как сквозь мысли о непорядочности ситуации проступила досада оттого, как легко к нему пришла и тут же ускользнула возможность купить… может быть, даже «Краун» с велюровым салоном. Вторым ощущением был внутренний призыв к честности и справедливости, заставивший его обернуться в поисках хозяина денег, которому можно было сообщить о пропаже. Рассматривая быстро удаляющиеся спины прохожих, он осознал, что не может угадать того, кто потерял деньги. Кроме того, ему подумалось, что почти любой прохожий, вероятно, легко признает себя хозяином замечательной пачки. Учитывая полную неконкретность ситуации и не желая попасть в глупую историю, Жека решил забыть всё это прямо сейчас и продолжил свой путь.

Паренёк следовал тем же курсом, так как ему некуда было спрятаться. Он, видимо, не хотел идти назад, боясь встречи со спохватившимся хозяином. Слева возвышалась стена дома, в которой он не мог раствориться, а справа по автостраде неслись автомобили. Ему оставалось только идти рядом с Жекой. Чувствуя в своём попутчике опасного свидетеля, он нервно оглядывался и вдруг тихо сказал:
—Слушай, не говори никому, пожалуйста!

Жека промолчал. Ему не хотелось говорить, так как эта непонятная и ненужная ситуация была запрограммирована на уничтожение из его памяти на уже приближающемся углу дома, где их пути должны были разойтись. Однако паренёк снова обернулся на ходу и жалобно произнёс:

—Давай я тебе треть отдам. Или ладно—половину. Посчитаем и разделим. Только не говори никому!

Сознание Жеки вновь вернулось к происходящему, и в его вдруг проявившейся тёмной части души демоны уже вовсю горланили: «Да»,—хотя белая её часть ещё путалась в разваливающихся порядках правильных логических построений.

«Почему бы и нет? Если деньги упали двум беднякам с неба, то бедняки могут их взять и поделить. Мэри рассердится, если я не использую эту ситуацию»,—подумал Жека.
—Ну давай,—всё-таки согласился он, и паренёк успокоенно и мирно закивал головой.

За углом дома им открылся утоптанный скверик, посреди которого виднелась статуя основателя российского коммунистического строя Владимира Ильича Ленина. Паренёк робко кивнул в сторону статуи, видимо, предлагая разделить деньги за ней, но предоставляя Жеке возможность самому выбрать место. То, что он не звал в подъезд, успокоило Жеку, и они двинулись в сторону недалеко стоящего памятника. На случай, если парнишка, например, достал бы нож или захотел бы брызнуть из газового баллончика, Жека держался на безопасном расстоянии и не сводил с него глаз.

Они зашли за тумбу, на которой стоял Владимир Ильич, и, достав было деньги, паренёк вдруг снова спрятал их в свой карман. Жека тут же понял, почему тот сделал это. К ним приближался быстро бегущий человек восточной национальности. Было поздно делать вид, что они—это не они, потому что несчастный запыхавшийся хозяин потерянных денег уже подсеменивал к ним, приседая всё ниже и складывая руки на груди. Было слышно, что он всхлипывает и приговаривает на бегу. Подбежав, он рухнул на колени и обдал присутствующих натиском своего горя, причитая по-русски и раскачиваясь из стороны в сторону.
—Ребята! Дженщина сказал, что видел, как вы брать деньги. Пожалуйста, отдайте… Поджалуйста!—выдохнул он.—Не мои это деньги. Вся деревня собирала,—шёпотом добавил он и, упёршись руками в асфальт, коснулся его лбом.

Некоторое время несчастный шептался о чём-то с поверхностью планеты, но затем вновь поднял грозящие карим гневом глаза, в которых ужас положения сменился вдруг мерцающими импульсами ярости. Его льющийся, как погребальная песнь, голос забрал в сторону угрозы. Он вскочил и, хватая то Жеку, то паренька за ладони, потребовал отдать деньги, но вскоре опять безнадёжно опустился на колени, бормоча что-то неясное сквозь синеватые губы и роняя слёзы из-под опущенных длинных ресниц.

Жека чувствовал себя так, будто в его кровь проник какой-то тормозящий состав, мешающий принятию правильного решения. Мысли слабыми

рывками перемещались от надежды, что этот человек оставит их с пареньком в покое и побежит дальше, к желанию развернуться и немедленно уйти. Искренняя жалость, возникшая к пострадавшему, побуждала выдать паренька с пачкой зелёных в кармане, но этому мешала неспособность к какому-либо действию, сковавшая обескураженного Жеку. Испарина покрыла его лоб, а ручейки пота защекотали спину.

— Пожа-а-алуйста! Ты, ты взял! Отдай! — вдруг вновь гневно завыл восточный человек, кидаясь к перепуганному пареньку.

— Аэ-э… не-ет, — отпел тот, доставая из внутреннего кармана несколько мятых бумажек и передавая их потерпевшему.

— Это не моя деньги. Я знаю весь моя деньги! Каждый, каждый номер знаю! — запричитал тот, просмотрев купюры и вкладывая их обратно в трясущиеся руки паренька.

Внезапно он развернулся, метнулся в сторону Жеки и начал раскачиваться перед ним, издавая при этом негромкий чревовещательный вой.

— Ты взял?! — спросил он наконец, стремительно сблизившись с Жекой и цепко впиваясь пальцами в его локоть.

— Нет, — абсолютно честно ответил Жека, безуспешно стараясь преодолеть толчки страха, набегающие на него от взгляда ставших вдруг бешеными глаз восточного человека.

— Покажи номер деньги-и… — прошипел тот, приближаясь лицом так, что капля его слюны прилетела Жеке на щёку.

Не успев осознать происходящее, Жека как во сне увидел себя достающим конверт с толстой пачкой только что купленных в банке рублей. Своими смуглыми и длинными пальцами дознаватель неожиданно выхватил пачку и, на какой-то миг завладев деньгами, начал быстро перелистывать купюры, просматривая их номера. Увидев это, Жека словно очнулся. Набежавшее чувство тревоги заставило его отнять свои деньги у приезжего с Востока и запрятать их обратно в карман.

— Нет, твоя деньги не моя деньги! — воскликнул хозяин потерянной долларовой пачки и вернулся к пареньку, стоявшему тут же с видом человека, готовящегося упасть в обморок.

— Ты! — уверенно крикнул допрашивающий и уже совсем решительно схватил похитителя одной рукой за воротник, а второй полез к нему в карманы.

— Вот моя деньги! — злобно и радостно закричал он, найдя свою пачку, толкая измождённого долгим стрессом паренька, а затем давая ему пинка.

Споткнувшийся паренёк упал, но затем вскочил и побежал, с трудом отрываясь от грозно орущего преследователя.

Воспользовавшись бегством своих случайных знакомых, Жека быстро покинул скверик, некоторое время ещё слыша возгласы восточного человека: «Милиция, милиция!» — которые заставили его прибавить шагу. Только очутившись на ползущем под землю эскалаторе метро, он почувствовал себя окончательно свободным от нечестного паренька и доблестно бившегося за деньги своих односельчан человека Востока. Начав, наконец, оценивать произошедшее с точки зрения белой стороны души, он ужаснулся той лёгкости, с которой демоны вовлекли его в этот кошмар, от которого всё ещё стучало в груди и висках. На радостях оттого, что всё закончилось, Жека испытал благодарность к настойчивому парню за то, что он добился справедливости и этим избавил его, Жеку, от сопричастности к своему несчастью. Жека сказал себе, что никогда не смог бы стать преступником, так как последующая тяжесть грехов не дала бы ему жить спокойно. Распаляясь всё больше, он подумал, что пусть лучше его обманут, чем обманет он, и поклялся никогда больше не поддаваться зову алчных демонов.

Добираясь на маршрутке до дома своего товарища-химика, теперь занимающегося коммерцией и снимающего квартиру в Москве, он понемногу успокоился и уже чувствовал себя почти восстановленным в привычном мироощущении, снова радуясь тому, что с успехом выполнил задание жены.

Сунув руку туда, где во внутреннем кармане лежала пачка с деньгами, он неожиданно почувствовал тревожный сигнал сомнения, поняв, что пачка кажется ему недостаточно толстой. Приехав к товарищу, он, содрогаясь от тяжкого предчувствия, уединился в туалете и, пересчитав деньги, выяснил, что преобладающая часть исходной суммы не лежала больше внутри конверта. Чувствуя себя будто аквалангист, в баллонах которого внезапно закончился воздух, Жека на всякий случай обыскал все свои карманы, а затем вновь пересчитал купюры. К счастью их не стало меньше по сравнению с первой проверкой, но, как и в первый раз, он опять недосчитался больше чем половины банкнот, которые, как он начал догадываться, были переведены на личный счёт напористого селянина благодаря ловкости его пальцев.

Сначала Жека подумал о том, как это лихо он смог — сумел вернуть свои деньги, да ещё бóльшая часть их с женой средств прилипла к его рукам. Потом озарение, наконец, сошло к нему, и сквозь хохот демонов он понял, что от момента падения великолепной пачки с американскими государственными знаками перед его носом осторожный паренёк ненавязчиво подводил его к тому блистательному мигу, когда молниеносный вор-щипач мастерски сделал своё дело. Сквозь обвальное состояние души Жека подумал о том, как смертельно талантливы эти безвестные актёры и какой удачный у них сегодня день. Находясь в полном расстройстве, он вышел из туалета и погрузился в стихию пьяного ужина, организованного

Валентином. Сильно опьянев, он вскоре рухнул на диван и мгновенно уснул, видя во сне кобр, опасно ползающих между его ног и говорящих на каком-то восточном языке.

Ловушка товарища-оборотня

Рано утром Валентин оказал Жеке любезность, попросив одного из своих московских друзей приехать и отвезти гостя в аэропорт. В ожидании встречной любезности, Валентин попросил передать картонный ящик с товаром своему партнёру во Владивостоке. Жека, естественно, согласился и отбыл в аэропорт Домодедово, держа при себе довольно увесистую посылку.

— Ты поосторожней с ящиком. Там товара на две «штуки» баксов. Валентин «пацанам» во Владике долг отдаёт,—сказал на прощание Валентинов друг и стартанул прочь от аэропорта, торопясь по своим коммерческим делам.

Оставшись один с ящиком в руках, Жека вошёл в здание аэропорта, вовремя успевая к регистрации на рейс. При проверке ящика что-то пошло не так, и появившийся представитель власти попросил его отойти в сторону, а затем ему было предложено пройти в дверь, которую тут же захлопнули за его спиной. Его усадили на стул, и капитан милиции, очень вежливо разговаривающий человек, начал задавать вопросы, из которых Жеке стало ясно, что его обвиняют в попытке незаконного проноса в салон самолёта партии парфюмерии, представляющей собой огнеопасную жидкость.

Совершенно подавленный Жека начал было объяснять капитану, что товар не его, но осознал всю неубедительность своих слов и, взяв себя в руки, начал думать. Он напугался того, что ящик конфискуют, и представил ситуацию, в которой он объясняет «пацанам», куда он дел товар. Очень осуждая Валентина за подставу, он предложил капитану решить вопрос путём внесения некоторой суммы денег.

— Ну что вы за люди—коммерсанты? Чуть что—решить вопрос! А как же безопасность граждан? А если ваши аэрозоли воспламенятся в салоне самолёта? Это серьёзная угроза! Везде написано: запрещено для перевозки! Как вы можете нести это в самолёт?

Не зная, что ответить, Жека сидел молча, вдруг увидев себя в роли ныряльщика за жемчугом, ногу которого зажал своими створками огромный моллюск тридактна.

— Ладно, показывай, что там у тебя,—вдруг сказал капитан-тридактна.

Жека сначала хотел достать бумажник, но потом, осознавая, что несколько мелких купюр, содержащихся там, не устроят хищного капитана, был вынужден достать конверт с остатками денег. Заглянув в конверт, капитан смел его со стола и предложил Жеке проследовать на рейс.

— Я всё не могу отдать. Там всё, что у нас есть. Меня жена убьёт…—забормотал Жека.

— Жене ты везёшь парфюм. Она будет довольна. Или ты ждёшь конфискации? Вот ваши документы! Прошу не опаздывать на рейс!—жёстко сказал представитель власти, и Жека, схватив ящик, вышел из комнаты, чувствуя себя ныряльщиком, освободившимся от тридактны путём отсечения собственной ноги.

Было очень больно и обидно. К голове подкатил гудящий шум, и сознание было готово вот-вот померкнуть. Однако он заставил себя двигаться дальше, собрав воедино всю оставшуюся позитивную мотивацию.

В аэропорту Владивостока к нему подскочил «бронебойный пацан» и принял ящик из рук в руки. Он предложил подвезти до города, и по дороге Жека рассказал о ментовском беспределе, случившемся с ним в аэропорту Домодедово.

— А мы ещё удивились! Что, Валентин не знает, что ли, что самолётом нельзя? Вот крутила!—весело отреагировал водитель, не переспрашивая о деньгах, изъятых капитаном-тридактной.

— Я говорю—свои отдал. Надо бы их назад получить,—произнёс Жека после паузы.

— Это не ко мне! Я просто водитель. Где тебя высадить?—сухо сказал «пацан», который вдруг привиделся Жеке водолазом, имеющим круглый медный колпак на месте головы.

Мысленно ударив по колпаку кулаком, он вышел из машины.

Мэри берётся за дело

Вопреки ожиданиям Жеки, жена спокойно перенесла известие о случившемся.

— Чего-то подобного я и ожидала. Но, конечно, не могла представить, что ты сам отдашь все наши деньги,—бесстрастно сказала она.

— Прости, Мэри. Мы теперь должны очень много. Но я постараюсь собрать…

— Каким образом?

— Пока не знаю…

— Не переживай. Я знаю!—тихо сказала она, а потом добавила:—Мы разводимся.

Развод, действительно начатый и быстро реализованный женой в судебном порядке, стал для Жеки полной неожиданностью, сокрушившей всё его существо. На суде он сказал, что уверен в том, что их семье поможет второй шанс, что они несут ответственность за сына, для которого эта ситуация может стать большой бедой. Однако жена вдруг картинно заплакала, и судья быстро поставил штампы о разводе в их паспорта.

Жека теперь не жил со своей семьёй, ночуя то у родителей, то у своей бабушки, и мог лишь навещать сына, а также гулять с ним. Приходя за сыном, он

стоял в прихожей, ожидая, пока мальчик оденется. В мгновенно ставшей чужой квартире теперь был кто-то ещё. Тот «кто-то» сидел в гостиной по праву сильного, выплатившего его, Жекин, долг, а Мэри, от которой теперь пахло агрессивным запахом «того», носила в гостиную то тарелку с едой, то чашку с чаем. Пронося это мимо стоящего в прихожей Жеки, она покровительственно улыбалась своему бывшему мужу.

Надежда и поражение

Наступила зима. Однажды субботним утром, когда Жека явился в свою бывшую квартиру, чтобы пойти на прогулку с сыном, тот сказал, что они с другом Стёпой хотят посверлить лёд на заливе. Поэтому было решено сначала зайти за Стёпой, а потом пойти на залив, где обычно было много рыбаков, занимающихся подлёдным ловом и имеющих коловороты для просверливания лунок во льду. Жека был уверен, что кто-либо из них разрешит мальчикам посверлить лёд своим коловоротом.

— Что-то я не увидел маминого друга и его вещей в прихожей. Куда он делся?—спросил Жека у сына, когда они шли по скрипящему под ногами свежему снежку.
— Он ушёл, потому что они с мамой поругались.
— Что случилось?
— Он поехал в Москву, и там его крутые московские пацаны развели, как лоха последнего. Впарили поддельные китайские сигареты вместо американских. Эти сигареты вонючие, и поэтому у нас в городе их никто не покупает. А он в них вложил всё бабло. Поэтому теперь у него есть три вагона сигарет, а бабла нет совсем. Мама на него кричала и спрашивала, как он мог вложить все деньги в эту дрянь. А он ушёл.

«Не только меня разводят в Москве»,—подумал Жека и искренне обрадовался случившемуся. Он вдруг ощутил прилив надежды и начал строить план восстановления семьи. Готовясь вновь вступить в права полноценного отца и желая повоспитывать сынишку Владика, явно нахватавшегося блатных словечек от друга Мэри, он произнёс поучительную речь:
— «Разводить», «лох», «впарить», «бабло»—это слова, принятые в мире преступников, которые разговаривают на своём языке. Этот язык называется «феня». Ты не преступник, а интеллигентный житель России, и поэтому должен говорить по-русски правильно. Нужно говорить не «развели», а «обманули», не «лох», а «неопытный человек», не «впарили», а «продали плохой товар путём обмана», не «бабло», а «деньги».
— Папа, а я, наверное, не житель России. Мама в Америку собралась уехать и меня с собой берёт. Мне теперь нужно американский язык учить.
— Не американский, а английский,—машинально поправил сынишку Жека, а сам почувствовал, что новая беда накрывает его.
— А как мама собирается попасть в Америку?
— Русская подруга, которая живёт в Америке, хочет познакомить её с богатым американцем Кэни. У этого Кэни умерла жена, а когда он увидел фотографию нашей мамы, то сказал, что она сильно похожа на его жену. Он считает, что это Иисус возвращает ему жену обратно в виде нашей мамы. Поэтому он сделал маме и мне приглашение, и мы улетаем во вторник. Как раз у меня в школе каникулы начинаются. Мама говорит, что я в Америке в школу пойду.

Эпилог

Жека, совершенно оглушённый услышанным, долго не мог говорить. С пониманием того, что Мэри вышла на международный уровень, пришло осознание полной необратимости развода и потери возможности для общения с сыном. Он снова почувствовал себя ничтожеством, не сумевшим предотвратить разрыв с женой, и отцом-слабаком, неспособным удержать своего ребёнка около себя.

Зайдя за Стёпой, они втроём направились к покрытому белым заснеженным льдом заливу, на котором во множестве виднелись рыбаки, издалека казавшиеся чёрными семечками, рассыпанными по белому полотенцу. Дойдя до берега, они ступили на лёд и направились к рыбакам. У первого же из них Жека попросил разрешения воспользоваться коловоротом, чтобы дать мальчикам возможность узнать, как сверлятся лунки. Однако рыбак оказался неприветливым и отказал, сказав, что не даст портить свой инструмент. Владик и Стёпа разочарованно посмотрели на Жеку, который изобразил невозмутимый вид, а затем предложил пойти дальше в поисках более добрых дядей.

Они были уже в середине залива, где было сосредоточено большое количество любителей подлёдного лова, и Жека надеялся, что кто-либо из них проявит великодушие. Но все последующие дяди оказывались такими же несговорчивыми, как и первый рыбак, и неудачливый папаша всё более угрюмо вёл свой небольшой отряд от неудачи к неудаче.

Вскоре расстроенный Жека сказал, что пора домой. В грустном молчании они двинулись к берегу, уже не останавливаясь около пингвиноподобных рыбаков и не пытаясь разговаривать с ними. От обиды все трое шагали всё быстрее и сбавили ход, только когда жадные до своих коловоротов рыбаки остались позади. На пути оставался последний рыбак, который стоял особняком и был ближе других к берегу. Чтобы не встречаться с ним, Жека начал забирать в сторону, но рыбак вдруг подал голос:

— Папаня, не хотите ли передохнуть?

Удивившись, Жека остановился, а затем все трое подошли к общительному дядьке, который радостно улыбался пришедшим к нему гостям. Вокруг его лунок, вода в которых затягивалась колышущейся вверх-вниз шугой, лежали свежевыловленные корюшки и наваги, пахнущие арбузной прелестью.

— Гуляем? — начал беседу рыбак.

— Да, вот ребята посверлить хотели. Не даёт никто.

— Так пусть моим аппаратом попробуют, — предложил хозяин коловорота, беря свой инструмент и пристраивая его для сверления.

С минуту он обучал мальцов, а затем, дав им задание сверлить по очереди, повернулся к Жеке.

— А что, папаня, не закусить ли нам? — спросил он, доставая из своего рыбацкого ящика бутылку водки, варёную курицу, два солёных огурца и буханку хлеба.

От такого приёма Жека испытал прилив радостной благодарности и согласно закивал головой.

— Вот и хорошо, — довольно произнёс рыбак, наливая в единственную кружку и протягивая её Жеке.

— Ломай курочку, тёплая ещё! — сказал он, принимая пустую кружку назад и наливая себе.

Они стояли, жуя и наблюдая за ловкой работой мальчишек, которые сверлили всё новые и новые лунки.

— Всё нормально будет! — вдруг сказал рыбак.

— Думаете, будет? — спросил Жека, понимая, что выглядит грустно, и поэтому не удивляясь тому, что его начали успокаивать.

— Конечно! У тебя точно будет!

— Даже не знаю. Я не гожусь для серьёзных дел. Поэтому жена меня бросила, а теперь вот и сына в Америку увозит. Так вот просто берёт и навсегда увозит!

При этих словах у Жеки вдруг дрогнула челюсть, и спазм рыдания, сопровождаемый потёкшими слезами, заставил его отвернуться.

— То, что ты не годишься для её дел, не значит, что ты плох в своих делах. Скоро другую встретишь и будешь для неё самый лучший. Давай за это по второй!

Он снова налил, и они выпили, закусывая огурцом и хлебом.

— А ты насчёт сына и Америки не беспокойся. Никто не может управлять любовью детей. Её ничто не может отменить. Никакая Америка. Придёт время, и сын тебя сам найдёт. Вот увидишь, — сказал рыбак.

— Почему вы так думаете?

— По вам обоим это видно. Ты его обожаешь, и он тебя любит, аж светится. Папин сынуля! С тобой всегда будет! Так что зря ты расстроился.

Они помолчали, глядя на румяных Владика и Стёпу, которые уже просверлили больше десятка лунок, но всё ещё хотели продолжать эту работу. Жека стоял, осмысливая слова рыбака и внимательно рассматривая сына. Владик усердно крутил коловорот и часто поглядывал на него — своего папу, по-видимому, желая произвести впечатление своим умением крутить лунки.

— У тебя здорово получается, — весело сказал Жека, и сын удовлетворённо кивнул, явно радуясь похвале отца.

Увидев реакцию сына, отец почувствовал, как тяжкий груз депрессии вдруг исчез, уступив лёгкости, тут же обосновавшейся в груди. Выпив третью, протянутую рыбаком, он распрямил спину, осознав, что до этого стоял сутуло. Ему захотелось осмотреться вокруг, чтобы насладиться видом зимнего залива. Он вдруг обрадовался просторной красоте неба, неспешно блёкнущего при бледном свете недавно взошедшей луны. Там, вдалеке, на холмистом противоположном берегу, появлялись и разветвлялись вереницы огней, показавшихся Жеке надёжно-приветливыми. Его интеллектуальную суть вдруг вновь приятно поманила загадочная океанская глубь, бывшая прямо здесь, под панцирем солоноватого льда, перевитого вмёрзшими водорослями. В воображении снова начали выстраиваться давно не посещавшие его подводные образы-загадки, зовущие к планированию научных проектов.

«Всё нормально будет!» — подумал он, почему-то ощущая полную уверенность в правоте этой мысли.

Вскоре довольные Владик и Стёпа объявили об окончании сверления. Радушный хозяин коловорота быстро собрал своё снаряжение, и все они покинули лёд накрываемого ночью залива. После тёплого прощания с добрым рыбаком троица направилась к городской окраине. По дороге Жека вдруг понял, что не спросил у этого встреченного ими чудо-человека его имени.

«Отныне и всегда буду называть его Рыбак-Солнце!» — решил он.

Елена Луновская

Чёрные воды небытия

Праздник будет

— А ну стойте… паршивки! Кому… сказала?! Ну, я вам устрою… вы у меня получите!!!

Прерывистые выкрики так разносились по двору, что, кажется, эти вопли слышал весь дом — от первого до пятого этажа. Тётя Марина занималась вечерней пробежкой: гналась за двумя девчонками, бегая вокруг «панельки». «Паршивки», хохоча, и не думали останавливаться — улепётывали, как последний раз в жизни.

Девчонкам не привыкать — вечно крайние!

Впрочем, облажались так облажались. И верно: одно дело подтрунивать над аккуратисткой и красавицей двора — дочкой тёти Марины, совсем другое — опрокинуть её в лужу. Потерпевшая всего-то демонстрировала «подругам» новое платье, ну, обронила, что у них никогда такого не будет. Обидчивые какие!

«Будущие уголовницы! Изолировать их надо…» — возмущалась на бегу тетя Марина. Хуже всего, что никуда не денешься от мерзких хулиганок, доченьку, умничку и красавицу, не спрячешь…

Женщина остановилась. Еле переведя дух, поплелась домой — ну, завтра она выскажет родителям! Пусть платят за испорченную вещь, сволочи.

Девчонки давно исчезли из виду.

…Запыхавшаяся, Оля вдавила кнопку звонка несколько раз. Открыл отец. Ничего не сказал. Пропустил дочку в квартиру и снова завалился на диван — читать. На табуретке стояла початая бутылка… Оценив обстановку, Оля шмыгнула в свою комнату.

А наутро взбучки удалось избежать. Причём обеим — подруга Сашка отболталась, она это умеет, родители в обиду не дали. А Оля…

— Оленька, а хочешь, в парк пойдём? — предложил отец.

— В па-а-а-арк? — она исподлобья взглянула на него: такое уже было — пообещает, потом напьётся и забудет.

— Собирайся, дочь.

— А мама?

— Мама работает. Придёт вечером, знаешь ведь.

Она ещё никогда не была в парке с папой. Да и вообще никуда не ходила с папой. В парк её иногда водила мама… Оля не знала, радоваться или нет.

Наскоро умывшись, натянув повседневный, салатового цвета, костюмчик — шорты и футболку, — пригладила кудряшки и была такова. Папа взял Олю за руку, и они отправились в парк Нефтехимиков, что неподалёку от дома.

Парк казался ей большим островом, обросшим тропическими (берёзы, ёлки, клёны и дубы мечтать не мешали…) пальмами и папоротниками. Такие чудеса — и совсем рядом. Жаль только, что редко гуляют вместе: мама занята работой, папа тоже занят — у него друзей целый район, они приходят с чёрными пакетами и допоздна сидят с ним в зале, покуривая сигареты и чокаясь рюмками. А иногда не приходят. Мама говорит в таких случаях: «Когда есть деньги — есть друзья, когда нет денег — нет друзей».

«Не день, а праздник!» — думала с некоторой опаской Оля. Как будто день рождения с зимы перенесли вдруг на лето. Папа угощал дочку мороженым, она «летала» на батуте, втайне надеясь остаться в воздухе, взмахнуть руками и полететь по-настоящему… куда-нибудь далеко, может. С Олей всегда происходило подобное: в самый радостный момент, когда можно чувствовать себя счастливой, падала тень — навязчивое и непреодолимое желание убежать. Она сама не понимала почему. Настроение это желание отравляло в один миг. Становилось плохо. Оля училась никому не показывать: ведь все стараются сделать твою жизнь лучше, а ты… даже улыбнуться не можешь, порадоваться искренне.

Отец посматривал за дочкой, а сам витал где-то далеко. Он отдыхал по-своему — украдкой доставал припрятанную в кармане фляжку и делал глоток.

Когда время прыжков на батуте вышло, Оля торопливо натянула сандалики с потрескавшимся дерматином (как она их не любила — с ними столько возни!), застегнула их и побежала к отцу.

— Ну, что дальше? Может, на «Ромашку»? — предложил он. — Или боишься? Другую карусель?

— На «машинки»!

Отец засмеялся:

— Ну да, ты же их любишь… Все уши как-то маме прожужжала…

Отец осёкся. Может, понял, что впервые повёл дочку в парк, и на миг ему стало стыдно. Может, воспоминание об усталой, вечно недовольной жене покоробило…

Он взял девочку за руку, и они побрели в заветный уголок с рельсами на высоких опорах—к «машинкам».

Оля очень любила аттракцион «Весёлые горки». Приведи только в парк—и больше ничего не надо. Она всегда жалела, что прокатиться можно лишь раз. Мама объясняла, что кататься больше—денег нет.

— Оленька, ты уже большая… сможешь одна?—отец серьёзно посмотрел на неё.

— Смогу!

Она боялась: мама никогда не давала ей кататься одной, всегда садилась рядом. От предвкушения и страха Оле ещё больше захотелось на карусель: она сможет, она не будет визжать! Или будет… так даже интереснее: машинка то стремительно несётся вниз, то подлетает вверх, как будто вот-вот вознесётся в небо… Ух! Как тут не заорать изо всех сил?

И она неслась одна, впервые, вцепившись в поручень перед собой. Поперёк живота—толстая цепочка. Оля вспомнила подзабытое ощущение: казалось, цепь не удержит, а она, Оля, вылетит и прочертит собой воздух… но всегда обходилось.

А потом они просто гуляли. Отец тоже не улыбался, но словно стал другим. И даже в глазах—обычно недобрых или стеклянных, рассеянно блуждающих с перепоя,—возникло что-то живое.

Заглянули в торговую палатку. Отец предложил дочке выбрать себе подарок.

Оля рассматривала большие светящиеся попрыгунчики, мягких зверушек, водяные пистолетики… Наконец девчонка выбрала акм и Пикачу. Точнее, не могла разобраться—чего хочет больше. Жёлтенький Пикачу пел песенку и был таким мягким, приятным на ощупь… Автомат ей тоже нравился—внушительный!

Отец, видя сомнения Оли, сказал продавцу:

— Мы возьмём и «калашников», и зверюгу. И давайте сразу десять упаковок пулек.

Оля обомлела. Этого слишком много… слишком для одного дня. Она знала: за хорошим следует только плохое и долго-долго тянется, не переставая. И всё же заставила себя улыбнуться.

Мальчишки окружили Олю. Каждый смотрел на «калашников» голодными глазами. «Даже у Тимки ничего подобного нет»,—не без удовольствия думала Оля. Тима—особенный мальчик. Квартира его родителей представляла собой настоящую сокровищницу самых классных игрушек—от целого плюшевого зоопарка, который едва помещался на широкой полке в советской стенке, до нескольких наборов солдатиков. Что уж говорить о «видике» и солидной коллекции кассет с мультиками…

Смилостивившись, Оля дала каждому стрельнуть из автомата. Она уже представляла, как будут играть в войнушку,—не терпелось побегать по двору с «калашниковым»!

Дома Оля бережно убрала пульки подальше. Пикачу пристроила рядом с подушкой.

А вечером пришла с работы мама. Она едва не шаталась от усталости. Отец спал в зале.

— Напился?—вполголоса спросила мать у дочери.

Оля виновато отвела глаза. Разговоры о пьянстве ей не нравились. От них—только тянущее чувство вины.

— Ладно. Идём на кухню, готовить. Опять целый день на улице бегала, наверное. И этот не покормил, как всегда, да?

— Я уже взрослая. Сама всё могу погреть,—буркнула Оля.

— Ага, если бы ещё ты это делала. Сколько раз оставляла тебе еду, всё показывала…

— Ну, я не хотела есть.

— Ну-ну.

…Конечно, она не одобрила подарков.

— У ребёнка сандалии истрепались, кроссовки вечно каши просят! Осень скоро, в школу, а он ей «калашникова» дарит! Вот молодец!

Муж матюгался в ответ: мол, единственный раз побаловал дочку, ну так что? Нельзя?

— Побаловал, ага. Напился как скотина! Опять! Тебе денег некуда девать, я смотрю?

Оля грустно слушала. Не в первый раз. Сколько ссор! Иногда Оле казалось, что всё это—им не подходит. А ещё она почему-то боялась, что так живут только её родители…

…«Калашников» сломали через неделю: отец хвастался перед собутыльниками и, когда стрелял, каждый раз с таким остервенением передёргивал затвор, будто автомат—настоящий. А Пикачу ещё долго пел песенку. Пока батарейки не сели. Сломанный автомат и жёлтый зверёк, покрывающийся пылью, напоминали Оле её саму, и даже больше, чем в момент, когда игрушки были новыми…

Тимке подарили винтовку-винчестер, и теперь уже его окружали мальчишки. Тимка гордо демонстрировал «оружие», а пострелять дал только Оле. Оля изобразила восторг: ей жутко хотелось отшвырнуть винчестер.

Умница и красавица из приличной семьи продолжала ехидничать. Продолжала её дразнить Оля, а тётя Марина так же жаловалась на хулиганку её маме, а последняя—фыркала.

В августе мама купила дочке новые кроссовки и школьную форму.

В парк больше не ходили.

Чёрные воды небытия

1.

«Др-р-р-рынь-т-т-т-т-т-т…» Оля покачивалась в кресле-качалке на летней веранде, прикрыв глаза, и вспоминала. Картинки всплывали отрывочные, как серия слайдов, сменяющих друг друга. Воспоминания возвращались больше звуками и колющим исподтишка ощущением. Оля пропускала звуки-ощущения-прочие вспышки через себя, думая, что отогнать их не мешало бы сейчас, но…

Её сейчас — неподалёку от Бирска. В деревеньке Большие Шады.

Её сейчас — вдали от крупного города, где остались малосемейка и кот.

Её сейчас — внутренний выпад в сторону…

Сам собой возник образ фехтовальщика. Но фантазия давала сбой. Никакого выпада. Потому что он стоял перед ней беззащитный, безоружный, с недоумевающим выражением лица, юный ещё… И всё время менялся, пока Оля смотрела на него: Юра-подросток — Юра-мужчина… Юра-подросток. Юра-мужчина.

А может, её сейчас — желание полюбить Юру снова?.. Хотя бы его.

«Др-р-р-р-рынь…» Он катал её на мотоцикле, пока родители не видели. Ругался, когда она пачкала ногами его брюки, сидя позади. Юра возился целыми днями в гараже. Он работал, чинил магнитофоны. А может, прятался от родителей. А ещё подкачивал колёса на велосипеде «Таир», который она, тогда мелкая девчонка-пацанка, с усилием закатывала по ступенькам на пятый этаж. Руки Юры — чернущие, в каких-то маслах…

Оля вздохнула. И чего вспоминать прошлое? Прошлого нет.

2.

Подъём на деревенскую гору Кала Тау поначалу казался ей трудным — так она запомнила из детства.

Юра шёл впереди. Следом рассеянно плелась Оля. Жена брата — Наташа — углубилась в берёзовую рощу: вышла на «тихую охоту». Наташу в деревне быстро наградили домашним прозвищем «унган», что в переводе с башкирского означало «непоседливая», «трудолюбивая».

Они прогуливались просто так, и Юра тоже поддался воспоминаниям о детстве. Оле он казался радостным и беззаботным здесь, в деревне. Не то что обычно. От этого становилось больно.

Ей хотелось спросить у брата: «Почему ты не понимаешь меня?» или «Почему мы стали чужие?» Молчать — лучше. Молчать — значит, жалеть через много лет. Когда ничего не исправишь — ни смерть, ни жизнь. Оля ощущала завораживающий «полёт» на глубину. В чёрные воды небытия.

Откуда берутся образы? Их сложно отключить. Иногда страшные. Оля думала картинками. Будто спала с открытыми глазами. Она проваливалась в них, словно переставала дышать.

«Провалы» можно контролировать. Они — причудливый второй слой реальности, за которым скрывается карнавал абсурда. Оля часто вертелась в этом карнавальном шествии картинок, пока не надоедало.

…Юра подал голос. Кажется, задумался: не родственники ли упомянуты на мемориале у Вечного огня?

Выходит, уже и по лестнице поднялись.

Унган хвасталась добычей: грузди! Оля неуклюже защёлкала фотоаппаратом, пытаясь поймать Юру, рассматривающего с любопытством механика пушки.

3.

Вернувшись с горы, Оля остановилась перед зелёным минивэном Юры, на котором они всей семьёй приехали к родственникам.

Ей не верилось, что они так дружно вернулись сюда. С последнего визита прошло лет десять. Дядя Хаким и тётя Гульсина, постаревшие, но бодрые, со смешками заметили, что Оля выросла. Оля не отбрыкивалась, она благодарно улыбалась.

Ей хотелось быть нужной. Гульсина наготовила угощений. Оля и Наташа-унган помогали накрыть на стол. Хаким играл на аккордеоне. Родственники говорили, перемежая русские и татарские слова, Оля чувствовала себя хорошо, даже когда не понимала их. Чёрные воды небытия пугливо отползали.

Но Оля всё стремилась куда-то. Если не мыслями, то ногами.

Брела по деревенской улице к молодёжному клубу. Он был закрыт, как и зелёная калитка, ведущая во двор. Оля немного постояла, глядя на кирпичное здание. Она впервые видела его при свете дня.

4.

В клуб ходили вместе с Алтынай.

Оля вспоминала, как убирали сено тогда, десять лет назад (наутро долго не могла встать — всё тело болело!). И как сидели ночью, перед дискотекой, на полянке. Она всё не могла оторваться от неба: в городе не увидишь столько звёзд. Казалось, в небо можно упасть и остаться там. Как сказочная девушка Зухра, которая поселилась на Луне.

«Какой наивной я была». Рука гладила забор. Хотелось вобрать побольше ощущений.

Они с Алтынай сидели в кругу местной молодёжи. Все говорили по-русски, считаясь с присутствием Оли. А Оля никого и не видела. Она

говорила с Алтынай, радуясь, что у неё есть такая классная сестра, что у неё вообще есть сестра…

5.

— Гульсина-апа! Алтынай можно найти в Интернете? Какая у неё сейчас фамилия?
— Костюкова.

Оля благодарно кивнула. Она не знала, как сохранить ощущение семейного тепла, но пыталась…

6.

Телёнок испугал её, высунув огромную голову из-за загона. Телёнок норовил лизнуть руку. Прохаживались по двору белые индюки, поразившие городскую жительницу своим цветом и гордым, независимым видом. «Наверное, я похожа на них». Между ней и родными будто пустыня: достичь цели вроде и можно, но почти нереально. Будто некто могучий взял гигантские ножницы и вырезал ими Олю по контуру. Отделил от людей.

7.

Вечером они не поехали домой. Юра выпил и не мог сесть за руль. Лёжа в постели, он повторял:
— Вам не нравится мой микроавтобус? Не нравится, да?
— Да перестань уже! Как ребёнок,— ворчала Оля.— Нравится нам минивэн, классный он. Теперь спи.

Когда брат пил, он превращался в мальчика. Оля и любила, и не любила это в нём. С виду пьяный он становился добрее, искреннее. Ей хотелось плакать, потому что он не такой по натуре. И папа тоже. Тоже не бывал добрым, настоящим. А мама… а мама лучше всех.

Оля засыпала медленно. Навязчиво хотелось написать сестре, которая не смогла приехать. Найти её в соцсетях и написать. Сразу по возвращении. Сразу.

8.

Белые индюки высыпали за ограду, к машине.
— Они, что, провожают нас?! — поразилась Оля.
— Конечно! — улыбнулась Гульсина-апа.

Оля чувствовала, что задержалась бы здесь, но уезжать нужно сейчас.

Дома она быстро нашла Алтынай в соцсетях. Просмотрела украдкой свадебные фотографии. Увидела знакомые пейзажи Больших Шадов на других фото. И решила не писать.

Страничка, оставленная в закладках. Страничка, с которой не получит ни одного сообщения. Опустошённость.

Евгений Минин

И с рифмой дружен я

На дне

Как надоело мне
в поэзию играть.
Вот я лежу на дне
и не хочу всплывать.
Григорий Шувалов

Частенько сочиняю,
и с рифмой дружен я,
но больше не играю
в поэзию, друзья.
Известный в сферах высших,
теперь залёг на дно.
А как зовут всех всплывших
известно всем давно.

Лермонтическое

Сатира и Юмор ушли от меня,
мне скучно и не с кем беседу разжечь.
Игорь Караулов

Мне скучно и грустно, беседу разжечь
здесь не с кем, тоскую — ну просто беда,
не сбросить такое исчадие с плеч,
ведь годы проходят — кто знает куда.
Сатира и Юмор ушли от меня,
все жанры ушли — и роман, и рассказ.
Полцарства готов я отдать за коня,
но чтоб непременно был это Пегас!

Анатолий Дудник

У гадючьего гнезда

Гадюка шипела и кольцами жалась к земле; разомлевших на солнце таких же ползучих, как она, было с десяток; все они разом сползли под огромную бетонную глыбу, сплошь пронизанную стальной арматурой, а к этой я подступил нечаянно слишком близко, за что в ответ она успела стегануть по моей длинной, свисающей на ботинок штанине и, угрожающе шипя, готовилась к повторному броску. Не видя исходящей от меня никакой угрозы, в глубокой задумчивости, я был как будто на приколе, живая пружина с шипящей головкой в середине ослабла, её кольца опали, распустились; чёрная, в золотом узорочье, лента скользнула под глыбу к своим сородичам.

— Ого,—стал размышлять я вслух, удивлённо крутя головой,—в детстве мы бегали здесь босиком, и, помню, наткнулся неожиданно на такую же гадюку; тогда мне казалось, что две ранки на ноге получены от колючей проволоки в груде разного хлама, но из него выскользнула такая же гадина. Старший брат мой, Санёк, предупредил: «Это змея ужалила тебя». Я поверил ему, когда нога распухла и я почувствовал тошноту с головокружением. Так я оказался в винницкой больнице имени Пирогова.

С той поры промелькнуло незаметно почти тридцать лет; глубоко вздохнув по улетевшим годам, я приподнял опущенную голову, вспоминая ушедшее. Но на одной из плоскостей бесформенной глыбы взору предстала не замеченная ранее нелепая надпись: «Бункер взят!» Вполне уместно и даже оправданно, когда на скалах или прочих недоступных местах оставляют надписи, пометки первопроходцы, покорители горных вершин, но когда на доступных местах заявляют о своём бытии праздные туристы, тем более несут разную чушь просто так, по дури или забавы ради,—тут невольно вспомнишь одно из острословий поэта Маяковского: «Здесь был Вася Хайлов, семейство ело и отдыхало». Та строка, вспоминаясь довольно часто, вызывала во мне если не смех, то усмешку. В те минуты было совсем не до усмешек мне, приехавшему из далёкого Иркутска к бывшей ставке Гитлера «Вервольф» под Винницей, на Украине. Память из зрелых лет моих опускалась к детским, первым послевоенным летам, где, как прежде, в сосновом бору—чахлые сосёнки с обвисшими ветвями обливаются янтарной слезой, а в тени добротная, как будто вовсе не хоженая, асфальтированная дорожка тянется к дубраве. Недалече—прочная, довольно ёмкая бетонированная чаша бассейна с отходящими от неё к водам Южного Буга аккуратными, кирпичной кладки, колодцами, на дне которых по паре труб—прямой и обратной—с вентилями. Чуждыми смотрятся те аккуратность и крепь, когда в паре десятков метров гнездятся наполовину засыпанные обломками и крошевом комнаты, закутки, коридоры скрытых верхних этажей бывшего подземного бункера. Справа от него громоздятся бесформенные изорванные глыбы, всё так же пронизанные стальной арматурой. Чем дальше те валуны от бункера, тем меньше они по размеру, что напоминает о взрыве неимоверной силы, приведшем к такому разбросу. Между глыбами—осколки, обезвреженные боеприпасы, прорезиненные колёса. Ещё дальше, на необозримом просторе благодатных чернозёмных полей, радовали зелень и разноцветье; на грядках—лёгкие пушинки коксагиза, что сродни одуванчику; о чём-то о своём шептались налитые зрелостью тяжёлые колосья ржи и пшеницы; память уносила меня за два-три километра, в Стрижавку.

То, что в детстве сказывали матери и бабушки моих одноклассников, таких же, как и я, подранков, занимаясь разной работой: с кукурузными початками, шитьём, штопаньем или глажением тяжёлым угольным утюгом; то, что вскользь касалось слуха, но ещё не проникало в глубь души—с годами становилось всё весомей, значимей и зримей; здесь, у развалин, оживало по новой, обретая особое звучание, видимость и силу.

На простой украинской хате тех времён—четырёхскатная соломенная крыша; белые глинобитные стены небольшими оконцами глядят на прохожих исподлобья. Я сижу в хате у такого открытого оконца со своим другом и одноклассником Николкой Жучко. На стенах под рушниками—фотографии отца и старших братьев, погибших на войне. Из окна мне виден сад с яблонями, вишнями, сливами; ветка ближней яблони с тяжёлыми, ещё неспелыми плодами золотого ранета, от грузности своей опустилась на подоконник. Я вдыхаю медовый, с кислинкой, запах, а на слуху знакомые

до слёз строки Тараса Шевченко: «Садок вышнэвый колохаты, хрущи над вышнямы гудуть…» Вскоре эти строки меркнут, угасают, другие, более суровые и прозаичные, сказания наполняют тусклую комнату. Это Николкина матушка Таисия с соседушками Оксиньей и Марьей, такими же вдовушками, ведут свою печальную беседу о незабвенных годах.

— Вокруг Винницы столько гарных мест, а краше наших ворог не сыскал.

— Нет, Оксинья, какая-то страшная нечистая сила нашептала Гитлеру окопаться за Коло-Михайловкой — напротив моста через реку; заодно испоганить все наши святые места. В Стрижавке он с первых месяцев войны занял самые добрые хаты для офицерья, школу, клуб и контору для постоя солдатни. Колхозные конюшни, коровники вместе с дворами окружил колючей проволокой, кругом наставил сторожевых вышек.

— Всю скотину отправили в Германию; вместо неё в скотохоромы загнал пленных не только с фронтов — отовсюду: с ближних и дальних оккупированных районов. Днём и ночью они спускались из крытых машин и шли цепочками по солдатскому коридору к своим дощатым, в два яруса, с соломенным настилом, нарам. Под нарами тоже стелили солому.

— Вблизи у ворот, под навесом, выпекали эрзацхлеба́. Дымилась кухня целый день, воняло от неё гнилым мясом, ржавой селёдкой. Около пня крутился здоровенный мясник с сокирой, какие были у палачей. Он рубил вонючие собачьи, конские и ещё какие-то туши. Часто отворачивался и рубил почти не глядя. Повара бросали в большой котёл рубленые куски и тоже отворачивались; часто их тошнило от чего-то такого, о чём и сейчас сказать нету сил…

— Зато узники длинной очередью громыхали мисками, проходили мимо котла. Повар плескал в каждую чашку черпачок баланды, другой туда же бросал кусок мяса с эрзац-хлебом. Пленники спешили к своему подобию столовой и всё, что было в чашках, съедали на ходу.

— По селу пошла чужая мова, музыка и песни по радио, из патефонов, под которые только строем шагать. Ночью на столбах — электрические лампочки, собачий вой, трескотня движков, а от них кино на больших полотнах. Самой громкой стала базарная площадь, где громадный кирпичный туалет. С громкоговорителей и перед показом кино слышно было «гавканье» Гитлера и долгие-долгие безумные крики воинствующей толпы. Как привезут солдатам девок из города, начнётся такое веселье: визг, хохот, крики в ночи.

— Пленных стали сразу гонять на работу: одних — прямиком по верху к гранитному карьеру, где стояли казармы «мёртвоголовников». Больше всего бригад направляли по нижней дороге через мост, мимо Коло-Михайловки, к соснам. Там, у особо запретной зоны с тремя рядами колючки и десятками вышек, велись какие-то секретные работы.

— А ты заметила, Марья, сколько пленников было в каждой бригаде?

— А как не заметить, когда работяг выводили рядами по десять, и рядов всегда было десять? Конвоиры с автоматами и овчарками шли по бокам, впереди и сзади; овчарки при них — как телки.

— Спешат, помню, солдаты, орут как скаженные, подгоняют: «Шнеля, шнеля, марширен, думмэс фи!» Скотами называли пленных, а всех нас — «швайнами». «Сам ты швайн», — так я ответила тихонько одному солдату, а он чутким оказался, разворачивается на пороге и отвечает: «Я, я — швайн!»

— Вертались пленные с работ, еле волоча ноги, строй их редел на глазах: на тех, кто отстал, споткнулся, не дай Бог, упал, бросались озверевшие собаки; охранники, которые сзади, прикладами добивали пленных.

— А знаешь ты, Аксинья, возвращались пленные только с гранитного карьера. В особо запретную зону была только прямая дорога, для пленных и для солдат.

— Самое жуткое начиналось с приходом холодов: работяги в обшарпанной холодной одежде, полуголодные, на вонючей баланде с эрзац-хлебом, все как один хлопали в ладоши, махали руками, как крыльями, и так же разом на ходу приплясывали, чтобы согреться, напевая знакомую песню: «Как на серенький лужок выпал беленький снежок».

— Миколка, мой семилетний, как поглядел на такое диво, так и сказал: «Мамо, дывысь, воны як зайчики стрыбають»… А солдатам глянулись такие «попрыгайчики» — ржали как жеребцы, потешались и кричали: «Гут, Иван, гут». Требовали: «Нох, нох, танцен, танцен!» Солдаты и сами приплясывали, вовсе не зная, что ждёт их там, в секретной зоне.

— Мы, бабы с детьми, были рабами оккупантов; нас, хворых и здоровых, под надзором полицаев заставляли пасти скотину, кормить, доить, сеять, полоть и убирать сахарную свёклу, картошку, яблоки и груши в садах. Солдатам полагалось всё, а они врывались в хаты с криком: «Яйко, шпек унд шнапс!»

— Сало им, горилку где хочешь, там шукай и подавай…

— Так было изо дня в день, из года в год; но и для них настали чёрные деньки: молодчиков за год до Победы как будто подменили — забегали они, засобирались. Пленных всех разом, без расчёта на сотни, угнали за мост; сами вскочили в машины — и только пыль за ними вслед. За ними бежали полицаи и разные холуи, они цеплялись за борта, а их били по рукам прикладами.

— Мы мальцов укрыли по сараям, погребам; сами притулились в закутках, ожидали самого

страшного, хотя к нему давно уже привыкли. Тогда бабахнуло за мостом, в запретной зоне; громыхнуло так, что земля содрогнулась, крыши соломенные, как казачьи шапки, с домов послетали, окна со звоном—следом за ними.

—День настал чёрный, «як ничка бэз зирок». Долго не верилось, что оккупанты ушли, кончилось наше рабство, пока не пришли наши армейцы; следом за ними мужики, искалеченные войной: без рук, с деревянными ногами, а то и вовсе без ног, на скрипучих тележках. Мучились чахоточники в приступах кашля с хрипотой идущей, с харканьем и кровью. Они носили с собой баночки-закрывашки, чтобы не разносить страшную, неизлечимую тогда ещё хворобу—туберкулёз. Людские толпы каждый день собирались у пивнушки. Хитрая и ловкая торговка Фрося качала из бочки пенистое пиво в бокалы. Одни заливали им своё горе, другие—телесно-сердечные раны. Только тогда мы гоняли узников в запретную зону.

—Помнишь, Таисия, как мы всем селом отправились к мосту? Глядим на него—он взорван. Сапёры ладят переправу бревенчатым настилом. К нам подошёл офицер, сказал: «Только вам повезло, вся Винница в руинах, все сёла вокруг сожжены и разрушены. Десятки тысяч невинно погибших мирян. Многие ещё не погребены…»

Вспоминая всё это, я ощутил черноту с едким дымом от взорванных неприятелем двух вагонов взрывчатки. Как будто из мрака предо мной выплывали всё те же огромные глыбы, и прежде всех та, испачканная глупой надписью: «Бункер взят». Далее памяти коснулась последняя мною прочитанная небылица о «логове» в центральной газете, где словоохотливая бабуля из Стрижавки поведала журналисту о Гитлере и Еве Браун в самом логове Гитлера так, словно, находясь там, подглядывала за любовниками, хотя всем известно: каждый ступивший в ту зону бесследно исчезал. Только последняя сотня пленников из Стрижавки была найдена нашими воинами во рву, их трупы не успели сжечь.

В детстве мы, жители ближайших селений, называли это жуткое место «дачей Гитлера». Часто бегали туда, подбирали сосновые шишки для топлива, в свободное время играли в войнушку. На колхозных полях, что раскинулись справа от логова, помогали в прополке посадок; собирали колоски, а более того—семена коксагиза, очень схожие с пушинками одуванчика (корни были ценнейшим сырьём для производства каучука). Кишащие под глыбами гадюки с годами всё больше казались нам, местным жителям, душами тех, кто, как говорится, «с мечом к нам пришёл».

Хотелось забыться, уйти прочь от этого гадкого, заражённого, испоганенного врагом, некогда святого места. Вспомнить нечто отрадное, более светлое… «Южным Бугом зовётся река; мне близка, хотя так далека, до сих пор её тёплые волны мою память до донышка полнят; всколыхну, расплескаю слегка…» С теми строками, выплывшими из душевной глубины, через шоссе, сотканное из гранитных плиток, я отправился к реке. Только в ней оставалось спасение от печальной памяти и палящего в зените солнца. На водной глади близ бетонных мостовых опор, почти не шевеля плавниками, застыла стайка крупных чебаков. Вокруг, куда только доставало око, виднелись одни лишь головы купальщиков; даже самые азартные пловцы, поплавав вдоволь, поплескавшись, опрокинулись на спину, держась неподвижно на поверхности парной воды. Течение реки тихое, почти незаметное, да и всё вокруг утихло, обомлело. Лишь здоровенный детина лет двадцати, в переизбытке бурлящей радости и необузданной энергии, стоя по грудь в воде, выпрыгивал из неё до колен; вздымая руки кверху, громогласно, словно на аукционе, расхваливал свои довольно рельефные бицепсы, умолкнув только тогда, когда в прыжке с него слетели трусы.

Чего только не было на этой реке—весёлого и печального! Сколь жизней унесла она, особенно зимой, когда горе-смельчаки пытались переехать её по льду. Скольких вынесла она на своём плаву. Сам я с Божьей помощью остался живым, когда восьмилетнего меня, ещё только постигавшего азы плаванья, сбросили с моста ребячьей забавы ради, я оказался тогда одним из щенков, брошенных в прорубь, но выплывших на выбор хозяина. Не плыл я, а барахтался по-собачьи. Игольчато-тоненький голосок Гали Очеретной, моей подружки и одноклассницы, стоявшей на берегу, указывал мне, ничего не видящему, точное направление.

Здесь, у реки, подружился со своим сверстником Мишкой, из обычной многодетной семьи Юрченков. У них, как говаривали, «семеро по лавкам, а ещё двоим на тех лавках больше места не хватило». Мишкин отец, израненный на Первом Украинском фронте, умер в иркутском госпитале. С печальной вестью, прощальным наказом и кое-какими гостинцами от него однажды приехал его товарищ из госпиталя, Адам Данилович Юрченок. Приехал и, как это часто бывало в те годы, остался в семье примаком, а детям отцом. Семья его погибла под бомбёжкой в первые же годы войны в Белоруссии. Адам Данилович оказался на редкость здоровым мужиком и мастером на все руки; а то, что у него одна нога прострелена, другая—деревянная, скрипучая при ходьбе и напоминала по форме бутыль горлышком вниз, да то не в новинку: сколько их, таких, вокруг и рядом… Адам Данилович о том нисколько не печалился, чаще шутил: «Нам, таким древоногим, не страшны никакие бандиты и даже скаженные собаки». Под стать ему была и Мишкина маманя, Арина, добрая, полнотелая,

весёлая; она в кругу своих односельчанок часто, смеясь, грозила перепилить мужнину деревянную ходулю, если в очередной раз застукает муженька где-нибудь на соседском сеновале.

Там, на реке, узнал от Мишки последнюю новость — о возвращении немецких военнопленных к себе в Германию. Отчим работал на станции Орша, где предупредили о проезде особых эшелонов с бывшими фашистами из спецлагерей; эшелоны должны проследовать через Винницу на Оршу. Вместе с такими же эшелонами они двинутся прямой скоростной дорогой на Берлин. Новость всколыхнула сердца и умы тех, кто видел врагов воочию, и тех, кто понаслышке знал о военных злодеяниях. Мы приехали туда после войны. Отец мой, получивший первые раны ещё в финских болотах под прицелом «кукушек», то есть снайперов, умер в сорок шестом году.

Ради единого взгляда на бывших оккупантов, даже во вскользь, мимо проходящих вагонов, ребята из ближних сёл и мы, дети вольнонаёмных работников трудовой колонии, столпились на обочине железной дороги у безымянного полустанка. Со мной были мои младшие братья, Витёк и Юрий (старший брат, Санёк, находился на работе). Троих младших братьев позволили взять с собой Михаилу. Нам было по пятнадцать лет.

После долгого и, казалось, уже напрасного ожидания вдали послышался тревожный крик паровоза: вначале длинный, а затем три коротких гудка возвестили вовсе не предвиденную остановку. Впереди пути наверняка велись срочные ремонтные работы. Семафор с опущенным крылом предупреждал о том же. К полустанку подкатывал товарняк с полутора десятками вагонов коричневого цвета. В таких деревянных вагонах перевозили зерно, корнеплоды, продукты и даже скот. В них новобранцы и воинские части уезжали на фронт из Сибири и Дальнего Востока. Один из таких вагонов, как помню, третий от паровоза, с шипением и скрежетом тормозных колодок, оказался самым ближним к нашей компании. Был обычный тёплый летний день; в открытом проёме вагона, облокотившись на прочную брусчатую перегородку, в одинаковых серых навыпуск робах, в картузах с большими козырьками, столпились худощавые, подтянутые, пленённые нашими частями на различных фронтах, не говоря о сталинградском котле, бывшие фашисты. На закрытых объектах нашей страны, в спецлагерях, вполне справедливо, они вели строительно-восстановительные работы. Мы молча, кто со страхом, а кто и с грустью, смотрели на самых обычных, чем-то опечаленных людей, невольно задаваясь вопросом: «Неужели это они — одни из тех, кто вероломно вторгся в нашу страну? Кто убивал, насиловал и грабил?» Да, это они с задумчивыми, поникшими лицами возвращались к своим гнёздам, откуда сёстры, невесты, матери и жёны в диких выкриках вскидывали руки, словно пики или штыки, вдохновляли и гнали их на кровавую бойню на восток. Потом радовались их победоносному шествию на первых порах; богатству, плывущему с востока, красивым молодым рабыням, золотым кольцам, содранным с пальцев, и даже зубам убиенных. И вовсе ни к чему винить Гитлера — у каждого своя голова на плечах. Были же средь них антифашисты!

Лишь в середине столпившихся молодых, примерно тридцати-сорока лет, пленных заострил наше внимание самый пожилой седовласый немец. Он, видно было, часто прикладывал к глазам платочек, вытирая слёзы, то опускал, то поднимал голову. Кто его знает: возможно, уходя на бойню, оставил дома своих ребятишек, а сейчас, глядя на нас, предвидел встречу с ними, а может быть, и с внуками. Слева от него тот, что намного моложе, положил руку на плечо седовласому, наверняка успокаивал его. Беспокойство охватило всех нас собравшихся. Средь нас послышался шепоток, а вместе с ним появилась догадка: «Тот немец голоден, он хочет есть». Мы подумали так, потому что сами всегда голодали. Конечно, ягод, яблок и прочей садовой всячины нам хватало: в частных, колхозных и колонистских садах, где мы часто были биты сторожами и нередко приводимы за уши к родителям. Хлебушка нам не хватало — он нам чаще виделся во сне, нежели наяву. Мишкина матушка, снаряжая ребятишек в поход, испекла неизменную круглую паляницу; половину коврижки положила в торбочку, разрезав на шматки, приправив постным маслом с крупинками соли. Хлебушко, конечно, со смакованием каждой его крошки, был съеден ещё в дороге. Но Мишка оказался, к удивлению, не по годам предусмотрительным, потому и припрятал пару шматков как НЗ. Самым смелым и смышлёным средь младших оказался Мишкин брат, Максим; он, единогласно избранный нами утешителем, смело шагнул к вагонному проёму. Приподнялся на обочину и оказался на высоте. Со словами: «Дядь, визьмить, будь ласка», — а после них припомнил тройку более подходящих слов: «Битте, есен, есен — брот», — притом сам откусив чуток горбушки, протянул седовласому немцу угощение. Тот опешил, вздрогнул, в широко открытых его глазах показалось удивление. Он, вытянувшись по стойке «смирно», а более того в некоей растерянности, глядел то на мальчишку, то на его угощение; и вдруг, словно опомнившись, резко крутанулся, исчезнув в глубине вагона. В эту минуту приподнялось крыло семафора, паровоз дал гудок отправления, эшелон тронулся, звякнув межвагонной сцепкой, медленно набирал скорость. Когда вагон отошёл с десяток метров, в вагонном проёме вновь показался седовласый

немец; его приятели перед ним расступились, а он прилёг и бережно опустил на бровку дороги сетку-авоську с несколькими банками тушёнки и кульком со сладостями.

Тот поезд уходил, а мы, словно прикипев к обочине, ещё долго махали вослед, прощаясь не только с поездом и его незабываемыми пассажирами, но и со всем, что безвозвратно уходило в прошлое, но было незабываемым — такое забыть нельзя. А я прощался не только со своим детством, но и с прекрасной Украиной.

Скоро мы всей семьёй во главе с матушкой уехали в Сибирь, к её жемчужине — Байкалу, ставшему мне родным. В конце марта в Украине на лесных проталинах уже тянулись к весеннему солнцу подснежники. За Уралом по ночам трещали тридцатиградусные морозы. Ехали мы, переселенцы из Белоруссии и Украины, в таких же уже упомянутых вагонах (их называли теплушками: в середине каждого вагона теплилась железная печурка-буржуйка с выводной трубой).

Из Иркутска мне удалась лишь одна поездка в Украину, к памятным местам. Как всегда — работа, неотложные дела, а когда убавились они — более веские появились причины, другие пришли времена. Как жаль, что заканчивать этот рассказ приходится такими вот строками из личного стихотворения: «Я верю Украине»: «…И Гоголя лик в тумане — святая усмешка в глазах — в родные места поманит, а нам уж туда нельзя… Страна — грозовая туча, истерзана и больна. Без вёсел в Днепре могучем качается чёлн на волнах. Но верится нам всё чаще: настанет рассвета пора — и явятся здраво глядящие Богдан и Шевченко Тарас».

Каждый миг неповторим

Стихотворения

Красноярск: ИП Феньков С. С., 2021

Поэзия — язык богов.
И смертным достаётся только
с их пира крохотная толика —
пыль и осколки вещих снов.
Не в том ли счастье — обладать
нерукотворным, странным даром,
дающимся почти что даром, —
что в нём сокрыта благодать?
Владлен Белкин

Дорогие друзья!
Мы предлагаем вашему вниманию книгу, в которой собраны стихи — «пыль и околки вещих снов». Это не случайный сборник разнородных стихотворений, а именно книга, замкнутая целым, объединённым единой мыслью: «Каждый миг неповторим». Мы предлагаем окунуться в мир мастеров поэзии высокого класса, молодых авторов и делающих первые шаги на поэтическом поприще. <…>

У каждого поэта есть свои неповторимые мгновения, которые он запечатлевает в рифмованных строчках. Это любовь к малой и большой Родине, к родным местам, к которым сердце стремится в разный период жизни. Это стихи о происходящих в душе и природе изменениях. Красота в природе неизменна. Но почему она всякий раз удивляет, восхищает и увлекает за собой?! И как важно каждому заметить её в любых проявлениях, уследить в ней миг истины и добра и поведать другим, чтобы хотя бы в нас самих красота спасала мир.

В книге представлены стихи товарищей по Союзу писателей России и Союзу российских писателей, писателей городского литературного объединения «Потомки Ермака», молодых поэтов Красноярья и начинающих творческий путь дивногорцев. Эта книга обращена ко всем, кто любит или же хочет полюбить поэзию, и, конечно, к тем, кто сам пишет стихи.

ЛЮБОВЬ КАРЗНИКОВА

Олег Черницын

Лёшкина завалинка

Евдокия

1.

— И сколько же это будет продолжаться? Когда войне конец? Сил моих больше нет! Устала! Руки, ноги, всё устало! Выспаться хочу! Вот вернётся мой Феденька с фронта, намою его, налюблю, и будем спать с ним до тошнóтоньки… Дай-то Бог, чтобы поскорее вернулся! Все вернулись!

Заправив под косынку волнистые, не по возрасту отмеченные сединой волосы, Евдокия перекрестилась — не таясь, широко, наотмашь, вкладывая в крестное знамение всю свою веру и душу.

— Сейчас, видимо, скоро… Мой пишет, что в Пруссии они уже. Гонят фашистского зверя прямо в его логово, а там и добьют окаянного! А уж мой-то Вася-Василёк вернётся, вот уж я полюблю его! За все четыре годика отлюблю! И детишек нарожаем. А то война-подлюка всю жизнь перевернула! Двух девочек хочу и двух мальчиков…

— Ой, Клавка, тут бы с двоими управиться! Перешивать да штопать на них не успеваю. Валенки вон латаны-перелатаны. А накормить их… Картошку по штукам считаю. Слава Богу, до весны дожили, а там и до лета рукой подать… А ты, Клав, вот чего, давно хотела сказать тебе… Ты бы утихомирилась уже. Вот придёт Василий да как прознает про всё?

— Ты, что ли, донесёшь?

— Дура ты набитая! Спасибо! Сколько за эти годы мы с тобой вместе дерьма перелопатили, ночей недоспали? Другие доброхоты найдутся…

— А я себя не корю! У меня любви на всех хватит! — Клавдия сладко потянулась, словно кошка после дрёмы, нарочито, не обращая внимания на окружающих, заложив руки за голову и обозначив крепкую высокую грудь под белым халатом, стеснённую новым самошитым сатиновым лифом, выменянным за тушёнку на рынке. — Кто их, горемык, ещё приголубит, да и когда ещё? Не могут мужики без женского уходу. Это мы, бабы, зажали — и ура! А мужик — дело тонкое… Вот и выходит, что *это* и солдатикам на пользу, и мне для здоровья. А доведётся, может, и моего Василька какая добрая душа пригреет да приголубит… Ну, всё, перекурили — и вперёд. Главврач объявил: на станцию эшелон прибыл, сейчас машины пойдут под разгрузку. Да и похолодало опять сегодня: одно название, что весна. Пойдём в здание, не то застынем — сами сляжем.

Бледное солнце не без труда пробивалось сквозь слюдяные облака. Порывистый ветер вьюжил колючей позёмкой, щипал лицо и руки, не давал расслабиться.

Клавдия по-мужски затушила папиросу о голенище «кирзача» и, не найдя, куда пристроить окурок, спрятала его в спичечный коробок. Запахнув шинель, приобняла Евдокию:

— Пойдём, Дуся! Сейчас точно не до любви будет…

Подруги работали санитарками в N-ском военном госпитале с первых дней его основания. Сюда, на Урал, в глубокий тыл, с фронта доставляли простреленных, разорванных, обожжённых людей. Тех, кому, в отличие от навсегда оставшихся в окопах, на вчерашней пашне, среди руин своих и чужих городов, был дан шанс на жизнь… Далее же надо было уповать на волю Всевышнего. И на золотые руки волшебников-хирургов: чтобы смогли собрать, сшить, залатать. И никто не знал, кому повезло больше — тому, кто с лаконичным решением медкомиссии «годен к строевой» будет вновь отправлен на фронт, в адову мясорубку, или калеке без рук, ног или глаз, направленному к месту своего постоянного проживания.

Евдокия добралась домой за полночь. Повезло — подвернулась попутка. Так бы идти несколько километров по темноте безлюдных улиц. Дежурство выдалось, как говорили в этих случаях, боевое: прибыл эшелон с ранеными. Вновь война пахнýла своим жаром за далёкий Уральский хребет. Говорят, медики привыкают к чужой боли, крови. Наверное, иначе нельзя: зачастую только через боль и можно помочь несчастному. Но Евдокия так и не смогла привыкнуть к чужим мучениям, смерти…

И если бы лишь это. Её душевное страдание усугублялось хронической телесной усталостью. Одна только разгрузка вновь прибывших свалила бы с ног и дюжего мужика. А ещё бесконечные перевязки, смена белья, уборка. Уход за лежачими, прикованными к кровати, беспомощными, как малые дети, в ком едва теплился маленький уголёк жизни, готовый угаснуть в любую секунду.

Дома ждала старшая дочь Ленста. В свои одиннадцать лет она уже была настоящей помощницей

и надёжной опорой Евдокии. Русыми непослушными кудрями — в отца, открытыми карими глазами — в мать. Уж точно, что своё, — задорный курносый носик с россыпью весёлых веснушек, не сошедших с прошлой весны. В те годы родители часто называли своих детей патриотическими именами: Ленста — Ленин, Сталин; Вил — Владимир Ильич Ленин; Марлен — Маркс, Ленин; Искра; Октябрина. Вот и Ленсте повезло с громким именем…

— Устала? — девочка помогла матери снять холодный с улицы, цвета мокрого песка армейский бушлат, обняла её. — Госпиталем пахнешь…

— Сил нет. Эшелон принимали. Дай присяду, а то упаду сейчас…

Поцеловав дочь, Евдокия тяжело опустилась на табуретку, с наслаждением до хруста вытянула уставшие ноги. С силой протёрла руками слипающиеся глаза, утомлённое лицо. Ленста проворно помогла матери снять сапоги.

— Сейчас картошку с молоком подогрею.

Девочка по-хозяйски разожгла примус и поставила на огонь сковороду.

Запасённая с осени картошка уже заканчивалась, и Ленста с подружками ходили на картофельное поле — искали оставшиеся с уборки картофелины, благо снег в апреле уже подтаял. Картофель был подморожен и при готовке сластил, но есть его можно было вполне. Молоко приносила соседка по бараку тётя Зина. В свои неполные пятьдесят лет она выглядела намного старше — сильно потрепала её жизнь, чуть не сломала вообще. Муж Зинаиды погиб ещё в мирное время от несчастного случая на железнодорожной станции, где работал путейцем. В первый же месяц войны они вместе с Евдокией пережили сообщение о гибели её старшего сына, а ещё через полгода — весть о смерти младшего… Евдокия как могла — где словом, где делом — помогала соседке. Главное — не дала запить с горя. А когда Зинаида оклемалась — обзавелась козой, чьё молоко щедро раздавала детям солдаток.

Не сравнимый ни с чем дразнящий дух шумно шкворчавшего жареного картофеля перебивал тягучий запах горящего керосина.

— А ты почему не спишь? И свет большой горит! — Евдокия скользнула взглядом по оранжевому абажуру. — Завтра не воскресенье вроде. Да и суетишься что-то. Случилось что? Со Стасиком? Или в школе набедокурили?

Евдокия с прищуром посмотрела на дочь.

— Да нет, в школе всё в порядке. К Первому мая начали готовиться. Мне стих дали учить — самый большой в классе! А со Стасиком что станется? Вон он — спит себе без задних ног.

Восьмилетний Стасик, набегавшись на ночь с соседскими детьми по длинному коридору барака, безмятежным сном спал на верхних полатях.

— Ты поешь сначала, а потом тебе будет сюрприз! — заговорщически объявила Ленста, снимая сковороду с огня.

— Подожди-ка с едой. Это что ещё за секретики ночные? — почему-то сообщение дочери насторожило Евдокию. Каким-то особым чутьём она почувствовала беду: напряглась, подобрала под себя ноги, будто приготовилась принять удар. — Ну-ка выкладывай быстро!

Ленста сникла, поняв, что проговорилась не ко времени и сюрприз не состоится. Нарочито, по-детски, надув губы, вернула еду на затушенный примус.

— Остынет ведь. Я же хотела как лучше, а ты…

— Ну, говори уже, что там у тебя, а то я с ног валюсь.

— Вот и сюрприз! — девочка вмиг достала из-под подушки почтовый конверт, высоко, насколько смогла, подняла его над собой. Даже встала на цыпочки. Лицо её сияло от радости. — Письмо от папы!

Фёдор писал не часто, зато регулярно: радовал своими письмами раз в десять дней, самое большее — в две недели. Последняя весточка от него пришла месяц тому назад, и Евдокия уже не знала, что и подумать…

Осторожно взяв конверт, как берут хрупкую ломкую вещь, с тревогой осмотрела его:

— А почерк-то не папкин…

В глазах почернело.

«Похоронка? Нет. Почтальон вручает их в руки. Старается при соседях. Пропал без вести? Опять ранен?.. »

Мысли, одна страшнее другой, обожгли мозг Евдокии. Вскрыть конверт не было сил.

— Ну, открывай же! Открывай! — Ленста подпрыгивала от нетерпения рядом с матерью, всё ещё в восторге от приготовленного ею сюрприза.

Евдокия онемевшими пальцами надорвала конверт, достала сложенный вчетверо тетрадный лист, разгладила его, всматриваясь в прыгающие буквы чужого почерка. Тянула время, не решаясь читать. Густые смоляные брови-дуги сошлись на переносице. Правильные, забывшие вкус помады губы плотно сжались в тонкую бледную линию.

— Мама! Мама! Читай!

Вслух читать письмо не стала, читала молча…

«Доброго Вам здоровья, незнакомая мне, но глубоко почтенная Евдокия Фёдоровна! Пишет Вам сослуживец и верный товарищ Вашего супруга и героического бойца Фёдора Артемьевича. Приключилось так, что, пройдя с победами половину Европы и взяв на штык город Вену, мы с Фёдором были ранены в одном бою и сейчас находимся на излечении. По причине невозможности писать ему самому далее пишу Вам с его слов.

Здравствуй, моя дорогая жена Дусенька!

Совсем немного не хватило мне дойти до Берлина, гнезда фашистского змея, и вырвать его

ядовитое жало. Но верю, что очень скоро мои боевые товарищи сделают это!

Четыре года смерть обходила меня. Имел я всего два лёгких ранения, о чём ты знаешь. И опять она пощадила меня. Только сейчас взамен жизни забрала правую руку и обе моих ноженьки.

Дорогая Дусенька! После долгих раздумий решился сообщить тебе следующее. По излечении и выписке мне, горемычному, полагается полная демобилизация. Отвоевался твой Фёдор, отлетал соколик. Домой не вернусь и очень прошу тебя понять меня и не корить за это. Кому я нужен такой поломанный? Ни гвоздь забить, ни за водой сходить. Да и тебя, моя горлица, не смогу обнять, как прежде. Опять же, двух ребятишек тебе поднимать нужно, а тут ещё я—калека-иждивенец.

Так что, пойми меня и прости своим большим добрым сердцем! Детишкам прошу кланяться и поцеловать их за меня крепко-накрепко. Объясни им всё как есть. Вырастут—поймут и простят своего папку.

Если захочешь ответить, пиши мне, как писала ранее, только на имя Прохоренко Петра Андреевича, моего боевого товарища. Я тоже буду писать ему.

На том заканчиваю. Ещё раз прошу простить меня и не поминать лихом! Россия большая, людей добрых много, приживусь где-нибудь.

Крепко целую, любящий тебя Фёдор».

...Евдокия сидела молча, словно окаменев. Пустыми глазами смотрела на расплывчатый бумажный четырёхугольник, лежащий на столе в жёлтом свете настольной лампы. «Что *это*? Про кого *это*?» До неё не доходил смысл прочитанного, мысли путались: «Живой Федя, живой! Но что там написано? Без рук, без ног. Как это—без рук, без ног?!..» Для неё, работающей в госпитале, видеть покалеченных и изуродованных войной людей было делом ежедневным. Но представить *своего* Федю—красавца, с копной русых кудрявых волос, которым завидовали даже женщины, балагура и танцора—инвалидом она не могла...

— И что он там удумал?!—невольно вырвалось у неё в полумраке маленькой комнатки.

Ленста растерянно смотрела на мать.

Собравшись духом, Евдокия взяла письмо, поборов страх перед ним, словно решилась на что-то опасное, но очень важное для себя. Прочитав его ещё раз—не спеша, чуть не по слогам,—долго изучала конверт.

— И что это ты *там* удумал?..

Яркие всполохи окрасили розовым вышитые крестиком оконные занавески—на металлургическом комбинате разливали металл.

Евдокия ходила по полутёмной комнате, раскачиваясь, как зверь в тесной клетке. Воспалёнными глазами бессмысленно блуждала по белёным стенам с неугомонными часами-ходиками; по их с Фёдором свадебному портрету, где они, торжественные, с надеждой на счастливое семейное будущее, смотрят в объектив напольного фотографического аппарата; по этажерке с учебниками детей, любимым Федей Жюль Верном и журналами «Огонёк» довоенных выпусков; по скрипучему состарившемуся фанерному шифоньеру, куда любят прятаться дети, играя в прятки; по молодецки подпирающему его в бок красавцу комоду—гордости их семьи, прочному, натурального дерева под блестящим лаком, со множеством выдвижных ящиков и вереницей фарфоровых слоников, беспечно пасущихся на его просторной столешнице.

Ленста, всхлипывая, выскользнула из комнаты. Вернулась с тётей Зиной. Та пришла как была: с распущенными волосами, накинутой шалью на ночнушку.

— Дуся! Дорогая! Что случилось?

Евдокия чуть заметным кивком указала в сторону стола:

— Вот. Пришло. Почитай...

Зинаида обстоятельно, на два раза, прочитала письмо.

— Да, дела...—сняв очки, только и смогла произнести тётя Зина.

— Так что же мне сейчас делать, тёть Зин? Ехать к нему? Куда? Да и работа, дети... Надо писать. Да, надо срочно писать ему! Чего выдумал! Живой—и слава Богу!

— Правильно говоришь. Я своих сынков и такими бы встретила. На коленях бы встретила! И носила на руках всю свою оставшуюся жизнь! Так что успокойся, выспись, а завтра и отпишешь.

— Да она ещё и не ела,—робко вставила растерянная Ленста.

— Тем более. А утро вечера мудренее...

— Не заснуть мне теперь, тёть Зин! Сегодня отпишу! А ты иди спать, самой вставать ни свет ни заря.

— Так, может, остаться мне, Дусь? Как скажешь.

— Не надо. Спасибо тебе! Вот дочь уложу, поем и отпишу.

На том и порешили. Поцеловав девочку и обняв Евдокию, Зинаида ушла к себе. Ленста молча смотрела на мать.

— Ранили папку нашего фашисты проклятые. Сильно ранили. В госпитале он, на излечении.

Более Евдокия решила не говорить ей ничего.

— Мама! А почему папу не привезут в твой госпиталь? Ты бы лечила, а я помогала.

— Значит, так нужно. Ложись же, горе моё луковое! Сюрпризик... А я напишу письмо папке, что мы его любим и чтобы он скорее поправлялся и возвращался домой...

Со стороны сортировочной станции Уральского танкового завода донёсся лязг вагонных сцепок—там формировали очередной эшелон со знаменитыми, ставшими уже легендарными «тридцатьчетвёрками».

Уложив дочку и забыв о еде, Евдокия вырвала лист из тетради, достала ручку из пенала Ленсты, долила чернил в чернильницу. Трудно, да и невозможно было передать бумаге всё, что она хотела сказать мужу, громко прокричать ему. Ей было бы легче птицей вылететь из комнаты и через километры тьмы и распутицы, через неведомые ей страны долететь к своему Фёдору и забрать его с собой. Большая клякса вернула Евдокию к действительности. Перо ручки предательски скрипело и цеплялось за бумагу—решила писать карандашом.

«Здравствуй, дорогой, любимый Феденька! Письмо твоё получила и тут же спешу с ответом. Родной мой! Как ты мог додуматься до такого при живых жене и детях?! Ты жив, а это самое главное! Все эти годы я только и жила тобой, а ты… Ведь сам писал мне в сорок первом: „Жди меня, и я вернусь. Только очень жди…“ И я ждала. Мы все ждали.

Вот война и по нашей семье ударила. Что тут поделаешь? У других-то ещё хуже—полбарака похоронки получили… А тебя мы вы́ходим. И на ноги поставим. Вон какие сейчас протезы делают! Ты у меня сильный и герой—всё выдюжишь! И будем мы опять вместе. Так что гони прочь мысли свои дурные! Мы с тобой ещё и цыганочку, и вальс в клубе станцуем!

Феденька! Сообщи, где ты? Извернусь с работой и детьми и приеду к тебе, соколику моему ненаглядному. Ты у нас один-единственный, и другого нам не нужно!

С нетерпеньем жду от тебя весточки!

Много раз целуем тебя.

Твоя любящая жена Евдокия».

II.

Джульбарс нежился на мягкой молодой траве в лучах майского солнца. Жмурясь от удовольствия, пёс потягивался, глубоко прогибая спину, подставляя теплу то один, то второй полинялый бок. Весна принесла ему надежду на скорое лето и сытное пропитание.

Ещё щенком Фёдор подобрал его на улице и принёс домой. Жалкого, скулящего. Назвали Джульбарсом. В честь четвероногого героя одноимённого фильма про доблестных советских пограничников. Евдокия была не против нового домочадца—всё живность, да и дети сразу приняли его в свою шумную компанию. Неожиданно для всех из щенка-недотёпы вырос крупный красивый пёс. Фёдор изладил для него будку—прямо под окном своей комнаты. Соседи по бараку приняли и полюбили Джульбарса, который стал добросовестным и надёжным сторожем.

А потом что-то случилось. Был длинный стол во дворе, много людей, громкие причитания и плач, взволновавшие даже его собачью душу. Джульбарс хорошо помнил, как к нему подошёл Фёдор, сладко почесал его за ухом: «Ну что, друг, и ты прощай! Свидимся ли ещё? Остаёшься за старшего, так что приглядывай тут…» Затем Фёдор куда-то пропал, так же как и большинство мужского населения их барака. Вот он и приглядывал—четыре года уже. Своих сторожил, грозно облаивал чужих. И скучал по своему любимому хозяину—преданно, по-собачьи.

Вдруг нос Джульбарса нервно вздрогнул. Пёс замер. Вытянув шею, глубоко вдохнул парной утренний воздух. Ошибиться не мог: этот запах, знакомый ему со щенков, он узнал бы из тысячи других…

Воскресенье! Главврач разрешил и даже приказал большинству персонала использовать выходной день по назначению: побыть в семье, заняться домом, но главное—отоспаться. А приказы надо выполнять.

Весёлые ходики и безработный на сегодня будильник дружно показывали восемь утра. Дети шустро перебрались со скрипучих полатей в койку к матери, и все, обнявшись, единодушно решили поспать ещё часок-другой. Вдруг их сон прервал надрывный, переходивший в визг, лай Джульбарса. Цепь, на которую сажали собаку на ночь, гремела и обещала порваться…

— Он что там, с ума сошёл?! На кого это так? Лен, встань, посмотри…

Ленста нехотя встала с тёплой постели, приоткрыла оконную занавеску.

— Дядька какой-то. Джульбарса гладит… Па-па?.. Папа, папа! Мама, да это наш папка приехал!—и она пулей вылетела из комнаты.

За ней с криком «ура!» выбежал Стасик.

— Папа? Какой папа?..—Евдокия присела в кровати, подтянув одеяло к лицу, будто прячась от кого-то.—Как приехал?..

На миг Евдокию парализовало. В глазах всё поплыло. Но дикий визг Джульбарса и крик детей за окном вернули её в чувства. Накинув на плечи платок, на скорую руку зачесала распущенные волосы, закрепив их гребнем,—не до зеркала. Тело била дрожь. Ноги, как две гири, не осилили и трёх шагов до двери. Что за ней? Что увидит сейчас? Так долго ждать этой минуты, этой встречи, а сейчас испугаться, запаниковать…

…Торопливые шаги и щебетание детей эхом разносились по пустому коридору спящего барака. Вот они уже рядом с дверями, за дверью. Дверь распахнулась…

На пороге стоял Фёдор—её дорогой Фёдор, о двух руках и двух ногах. С залихватски набекрень надетой пилоткой, при наградах и с детьми на руках…

— Ну что, мать, принимай! Аль не нравимся?

Лицо солдата сияло от счастья. Выждав секунду, Фёдор сам бросился к жене. Стиснул в объятиях.

Так и стояли долго вчетвером — самой счастливой семьёй на свете, крепко обнявшись. И никто и ничто не смогло бы разъединить их сейчас…

— Федя… Ты?! Живой! Здоровый! — шептала Евдокия, целуя лицо и руки солдата, запылившуюся, вкусно пахнувшую родным человеком гимнастёрку.

Вдруг её прорвало: тяжёлые безмужние годы, госпиталь, болезни детей, недоедание и постоянный страх за дорогого ей человека вырвались из неё криком и потоком невыплаканных слёз. Плакала навзрыд, по-бабьи, тесно прижавшись к мужу:

— Феденька! Вернулся… Целый…

— Ну, будет, будет, от ваших слёз у меня гимнастёрка уже промокла. Да и людей испугаете! — отшучивался Фёдор, целуя жену и детей.

— Феденька! Как же так? Ведь ты писал, что… — вопрос Евдокии прозвучал как-то естественно, невольно, сам по себе.

Она отступила на шаг, вытерла слёзы. Насторожённо осмотрела его — с головы до ног, до сих пор не веря своим глазам.

— Позже, Дусь, позже. Всё тебе объясню, потом. А сейчас прими меня, прости и не гони непутёвого…

И опять во дворе был стол, длинный, как тогда — в сорок первом. Было много людей, водки и слёз: по вернувшимся и тем, кого уже и не ждали. Были гармошка и патефон. И нескончаемые разговоры о фронте и жизни в тылу.

Поздним вечером Зинаида забрала детей к себе. И у Евдокии и Фёдора была долгая бессонная ночь, самая счастливая в их жизни. Ночь любви, слёз, разговоров о пережитом и будущем. А через положенный срок у них родилась дочь Людмила…

О поступке же своём Фёдор поведал следующее. Ближе к концу войны среди солдат распространилось поветрие — проверяли жён на верность. Пишет боец письмо домой: мол, так и так, покалечили меня да изуродовали. Что не мужик я более и не работник. И сидеть мне побирушкой остаток своей несчастной жизни на вокзале или в чайной с помятой кружкой у обрубков своих ноженек… И как бы ни хотелось верить в это — случалось, жёны просили «калек» проезжать мимо дома. Кто-то признавался, что уже живёт с другим. Кто-то ссылался на нужду: мол, сами с детишками впроголодь, еле-еле концы с концами сводим, а тут ещё ты нахлебником. Вот такие выкрутасы война с людьми вытворяла…

И какой леший надоумил Фёдора написать *то* письмо? Ведь верил Евдокии, знал, что ждёт его и примет любого. Но то ли после очередного отказного письма кому-то из сослуживцев от «верной» жены, то ли в хмельном запале после наркомовских ста граммов, поддался настроению, написал. А придя в себя, был готов порвать своё глупое подлое письмо, но фронтовая почта уже сработала… И всю свою последующую подаренную Всевышним жизнь Фёдор проклинал себя за ту секундную слабость и стыдился своего поступка. И благодарил судьбу, что не убили его, дав возможность вернуться к Евдокии, покаяться перед ней и попросить у неё прощения…

Обидно было Евдокии. За себя, за всех жён, которые любили, верили и ждали. Обидно и больно за такую жестокую и злую проверку. И ещё много лет эта обида грузной слезой и комом в горле тайно от Фёдора возвращалась к ней. Но осознание, что всё позади, что «непутёвый» муж живой, целёхонек и вновь рядом с ней, брало верх над горечью обиды.

А потом была жизнь. Длинная, дружная, счастливая. У Евдокии и Фёдора родилась ещё одна дочь — Аллочка. О злосчастном письме вслух более никто из них не вспоминал…

И только через много лет, лёжа на смертном одре, измученный тяжёлой болезнью (эхо далёкой войны), всматриваясь в родные глаза жены, Фёдор из последних сил прошептал ей:

— Прости меня, дурака, за то…

Вот такая история произошла в конце мая победного 1945 года. В далёком от фронта уральском Нижнем Тагиле — моём родном городе. История, о которой я, уже почти шестидесятилетний человек, узнал от своих родственников. Евдокия и Фёдор — мои бабушка и дед. Ленста — моя дорогая мама…

Задумав этот рассказ, я задался вопросом: «Имею ли право писать об этом? Я, не знающий перипетий военного лихолетья?..» Решил: да, имею! Но не для осуждения тех, кто поддался смуте и, на долгие годы оторванный войной от семьи, усомнился в любимом человеке. А ради благословенной веры в любовь и преданность. Во имя тех, кто дал святой обет верности и не изменил ему, кто считает за честь познать верность и преклонить колени перед её хранящими…

Лёшкина завалинка

Ножичек у Лёшки был знатный: карманный, с витиеватой эмблемой на красной рукоятке. И чего в нём только не было: несколько разных по величине лезвий, отвёртка, шило, пилка и даже маленькие плоскогубцы. Сельские мальчишки за него любой обмен предлагали. Соседский Васёк — удочку, Андрюшка с лесопилки — фонарик, Костик с Проезжей улицы — щенка. Но не менялся Алёшка, нельзя было меняться. Ножик тот был подарен ему в день рождения — на восьмилетие — его старшим братом Павлом. Да и вещь ценная, нужная в хозяйстве. Но если кому из друзей нужно было в велосипеде цепь подтянуть или из дощечки что выстрогать — то это мигом к Алёшке. А он и не отказывал — сам сколько им всего наработал.

Бабушке черенки для лопаты и граблей обстрогал. Себе лук со стрелами и сабельку сладил.

Вот и сейчас сидел он на завалинке дома и строгал ивовый прутик. Работа не ладилась. Лезвие ножика затупилось и скользило по коре. Лёшка сердито сопел. Непослушный вихор выгоревших за лето волос стоял торчком.

— Ба! А ба! Где у нас точильный камешек?

Бабушка Аня хозяйничала в огороде и не сразу услышала внука. Дел в конце августа полно, а огород — он кормилец. Так во все времена на селе было. Что-то себе про запас, что-то на продажу. Вдовствовала она давно, так что привыкла управляться сама. Лёшка, конечно, помогал, как мог, несмотря на своё малолетство и врождённую хромоту.

— В сенцах лежит! Ты у нас хозяин или я? Сиди, сейчас принесу. Как раз в дом собиралась — пить хочу.

Плотная, широкой кости, в ярком спортивном костюме (тоже подарок Павла) и бейсболке козырьком на затылок, она больше походила на туристку из города или тренера. Если бы не перетянутая шалью поясница — радикулит! — и галоши на толстые вязаные носки.

— Сабельку мастеришь? Уже, наверное, всех друзей одарил? — бабушка передала внуку обломок от точильного камня, не преминув поцеловать его в темечко и пригладив непослушный вихор. — А что злой такой?

— Опять Пират напал! Вот слажу прутик — пусть только ещё попробует!

Пират, белый, нагулянный за лето гусак, щипал траву у забора. Услышав неладное для себя, насторожился, хитро скосил на мальчика голубой глаз.

— Да что же вас мир не берёт? Подружиться никак не можете! Ах ты агрессор! Вот уж точно пират! — баба Аня окрикнула гуся и притопнула на него ногой.

Гусь-хулиган ответил своей хозяйке надменным взглядом, развернулся к ней хвостом и продолжил своё пропитание.

— Видишь, наглый какой! Так он и на тебя скоро кидаться начнёт!

— Не начнёт. А начнёт или ещё раз на тебя нападёт, так я быстро его в печь да с яблоками! — не то всерьёз, не то в шутку определила бабушка.

Она ещё раз безуспешно пригладила вихор внука:

— Недавно тебя подстригала, а он опять у тебя вон как вырос! Поливаешь его, что ли?

Подстригала баба Аня внука сама. По холоду — в доме, по теплу — на той же завалинке. И всегда, когда дело доходило до его упрямо торчащего вихра, приговаривала, смеясь: «Вот помру или женишься когда, кто тебя стричь-то будет?» Жениться Лёшка не собирался вовсе. Бабушку любил больше всех на свете и по своей детской наивности полагал, что так и будет жить с ней: долго-предолго, всю жизнь. «А я на тебе женюсь!» — ворчал он, укутанный простынёй, как во взаправдашней парикмахерской.

Однажды ночью Лёшке не спалось. Лежал, ворочался с бока на бок. Думал о своём житье-бытье. Как школу закончит. В институт поступит. На кого будет учиться, не решил ещё, но когда окончит его, обязательно останется здесь, в родном селе, чтобы жить с бабушкой и помогать ей. И вдруг представил, что бабушка когда-нибудь умрёт. И её не станет совсем… Лёшка заплакал. Сначала тихо. Затем зарыдал. Громко, во весь голос, не таясь.

Баба Аня подбежала к нему, обняла, прижала к себе. Лёшка не рассказал ей ничего, и всё сошло за приснившийся страшный сон. Бабушка ещё долго сидела рядом, успокаивая и целуя внука, а он скулил, как щенок, уткнувшись ей в грудь, пока не уснул…

— Пойду в дом. Притомилась. Со двора не уходи — скоро обедать позову.

Внук остался один на один с хлопотавшим о своём гусем, не подозревавшим о подготовленной ему горькой участи. Как бы то ни было, но Лёшка никак не хотел причинить вред своему обидчику, пусть даже такому зловредному:

— Смотри, Пират, последний раз прощаю! — для пущей солидности строго предупредил он гусака и сломал вичку.

Лёшка любил эту завалинку. Когда погóдило и выдавалось время, они с бабушкой подолгу сидели здесь. Говорили о разном, а то и просто молчали, думая каждый о своём, любовались закатом. Было хорошо вдвоём в эти минуты: спокойно и радостно.

Их старенький дом замыкал улицу и своей тыльной стеной выходил к косогору. Ниже косогора, как на ладошке, расстилалось дикое поле: широкое, дремлющее. Но стоило завернуть сюда шальному ветру, поле пробуждалось, дышало полной грудью.

Ближе к дальнему краю поля обжились две берёзовые рощи. Будто девушки-невесты в белых сарафанах вышли из леса, встали в круг и водят хороводы: кто веселей да звонче? За полем мелким подлеском начинались владения тайги, раскинувшейся до самого горизонта.

— Мы, Лёша, с тобой как в кино, в первом ряду, — шутила баба Аня, сидя рядом с внучком и обнимая его.

Село оставалось где-то за их спинами. И было ли оно вообще? Правление, опустевшая на лето школа, давно требующий ремонта клуб, магазин, где односельчане заодно обсуждали местные, но больше государственные проблемы. Всё это каким-то волшебным образом уступало место другому миру. Миру, который открывался с его, Лёшкиной, завалинки. Светлый. Зовущий. Понятный детской чистой душе. Лёшка дорожил этим

миром. Поэтому делился им только с самыми близкими ему людьми — бабушкой и братом. Здесь, на его завалинке, нашлось бы место и маме. И ещё одной девочке из его класса…

Даже зимой, когда снега наметало по окна, Лёшка расчищал проход к любимой завалинке. Проведывал. Посидит, покуда мороз терпится, тёплые времена вспомнит. От дома и до самой тайги простиралась снежная гладь. С мудрёным узором, нанесённым позёмкой. «Словно бабушкин оренбургский платок», — любовался зимней картиной Лёшка. В солнечную погоду снег блистал серебром, искрился — не наглядишься. Смотришь до боли в глазах, до слепоты. Другое — в непогоду, метель. Когда даже рядом с домом, ощущая спиной его бревенчатую стену, было жутко представить себя там, в поле, где полная вольница для бьющего наповал ветра, забивающего глаза и рот сухим жёстким снегом. Утомившись, вьюга затихала на секунду-другую, чтобы с новой силой продолжить свой разгул, и тогда, мельком, открывалась тёмная полоска тайги — нахмуренной, чужой. Но более всего Лёшке было по душе нарядное полотно поздней золотой осени с её буйным, торжественным разноцветьем. Тайгу будто укрывали огромным одеялом, сшитым из множества пёстрых ярких лоскутков. Похожее одеяло баба Аня сшила специально для внука, и оно грело и радовало Лёшку с осени до весны.

Отца Лёшка не помнил. Говорили, утонул на рыбалке. Весна в тот год задалась ранней, дружной, лёд на реке подтаял. Был бы трезвый — выбрался, а по пьяному делу запаниковал. В тот же год старший брат Павел перебрался в город — поступил в институт учиться на тренера. А как вдвоём с матерью остались, запила она. Хозяйство забросила, с работы выгнали. Потом сошлась с таким же пропойцей, и пили они вместе. Скандалили. Дрались. И всё на глазах Алексея. Вот баба Аня и забрала внука к себе. Мать в воспитании сына не участвовала, не помогала совсем. Заходить, конечно, заходила. Пьяная. Некрасивая. Бывало, с бутылкой. Придёт, расплачется. Деньги взаймы клянчила. А то и уснёт — за столом, тут же. Лёшка поначалу жалел её. Просил, чтобы не пила. А потом стал закрываться в другой комнате или вообще убегал на улицу. Давно не была у них, не заходила: баба Аня запретила приходить пьяной, а трезвой та, видимо, уже и не бывала.

Отсюда у Лёшки и ненависть к спиртному. Поклялся он как-то бабушке после очередного визита матери: вырастет — хмельного в рот не возьмёт! А ещё соберёт всю водку да вино, сядет на трактор — а лучше на танк! — и раздавит всю эту гадость. Чтобы другие матери не пили и со своими детьми были.

Вот и стала баба Аня для Лёшки и за отца, и за мать. И за хорошего друга. Одеть-обуть, накормить. А то ещё, Бог даст, в люди вывести, женить. Учила, чему могла. Сама в огород — и внука за собой, объясняла, что к чему. Пошла в лес — и он потихоньку за ней, внимательно слушает рассказы о тайге, её обитателях. Тоже баню истопить, блины испечь. Даже носки вязать научила. Правда, пока, пяточка Лёшке никак не давалась. Баба Аня успокаивала внука: трудись — и всё тогда одолеешь. «Усердная мышь и стену прогрызёт!» По хозяйству тот помогал с охотой. Доска у забора отошла — приколотит. Промажет, мимо гвоздя по пальцу молотком ударит, но терпит, вида не покажет, что больно. Двор от снега расчистить, картошку окучить, капусту полить — всегда поможет без просьбы. Хвалит его бабушка: «Помощник ты мой дорогой! Мужичок-боровичок!» А мало́й доволен, ещё какую работу глазами ищет.

Хромота Лёшку не смущала — просто другого он и не знал. Мешала, конечно, но приноровился. От уроков физкультуры мог получить освобождение, однако решили с бабушкой посещать, выполнял что мог. И с ребятами деревенскими водился: те на рыбалку — и он с ними; играть в футбол — и он тут же, судьёй, а то и вратарём. Выделяли его пацаны за эрудицию, с Лёшкой было интересно. Книжки интересные им пересказывал, с желанием делился всем, что знал сам.

Читать и писать обучала Лёшку бабушка. К школе готовила. Баба Аня — Анна Ивановна — до выхода на пенсию («пензию», как говорили многие в их деревне) учителем начальных классов работала. Так что это дело было ей привычное. Читала ему, когда сам не умел. Стихотворения наизусть учили, задачки решали. Что-то из книг своё было, какие-то в школьной библиотеке брала. Павла просила покупать в городе. Особо детские энциклопедии: про страны и города, географию, животных, космос. «Хорошему — я научу. Плохому — улица», — приговаривала Анна Ивановна.

Читать Лёшке нравилось. Опять же, при возможности, на своей любимой завалинке. Дома стены, а здесь — простор, глаз до горизонта всё видит. Можно представить себя капитаном белоснежного океанского лайнера, идущего к неведомым землям, а то и мчащегося космического корабля! А под ним, на их зеленеющем поле, пирамида Хеопса, афинский Парфенон, римский Колизей. И бабушка. Маленькая-маленькая. С ноготок. Нет, бабушку он возьмёт с собой. Ведь не может же он оставить на Земле своего лучшего друга!

И брата не оставит. Правда, у него уже своя семья. Павел говорил, что скоро у них будет ребёнок, первенец, и он, Лёшка, станет дядей.

И ещё — одноклассницу Иринку…

Вот управится баба Аня со своими делами, подсядет к Лёшке на завалинку, приобнимет его, и начнутся новые рассказы, увлекательные истории.

Слушал её Лёшка, затаив дыхание, прижавшись к её тёплому боку. Любил рассказы о родном северном крае. Засыпа́л вопросами. Почему здешнее лето короче, чем на юге? Почему рыба заходит в верховье их реки на нерест—специально, издалека, а потом погибает? Отчего ближнее болото зовётся Никиткиным, а родник—Татьяниным? Откуда прилетают к ним на гнездовье журавли?

К журавлям у Лёшки было отношение особенное. Ждал их прилёта, часто и подолгу всматриваясь в посветлевшее весеннее небо. А завидев, радостно кричал:

— Ура-а! Журы летят! Журы вернулись!

— Посланники Божьи летят. Весну на крыльях несут. Слава Богу, перезимовали, до весны дожили!—крестилась на птиц баба Аня.—Вновь оживёт страна Курляндия!

Так она называла поселения журавлей на моховых болотах, коих в здешних краях было в изобилии. «Курляндия»—так оно и пошло по деревне с её лёгкой руки.

Птицы отвечали громким курлыканьем, пролетали кру́гом над селом и опускались в лес—на с незапамятных лет облюбованные ими болота. Радостно становилось на сердце у Лёшки. Словно кто-то очень родной и близкий возвратился домой после долгой разлуки. Обустроив гнёзда, журавли вылетали из тайги, и Лёшка становился нечаянным свидетелем их житейских хлопот. Рассыпавшись по брошенному совхозному полю, что на отшибе у самого леса, искали палые зёрна, грелись на солнце, исполняли брачные танцы. Через месяц журавлиные пары обзаводились птенцами. Стая становилась подвижней, шумней, птиц в ней теперь было заметно больше. Затем начиналось самое интересное—птенцов учили летать. Поначалу они суетливо били неокрепшими крыльями, запинались при разбеге, падали, волновались. Вместе с ними волновался и Лёшка. Более сильные, оторвавшись от земли, тут же пугливо спускались под неодобрительные окрики родителей.

Окрепнув, молодые журавли уверено взмывали в небо, наслаждались полётом, свободой парения. «Мне бы к ним!—думал Лёшка, с завистью глядя на счастливых птиц.—Может быть, и меня бы научили летать? Почему я не птица?..»

Когда Лёшке было ближе к семи годам, случилось следующее. Озадачился он вопросом: почему люди не летают? Упрямо озадачился, серьёзно. Уж очень ему хотелось с журавлями полетать. И ну выспрашивать у всех: в детском саду, у бабушки, знакомых. Вот кто-то из соседей и сболтнул со смешком, не подумав: мол, грехи у людей тяжёлые, не дают птицей летать. Запал мальчишке в голову ответ этот, и ну давай бабушку выспрашивать: что такое «грехи» и как от них избавиться? Прояснила она, как могла, этот вопрос, а он её в церковь тащит—от грехов освобождаться. Шутки в сторону—настойчив был внук,—привела его в храм. Исповедовал батюшка Лёшку, причастил Святых Господних Тайн. Доволен малый, аж светится! А потом… Спрыгнул с крыльца дома—не взлетел. «Видимо, высоты маловато—грехов-то больше нет!»—заключил маленький мечтатель и спрыгнул с крыши бани. Перелом ноги. Распекание от бабушки. Месяц гипса. Полный крах мечты…

Была у Лёшки ещё одна мечта. Сокровенная. Даже с бабушкой ею не делился. Училась в его классе девочка—Иринка Крючкова. Девочка как девочка. Только было в ней что-то особенное, единственное. И ресницы у неё были самые длинные и пушистые. И удивительные ямочки на щеках, которые озорно появлялись, когда она улыбалась. Задорный, чуть вздёрнутый носик. А ещё её бант—как большая белая бабочка, которая выбрала Иринку, потому что она была самая красивая девочка в мире.

Ирина сидела впереди Лёшки, и бант постоянно отвлекал, беспокоил его. Какой же он был назойливый, этот бант! Не один раз Алексей приказывал себе не смотреть на него, но никак не мог справиться с собой.

Очень хотелось Лёшке подружиться с Иринкой. Но она не обращала на него никакого внимания, впрочем, так же как и на остальных мальчиков. При встрече с ней Лёшка смущался, опускал глаза. Наверное, даже краснел.

— А Лексей в Ирку втюрился! Жених хромой, подавился колбасой!—дразнился на Алексея одноклассник Кирилл Блохин, двоечник и хулиганистый мальчишка с веснушчатым невыразительным лицом, оттопыренными ушами и бегающими глазками. Блоха, как прозвали его деревенские пацаны.

Родители Кирилла были признанными алкоголиками, и жил он сам по себе. Одинокий и колючий, как репей. Наша будущая головная боль, как в шутку (а может, всерьёз?) говорили о нём учителя. Не было перемены, чтобы он не подставил кому-нибудь подножку, не дёрнул за косу, не развязал бант или не исполнил какую другую гадость.

Лёшка старался не замечать выходки Блохина. Знал его пакостливый характер и грубостью на грубость не отвечал. Даже жалел Кирилла, что у него нет такой бабушки, как у него.

Как-то на перемене, выбрав момент, чтобы Иринка была в классе, Кирилл вновь прокричал свою дразнилку и попытался толкнуть Алексея. Но тут же оказался на полу с завёрнутой за спину рукой. Ошарашенный. Жалкий. Только и успел что ойкнуть. Пригодился Лёшке один из приёмов японского айкидо, показанных братом. Класс замер в ожидании развязки. А она оказалась неожиданной. Лёшка помог Кириллу встать, отряхнул его. Тот же, бледный, с дрожащими

губами, попытался сказать что-то, но не смог. Так, заикаясь, и выбежал в коридор. Лёша молча сел на своё место, мельком заметив удивительные ямочки, вдруг появившиеся на Иринкиных щеках…

Однажды Иринка даже приснилась ему. Они шли по бескрайнему ромашковому полю. Цветы расступались перед ними, приветствуя поклоном. Шли молча. Лишь иногда смотрели друг на друга и улыбались. Лёшка сорвал для Ирины цветок, который тут же превратился в бабочку. Бабочка села на голову девочки, и уже не бабочка она вовсе, а шёлковый белоснежный бант. Ветер поднял ребят над полем, понёс выше и выше, к самому солнцу. Иринка испугалась, закрыла глаза. Лёшка взял её руку в свою — ведь мальчику не к лицу трусить! Солнце ослепило, обдало жаром. И не солнце оно уже, а огромная ромашка. Вот и грациозные журавли, дружелюбно принявшие детей в свою стаю. Их крепкие крылья резко опускались вниз и плавно поднимались вверх. Лёшка и Иринка, счастливые, парили как птицы — они и были птицами…

А внизу словно плыли разноцветные квадраты крыш, утопающие в зелени цветущих садов. Так это же их село! Какое оно стало красивое! На улицах празднично одетые люди. Все радостно смотрят в небо, на Лёшку и Иринку, на журавлей. Машут им и что-то кричат, что — не слышно из-за слепящего медью школьного духового оркестра, но что-то непременно хорошее и доброе. А вон и Лёшкина мама. Трезвая. Красивая. Одной рукой машет им, второй приобнимает стоящего впереди неё какого-то мальчика. Так это же Блоха! Кирилл Блохин! Он тоже машет им, и Лёшка машет ему в ответ…

На лето Иринку отправляли на юг, в Крым, к родственникам. Лёшка скучал по ней. Вспоминал её лицо, голос, смех. Ещё теплоту её ладони, мягкой и немного влажной, когда она подошла к нему и поздравила с успешным окончанием учебного года: в классе было два отличника — Ирина и Лёша. А как-то, замечтавшись, вырезал на завалинке своим знаменитым ножиком её имя. Но спохватившись, что *это* увидит бабушка, затёр его…

— Бабушка! Бабушка! Журы полетели!

Лёшка вскочил на ноги, вытянулся струной, всматриваясь в сторону леса. Там, на окраине поля, сбивались в стаю журавли. С разбега легко отрывались от земли. Серым живым облаком кружились над полем, выстраивались клином — каждая птица заведомо знала своё место и без суеты занимала его. А высоко в небе уже летели другие стаи, зазывая сородичей в дальний путь.

— Сейчас и наши поднимутся! — бабушка выскочила из дома, на бегу надевая куртку.

Сколько за свою жизнь проводила таких караванов, а всё как в первый раз, как в далёком детстве. Только вот на душе стало тревожней, и сердце щемит…

«Ку-у-ур… Ку-у-ур…» — протяжно и печально прощались птицы с родными насиженными местами, с оставшимися внизу провожавшими их людьми.

— С утра полетели, на день. А ну, Лёшик, посчитай, сколько наших журок в клине? У тебя-то глаза поострей моих будут, — попросила бабушка внука.

Лёшка озадачился серьёзностью задания. Для верности счёта прищурился и даже залез на завалинку:

— Один, два, три… — старательно считал он птиц, направив в сторону стаи указательный палец, боясь сбиться со счёта, — …шестьдесят один, шестьдесят два, шестьдесят три. Шестьдесят три журавля! — громко отрапортовал Алексей.

Баба Аня вопросительно посмотрела на внука, словно сомневаясь в его подсчёте:

— Надо же… Сколько и мне…

Женщина прижала мальчика к себе, поцеловала в макушку всклоченной головы:

— Выходит, не журавли это летят, а годочки мои. Один к одному… Так и пусть летят. Значит, движемся, живём, значит. Колесом дорога! Возвращайтесь!

— Колесом дорога! Возвращайтесь! — вторил ей Лёшка и махал вслед птицам.

Так и стояли они долго, обнявшись, — два самых близких человека на планете Земля, пока звонкий клин не растаял в чистой утренней синеве…

Виктория Соловьёва

Быть собой

Небо

Когда степь зацветает ирисами, то она становится похожей на изумрудное небо с причудливыми голубовато-синими облаками. Бежишь среди этих облаков и ищешь самые пышные! Присядешь и вытягиваешь из кустика ириса средний лист. У каждого листа свой звук, и вытащишь ещё несколько листов, прежде чем найдёшь нужный! Кто умеет делать пикули — почти бог в компании! В степи разливается разноголосица… В эти моменты понимаешь, как красива наша Земля, каждая травинка звучит и источает свой аромат!

Набегаешься за день, а вечером заглянешь в кружку холодного молока и увидишь снова небо, но уже другое! Бабушка украшает небо земляникой. В счастье небо близко.

Маленький человек

Когда человек становится маленьким, таким, что уступает дорогу муравью и различает его речь, он слышит муравьиное «спасибо» и приподнимает шляпу в ответ. Когда человек становится таким большим, как дерево на горе, до которого идти три дня, и начинает чувствовать лимонный аромат от кружочка спелой луны, он достаёт салфетку, чтобы натереть до блеска запылившуюся звезду для любимой. Когда человек спит, даже если он обыкновенного роста, к нему приходят разные мысли, такие, о которых он и подумать не мог. Вчера, например, ему снились снежинки из поднебесной армии, которые хотели захватить землю. Правда, это был совсем не цветной сон. И я его видела тоже.

Сказки

В каждом доме живут ёжики. Сегодня же было целое нашествие. Некоторые не видят их никогда, наступают на маленькие лапки. Тогда ёжики забираются за шиворот или, хуже того, на подушку, и — прощай, сон. Но ёжики любят тёплое молоко с мёдом. Ты попробуй сам отхлебнуть и оставить им. Увидишь самые сладкие сны! А ещё ёжики любят сказки.

Опоздание

Когда ты пропускаешь «рогатого», а автобус уходит у тебя из-под носа, даже не остановившись на остановке, ты про себя говоришь: чёрт, чёрт, чёрт. Ну почему это происходит со мной?! А потом мысли несутся как сумасшедшие, догоняют автобус и набрасываются на водителя.

В аварии с участием автобуса погибли два человека, пятеро с травмами различной тяжести госпитализированы.

Обозналась

Был апрель. Сразу после похорон мамы в школе мне дали два выходных дня. Я слонялась по проспекту, смотрела на грязные ручьи вдоль дороги. Не думала о смерти, просто ручьи невольно напоминали. Вдруг на другой стороне дороги я увидела маму. Когда очутилась рядом и обняла её, сердце колотилось. А потом пошёл холодок. Меня никто не обнял.

Быть собой

Она раскрывала свои ресницы так же открыто, как цветок, раскрывающий свои лепестки, не боясь ослепнуть от света, не боясь замёрзнуть на ветру и промокнуть под дождём. Она смотрела ввысь, пробуя понять, сколько птиц пролетает над её головой, и удивлялась красоте их полёта. Она делала движения, пробуя полететь, но быстро поняла, что не надо переделывать свою природу. В этот момент она была собой — дикой жёлтой лилией! И этот мир, не пересказанный никем, дарил мягкую волну ароматов…

В её глазах отражались луны

«В её глазах отражались луны…» — задумалась, уставившись в одну точку. А если человек смотрит в пустоту — он думает. И если ему есть о чём думать, это уже хорошо.

«Давно ли я так сижу?» — мысль вернула в реал… Опять проехала остановку.

Мысли поглощают время быстрее, чем дела.

Француженка

Почему-то всегда думала, что в другом месте восход совершенно другой.

Не может быть таким же, как вижу я. Это мой восход и больше ничей. Даже мой сосед, который никогда не поднимает глаза к небу, знает, что есть его восход и его закат…

Но вот читаю:

В расплывающемся тумане
Зарождающейся зари
Появляется новый горизонт
В красных тонах
Потрясённая видом
Я встаю и растворяюсь в нём
Отмытая от стружки и заусениц
Вырвавшаяся из собственных мук

Это пишет француженка Jennifer Marquié[1]. Как она смогла увидеть то, что вижу я? Невероятные поэты.

Белая глина

Похолодало. На улице идёт затяжной холодный дождь. Все собрались дома. Появилось свободное время, и я взяла в руки глину. Это будет тарелочка для граната! Подбегает младшая дочь, молча обнимает мою руку. Убирая непослушную светлую прядь волос с её лица, спрашиваю:
— Что, Солнышко моё?

Тут же старшая:
— А я кто?
— А ты — Луночка!

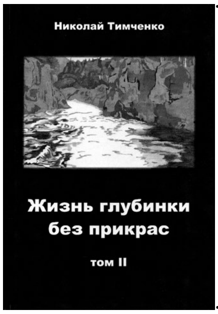
А сама думаю: почему Луночка, она же больше сестры? Но Небо уже занято. Небо — это папа. На Небе держатся и Солнце, и Луна, никак нельзя, чтобы оно было маленьким или могло растаять. Когда мы вместе, нам тепло.
— Мама, а когда ты была маленькой, ты кем была?

Вспоминаю…
— Гранатовым зёрнышком! Но это было в другом месте. Там было много гранатовых деревьев. Каждое утро их поливал тёплый сладковатый дождь, и потому зёрнышки в плодах были сочными и сладкими. Но однажды подул северный ветер, он не мог обрести покоя. Он забрал меня с собой, и долгая дорога была с ним, пока я не обрела своё небо! Почему так происходит, не знаю, но только с неба падает благодать, и растут новые деревья. Среди них есть гранатовые. В каждом гранатовом яблоке — сила воина!
— Мама, потому ты такая сильная?
— Нет! Сильная… потому, что много света вокруг. Свет даёт силу всему: и зерну, и дереву, и мне…
— Свет от нас — значит, это мы даём тебе силу?
— Да, вы и тот, кто дал мне вас. Он всех делает намного сильнее. Когда вы окрепнете и почувствуете собственную силу, придёт свежий ветер и позовёт в дорогу.

Только бы он не пришёл слишком рано…

Кожей почувствовала: белая глина податлива.

ДиН ревю



Николай Тимченко

Жизнь глубинки без прикрас

Том II
Красноярск : «Литера-принт», 2021.

Двухтомник «Жизнь глубинки без прикрас» — это сборник повестей и рассказов. Герои не кочуют по произведениям книги. В каждом повествовании они свои. Объединяет их лишь то, что все они — жители сибирской глубинки. Тем читателям, которые, по стечению обстоятельств, не прочли первый том, второй не покажется книгой без начала. В этот том вошли две повести и отдельный рассказ.

Повесть «Долгий путь к Синегорью» — произведение приключенческого жанра. «Проза жизни» полна лирики и драматизма, которыми наполнены события героев повествования, жителей сёл на берегах Кизира и Казыра — рек в Восточном Саяне. Рассказ «Таина тайна» — это повествование о трагедии, свершившейся в одном из южных районов Красноярского края.

1. *Jennifer Marquié*, «Ma vie réinventele» — Жанифер Маркье, «Вентиляция жизни» (в переводе Михаила Тищенко).

Эдуард Дэлюж

Кто сказал, что Бог не узнает своих?

И плакал белый Стикс[1]

Немного отняли у тебя, если не взяли души.

Пронзительным «о если» напишу:
А был ли день, и ночь ли это?
В оброненной строке рассвета
Оборванное подниму…
И день, и ночь твоей горячей крови…
Не досчитаюсь в ней однажды дней,
Где поцелованным и выбранным любовью
Идти сквозь равнодушие огней,
Сквозь строй метелей и усталости дорог,
Где цвет потерь и вечер тёмно-синий…
Вкус памяти—как нежности глоток,
И звук стеклянный в белой флейте стыни.

Нам было там сегодня лет по сто,
Там, где убийственно и просто ожиданье,
Ты бабочкой летишь к моей руке,
И всё сильней сердцебиенье и дыханье.
В том своеволии своём легка,
Рука твоя—как утешительница боли!
Мазурка, бал, мех соболиный, имена…
Княжна моя, на всех тут Божья воля.
Твоя мечта, и сердце, и печаль,
И ярко-белый цвет магнолий…
Твой князь серебряный—два шага до изгоя…
Площадь Сенатская… Дрожит царя рука.
И ты одна… и я один…
Тот, кто один, всегда с Господней Волей.

Где всех нас пригубили как бокал,
Тянули ввысь над книгою Предела…
И смерть в который час, в который раз
Часы перевела и не посмела.

О, эта вьюга… этот бал был в нашу честь!
Верста к версте—пять тысяч вёрст венчали.
За сотни вёрст от самого себя,
На тыщи вёрст, где ледяные дали.
Лаваль[2], мой бог, куда тебя несёт
По этим русским выбитым дорогам?!
Апре ну ле…[3] склонился небосвод…
Всё впереди?
Княжна, какого чёрта?!

Вот-вот мелькнёт знакомый голос или жест
В листве, что выйдет с веток, чтоб смеяться
Над тем, что смерть.
Глаза откроет весть
И станет, раскрываясь, воплощаться.
Среди зимы, где все слова тверды,
Сильны, как явь, что больно и дыханью,
Сказать хоть слово,
Хоть мгновенье красоты
Твоим глазам и твоему молчанью…

Где тень ты в письмах будущим зовёшь,
И взгляд твой светел…
Где путь для нас—огонь и пепел.
И ночь мертва, чтоб ярче был рассвет.
Замедленностью оплывающие речи…
И вот твоя рука…
Твоя рука, мой бог,
Ложится так по-женски мне на плечи.

Вишнёвый сок по венам снегопада,
Что время сохранит, а что забудет—
Всё снами будет.
Князь, всё с нами будет!
Судить не нам, да и не тем, кто рядом…
Обнимет время всех…
Судить ли нам?..

Бог тишины и северного ветра
Сегодня развернул знамёна веры,
Сегодня нас укутал в сквозняки…
И цвета вечной охры вышли звёзды,
Такие близкие, как нам и обещали…
Любовь вполголоса молитвы дочитала,
Одной рукой перекрестив двоих.

В строфе исхода Кто-то записал: они смогли.
И плакал белый Стикс.

1. Стихотворение посвящено княгине Екатерине Ивановне Трубецкой и князю Сергею Петровичу Трубецкому. Стикс (*др.-греч.* «чудовище»)—в древнегреческой мифологии олицетворение ужаса.
2. Лаваль—княгиня Екатерина Ивановна Трубецкая, урождённая графиня Лаваль.
3. «Апре ну ле…»—«После нас хоть…» *(франц.).*

Ещё на одного…

Когда я уйду, чуть-чуть повзрослеют деревья,
Останутся тени, которые можно не помнить.

Когда твоё цветенье станет алым,
Когда твой воздух вспомнит своё имя,
Моих ночных сонетов строки
Покажутся тебе живыми.
Когда мой бело-непокорный,
Мой слог, случайно поцарапанный губами,
Тебя коснётся каждым словом,
Ты вспомнишь, что такое «Ave».
Как нежен в каждой птице смех птенцов!
В рясах цветения на алтаре эскизов
Мы все устанем помнить жизни страх,
Мы все устанем на него молиться
И замирать в испуганных словах.
Когда однажды нас отпустят в сны к чужим,
Богатым, нищим, равнодушным, странным,
Когда украсят сердце шрамом алым
Пред алтарём небесных нот…
Когда за право и бесправие твоё
Вновь нежный ладанщик закажет воскресенье,
Гортанный реквием прощёного прочтенья
На бахрому распустит бремя вод.
Где мы вдохнём и выдохнем о Лете,
Танцуя кожей, там, где всё придёт.
Как сладок воздух в этом сладком цвете,
Поющих пьёт.
От раненных цветеньем в душу слов
Моё моленье снова плачет алым.
Сменивший свет, бездонность, темноту…
Нас всех однажды сбросят в травы…
И всё пройдёт.
И будет слово… слово о любви
В покинутых тобой прощаньях,
И дерево попросится к рукам,
Цветами одевая жизнь венчально.
Любовью ссадины врачуя,
Идущих в вечер день благословит,
И облетит латынью алфавит,
И повзрослеет тишина молчанья
Ещё на одного…

Когда заговоришь нечеловечьим языком
И расцветёшь на паперти прощальной.

Deus vult

Гераклит говорил, что «вечность—это ребёнок, бросающий игральные кости»…
Однажды, когда падала звезда, я успел загадать желание…
Я загадал жизнь…
Что такое жизнь?
Это Бог, происходящий с нами…
Это сад… Это ветер… Это глаза, руки, сердце Любви…
Это Любовь…
Цитаты, вырванные из ветра, повторяют и повторяют: «Ave, Deus!..»
Сегодня в песочных часах нет песка…
Лишь места с именами «ты» или «я» в фарфоровой Книге Жизни…
Сегодня гортань ветра открыла все двери тех одиночеств,
Где раньше мы были так нерешительны…
Где топил наши бумажные кораблики в ливнях неспешный Бог…
Небо нуждается в верности…
Услышь, как внутри поёт верность и нежность глубиной полночных звёзд…
Надкрылья слов шафрановые с синим…
Томительные… живые, смертельные…
Быть легче тишины… Ave, Deus!
Deus vult.

Supererant

Чёрная река строки
Так сиротливо и всесильно разливается у предсердия.
Ветром колышимая нежность—
Как лёгкий платок на плечах Магдалены.

Эта любовь, что светится чем-то вечным,
Вернувшимся на круги всея ветров…
В глазах отмеряно так длинно—
От узнавания нежного до кубков ледяных
В нелепых пальцах…
Отобрази на моём позвоночнике каждую сутру любви…
Отобрази в моём сердце дыхание любви…
Отпуская нас в этот последний поход по воде,
Врезанный глубокой линией в ладони.
Словом, процеженным через горло снегов и потерь…
Выжившее…
Если б я хотел быть распят,
То построчной твоей любовью.
Той побуквенной, нежной…
Той, что со времён тишины приходила молиться за нас,
Где молятся, и лечатся, и дышат,
В той тесноте, что нас ревнует к ранам.
На вокзале богов,
Где нас оставили с запиской: «Так будет безнадёжней»…

Проведи строкой по глубине небесной,
Где каждый раз последние рождаются слова,
Чтоб объяснить тебя,
Узнать тебя, любовь…
Мой самый бездонный, как вера, стих…
Где мы с тобой, лишённые границ,
Как иностранцы в мире зрелищ.
У чернил моих ещё не пересохли капилляры,
В обнажённую душу заливая небо и цветы.
Выслушай… Мне тысяча молитв сегодня исполнилось…
Спроси у тобою убитых и тобою воскрешённых,
Тобою любимых и тобой распятых…
Спроси у тех, кто делал это и с тобой.
Помнишь,
Как в одном из не случившихся слов распяли Христа?..
Помнишь, ребёнок родился, и нёс он с собой тысячу дат,
Время памятных дат
Терновника нежности с голосами птичьими…
Помнишь
Ноту одну… ту, которая выше всех нот,
Ту, которую написали в тебе при рождении,
А потом каждым днём гравировали и проверяли—
Устоишь ли, удержишь ли её?..
Ветер просил тело: отрекись…
Рвал тебя, пробовал на вкус твои солёные слёзы
И диктовал: отрекись…

И каждое движенье давалось замертво…
Крадущие жизнь, попробуйте украсть смерть.
И падал я в строку… как в то, что больше, чем смерть.
Supererant…
Кто сказал, что Бог не узнает своих?

Константин Емельянов

Хранители родного языка

Сторона

I.

На своей советской стороне
Пробивал я дырки на ремне,
А носил все джинсы я тогда
Меньше на размер, а то и два.
Был ещё я молод и небит,
Поднималась пыль из-под копыт.
Всё казалось мне, что мой удел—
Поднимать страну для важных дел.
Пролетело быстро столько лет,
От страны остался силуэт.
И уже позвал далёкий край,
Долгая дорога—и прощай!

II.

А на той российской стороне
Люди мрут, как мухи на окне.
Вдоль дорог—рекламные щиты,
И ларьки горят из темноты.
Дни проходят словно на бегах.
Шум и гам слышны на площадях:
Песни, крики, мегафонов вой.
А вокруг ОМОН стоит стеной.
На Садовом—иномарки в ряд,
В переходах нищие сидят.

III.

И опять промчалось столько лет.
Из посольства вдруг пришёл ответ…
На чужой, заморской стороне
Всё идёт как будто бы во сне,
Люди, звери, воздух и вода
Вроде не такие, как всегда.
Заморачиваться долго не дано:
Если выжил—значит, суждено.
А о прежней стороне своей
Узнаю теперь из новостей.
Дни бегут в тревогах и тоске,
Мысли путаются в новом языке.
И порою ночью до утра
Вспоминаю жизнь, что жил вчера.
По какой же я скучаю стороне?
Тихий дворик, занавеска на окне.
Из-за моря поднимается рассвет,
А за ними расстоянье в сорок лет…

Март

В марте дни становятся подлиннее.
Только не знаешь—радоваться или пугаться.
Ночи—короче и вроде чуть-чуть темнее:
Днём минус два, а ночью и все пятнадцать.
Утром натянешь всё, что найдёшь в комоде,
К вечеру паришься, будто в турецкой бане.
И не поймёшь, как жить при такой погоде:
Двадцать градусов дома…
И сорок—в стакане…
Палку с земли поднимешь—она стреляет,
Жёлуди разбросав на снегу, как патроны.
Снег сам промёрз так, что совсем не тает.
И унизительное что-то сверху кричат вороны.
Всем объявили вчера, что весны не будет.
Всё отменяется: солнце, тепло и зелень.
Снег ожидается вечный и грипп с простудой.
И за окном видок останется чёрно-белым.
Глядя на это, больше не веришь в возможность
В реке искупнуться и ягод поесть от пуза.
Тянутся вечные холод и осторожность
Катетами бесконечной зимы-гипотенузы…

• • •

Уж двадцать лет мы Родину не видели,
Она нам пальцем крутит у виска,
А мы сидим, плюёмся в телевизоры—
Хранители родного языка.
Их сериалы—скажем так, убожество,
Из новостных каналов хлещет яд,
Про литжурналы говорить не хочется,
А хочется брать в руки автомат!
И в Интернете тоже наказание:
Вернулись сразу в средние века.
Вот и сидим, молчим в своём изгнании—
Хранители родного языка.
В эфире не смолкают споры бурные,
Кипит, сипит холодная война.
Ругаются мужи литературные—
Настали бесовские времена.
Но мы, без подкрепленья и провизии,
Дерёмся, как солдаты из полка,
Из той, почти разгромленной, дивизии
Хранителей родного языка.

Э. Л.

Оттолкнуться от неба руками—
И прыжком головою вперёд!
Вы идите—мы будем за Вами,
А земля нас внизу подождёт.
Мы молчали так долго и тихо
И страдали больной головой.
Называли Вас конченым психом
И пугали психушкой-тюрьмой.
Только Вы ничего не боялись
И дразнили нарочно чертей.
И над всеми мы громко смеялись,
Позабыв о болезни своей.
Отреклись мы от старого мира,
И от нового мы отреклись.
И с улыбкой глухого сатира
Вы в глубокую падали высь.
Напечатали множество книжек,
Нарожали внебрачных детей,
Чтоб могли миллионы мальчишек
Выбирать себе сами вождей.
Взять в дорогу картошки и хлеба,
Пару ручек и старый блокнот…
Оттолкнувшись руками от неба,
С Вами вместе уходим в полёт…

● ● ●

Я почти не сочиняю,
А всё больше наблюдаю:
У окна сижу, дышу
И немножечко пишу.
У реки расселись утки,
В поле пляшут незабудки,
Жизнь так кажется свежа
Со второго этажа!
Вот мужик прошёл с собакой,
Паренёк в цветной рубахе,
Кучка девок и ребят—
Как скворцы весной, галдят.
Все толкаются, хохочут,
Им стихов не надо точно!
Я же кисну у окна.
Вот такая уж весна!
Запер сам себя в скворечник:
То ли птица, то ли грешник.
Но когда я не грешу—
Я страдаю и пишу.
А когда дойду до точки—
К чёрту выброшу все строчки.
Лучше уж в окно глазеть,
Чем над рифмами корпеть.
Больше я не сочиняю,
А всё больше наблюдаю.
Жизнь прекрасна и свежа
Со второго этажа!

Городок

Городок, в котором я родился,
По тебе я больше не скучаю.
И хотя ты сильно изменился,
Я тебя другим не представляю.
Все твои крутые небоскрёбы,
Что друг к дружке на проспектах жмутся,
Не запомнят моё имя, чтобы
Я хотел и мог туда вернуться.
Шум машин и окон строгий глянец,
Незнакомые названья улиц…
В этом городке я иностранец,
Мы, видать, надолго разминулись.
Где-то там, наверное, остались
Все мои ровесники, ребята
И девчонки, что со мной расстались
В девяностых и восьмидесятых.
Где-то там, вдали, осталась школа,
Тысячи забытых биографий.
Не спасёт от мыслей невесёлых
Куча чёрно-белых фотографий.
Городок, в котором я родился,
По тебе я больше не скучаю.
Мне вчера случайно ты приснился,
Чтоб под утро, как туман, растаять…

Ночная смена

Глубокой ночью
Звезда не хочет
Сама с собой о чём-то говорить.
Затихли звуки,
Шаги и стуки,
Когда во дворик выйдешь покурить.
Ночная смена,
И лишь сирена
То тут, то там прорежет тишину.
Ожили маски
И вновь погасли,
Чтобы вернуться медленно ко сну.
Погасли лица,
Огни больницы,
В приёмной шумно толпится народ.
Ночная смена,
Стальные стены,
И санитары ходят взад-вперёд.
Пустые тени
Чужих сомнений
Узором кроют тёмный потолок.
Но враз взлетают,
Как птичья стая,
Как только утром выйдешь за порог…

Александр Габриэль

Во времена велений щучьих

Стихотворения 2020–2021 годов

Перед «зеброй»

Где-то есть на земле и Рейкьявик, и Рим, и Ницца,
и на праздничном небе мерцают хвосты комет…
Он стоит перед «зеброй», а мстительный красный свет
вот уж тысячу лет не желает другим смениться,
словно тянет акын заунывный, как степь, куплет.

Он всегда был таким. Торопливым, как Санта-Клаус,
опасающийся опозданий на Новый год.
Из доступных режимов движенья—лишь «полный ход».
Как возникло то правило недопущенья пауз,
он не помнит уже. Слишком много других забот.

Да, ему говорили о людях, живущих просто,
про буддистский и неторопливый уход в себя…
От себя и в себя не уйдёшь: у него семья,
и работа, и пульс, редко менее девяноста—
доказательство адовой лёгкости бытия.

Ну а взгляды назад безнадёжнее, чем Цусима:
ничего не изменишь. К былому возврата нет.
Этим глупостям пусть посвящает досуг поэт.

Но сейчас, подле «зебры», жизнь просто не-вы-но-си-ма
и пуста, и ничем не сменяется красный свет.

Тынь и Янь

Не знаясь ни с печалями, ни с окаянным бытом,
в любви и ожидании найдя свои таланты,
планеты Янь и Тынь по близким двигались орбитам,
по воле гравитации сходясь, как дуэлянты.

Возможно, траектории рассчитывал им Кеплер,
но то, что с ними было, нелегко понять науке…
При каждом приближении они от счастья слепли
и глохли, в сладком мареве забыв цвета и звуки.

По меркам астрономии особенная каста,
они считали нормою температуру Этны,
и не привлёк бы, видимо, писателя-фантаста
погрязший в бесконфликтности контакт инопланетный.

И в тусклом звёздном холоде вдруг начиналось лето,
в структуре мироздания казалась прочной кладка…
Знать не хотят империи периода расцвета
о скором приближении периода упадка.

Вычет

То, что с нами,—то и свято, даже если непрактично.
Право выбора, ребята, легитимно, но частично.
Вроде хаты были с краю, и вблизи—могилы предков…
Времена не выбирают. Страны—можно, только редко.

Ну а счастье, ну а нега—приукрашенные виды.
Снизу—рифы, сверху—небо. Посерёдке—вдох и выдох.
И стоишь, как впавший в кому, bubble gum во рту катая…
Эта местность нам знакома, как окраина Китая.

И доподлинно известно: где когда-то жили люди—
игроки, фанаты квеста, подсудимые и судьи,
солдафоны и толстовцы изливали жёлчь и душу,—
там сегодня блеют овцы, доедая волчью тушу.

Малость, крохотная малость, что невзрачна, как обноски,
совершенно потерялась при транзитной перевозке,
а без эдакой детали вся машина не фурычит.
Затянуло гарью дали. Незачёт. Точнее, вычет.

Понимаешь в одночасье, песни спетые итожа,
что порою птица счастья на стервятника похожа.
Сколько тверди ни царапай—долгий день идёт к отбою…
Это время тихой сапой убивает нас с тобою.

Доживший

Ну сколько же можно, старче, забрасывать в море невод?
Пора отдохнуть бы, что ли… Зачем тебе эта фронда?
Неужто не надоело коптить в одиночку небо
и фильмы смотреть из древних коллекций Госфильмофонда,
где ладно поют девчата и сеют пшеницу хлопцы,
где домик с покатой крышей на старом солдатском фото?..
Ну сколько же можно, право, глядеть в глубину колодца,
себя убедить пытаясь, что ты ещё помнишь что-то?
Покой—он ведь близко, рядом, как фатума рот разверстый;
уже не дождаться счастья, здоровья и прочих выгод…
Зачем тебе, старче, это? Совсем же один, как перст, ты.
Пора бы поторопиться. Пора бы уже на выход.
Ты с прежним азартом псовым лакаешь уху из миски,
зачем-то в углах избушки, кряхтя, протираешь плесень…
Ну как ты не понимаешь: ты лишний в порту приписки;
всему государству худо от песен твоих и пенсий.
И коль ежедневным бедам конца не видать и края,
зачем просыпаться утром и вновь вылезать из кожи?!
Но смотрит старик, прищурясь, на белые створки рая
и шепчет: «Ещё не время».
И шепчет: «Чуток попозже».

Самоед

Ты сам себя привык без соли трескать,
и поедом себя сжираешь ты…
Но тут внезапно слышишь: любим, дескать;
нам, дескать, без тебя совсем кранты.
Хоть у тебя с Москвой договорённость,
что оба вы не верите словам,
становится чуть благодушней Хронос
и солнечнее—тесный твой вигвам,

и жизнь проста, и проходимы стёжки,
и каждый встречный—ближе и добрей,
и нервы тихо греются, как кошки,
лежащие у тёплых батарей.
Так легче на душе, так выше небо
и так взаимна тяга к ремеслу,
что кажешься себе краюхой хлеба,
в голодный год вдруг поданной к столу.

Репортаж

Пока что не тюрьма. Не «зона».
Лишь время загнано, как кляча,
и постепенно убывает
на пару с убываньем веры.
Врагов бояться нет резона.
Предательства друзей—тем паче.
Лишь равнодушье убивает
быстрей чумы или холеры.

Добро пожаловать на вертел
во времена велений щучьих.
Забудь любой декрет о мире.
Везде окопы и траншеи.
Уже давно написан «Вертер»,
уже давно как умер Фучик,
но вновь и вновь в прямом эфире
тот репортаж с петлёй на шее.

Скрипучи доски эшафота.
Ничто не ново. Это—тоже.
И кажется—конец основам.
И кажется, что шарик сдулся.
Но вдруг—взрезает воздух нота,
надежды глупые итожа,
и в мир немых приходит Слово—
живое, словно нитка пульса.

Гранж

У жизни хитёр оскал и законы жёстки.
Уж если она и гладит, то против шёрстки,
и мимо летит со скоростью иноходца.
И как ни следи, и как ни гадай, лошарик,
понять, под каким напёрстком запрятан шарик,
тебе не придётся.

Где прежде была равнина—теперь каверна.
Поющий «Merci beaucoup!»—оптимист, наверно.
А может быть, ценит музыку больше текста.
Картинка рябит в глазах, растворившись в гранже;
и липкий абстрактный страх, неизвестный раньше,
восходит, как тесто.

И всё тяжелей брести наобум скитальцам,
и всё тяжелей цепляться за воздух пальцам.
Хорошее меньше длится и реже снится.
Любая мечта—обман, пирамида Понци.
И цоевская звезда по имени Солнце
видна единицам.

Пронто

Мир вокруг опасен и неведом,
им владеют белки и скворцы…
Тротуар укрылся, словно пледом,
слоем аллергической пыльцы.
Соблюдая дух погодной сводки—
дунул раз-другой и был таков,—
ветерок перебирает чётки
крохотных пушистых облаков.
Смотрит благосклонным взором фавна
солнце на безлюдный ряд аллей,
где летят на землю плавно-плавно
стреляные гильзы тополей.
Жизнь спешит куда-то в темпе пронто,
исчезая даром, просто так,
за далёкой кромкой горизонта,
где Земля стоит на трёх китах,
где, срываясь вниз, впадают реки
в пустоту небесных теплотрасс…
Мир как не нуждался в человеке,
так и не нуждается сейчас.

Игрушки

Казалось бы, огромная Вселенная,
не знающая ни границ, ни виз,
а ведь хрупка, как чашечка коленная,
как тоненький фарфоровый сервиз.
Нависли небеса громадой матовой
угрюмо, как над Тереком Дарьял.
Мы—человеки. Мы— скопленья атомов.
Игра ума. Расходный матерьял.
К чему амёбьи наши ухищрения?
Вращайся, дней пустых веретено!..
Назвали мы себя венцом творения
вполне всерьёз. Не правда ли, смешно?
Мы Божьи то теория, то практика,
наборы «Лего» в царстве полной тьмы…
Всё больше расширяется Гулагтика.
Всё больше места. И всё мельче мы.
Азарт Творца—в процессе затухания,
проект поднадоел ему слегка…

Прохладный воздух, нужный для дыхания,
забыв о нас, уходит в облака.

Рифы

Листок опавший тонок, ломок, рыж.
На нём узор, как на ладони, вышит…
Ответь себе: зачем ты говоришь?
Кому ты говоришь? Никто не слышит.
Темно—от девяти до девяти.
Стол, койка и разбитое корыто…
Все камеры в тюремной соцсети
давно от солнца наглухо закрыты.
Угрюмая кандальная строка
не тянется ни к счастью, ни к забаве.
Баланду подают ещё. Пока
её крысиным ядом не разбавив.
И пусть ты не разбил о стену лба,
добравшись до своей финальной точки,
пропа́сть в толпе—обычная судьба
боящихся пропа́сть поодиночке.
Где нет любви, сражённой наповал,
где в небесах из птиц одни лишь грифы,
там ненависть берётся за штурвал
и, видя рифы, курс берёт на рифы.

Литературное Красноярье ∴ СИНЯЯ ТЕТРАДЬ

Софья Цанг

Что для меня дороже всего?

Меня зовут Цанг Софья. Я учусь в третьем «а» классе. Для меня дороже всего то, что находится вокруг меня, все те, кто меня окружают. И об этом я хочу рассказать.

Зима. На улице Тельмана, где я живу, много детей. Жители нашей улицы к Новому году украшают свои дома разноцветными фонариками, ледяными скульптурами, снежными горками. Со всего посёлка ребята и взрослые с удовольствием приходят полюбоваться заснеженными фигурами, покататься с горок.

Лето. Чудесная пора. Мой папа построил детскую площадку возле дома, а Мишин папа помогал. Мы всей семьёй раскрашивали детали площадки в разные цвета. У нас получилось классно! Наша площадка стала любимым местом многих ребятишек. С площадки был виден курятник. А мой ручной петух мог просачиваться сквозь дырки в заборе. Он даже мог чуть-чуть летать. И у Миши была курочка, которая тоже могла перелететь с одного места на другое. Они росли вместе с нами и за лето совсем выросли. Летом мы с друзьями любим кататься на велосипедах. Устраиваем вместе со взрослыми поездки. Наблюдаем за чем-то интересным. Вот однажды мы увидели ящерицу, которая сидела на плите и улыбалась. Вообще я люблю животных. Однажды я принесла домой маленького котёнка. Завернула его в полотенце. Накормила, вылечила, и он убежал домой.

Весна. Люблю весну, потому что у меня день рождения в мае. В прошлом году мой день рождения проходил в стиле «котиков». Родители придумали классный квест «Спасение Пушина». Мне подарили большой батут. Я была счастлива.

Осень. Это пора грибов. С папой и мамой мы ходили в лес. Там я видела белку, лису и даже дятла. Я набрала пять грибов. А ещё мы всей семьёй были в аквапарке. Там была большая горка. С этой горки я съехала три раза. Аквапарк делится на два бассейна: взрослый и детский. У них разная глубина. Там дают бесплатные бутерброды.

Всё, о чём я написала,—это моя Родина. Это то место, где ты родился. Это моя семья, родные и друзья.

Сергей Кузичкин

Из цикла «Восхищение одержимых»

Санитар морга

Виталий Петрович Мошин был небольшого росточка — сто пятьдесят два сантиметра. «Метр пятьдесят два», — говорил он сам о себе. «Метр с шапкой», — называли его старушки-соседки. «Метр в шапке и на каблуках», — шутили над ним коллеги-медики из числа молодого персонала больницы.

В больнице и в районной поликлинике подчёркивали его рост, обычно в нерабочее время, когда сам Виталий Петрович давал коллегам повод так говорить и судить его. Чаще всего происходило такое, когда весь коллектив медицинского учреждения собирался на общий для всех праздник за одним большим столом в красном уголке поликлиники или накрывал огромным танковым брезентом поляну на берегу Солёного озера. Брезент всегда возил с собой в «уазике» персональный водитель главврача Угрюмов. Он же, как правило, подвозил к берегу и закуску с выпивкой. С выездом на природу почти всегда отмечали День медицинского работника. А вот чествование коллег-юбиляров, вне зависимости от времени года и погоды, чаще проводили под крышей.

Непременный участник всех застолий фельдшер Виталий Петрович Мошин, подвыпив, становился очень беспокойным и не в меру разговорчивым. «До чего же шебутной», — говорил о своём сотруднике главный врач больницы Котов и просил сидящих рядом с Петровичем коллег наливать ему «через раз» и следить, чтобы он закусывал.

Уже после второй выпитой рюмки Виталий Петрович начинал говорить громче, после третьей обычно сыпал анекдотами с неприличными выражениями и заливался смехом. Иногда он смеялся один, потому что присутствующие женщины после его слов краснели и отворачивались, а мужчины становились мрачными и у большинства из них сразу появлялось желание выпить ещё.

Примерно минут через сорок от начала застолья шебутной медработник начинал петь. Он затягивал первый куплет и призывал всех ему подпевать. Репертуар больничного запевалы традиционно начинался патриотической песней советских времён.

Неба утреннего стяг…
В жизни важен первый шаг.
Слышишь: реют над страною
Ветры яростных атак! —

повторял раза три Петрович, пока не добивался, чтобы все медработники, включая главврача и его супругу, подхватили припев.

И вновь продолжается бой,
И сердцу тревожно в груди… —

кричали человек тридцать — весь коллектив медучреждения. К ним после второго куплета присоединялись ещё столько же: жёны, мужья и друзья работников районной больницы — завсегдатаи таких посиделок.

С неба милости не жди,
Жизнь для правды не щади.
Нам, ребята, в этой жизни
Только с правдой по пути, —

стройно и с азартом тянули подвыпившие, раскрасневшиеся люди, неотрывно глядя на стоящего в центре маленького человека, дирижировавшего ими.

А разошедшийся Виталий Петрович широко махал руками, держа в одной рюмку, а в другой вилку.

Когда же Петровичу становилось грустно после выпитого, то он затягивал про любовь:

Услышь меня, хорошая,
Услышь меня, красивая,
Заря моя вечерняя,
Любовь неугасимая.

Эту песню за ним подхватывали женщины возрастом за сорок:

Иду я вдоль по улице,
А месяц в небе светится,
А месяц в небе светится,
Чтоб нам с тобою встретиться.

Когда песня подходила к словам:

Ещё косою острою
В лугах трава не скошена,
Ещё не вся черёмуха
К тебе в окошко брошена, —

в песенный процесс включались все сидевшие за столом или расположившиеся на поляне люди.

Первое время медики приглашали на свои праздники музыкантов — гармонистов или баянистов — и с удовольствием танцевали и кадриль, и даже цыганочку. Но насладиться хорошей музыкой, танцами и пением под баян им было суждено недолго. Обычно в разгар праздника Виталий Петрович начинал требовать, чтобы музыкальный инструмент непременно передали ему, а если ему его с улыбкой не уступали, он шёл в атаку и пытался отобрать собственность у хозяина. Не все баянисты и гармонисты любят доверять свои инструменты в посторонние руки, поэтому некоторые оказывали Петровичу сопротивление. В одной из таких схваток был разорван на две части очень дорогой по стоимости баян марки «Юпитер». Бóльшая часть баяна осталась висеть на плече у хозяина, Петровичу досталась часть меньшая, но с кнопками, и он, с силой нажимая на них, пытался извлечь из оторвыша хоть какие-нибудь звуки.

— Больше чтоб никакой музыки, — сказал после этого случая, собрав коллектив на планёрке, главврач Котов.

С тех пор музыкантов приглашать перестали, и танцы с плясками, даже под магнитофон, больше не устраивали.

До конца праздника Виталий Петрович Мошин никогда не дотягивал. Примерно через час-полтора он падал со стула как сражённый автоматной очередью или, внезапно лишившись чувств, плюхался лицом в винегрет.

Дальше дело происходило по одному из трёх вариантов.

По самому распространённому, двое молодых парней-медработников брали сражённого под руки и волокли его домой. Петрович жил недалеко от больницы, за парком, и через двадцать минут парни уже возвращались к столу.

Если же дело происходило на природе, то пьяного медработника Мошина отвозил домой на машине водитель главврача Угрюмов. Благо озеро находилось километрах в двух от райцентра, и доставка Петровича до дома тоже происходила быстро.

Иногда по команде главврача кто-то из сотрудников больницы звонил домой Мошиным, и в красный уголок приходили два уже взрослых сына Виталия Петровича, Виктор и Анатолий, и уводили, а то и уносили отца.

Третий, самый неприятный для Петровича вариант доставки его в пьяном виде к месту постоянного проживания был, когда по звонку за ним являлась его жена.

Высокая (сто семьдесят восемь сантиметров) и плотно сбитая (весом под девяносто килограммов) Варвара была моложе своего мужа на десять с половиной лет, но из-за жизни с юности своей нелёгкой она стала рано седеть, а из-за избытка веса и природной неуклюжести рано стареть и на фоне своего вечно моложавого, хотя уже возрастом за пятьдесят, супруга казалась старше его.

Варвара никогда не участвовала в больничных застольях. Сколько бы раз ни приглашали её, она находила причину отказаться. Но когда звонили из больницы и трубку брала она, то за мужем приходила лично.

Если Петрович был совершенно без чувств, то Варвара брала его на руки, как младенца, и несла домой через парк. Бессознательно Виталий Петрович обхватывал жену за шею, прижимал голову к её груди, продолжая спать.

— Опять Варька своего докторишку на ручках несёт, напился снова, бедняжка, — обсуждали соседки-старушки, сидя на скамейках в парке или у своих домов, и, улыбаясь, кивали вслед Варваре.

Но ежели Виталий Петрович приходил в сознание, когда Варвара отрывала его от стола, он всеми остатками сил сопротивлялся и не давался ей на руки. В этом случае жена бесцеремонно сгребала мужа в охапку, устраивала его под мышкой, обхватив в районе пояса и зажав ему руки.

Виталий Петрович дрыгал ногами, крутил и мотал своей белобрысой головой, пытаясь освободиться. Он кричал на жену, требовал поставить его на ноги, стращал и ругался матом, но знающая дело Варвара ещё крепче прижимая к себе мужа, убыстряла, как могла, шаг и уверенно несла Петровича к дому.

В конце концов, устав сопротивляться, Петрович смирялся, переставал дёргаться в Вариных руках и от безысходности вновь запевал недопетую им в красном уголке песню:

Ещё не скоро молодость
Да с нами распрощается.
Люби, покуда любится,
Встречай, пока встречается!

Встречные прохожие останавливались, глядя на такую картину, а соседки-старушки молча, разинув рты, вставали со скамеек.

Празднества в поликлинике и на природе проходили, конечно же, не каждый день, а раза три, от силы четыре в год, включая День медицинского работника. На протяжении нескольких лет всё шло по одному сценарию, где в первом отделении за столом главным действующим лицом оказывался не тот, кого чествовали, а Виталий Петрович Мошин. Финал его участия был предсказуем, и все его знали, к нему привыкли и дружно терпели выходки коллеги.

Терпели и прощали Виталию Петровичу эти и другие его выходки ещё и потому, что работник в коллективе он был незаменимый.

Виталий Петрович был…

Наверное, всё-таки надо рассказать о нём с самого начала, тогда станет более понятно, кем и чем был медик Мошин для больницы районного центра, расположенного в красивом месте у соснового бора, недалеко от Солёного озера. Бор летом считался грибным местом, а Солёное озеро — достопримечательностью края, к песчаным берегам которого за целебной грязью приезжали паломники со всей Сибири.

Километрах в двадцати южнее районного центра, продуваемый ветрами, на открытой местности, в трёх верстах от тракта, располагался посёлок под названием Борок. Борок и вправду до войны стоял среди высоких сосен, но в лютые голодные и холодные военные годы оставшиеся в посёлке жители, в основном женщины, спилили на дрова все деревья, и теперь въезжавших в посёлок с тракта лишь в двух местах встречали по три сосёнки да десятка два пней, которые не смогли выкорчевать в те суровые годы.

В этом самом Борке, в большой крестьянской семье, и родился будущий медик Виталий Мошин. Он был пятым ребёнком из семи детей Петра Степановича и Анны Кузьминичны Мошиных. Как потом оказалось, самым маленьким по росту, но самым смышлёным и способным из всех. Восемь классов Виталий закончил в родной поселковой школе, а девятый-десятый — в упомянутом уже выше районном центре. С юных лет пытливого паренька тянуло к медицине, и он мечтал сначала стать ветеринаром — лечить животных, а потом, когда сильно заболел отец, — врачом-терапевтом, думая после школы поступать в медицинский институт. Но пока он оканчивал школу, отец умер, старшие братья и сёстры завели свои семьи и разъехались по всему краю. С матерью, кроме него, остались две младших сестры-школьницы. Понимая, что в доме он теперь последний мужчина, Виталий скорректировал свои планы и вместо мединститута в краевом центре поступил учиться на фельдшера в медицинское училище в близлежащем от Борка городе (ещё южнее километров на двадцать).

До начала сороковых годов двадцатого века небольшой город этот имел лишь одну примечательность: он располагался на железной дороге, и, кроме автостанции, был там ещё и железнодорожный вокзал. В самом начале Великой Отечественной войны организовали, а затем и выстроили на окраине города крупный тракторный завод. Чуть позже рядом с заводом появилось несколько промышленных предприятий, работающих на «оборонку», и население города за счёт приезжих увеличилось раза в три-четыре. В конце сороковых — начале пятидесятых стали строить недалеко от завода высоко-этажные дома, благоустраивать улицы и дворы, и город расцвёл. Школьником Виталий с отцом, матерью, старшими братьями, а то и один, нередко ездил в город тракторостроителей, где в магазинах выбор одежды, обуви, да и продуктов был получше, чем в Борке или районном центре.

Вот и отправился в хорошо знакомый ему город на учёбу выпускник средней школы Виталий Мошин. Каждое утро на ранней молоковозке, уходившей с борокской фермы в город, уезжал он на учёбу, а вечером возвращался. Часто тоже попутным транспортом, идущим из города в райцентр или ещё дальше. Выходил у тракта и три версты по дороге, а то и по бездорожью шёл до дома. Осенью, зимой, весной. И так три с лишним года.

Учился Виталий хорошо, и когда закончил медучилище, его взяли на работу дежурным фельдшером в первую больницу города тракторостроителей.

За пять лет работы в городской больнице фельдшер Виталий Мошин многому научился и зарекомендовал себя с самой наилучшей стороны. Он не ограничивался выездами на скорой, не считал зазорным выполнить работу медбрата, когда нужно было, заменял медсестёр: делал уколы и перевязки, помогал врачам во время приёма больных в поликлинике. Ассистировал терапевту, кардиологу, дерматологу и даже врачу по мужским болезням — урологу, который совмещал ещё и должность андролога. Работая с последним, молодой фельдшер преуспел более, чем с другими, и руководство больницы, когда уролог-андролог уходил в отпуск, стало поручать Виталию вести приём больных самостоятельно. Приходилось фельдшеру Мошину раза два-три подменять в поликлинике и терапевта, и дерматолога, а когда он сам выезжал на скорой помощи по вызову, то применял свои знания и навыки и в хирургии (было дело, ставил на место кость при вывихах руки или ноги), а случалось, был и наркологом, и психиатром, и даже массажистом.

Несколько раз руководство городской больницы предлагало Виталию повысить квалификацию — поступить в мединститут, выбрав врачебную специализацию. Он был не против, но с учёбой оттягивал и при каждом удобном случае, в выходные для себя дни, старался поехать в Борок.

Анна Кузьминична всё чаще и чаще болела. За ней теперь ухаживала только младшая сестра. Другая, хотя и жила в посёлке, выбиралась к матери крайне редко. Муж, дети, работа на ферме, домашнее хозяйство отнимали у неё уйму времени.

Вот и метался Виталий между городом и посёлком, между основной работой и уходом за матерью. Естественно, будучи дома, он заготавливал на зиму дрова, доставал комбикорм для поросят, делал грядки, сажал, окучивал и выкапывал картошку в огороде.

Когда же пришёл черёд и младшей сестре выходить замуж и ехать жить в районный центр, встал вопрос о переводе Виталия в фельдшерско-акушерский пункт родного посёлка.

Вопрос этот встал чуть раньше, когда заведующая Борокским пунктом (по названию первых букв — ФАПом) засобиралась на заслуженный отдых. Она уже лет пять до этого числилась пенсионеркой, но замены ей не находилось. Несколько раз Виталий, будучи в Борке, по собственной инициативе дежурил в ФАПе, подменял заболевшую заведующую.

Когда же заведующая ушла с работы окончательно, в дом Анны Кузьминичны в Борке пришли, а затем приехали и в горбольницу ходатаи из числа жителей посёлка и упросили мать Виталия уговорить сына, а главврача больницы — отпустить земляка-фельдшера на работу в ФАП.

Дома Виталия упрашивать мать, а в городе главврач вызвал его к себе в кабинет и спросил в присутствии ходоков:

— Ну что, поедешь? Люди просят…

— Ну, раз просят — поеду, — ответил согласием Виталий.

И он вернулся в Борок.

— Где родился — там и пригодился, — сказала ему мать, когда он отработал первый день в должности заведующего ФАПом.

За годы работы в городской больнице и последующие четыре с половиной в фельдшерско-акушерском пункте молодой фельдшер в пьянстве замечен не был. Когда жил в посёлке, то с утра до позднего вечера находился в ФАПе. Часто без выходных. К тяжёлым больным ходил на дом. Всегда старался оказать помощь заболевшим самостоятельно и только в экстренных случаях связывался с районной или городской больницей и отправлял больного в райцентр или в город.

Человек он был безотказный, и некоторые в посёлке его добродушием пользовались.

Как-то пришёл к нему в ФАП председатель поссовета, бывший военный Фёдор Степанович Воронков, и первый из всех сельчан назвал его по имени-отчеству:

— Слушай, Виталий Петрович, ты вот людей лечишь, диагнозы с ходу верные ставишь. А животных лечить пробовал? У меня бычок годовалый простыл, что ли… Хрипит второй день, и что-то навроде кашля у него. Можешь посмотреть? Простуда, я так думаю, и у людей, и у зверей по одинаковым симптомам протекает.

Виталий визит главы посёлка к нему счёл за честь и посмотреть бычка согласился.

А на другой день весть о том, что фельдшер лечит животных, разлетелась по всему Борку…

На молочно-товарной ферме (МТФ) работал зоотехник, но его знаний не всегда хватало на то, чтобы правильно определить, почему и отчего всё-таки заболела самая удойная корова или подрастающий бычок. Нужен был ветеринарный врач, а их в районе было немного. Двое работали в райцентре, и ещё столько же — в двух крупных хозяйствах района. На фермы посёлков они выезжали по крайней надобности и в Борок наведывались по одному или по два раза в год, и то больше для профилактики.

Вот и стали после случая с председательским бычком приглашать на ферму и на личные подворья сельчане молодого фельдшера. На ферму реже, на личные подворья — чаще.

За ним прибегали в ФАП, приезжали на машинах и на мотоциклах домой ранним утром, днём и поздним вечером и вели и везли к тяжелобольным, к числу которых теперь относились качающийся на ногах боров по имени Борька, не поднимающийся второй день пёс по кличке Верный, охрипший петух Петя, страдающий от переедания кот Кеша. А ещё заболевшие тёлочка Зорька, овечка Маня, уточка Соня и даже привезённый из жарких стран сине-зелёный волнистый попугай Пиночет.

Конечно же, фельдшер ФАПа не мог в полной мере заменить ветеринарного врача, но за лечение животных он брался, и в большинстве случаев его советы по лечению помогали. В знак благодарности хозяева исцелённого от недуга крупнорогатого, мелкорогатого и совсем безрогого скота старались сделать приятное фельдшеру. Его приглашали за стол, предлагали деньги и продукты питания.

Молодого заведующего ФАПом это поначалу сильно смущало, и он отказывался от угощений, денег и подарков. Отнекивался и поспешно уходил. Но всё-таки не устоял однажды под натиском соседки. Тётка Дарья пригласила его в дом, после того как он вылечил её овечку, налила горячего борща, выставила на стол большую чашку с пирожками и чекушку водки.

— Ты давай, Виталя, ешь-пей, пока есть возможность, — сказала она, — дома-то варить тебе некому. Мать ослабла совсем, на ногах едва держится. Поешь здесь у меня и ей пирожков отнесёшь. Я от всей души старалась. Мы же с Нюрой по молодости такие подруги были — куда она, туда и я. И в школе вместе учились, и на ферме работали, и в поле.

Виталий не мог отказать подруге матери и за стол сел.

— И не будь таким скромным, — напутствовала, провожая его домой и вручая корзину с пирожками и литровую банку молока, соседка, — дают что — бери. Люди от всего сердца предлагают — не обижай их. Ты когда отказываешься от их гостинцев, они потом долго переживают, думают, что что-то не так сделали… Бывает, и расстраиваются, и спят плохо потом. Ты же, как доктор, должен понимать такие вещи…

С той поры фельдшер Виталий Петрович Мошин от застолий и гостинцев отказываться перестал. Правда, за столом меру знал. Выпивал рюмку-другую водки или самогона и, отобедав или отужинав, уходил в хорошем настроении, но крепко стоя на ногах. Не отказывался он теперь и от сумок и корзинок, что давали ему с собой. Бывало, дома, разбирая поклажу, под куском сала или овощами находил он целлофановый пакетик с несколькими рублями.

И ещё одно поворотное событие произошло в жизни фельдшера во время его работы в родном посёлке. На двадцать девятом году своей жизни он женился.

Заходя на ферму, Виталий нередко встречал высокую, крепко сложённую девчонку, кормившую и поившую молоденьких тёлочек. Варвара с первой встречи поразила его и фигурой, и ростом, и открытым любопытным взглядом. Как он узнал потом, она пришла на ферму помогать матери, окончив в школе восемь классов, а когда её приняли на постоянную работу в отделение совхоза, то доверили отдельную группу молодняка. Была Варвара единственной дочерью скотника Бориса, работавшего рядом с женой и дочерью. Борис Борисович имел фамилию Борисов. Он немногим превосходил ростом фельдшера—сантиметров на пять-шесть, но был заметно ниже жены своей Тамары, которая возвышалась над мужем на целую голову. Когда Варвара подросла и стала выше не только отца, но и матери, в посёлке стали в шутку говорить, что она «ни в отца, ни в мать, а в соседа». При этом кивали на стоящий рядом дом немца Бауэра. Генрих Бауэр, двухметровый рыжий мужик, тоже работал на ферме: зимой скотником, летом пастухом. В то, что он мог быть отцом Варвары, скорее всего никто не верил, ибо все его четыре дочери имели явную печать отца: носили на голове копны соломенного цвета, а на лице—не сходящие веснушки. Варвару же ни соломенным волосом, ни веснушками природа не наделила. Шатенка, летом от загара чуть смугловатая, с явными чертами славянской внешности. Шутка, ходившая по посёлку и на ферме, нисколько, казалось, не волновала Бориса Борисовича. Услышав подобные речи, он улыбался и даже согласно кивал, вставлял ответную шутку: «Да, было дело: сдавал Генриху Тамарку в аренду». Улыбался сам себе, когда шутка доходила до него, и славившийся своей угрюмостью, малоразговорчивый Бауэр.

В общем, шутка «в кого Борисова Варвара» никого в Борке не раздражала и считалась вполне добродушной. Борисыча в посёлке уважали. Конечно же, и за лёгкий, незлобный характер, но в первую очередь за то, что он, как и фельдшер ФАПа, был человеком безотказным и востребованным. Борис Борисович имел особый дар: он легко ладил с животными. Мог подойти к разбушевавшемуся быку и успокоить его лаской и разговорами, укротить встающего на дыбы жеребца, пошептать на ушко и почесать бочок взволновавшемуся борову. Эту способность заметили у него ещё в молодые годы и стали приглашать его на забой скота. Поначалу Борису такая его роль не очень нравилась. Но психотерапия его хорошо поощрялась: после забоя ему давали с собой солидный кусок мяса, угощали жарки́м, и он привык. А потом и сам стал забойщиком. В первые ноябрьские дни и в конце декабря на услуги Борисыча в Борке даже образовывалась очередь. Пользовались услугами забойщика скота мать и сестра фельдшера, а один раз Виталий Петрович даже сам ходил просить Бориса Борисовича помочь справиться с откормленным хряком.

В общем, фельдшер хорошо знал родителей Варвары, а на неё до поры до времени внимания не обращал. Но вот увидел как-то за работой на ферме, и сердце его ёкнуло.

Не сразу решился Петрович прилюдно проявить свой интерес к молодой телятнице. И, может быть, не решился бы вовсе, если б не появилась сначала в посёлке, а потом и на ферме шустренькая деваха по имени Люся.

Люся приехала из райцентра в Борок к бабушке погостить, но задержалась, а потом и вообще осталась жить.

Примерно через год, как стал лечить животных, Петрович один-два раза на неделе сам заходил по утрам на ферму. И как-то заведующая подвела его к новой доярке.

—Вот, познакомьтесь—наша Люся,—представила доярку фельдшеру заведующая.—Постоянно просит у меня то борный вазелин, то касторовое масло. Говорит, что знает, что делать. У бурёнки нашей трещинки на сосках появились…

—Да, конечно же!—воскликнула Люся, кивнув фельдшеру.—Отчего трескаются соски? Оттого, что не следят за ними, не протирают как надо после дойки. Нужно же содержать коровку должным образом, а не то у неё лактация прекратится или, что ещё хуже, молоко станет непригодным для употребления.

—Она права,—сказал заведующей Петрович,—знает дело.

—Да я знаю, что она права,—согласилась заведующая.—Только вот она ещё требует перевести корову в другое помещение, а я где его найду, другое, сухое и светлое, помещение? Можно как-то коровку эту здесь полечить и чтобы доить её не переставать?

—Давайте попробуем, посмотрим,—вдохнул фельдшер.

—А ты откуда такая-то?—спросил Петрович Люсю, когда заведующая оставила их.

—Я-то?—Люся посмотрела на Петровича с любопытством,—Я на центральной усадьбе дояркой

была. Вы обо мне разве не слышали? Про меня четыре раза уже в районной газете писали. Про то, что надои были хорошие. Одни из лучших в районе.
— А что к нам перебралась?
— Да от мужа сбежала. Дурной оказался. Даже года не прожили с ним вместе. А мне с ним делить нечего, детей нет. Оставила его в его квартире, а сама к вам. Знала, что примете.

Было видно, что новая доярка весёлого нрава. Улыбка так и играла на её щёчках. Росточком она была с Петровича, хотя породой больше в Бауэра — чуть с конопушками и рыжеватая.
— А мне с первого разу показалось, что тебе лет семнадцать, не больше,— пошутил Петрович.— Вот, думаю: со школы — прямо на ферму.
— Семнадцать мне в другой жизни было,— продолжая улыбаться ему, ответила Люся,— а через месяц этой жизни двадцать восемь уже исполнится…

В свои последующие приходы на ферму фельдшер неизменно встречался с Люсей. Даже когда заходил в отделение по выращиванию молодняка, она оказывалась рядом. Здоровалась с ним, включала улыбку и принималась давать советы по лечению и профилактике молодняка. В большинстве своём советы опытной доярки Петрович принимал и брал к сведению.

Естественно, на ферме не осталось незаметным частое общение фельдшера и новой доярки, и по посёлку пошли разговоры. И вот однажды…

Однажды, когда фельдшер проводил на ферме профилактическую беседу при большом скоплении народа, заведующая, улучив момент, как бы в шутку спросила:
— Виталий Петрович, до нас дошли слухи, что вы собираетесь заслать сватов в дом Люсиной бабушки с предложением руки и сердца. Это правда? Скажите нам.

Фельдшер, восторженно рассказывающий о профилактике заболеваний животных, после слов заведующей замер с открытым ртом.
— Вы и Люся — такая пара отличная! Ну прямо созданы друг для друга! — не давая опомниться фельдшеру, вставила заведующая фермой.

Сказано это было при Люсе и, что, наверное, очень важно в этом случае, при всём семействе Борисовых.

Слова заведующей, было видно, смутили фельдшера, но, как оказалось, не сильно, и он тут же с улыбкой ответил ей, а заодно всем собравшимся так:
— Да я бы рад сватов заслать, да вот боюсь, что с Люсей у нас детишки мелковатые пойдут. А вот в дом Бориса Борисовича сватов бы я отправил. Думаю, что с Варварой мы бы отличных ребятишек нарожали. Красивых, как она, и умных, как я!

После этого на всей ферме наступила минута тишины. Притихли коровы, тёлочки и бычки. Притихли люди: доярки, телятницы, скотники. В глазах людей и животных застыло любопытство.
— Ну вот вам и принародное признание в любви! — не растерялась заведующая фермой.— А мы то думаем-гадаем: кого наш Виталий Петрович замуж за себя позовёт? Выходит, Варвара приглянулась. Жди сватов, Борис Борисович!
— Да пусть приходят! — отозвался скотник Борисов, поддержав игру в слова и, скорее всего, принимая сказанное за шутку.— У меня дома по вечерам с двадцати ноль-ноль до двадцати одного часа приём по личным вопросам.
— Ну что, Виталий Петрович, записывать тебя на приём к Борисычу? — засмеялась заведующая.— Придёшь?
— Приду! — сказал уверенно Петрович, и некоторым показалось, что он не шутит.— Записывайте!

И Виталий Петрович Мошин в тот же вечер, один, без сватов, пришёл к Борису Борисовичу. Как было сказано, к двадцати ноль-ноль.

Никто в посёлке так и не узнал, как проходило сватовство фельдшера, но ровно через месяц Виталий Петрович Мошин и Варвара Борисовна Борисова расписались в поселковом совете в присутствии родителей, председателя поссовета, местных депутатов и получили свидетельство о браке. Событие это отмечалось всем посёлком в фойе поссовета. Выпивки и закуски было с лихвой. Подарков тоже. Все остались довольны застольем. Собравшиеся искренне поздравляли жениха и невесту и кричали: «Горько!»

Правда, при поцелуе жениха и невесты чуть было не произошёл один неприятный инцидент, но ему не дали разгореться.

Чтобы поцеловать Петровича принародно в первый раз, Варваре пришлось низко пригнуться.
— Жениха на стул поставьте! Сподручнее ему будет! — видя это, крикнул кто-то из подвыпивших гостей.

Его тут же одёрнули, пристыдили, и он, посрамлённый, с низко опущенной головой удалился во двор.

Слышал ли совет гостя жених? Скорее всего — да. И, видимо, сразу же сделал вывод: когда молодых призывали целоваться ещё, он вскакивал первым и, не давая подняться невесте, обнимал её за шею и припадал к устам.

Вообще жених держался на свадьбе молодцом. С шуткой принимал подарки, с шуткой благодарил, но всё же к концу торжества он первый раз в своей жизни напился допьяна, и впервые Варвара отнесла его на руках домой.

Молодые поселились в доме Мошиных. Мать отвела сыну с невесткой дальнюю комнату. Варвара свекрови понравилась. Никогда не спорила и за любую работу по дому бралась с улыбкой, не один раз удивляла мать мужа приготовленными обедами и выпечкой. Но недолго Анне Кузьминичне

пришлось порадоваться с молодыми. Чуть более полугода прожила она с ними душа в душу, потом слегла, а ещё через пару месяцев её похоронили.

Не дождалась немного баба Нюра внука Виктора. Через год и почти четыре месяца после рождения первенца появился на свет и второй сын Мошиных — Анатолий.

Семейная и трудовая жизнь Мошиных протекала спокойно и размеренно. Варвара была покладистой не только со свекровью, но и с мужем. Никогда не спорила с ним и не перечила ему. На втором году семейной жизни Виталий отметил тридцатилетие, а Варваре исполнилось двадцать. Казалось, что всё так и будет идти у них своим чередом в родном для каждого из них посёлке.

Однако судьба в облике краевого медицинского начальника приготовила им перемену места жительства.

На исходе лета в районном центре проходило зональное совещание медработников края. Пригласили туда и заведующего Бороксским ФАПом Виталия Петровича Мошина.

Совещание проходило два дня на базе районной больницы и закончилось коллективным выездом на Солёное озеро. На совещании Виталий Петрович познакомился со многими интересными людьми, встретил он и коллег по горбольнице, и приятелей по училищу. Один из его одногруппников — Андрюха Смирнов, немного поработавший с ним в больнице, а затем уехавший учиться в мединститут, — вырос в начальника и представлял на совещании краевой профсоюз медицинских работников. Он-то и познакомил товарища с новым главврачом районной больницы.

— Это Юрий Михайлович Котов, — представил главврача заведующему ФАПом работник крайкома профсоюза, — он со мной в институте учился. Приехал сюда, а здесь с кадрами не всё слава богу. Врачей хороших заманить сложно, даже озером не завлечёшь, а работать, людей лечить надо. А ты, Виталя, спец на все руки, любого врача подменить сможешь. Вот я и подумал: зачем тебе пропадать в твоём ФАПе? Давай переезжай в райцентр. Будешь работать на скорой, как в городе. Ну и вести приём больных в поликлинике, когда надо. Это тебе тоже знакомо. Там, может, ещё кое-что надо делать будет, но тебе об этом уже главврач в частной беседе расскажет. Если согласишься на переезд, конечно. О жилье не думай. Мы с местной властью договорились: нам два двухквартирных дома для больницы дают. Новых. Три комнаты, кухня большая, веранда, огород, баня, сарай, загон для скота Что ещё надо? И жену твою трудоустроим. В райцентре две фермы, а телятницы там всегда нужны. Детей в детский сад отдашь.

— А ФАП как же? Кто там работать будет? И дом у меня в посёлке… — не ожидавший такого предложения, спросил его фельдшер Мошин.

— А про ФАП я тебе вот что скажу. Есть решение по краю: некоторые из них закрыть. Где совсем, а где в медпункты преобразовать. Это такие, которые близко к городам или райцентрам расположены. Твой как раз под это дело попадает. Там у тебя две медсестры есть, санитарка. Вот и оставим пока медпункт там. Которая посмышлёнее из бабёнок, старшей назначим. А ты давай в райцентр переезжай. Юрий Михайлович тебе поможет. А дом свой или продавай, или сестре пока доверь — пусть приглядывает… — сказал по-хозяйски, так, как будто дело уже решено, представитель крайкома профсоюза Андрей Валентинович Смирнов.

— С переездом поможем: машину выделим, людей в помощь дадим, — кивнул главврач районной больницы Котов, — и скотину перевезём, если надо.

Виталий Петрович рассказал дома о сделанном ему на совещании предложении Варваре и неожиданно получил горячее одобрение супруги.

— Конечно, ехать надо! И думать тут нечего! — восторженно сказала Варвара. — В райцентре и детский сад хороший, и магазинов побольше, и в кино ходить хоть каждый день можно…

Мнение её оказалось решающим, и в сентябре, не прошло и месяца, они перебрались из Борка в райцентр.

Вот так и стал работать в районной больнице и вести приём больных в поликлинике медик Виталий Петрович Мошин.

И не просто стал, а через полгода был уже незаменимым. Занимался привычным делом: дежурил на скорой, выезжал в ближние и в дальние сёла, где нередко оказывал первую медицинскую помощь, давал советы и выписывал рецепты, когда вёл приём в поликлинике. Но, кроме того, все работники больницы знали, что он делает ещё и такую работу, за которую никто из медиков браться не хотел даже под угрозой увольнения.

Виталий Петрович выполнял работу санитара морга. И даже более того…

Официально ставка патологоанатома в больнице была закреплена за главным врачом Котовым. Он был одним из двух хирургов в штате райбольницы и порой сам делал несложные операции, вёл иногда приём больных, давал заключения по судебным делам. Конечно же, как и патологоанатом и судмедэксперт, главврач должен был лично анатомировать умерших и погибших, но Юрий Михайлович, несмотря на то что был хирургом и резал живых людей, панически боялся мёртвых. Ссылаясь на большую загруженность административной работой, он целиком и полностью доверял вскрытие трупов и определение диагноза смерти своему сотруднику — фельдшеру Мошину.

Нельзя сказать, что Виталий Петрович с удовольствием занимался такой работой. Он даже был в растерянности, когда по приезде в райцентр получил предложение от главного врача.

— Поймите, дорогой Виталий Петрович, просто некому делать это,— сказал в беседе с ним главврач Котов,— давайте попробуем. Вы после каждого вскрытия будете рассказывать мне о состоянии внутренних органов умершего, а я на основе ваших рассказов буду составлять заключение о смерти. Будете получать за это отдельно. Я думаю, что нам с вами этим делом придётся заниматься недолго. В конце концов нам пришлют настоящего патологоанатома, и мы найдём ему нового санитара.

Виталий Петрович, как сказано выше, был человеком, на просьбы безотказным, и временно побыть санитаром морга согласился. И не думал тогда ни фельдшер Мошин, ни главврач Котов, что временная их работа затянется не на год, не на два и даже не на пять и не на десять лет…

Когда в райцентровской газете «Колос» появился новый, сразу обративший на себя внимание своими публикациями корреспондент, Виталий Петрович Мошин трудился в районной больнице уже двадцать третий год и столько же исполнял вверенную ему обязанность санитара морга. К тому времени он стал в больнице и поликлинике незаменимым, а в райцентре, да и во всём районе — известным.

Как-то, будучи в отдалённом селе, зашёл он по просьбе главврача в школу, чтобы узнать у директора, в какой день можно приехать медикам из райцентра и провести, что называется, поголовную вакцинацию от гриппа. В школе шли занятия, и Виталий Петрович пошёл по коридору, читая надписи на дверях кабинетов. Возле учительской он увидел техничку, подтирающую в коридоре полы, и попросил её сообщить директору, что его спрашивают из района.

— Кто спрашивает? — в свою очередь осведомился директор.

— Да из больницы районной мужик, который покойников режет,— не растерявшись, ответила техничка.

В общем, Виталия Петровича в районе знали многие, хотя в газетах о нём не писали и фотографий его нигде не помещали.

Сам же фельдшер Мошин местную прессу читал. С интересом просматривал каждый новый номер газеты и отмечал интересные материалы и авторов, их написавших. Конечно же, он заметил появление нового автора и отметил его статьи. Андрей Кузнецов рассказывал о простых людях незаметных вроде бы профессий, о которых до него никто из районных корреспондентов никогда не писал и писать, видимо, не собирался. Героями его очерков и зарисовок становились приёмщик ягод и грибов на заготовительном участке, добытчик кедровых шишек из артели шишкарей, закройщик ателье в райцентре, техничка Дома культуры, сторож автопарка, заправщица АЗС, школьный истопник…

Когда в газете накануне очередного Дня медицинского работника появился очерк о гардеробщице поликлиники, отработавшей на одном месте тридцать лет, фельдшер Мошин понял, что рано или поздно новый корреспондент придёт и по его душу. Виталий Петрович предполагал два варианта личного знакомства с новым сотрудником редакции: в кабинете главврача, куда его пригласят для беседы, или же корреспондент позвонит ему лично домой, и тогда они договорятся о встрече.

Но всё случилось по-другому: сотрудник редакции записался к нему на приём и добросовестно отсидел в коридоре поликлиники очередь из пяти человек.

В тот день Виталий Петрович принимал больных как дерматолог, и Андрей, войдя в кабинет, завёл разговор о таком заболевании, как псориаз.

Петрович посоветовал пациенту, какой лучше мазью пользоваться, и назначил ему курс физиолечения. Беседа в кабинете между фельдшером и корреспондентом длилась примерно около получаса, а потом продолжилась на скамейке в парке вечером, после восемнадцати часов, когда и Петрович, и Андрей свою работу в больнице и редакции закончили.

Они сразу понравились друг другу и, несмотря на солидную разницу в возрасте (пятнадцать с половиной лет), подружились. Первый же день их знакомства был отмечен, по предложению Андрея, в кафе «Мечта» возле автостанции, а закончился у дома Петровича, куда корреспондент поздним вечером привёл еле стоящего на ногах медика. Представитель районной прессы имел честь в тот вечер лично лицезреть супругу фельдшера Варвару.

Представлен он ей не был, но догадался сразу, что это она, когда увидел в наступающих сумерках, при зажжённом свете электрического фонаря, мощную женщину, вышедшую из ворот дома на требовательный стук и заливистый лай собаки.

Варвара, подбоченившись, молча смотрела на пьяного мужа и выпившего незнакомца.

— Здравствуйте,— поприветствовал её Андрей и подвёл ближе к ней совершенно уже не соображающего Петровича.— Вот, примите человека, пожалуйста…

— Разве это человек? — сгребая одной рукой в объятия мужа, а другой взяв его за чуб, сказала Варвара.— Привязать его в огороде к пугалу надо, чтобы ворон отгонял,— к утру, может, и будет напоминать человека…

Она потрясла за волосы голову Петровича, затем приподняла его за талию и, не говоря больше ни слова, понесла мужа в дом.

После первой же их встречи между корреспондентом и фельдшером сложились доверительные, даже приятельские отношения. Не всегда,

но, бывало, беседы их заканчивались (а то сразу и начинались), как и в день знакомства, выпивкой.

Андрей, правда, Петровича больше домой не доставлял, а при необходимости звонил его младшему сыну Анатолию—методисту районного Дома культуры. Тот подъезжал на своём «Москвиче» по указанному корреспондентом адресу и забирал отца.

Адреса, где чаще всего общались корреспондент с его отцом, Анатолию были хорошо известны: то же кафе «Мечта», редакция районной газеты, поликлиника. Иногда, случалось, сын забирал отца из домов его пациентов, куда Петрович изначально был приглашён для оказания медицинской помощи, а потом отблагодарён и посажен за стол родственниками или самим заболевшим.

На самые интересные, с точки зрения фельдшера, визиты он брал с собой корреспондента. И Андрей на деле видел, на что способен Петрович, и у него появлялись всё новые и новые вопросы к герою его будущего произведения.

Иногда, когда приятели общались при помощи наполненных стаканов, Петровича тянуло на такие откровения, о которых бы он не поведал никому, кроме Андрея.

— Андрюха, не для печати!—предупреждал фельдшер, поднимая вверх указательный палец правой руки.

— Не для печати, Петрович!—давал слово корреспондент, поднимая вверх указательный палец своей руки.

— Ты не поверишь, но мне даже приходилось несколько раз делать бабам аборт. Искусственно прерывать беременность.

— Расскажи!—просил с горящими глазами корреспондент.

— Я знал и знаю, что на том свете меня за это самым страшным мукам предадут, но всё же шёл на это. Не мог отказать… А, наверное, потому, что первой была та самая Люська—доярка из Борка, на которой меня хотели женить.

— С этого места поподробнее, пожалуйста, записывать не буду и никому не скажу,—клялся Андрей и снова поднимал вверх указательный палец правой руки.

— Она первое время, как я сюда переехал, частенько ко мне в поликлинику наведывалась. В любовь поиграть со мною хотела, но ты же знаешь—я однолюб. Только Варвару люблю и ей всегда верен.

— Кто бы сомневался,—разводил руки Андрей.

— Ну так вот, Люську эту я и по-хорошему отваживал—ласково до двери кабинета провожал, и в грубой форме, даже с матерками, выпроваживал. А однажды она записалась ко мне на приём и говорит: я беременная. Беременность нежелательна, хочу от ребёнка избавиться. Давай делай мне что-нибудь, помогай, или рожу и скажу всем, что ребёнок твой.

— Значит, запугала она тебя?

— Я бы не сказал, что запугала меня эта шантажистка, но упала на колени передо мной и истерику закатила. А в коридоре полно народу, больные сидят… В общем, согласился я. Поговорил кое с кем, почитал литературу полуподпольную… И сделал.

— В кабинете прямо?—осведомился корреспондент.

— Ты не поверишь,—сказал Петрович, налив себе водки в стакан и сразу выпив.—Ни в кабинете у меня, ни у неё дома, а в морге.

Андрей чуть не захлебнулся, прервав процесс пития на половине и едва не выронив стакан.

— После обеда затишье как-то в поликлинике было, отвёл я её в морг, положил в ванную и сделал что надо. Она там часа два-три потом полежала, а вечером отвёз её домой на скорой.

— Ну ты, Петрович, точно спец на все медицинские руки,—искренне восхищался собеседником корреспондент.

— А то!—гордо засиял улыбкой фельдшер и тут же рассказал приятелю (не для печати) две истории о том, как он тайно, с помощью традиционных и народных средств, излечивал от венерических заболеваний председателя райпотребсоюза и заместителя руководителя района.

Корреспондент проверить сказанное фельдшером не мог, да и расследование проводить не собирался. Он верил новому другу на слово и в профессионализме его не сомневался.

А вот как работает Петрович в морге, Андрей, если бы захотел, мог увидеть воочию. Фельдшер несколько раз звал его с собой на вскрытие трупов, но бедный корреспондент, как и главврач больницы, покойников побаивался и предпочитал рассказанное увиденному.

— Мы с Котовым с самого начала договорились, что он перед вскрытием наливает мне полный стакан неразведённого медицинского спирта, я выпиваю, не запивая водой, половину и иду анатомировать. Когда подхожу к трупу, уже по одному взгляду определяю: у этого печёночка еле держится—пил много, у того сердчишко в руках расплывётся, едва возьмёшь,—не берёг себя, а у того вон лёгкое чернее антрацита—курил, как вулкан, бóльшую часть жизни. И почти всегда так оно и есть. Ошибаюсь редко. Отмечаю всё это сразу, а после вскрытия допиваю остатки спирта и, бывает, даже успеваю сдать акт главному. В основном в устной форме, но иногда и записи какие делаю. А он уже сам там дописывает. Потом пью прямо у него водичку, и тогда уже меня скашивает—падаю на боковую, и меня шофёр Угрюмов домой везёт. Сложного, как правило, ничего нет. Правда, один раз привезли из какой-то деревни повешенного. Три дня висел в амбаре, пока нашли. Уже разлагаться начал, а анатомировать надо, и заключение Котову писать для

милиции надо. Тогда говорю ему: наливай сразу два стакана. Он наливает (куда ему деваться?), я выпиваю один полный, надеваю повязку, чтобы не стошнило,—и за скальпель. Жутко вспоминать. В общем, проанатомировал беднягу, вышел и, ни слова не говоря, выпил второй стакан. Упал сразу. Всю ночь сушняк давил—водой отпивался. Дня через три только в себя пришёл—тогда только акт вскрытия составили.

Корреспондента иногда тошнило от рассказов фельдшера, так ясно он представлял работу приятеля, но все истории дослушивал до конца. За что, видимо, фельдшер и уважал его.

— Я, Виталий Петрович, решил сделать тебя героем не газетной статьи, а целого рассказа,—сказал как-то фельдшеру корреспондент.—В рассказ можно всю правду-матку вставить. Это уже художественная литература получится, а не просто газетная зарисовка о человеке.

— Правильно!—согласился фельдшер.—Я тебе ещё кое-что тогда из медицинских историй интересное расскажу, а ты мне пообещай, что ещё и про тестя моего в газете напишешь. Лучшего забойщика скота в нашем районе нет. А может, и по всему краю или даже по всей России. Я думаю, что если бы состоялось первенство мира по забою скота, то он бы по любой весовой категории чемпионом был.

— Замётано!—сразу согласился корреспондент.—Мне уже интересно увидеть этого человека! Когда меня с ним познакомишь?

— Да вот хоть в ближайшую субботу. Я как раз свободен. Можем к нему в гости нагрянуть.

— Идёт!

И в ближайшую субботу фельдшер и корреспондент первым рейсовым автобусом поехали в Борок.

Но, впрочем, это уже другой рассказ и уже не о санитаре морга, а об отце его супруги Варвары—Борисе Борисовиче Борисове, мастере забоя скота высшего класса.

Забой скота по высшему пилотажу

Вегетарианский рассказ из цикла «Восхищение одержимых»

Высший пилотаж—превосходная степень сложности поставленной задачи, при решении которой подразумевается огромный объём аналитической или другой нетривиальной работы.

Словарь великорусского языка делового общения

В десятом часу утра известный на весь посёлок Борок забойщик скота Борис Борисович Борисов вышел на свои «дальние луга»—посмотреть, насколько там вызрели травы и не пора ли завтра, прихватив супругу Тамару, собираться с утра с косами да вилами. Он хотел проведать свои угодья ещё вчера, благо денёк выдался хороший, но неожиданно явился из райцентра зять, и не один—привёз с собой корреспондента газеты. Пришлось, как ни отнекивался Борис Борисович, на вопросы настойчивого писателя отвечать. Хоть с неохотой, но разговорился. Рассказал об особенностях своей работы. Водил зятя с корреспондентом на ферму, провёл показательный забой борова в одном из дворов, привлекая в помощники гостей. Ну а потом, само собою, угостил чем Бог послал. Уехали гости довольные. Подвыпивший корреспондент прощался с ним горячо и называл мастером своего дела и первоклассным специалистом. Так весь день вчерашний и прошёл. Сегодня Борис Борисович решил ничего не откладывать и обязательно на покос сходить.

Он уже прошагал немало: поднялся в горку километрах в трёх от посёлка и вышел к берёзовой рощице, где его и догнал на мотоцикле сорокалетний скотник фермы Федька Просов.

— Борисыч, выручай!—взмолился Федька, остановив, но не заглушив мотоцикл.—Бычара вырвался, носится как угорелый по огороду, топчет картошку, разносит всё, что попадается ему под рога!

Федька тяжело дышал, голова его тряслась, глаза бегали.

— Ты же знаешь его! Быка моего... Приходил как-то усмирять...—тараторил Федька.

— Ну, помню...

— Он всегда же был как дикий... Я собирался его в совхоз продать, но там не берут, знают уже про его буйный нрав даже на центральной усадьбе. Вчера договорился с мясокомбинатом, в городе. Они живым весом согласились принять. А бычара, видимо, почуял: ночью несколько раз мычал в стойле... Утром вроде затих, я пошёл коров выгонять на пастбище, он смирно стоял. К девяти мужики мясокомбинатовские приехали. Всё вроде нормально было: привязали ему верёвку к рогам, выводить из загона начали, а он в это время как рванёт! Вырвался, меня чуть не сбил, вынес калитку—и прямиком в огород: парники с огурцами своротил, поленницу дров рассыпал...—рассказывал сбивчиво Федька,—Что делать, Борисыч? Кроме тебя, никто не поможет.

— Он сейчас там, в огороде?

— Да. Я со стороны дома поломанную калитку телегой подпёр и чурками завалил, чтобы не выскочил во двор. Он по огороду мечется... Через плетень хотел сигануть, но у меня плетни высокие, ему не перепрыгнуть... Бегает по картошке.

— Ну, значит, пока никуда не денется...—сделал заключение Борис Борисович.

— Ага, не денется!—воскликнул Федька.—И картоху всю вытопчет, и забор разнесёт! Поехали, Борисыч...

Федька от волнения не переставая крутил ручку мотоцикла, то и дело добавляя газу. Борису Борисовичу стало жаль парня.

— Ну что с тобой делать? Поехали! — согласился забойщик, усаживаясь позади Федьки на видавший виды и переживающий не первое десятилетие «иж-Юпитер». — Гони свой драндулет. Опять на покос не попаду сегодня. А деньки стоят…
— Да ты не переживай, Борисыч, бычару сдам в городе и тебя вечером на покос твой отвезу.
— Ладно, поехали уже…

В посёлке на полторы сотни дворов было немало крупнорогатого скота. Около пятидесяти быков имелось в общественном стаде второго отделения совхоза, ещё примерно столько же — в личных подворьях. Конечно же, скотник фермы, а по совместительству забойщик скота, Борис Борисович Борисов знать их всех не мог. Он работал на откорме молодняка и различал быков и бычков, живущих на ферме, а в дома посельчан его приглашали чаще всего уже на забой. Там он и знакомился с подготовленными на заклание крупнорогатыми. Но Федькиного быка чёрной масти с белым пятном на лбу Борис Борисович знал и помнил. Особенно его глаза — неестественно налитые кровью. Этот бык смотрел не на людей, а поверх их, с каким-то своим бычьим превосходством. За свою жизнь забойщик имел дело не с одним десятком разной масти и разного характера крупнорогатых самцов, однако этот выделялся из всех. Борис Борисович знал, что Федька звал своего быка Борькой, но, видимо, чтобы не обидеть забойщика, в его присутствии окликал не иначе как бычарой. Бычара с рождения выказывал непростой характер, требовал к себе повышенного внимания и дома, и на пастбище. Осматривали его и зоотехник, и ветеринар и давали Федьке свои рекомендации по уходу за быком. А пастухи с ним не церемонились — угощали часто плетьми за непослушание. Раза два-три этот Борька пропадал из стада, и его искали едва ли не все скотники фермы. Один раз нашли аж за двадцать километров от посёлка, на скошенном поле в соседнем районе. А второй раз, Борисыч вспомнил, Борька бродил где-то двое суток, но потом сам пришёл к Федькиному дому, ободранный и с вывернутым рогом. Вот тогда и пригласили к Борьке Бориса Борисовича. Бык не хотел есть, мычал и не подпускал к себе ни хозяев, ни ветеринара. Борисыч тоже не сразу нашёл к нему подход. На прикормку его было не взять. И хотя бык не проявлял явной агрессивности, к нему трудно было подойти, он отворачивался и мотал головой.

Борис Борисович тогда попросил ему не мешать. На всякий случай сунув свой нож по привычке за голяшку правого сапога и взяв в руки пучок свежего сена, он вошёл в сарай, где обитал и голодовал бык.
— Ну что, Борька из Борка, напутешествовался? Повидал другие места? — Борисыч говорил спокойно и монотонно, чётко произнося слова.

Он с самого детства так разговаривал с животными. Никто его не учил этому. Видимо, от природы заложена была в нём такая вот тяга к общению с «братьями меньшими». И в тот раз он Борьку уговорил, или заговорил, как сказал потом Федька:
— Борисыч Борьку заговорил, и тот присмирел: и сено есть стал, и ветеринара допустил. Рог ему приладили на место, и он снова прирос.

Ещё родители Бориса запомнили и рассказывали соседям, как пятилетний их сынок разговаривал с синичками в огороде, а те, сидели совсем рядом с ним, не прыгая и не чирикая, и слушали его.

Заметили родители маленького Бориски, и то, что в присутствии их сына и куры, и поросята, и телята вдруг затихают и, подняв головы, смотрят на мальчика, словно ожидая от него какого-то приказания. А мальчик, бросая зерно или угощая сеном, ласково говорит им:
— Кушайте, кушайте, растите большие-пребольшие.

Помнили родители Бориса-младшего и то, как горько плакал и долго не мог успокоиться их маленький сынишка, увидев однажды, как выносят из сарая убитого из ружья поросёнка, разделывают его по частям, а потом жарят его печёнку и сердце на сковородке, засыпают солью сало, а из отрезанных ног и головы варят холодец. С Бориской, всегда спокойным мальчиком, случилась тогда истерика: он кричал, рыдал, даже бился в судороге. Мальчик долго потом не ел ни мяса, ни сала. Пил только молоко, заедая хлебом, и матери его стоило немало усилий, чтобы уговорить сына поесть борща или каши.

Когда Борис учился в школе, то вёл себя обособленно, ни с кем из детей не дружил. Бывало, опаздывал на занятия: останавливался возле какой-нибудь пробегающей мимо собаки и разговаривал с ней. На уроках он часто задумывался, прислушиваясь к пению птиц за окном или мычанию проходивших по улице коров. Учителя вначале тревожились, глядя на такого ученика, но потом привыкли к его странностям, и некоторые из них, когда Борис стал постарше, даже прониклись к нему уважением. «Он понимает язык птиц и зверей», — говорил о своём ученике вполне серьёзно учитель биологии.

Некоторые из посельчан отметили, что больше других животных Борис любит лошадей. Может подолгу бывать возле них, разговаривать, кормить, поить. Особенно к нему привязываются жеребята и не хотят потом его от себя отпускать, рвутся за ним, как за матерью, когда Борис собирается от них уходить.

Особенного Бориса иногда просили о помощи. Вначале он помогал в поиске потерявшихся домашних животных. Отыскивал отставших от стада тёлочек и бычков. Безошибочно знал, где искать

оставленных без присмотра стреноженных лошадей, ускакавших с лугов. Лошадок он вызывался искать сам. Некоторые хозяева примерно знали, куда может уйти за день их конь или кобыла, но всегда с охотой разрешали Борису самостоятельно отыскать лошадку. И когда Борис прибегал и сообщал хозяину, что нашёл лошадь у ручья в распадке или в берёзовой роще за автотрассой, то в благодарность за это они разрешали ему самостоятельно расстреножить коня и проехаться верхом от того места, где лошадь была найдена.

Когда ребёнку исполнилось десять лет, некоторые соседи стали обращаться — сначала к родителям, а потом и к нему самому — с просьбами прийти к ним на подворье и поговорить с якобы заболевшим кабаном или барашком, поиграть с ними, почесать за ушком. И Борис безотказно приходил и говорил с кабанами, свиньями, овцами и быками. А пока он разговаривал с животными в сарае, в доме в это время готовились к забою: точили ножи или заряжали ружья…

Ему пророчили судьбу ветеринара или зоотехника, а он, закончив школу, пришёл работать в отделение совхоза, на ферму по откорму молодняка, где начинал помогать взрослым, ещё будучи школьником. Когда переходили в восьмой класс, в школе создали бригаду из учеников и преподавателей, вызвавшихся поработать в совхозе на летних каникулах. Вот тогда и попал Борис на ферму. Работа ему понравилась, и он больше не задумывался, куда пойдёт после школы и чему посвятит свою жизнь. И действительно, Борис Борисов стал на ферме примерным работником. Не один раз получал от руководства совхоза благодарности, почётные грамоты и денежные премии. Отправляли его делиться опытом на районные и даже краевые совещания и выставки достижений сельчан.

Забойщиком же стал он не по своей воле.

В Борке специалистом «нарасхват» по этому делу много лет до него слыл Коля-говорун. Так звали в посёлке странноватого одинокого мужика. Многие посельчане приглашали на забой своих свиней и быков именно его. Коля никогда не пользовался ружьём. Забой производил исключительно своим длинным ножом и всегда в одиночку. Помощников себе не просил. Наоборот, заходя в сарай для совершения дела, просил хозяев побыть в это время в доме. И делал всё быстро. Иногда с места забоя доносился до владельцев скота короткий предсмертный крик их бывшего питомца, но чаще животные даже не успевали открыть и рта, как дело было сделано.

— Принимайте, работу, — всегда говорил Коля, выходя из сарая и вытирая тряпкой лезвие своего ножа.

Все знали, что Говорун не любит смолить паяльной лампой шкуру поросёнка или резать на части быка, что делали другие забойщики, поэтому нанимавшие его на разделке туши не настаивали. Договариваясь заранее только о забое, рассчитывались с забойщиком, и Коля уходил. Правда, некоторые хозяева после выполненной работы приглашали Говоруна к вечеру «на свеженинку». Он не отказывался. Не отказывался Коля и от рюмки-другой под жареное мясо или печёнку. Бывало, хмелел, говорил длинные речи, рассказывал байки о забойщиках и охотниках, но сильно не напивался. По улицам он не шатался, под заборами не лежал, сразу шёл домой, в свою квартиру в доме на два хозяина, что получил от совхоза.

Когда случалось провести на ферме массовый забой «выбракованного» крупнорогатого скота, то тут в помощь Коле, хочешь не хочешь, давали подсобников — одного или двух бойцов, в зависимости от того, сколько голов нужно было забить.

Сколько помнил Борис, Коля-говорун всегда ходил в выцветшей телогрейке, сапогах-кирзачах, с улыбкой на лице и с цигаркой-самокруткой в руках. Казалось, он всегда был в хорошем настроении, и кого бы ни встречал на улице, в магазине, поселковом совете, на почте — мужиков, баб, детей, стариков, — заводил с ними разговор. Ему было всё равно с кем, лишь бы поговорить. Со всеми находил тему для общения. Говорил Коля подолгу, не умолкая, часто не давая возможности слушавшему его вставить хотя бы слово. А чтобы подискутировать с ним, ответить на поставленные им же вопросы, у «собеседников» не было никаких шансов. Через полчаса непрерывного монолога Говорун спешил пожать слушателю руку и уходил. По пути, если случалось ему встретить ещё одного, на его взгляд, интересного человека, он начинал новую получасовую лекцию. Говорил о видах на урожай, о внешней и внутренней политике государства и даже о космосе и месте Земли во Вселенной. Не всем жителям Борка такая манера разговора с забойщиком скота нравилась, и некоторые из совхозников, увидев его ещё издали, старались свернуть в первый попавшийся переулок. Больше всего любителей пропустить «лекции» Говоруна было среди пенсионеров. Проводившие дни с апреля по октябрь на лавочках возле своих палисадников борокские старики и старушки, завидев в конце улицы разговорчивого забойщика, соскакивали с насиженных мест и, не стесняясь, врассыпную разбегались по домам. Проследив из-за ворот, кто в щёлочку забора, кто из окна веранды, когда Коля уйдёт подальше от их дома, они, с опаской озираясь, выходили на улицу и снова занимали места на лавочках.

— Прячутся, как тараканы, а потом выползают из своих щелей, — говорил про них Коля и иногда специально по пути от фермы домой обходил две-три улицы посёлка, где чаще всего сидели у своих домов совхозные ветераны. — Ничего, я подожду,

когда они сами меня к себе позовут, да ещё и привечать будут. Тогда и поговорим…

Если никто из людей на улице ему не попадался, а поговорить очень хотелось, Говорун беседовал с собаками и бродившими возле домов свиньями.

Несмотря на его странности, все до единого жителя посёлка Борок считали, что Коля-говорун человек хороший и делает очень нужное для людей дело.

Всем казалось, что Говорун в посёлке был и будет всегда. Но вот как-то холодным октябрьским утром проснулся Коля от боли в пояснице и понял, что подняться с постели не сможет. Скрутило — не разогнуться. С трудом достучался до соседей. Его увезли в районную больницу, где врачи признали радикулит и поставили диагноз: забоем скота он больше заниматься не сможет.

Неожиданная весть эта жителей Борка повергла в уныние.

Подходили праздники: ноябрьские, потом новогодние. Сало бежало с лоснившихся от жира кабанов, сходили с ума от переизбытка веса борокские быки. А бить и колоть их было некому. Управляющий Борокским отделением даже поставил этот вопрос на правлении совхоза, и директор хозяйства пообещал прислать в посёлок забойщика из центральной усадьбы. Но время шло, а из райцентра никто не ехал.

— Своих сначала забьют, на первом отделении, а потом к вам приедут, — сказал управляющему директор, когда тот снова обратился к нему с просьбой. — У нас своих не забитых ещё хватает.

— А нам что прикажете? До весны ждать? — спросил раздосадованный управляющий. — Весной наше мясо никому нужно не будет. Ни себе, ни на продажу…

— А ты свои кадры готовь, — посоветовал директор совхоза. — Не жди помощи. Что, у вас там в посёлке ни одного способного зарезать поросёнка мужика нет? Не поверю. Поставь пол-литра — и любой возьмётся.

— Да было дело, вызывались, — махнул рукой управляющий. — С ружьём пришли к одной бабульке двое, стрельнули хряку в голову, а он полчаса потом по сараю бегал, орал как недорезанный. Кровью весь пол облил. Бабку перепугал. Мужики сами из сарая выскочили и ждали, пока поросёнок замертво упадёт. Вот и весь их забой. Да и разделали потом как попало. Тут спецы нужны, а не так, шалтай-болтай.

— А этот у вас, скотник Борисов? — вспомнил вдруг директор. — Он же может. Подход к животным имеет. Мы не раз его поощряли. Пускай берётся.

— Да он непьющий… — сказал неуверенно управляющий. — Он с бычками своими как с людьми разговаривает, а мы его на забой…

— А ты премию ему пообещай! У него дочка растёт. Жена симпатичная. Их одевать надо, в город вывозить… Ну найди что сказать ему. Убеди!

Директор сделал акцент на слове «убеди», давая понять управляющему, что разговор на эту тему окончен.

По возвращении в Борок управляющий первым делом поехал на ферму и имел дело с Борисом Борисовичем. А чтобы не смотреть любителю животных в глаза, для разговора пригласил его жену и заведующую фермой.

— Ну что, Борис, возьмёшься? — спросил управляющий, когда всем стало ясно, зачем этот разговор. — Давай, помоги людям. Сам видишь, что в посёлке делается…

— Да не смогу я… — опустив глаза, сказал скотник Борисов. — Только подумаю, что делать надо, сразу слёзы сами наворачиваются… Извините.

— Ну ты же борщ с мясом ешь и сало на зиму готовишь? И люди тоже этого хотят, — продолжал убеждать управляющий.

— Ем я и сало, и борщ с мясом, — согласился скотник. — С детства меня к этому приучили. Я не задумывался, когда ребёнком был: ел, что мать давала. И сейчас ем, чтобы за сумасшедшего жена и дочка меня не приняли. А поросят и быков в хозяйстве не держу. Мясо у нас покупное. У нас только корова и куры.

— Да уж… — вздохнула жена Тамара. — Поросят мы сроду не держали…

— Мне сейчас тридцать пять лет, — сказал вдруг Борис. — А помню, как меня, ещё десяти-двенадцатилетнего, приглашали кабанчика успокоить. Я за ушком поросёнку чешу, а дядя Коля-говорун уже нож из-за голяшки достаёт… До сих пор не по себе…

— Да брось ты тут, Борис, ребёнка из себя строить! — неожиданно резко заговорила заведующая фермой. — Тебе сейчас тридцать пять, говоришь, а будет скоро сорок, и пятьдесят потом будет! И надо будет ещё не один год работать здесь, среди людей, и жить не только своими интересами, но и интересами коллектива, и есть, как они, и пить! Так что берись сейчас же за дело, что поручают тебе твои руководители, старшие товарищи, и выполняй!

Борис, Тамара и управляющий, затихли, глядя на завфермой.

— Значит, так! Вот тебе приказ, считай его боевым, — продолжила командным голосом заведующая. — Иди сейчас же домой и подумай, как жить тебе дальше, а мы с управляющим пока составим список по забою. По дворам. Завтра придёшь, получишь разнарядку — и приступай! Понял?

— Понял… — пролепетал не ожидавший такого распоряжения от своей заведующей скотник Борисов.

— Пошли, Боря, пошли… — запричитала испуганная Тамара. — Утро вечера мудренее, всё решим к утру…

Тамара помогла мужу подняться и повела его к двери.

— До свидания,— сказала она, повернувшись, уже у порога.
— До свидания!— бросила вслед уходящим Борисовым таким же непримиримо-командным голосом заведующая фермой.
— Как думаешь, согласится?— спросил её управляющий, когда дверь за уходящими закрылась.
— Согласится! Куда денется? Завтра сам придёт как миленький…

И много думавший дома и не спавший полночи скотник Борисов пришёл утром к заведующей фермой и «как миленький» дал согласие стать забойщиком скота.
— Ты вот что, Борис, иди сейчас к дяде Коле-говоруну,— сказал ему управляющий, когда он пришёл в контору отделения за списком по забою.— Он хоть и ходит согнутым в дугу— земле кланяется, но дельные советы тебе даст. Сегодня надо кампанию по забою начинать. Хотя бы одного-двух пырнуть. Сейчас мы список доработаем с заведующей фермой, решим, с кого начинать надо. А твоё дело— резать, смолить и разделывать пока не твоя забота. Хозяева сами пусть про это думают… Нож-то у тебя хороший есть?
— Есть,— сказал новый забойщик, показывая управляющему нож длиною около двадцати сантиметров, с неширокими лезвием и нарезной ручкой.— Свояк в городе в исправительной колонии работает, заказал зачем-то зеку бесконвойному, тот и сделал, а он мне подарил. Как чувствовал, что пригодится. Сталь хорошая…

— Хороший нож,— оценил встретивший начинающего забойщика опытный дядя Коля-говорун.— Даже быка садануть годится.

В сгорбившемся, с палочкой, старичке трудно было узнать некогда неунывающего дядю Колю-забойщика.
— Ну что тебя учить? Ты сам хорошо повадки всех этих хрюшек знаешь. Полагаю, что даже лучше меня. Другое дело, почувствуют ли животные в тебе перемену. А ведь они такие, могут понять, что ты к ним пришёл в этот раз уже не как друг. Тут другая психология, особый настрой нужен. Старайся не думать, что идёшь на забой. Заходи в загон уверенно, как будто познакомиться, приласкать хочешь. Разговаривай с ними, как говорил раньше. Они поверят и не почувствуют угрозы. Поначалу хотя бы,— наставлял дядя Коля Бориса, когда они сидели на кухне у Говоруна.
— Это на предательство похоже…— опустив голову, сказал Борис, в ту минуту ещё не представляя, как он будет первый раз в жизни колоть поросёнка.
— Это и есть самое хитрое, мерзкое предательство,— согласился опытный забойщик.— Ты входишь к ним в доверие, они ждут от тебя ласки и помощи, а ты бесцеремонно колешь их в сердце, забираешь их жизнь. Конечно, предательство. Но это только с философской точки. А с другой, более реальной, житейской стороны если посмотреть, то всё логично. Я раньше такой, как ты, был. Иду, бывало, мальцом по улице, а за мною все собаки округи бегут. В дом к кому захожу— коты и кошки к ногам жмутся, ластятся. В сарае поросята с визгом бегут навстречу, хвостиками виляют, будто я им есть принёс. Но я быстро повзрослел, понял, для чего человек заводит, покупает, содержит, откармливает всех этих свиней, быков, овец, козлов. Да для того, чтобы пустить себе на прокорм. Самому прокормиться. Не то чтобы не умереть от голода, нет, человек и без мяса прожить сможет. Если захочет, конечно. А выращивает он домашних животных и откармливает, чтобы потом самому вкусненьким полакомиться. Порезать свинину, баранину и говядину на куски для шашлыков, сделать кровяную колбасу, налепить пельменей, нажарить котлет к празднику и ещё родственников пригласить на свежениночку. И всё это за столом, под бутылочку водочки, съесть, не задумываясь о том, что ещё вчера Борька или Машка, из которых сегодня пельмени сделали, хрюкали у тебя в сарае и ты вместе с детьми выходил их кормить. Ведь так? Я тебя спрашиваю: прав я?
— Прав,— кивнул Борис.
— Вот и ты согласен! Вот в этом и вся наша потребительская нечеловеческая логика по отношению к домашним животным. А раз так, то иди и ты— коли, режь и не задумывайся! Судьба у них такая— быть съеденными! Предназначен быть скотом— пойдёшь на пищу человеку, а не то тебя волки съедят!

Последние слова дядя Коля произнёс со смехом, и Борис снова увидел в нём того балагура, которого знал ещё в детстве. Он улыбнулся дяде Коле в ответ.
— О! Уже веселее!— обрадовался Говорун.— И как будто спина у меня распрямляться начала! Гляди, пойду с тобой в паре на забой!
— Пошли…— позвал Борис.
— И пойду. Только чуть спине легче станет— пойду! Ещё и не угонишься за мною.
— Да за тобой никто не угонится.
— Может, Бог даст ещё— и пойду, правда,— сделав серьёзным лицо, сказал мечтательно, но чуть со вздохом дядя Коля.— А теперь давай о технологии забоя поговорим.
— Давай…
— Начнём со свиней,— Говорун приподнялся, снял с плиты закипевший чайник, налил кипятку в эмалированные кружки.— Бери, Борис, сахар, заварка вот, в заварнике… За чаем лучше разговор пойдёт.

Борис кивнул, налил из заварника, зачерпнул ложечку сахара.
— Я думаю, что с забоем свиней у тебя сложностей не будет,— начал наставления дядя Коля-говорун.— Приласкаешь свинку или борова, почешешь, как

умеешь, за ушком. Они это любят. Потом уложишь на бочок. Только осторожненько за правую ногу переворачивай на спину и, выбрав момент, коли в сердце. Полминутки подержи нож и вытаскивай. Он пикнуть не успеет, если всё правильно сделаешь. Некоторые забойщики берут себе помощников, чтобы ноги поросёнку держали. Бывает, свинья после укола дрыгается. Бывали случаи: поросёнок вырывался после удара ножом и бегал по сараю. Но это если не точно били, мимо сердца. Я сам всё время бил точно и в помощниках никогда не нуждался. Кольну, подержу нож, поросёночек в лучшем случае хрюкнет еле слышно, а то сразу глазки закроет и помрёт. Тогда вытаскиваю нож и зову хозяев. Пусть разделывают. Понял?

— В общем, да. Но одно дело на словах...— отхлебнув чаю и поставив на стол кружку, вздохнул Борис.

— На практике, конечно, у начинающего не всегда всё хорошо получается,— согласился дядя Коля.— Ну хочешь — возьми себе помощника на первый случай. Никто тебя не осудит. Скажи управляющему, он назначит кого-нибудь толкового. Пусть побудет на подстраховке человек. Но главное всё же — настрой сам себя. От тебя только зависит, как пройдёт первый забой. А как он пройдёт, так и дальше дело пойдёт.

Борис сделал ещё глоток чаю и задумался.

Задумался и Коля-говорун. Он достал из кармана висевшей у двери куртки кисет, разложил на столе нарезанные из газеты прямоугольники-заготовки, выбрал один, насыпал на него дорожкой табак, скрутил цигарку.

— Раньше я сам табак выращивал, теперь уже не могу,— сказал он, раскуривая самокрутку.— Но есть ещё старые запасы. Жаль, что ты не куришь, а то угостил бы тебя. Распробовал бы — оценил мой табачок.

— Да не тянет меня к этому делу...— сказал, глядя на Говоруна, Борис.— С детства дым табачный не переношу почему-то. Хотя и отец у меня курил, и дед...

— Ну ты прямо как барышня! Я слыхал, что ты и не пьёшь совсем. Правда?

— Не пью, правда,— кивнул Борис.— Пробовал водку, было дело, но потом так сильно голова болела, что больше не хочу.

— Ну и не пей! — одобрил Говорун преемника.— Правда, тяжеловато тебе придётся. Дело наше непростое. Иногда разрядка ой как нужна бывает! Даже необходимо порой нервишки успокоить. Опять же, звать тебя на свеженину будут, и выпивку предлагать, и мясо, и сало...

— Про выпивку не знаю, а вот от мяса с салом трудно отказаться будет,— согласился Борис.— Меня Тамарка не простит, если узнает, что мне печёнку там или лытки на холодец предлагали, а я отказался.

— Да, тебе, друг, раз ты семейный, без оглядки на жену не обойтись,— выдохнув густой дым, сказал Говорун и подмигнул Борису.— Мне повезло, я холостяком прожил: ни перед кем не отчитывался! Знаешь, бабы эти, на первый взгляд, и интересные, и весёлые, и заботливые. Даже ласковые попадаются! Но не знаю, как кто, а я вот заметил: только дай им чуть волю над тобой взять, и начнётся — не так сделал, не то сказал, не туда пошёл... Я вынести такие страсти не в силах. Вот и живу один. Никто мной не командует.

Борис снова хлебнул чаю и снова задумался.

— Ну ладно тебе, не тоскуй заранее! — подбодрил его дядя Коля.— Я ж тебе говорю: всё будет так, как поставишь сам себя. С животными — как с бабами: нужно себя поставить выше их. Быть их начальником. Теперь давай поговорим о быках. Я их тоже пырял только ножом. И годовалых, и полуторагодовалых, и двухлеток, и даже постарше. Тех, что постарше, бывало, привязывал перед забоем. На рога верёвку намотаю и к какой-нибудь стойке привяжу. Но в основном так колол, без привязки. Поглажу по спине, по шее его, успокою вроде, а сам нащупаю сердечко, послушаю, как оно бьётся, выберу момент и садану в то место ножичком. Рост мой мне позволял маневрировать: наклоняться, снизу проскакивать. Я-то метр шестьдесят пять всего ростом. А ты, вижу, поменьше меня ещё будешь...

— Метр шестьдесят один...

— Подходяще! — одобрил Говорун, выпуская дым в сторону печки.— Для забойщика нормальный рост! Вот дядька Серафим одно время здесь специалистом по забою слыл, так тот за метр восемьдесят был. Ходил, над быками возвышался. Он ещё до войны орудовал в Борке, и когда с фронта пришёл, продолжал колоть скотину. До начала шестидесятых почти работал... Потом уж я его дело перенял. Серафим не только высокий и крепкий в плечах был, но ещё и чертовски ловкий. На фронте в разведке служил. И что самое интересное, быков бил по-своему — глушил дубиной.

— Как дубиной? — оживился Борис.

— А вот так: брал здоровенный дрын и шёл на быка. Он никогда не церемонился, не раздумывал: подходил и сразу бил быка между рогов. Тот падал без сознания, а Серафим ножичком добивал его, подвешивал, разделывал... Специалистом широкого профиля был. И бил умеючи, так, чтобы шкуру не попортить и череп не проломить.

Дядя Коля-говорун, продолжая курить, смотрел на Бориса. Тот, было видно, слушал его внимательно.

— Серафим личностью легендарной был! — продолжал рассказ дядя Коля.— Он и на медведей ходил с одним ножом. Сам мне рассказывал, как я тебе сейчас, что звали только его, если медведя-шатуна в округе заметят. И он всегда откликался,

шёл. Правда, привирал, когда рассказывал потом о своих подвигах. Не без этого. Вот сам вот посуди. Говорит он мне: вижу, мол, медведя — сразу скидываю с себя тулуп и иду к нему смело с ножом, а медведь, увидев меня, встаёт на задние лапы и тоже идёт навстречу, растопырив вперёд когти, будто обнять хочет, как друга закадычного, которого много лет не видел. И представь, что он мне дальше говорил, Серафим! Мол, подходит он вплотную к медведю, на полметра всего, а тот его в объятья уже захватывает, лапы передние смыкает. И пока мишка разводит лапами, Серафим вонзает ему нож чуть ниже грудной клетки, резко приседает, распарывая при этом медведю брюхо до самого паха, а сам ловко ныряет между ног косолапому и оказывается сзади него. И пока ни черта не понимающий медведь ревёт и заталкивает обратно выпирающие из его брюха кишки, Серафим, изловчившись, колет его ножом под самое ухо. Косолапый готов — падает лицом в сугроб. Как тебе такая история?

— На охотничью байку похоже, — улыбнулся, выслушав рассказ дяди Коли, Борис. — Анекдот какой-то.

— Да и я так думаю, — засмеялся дядя Коля. — Представить себе даже не могу: как мужик метр восемьдесят ростом между ног медведю проскочил? Это мы с тобой, при нашем росте, наверное, смогли бы, пока мишка пыжился, кишки свои собирал… И то не уверен… Один раз говорит мне Серафим: я и на фронте ножом орудовал. В разведке, говорит, бывало, иду первым, ворвусь с ходу во вражескую траншею, встану перед немцами, а те понять ничего не могут, только глазами хлопают. Ну, я двоих-троих проткну ножичком — и быстро наверх. Пока фашисты соображают, что же произошло, наши бойцы под шумок «язычка», а то и двоих из полусонных офицеров с собой прихватят. Я не всегда нашему Серафиму Тимофеевичу верил, но у него из боевых наград приличный иконостас был: два ордена Славы, медали «За отвагу», «За боевые заслуги». Значит, что-то и правдой было из его рассказов. И медведей он точно забивал. Я сам видел, как однажды мужики приволокли на еловых ветках из тайги здоровенного шатуна. Все говорили, что его Серафим один уложил.

— Так выходит, дядя Коля, что тебе Серафим Тимофеевич свой опыт передал, а ты — мне, — ещё более оживился Борис. — Получается преемственность поколений, передача опыта от одного другому.

— Передача опыта по забою крупнорогатого и безрогого скота! — засмеялся Говорун. — «Мастер-наставник передаёт опыт начинающему забойщику» — статью с таким названием надо в газету написать и фото наше с тобой поместить!

— А ещё ножи наши сфотографировать и дубинку Серафима Тимофеевича, которой он быков глушил! — тоже засмеялся Борис.

— Я думаю, дело у тебя пойдёт, — сказал дядя Коля, — коли ты со смехом и улыбкой инструкции мои слушаешь! А я про дубинку Серафима не зря тебе рассказал. Сейчас с дубинами на быков не ходят. Сейчас, я читал, за границей электротоком на бойнях быков бьют. Наши тоже, слышал, начинают на мясокомбинатах метод этот перенимать. Но пока только в качестве эксперимента, не в большом масштабе. Учёные спорят: вредно ли это для здоровья или нет. Нашего, конечно. Тем, кто мясо есть будет. Быкам уже ничего не вредно, — дядя Коля снова засмеялся. — До наших мест такая технология не скоро дойдёт, так что будем ножичками здесь ещё орудовать. На таких спецов, как мы с тобой, ножей пока хватит! Однако тебе я всё же советую: как начнёшь с быками работать, сделай кувалдочку деревянную. Сантиметров на двадцать. Лучше берёзовую, охватом в одну-полторы руки, и рукоятку из той же берёзки. По краям лучше оббить тонкой жестью, можно крышку от банки вставить с торца или чуть тяжелее кругляк какой железный. Потренируйся сначала, рассчитай силу своего удара. Если правильно, чуть выше глаз быку саданёшь — он сразу без сознания на два копыта, а то и на все четыре грохнется, Тогда уже вяжи его сразу, подкалывай. С быками больше мороки, чем с кабанами. Надо шкуру с них снимать, разделывать правильно, чтобы мясо не попортить. Это поросёнка зарезал — и зови любого с паяльной лампой. Хотя не любого. Там тоже надо умеючи всё делать. Я с поросятами, сам знаешь, не связывался. А вот с быками, овцами, баранами пришлось. И хотя не любил это дело, но и шкуру, было дело, сам снимал, и кровь сливать приходилось.

— А баранов, я слышал, легче резать? — спросил Борис наставника.

— Баранов и овец, конечно, полегче, чем быков, — согласился Говорун. — Хотя они и упёртые, но на забой идут спокойно. Как бараны! — дядя Коля уже совсем громко засмеялся и налил в чайник новой воды. — Давай, Бориска, ещё чайку заварганим. Не торопись за дело браться. Хорошо изучить теорию — основа дела. Согласен?

— Согласен! — кивнул Борис.

Ему не хотелось возвращаться на ферму, где заведующая с управляющим, скорее всего, уже составили для него «начальный забойный список».

Говорун как-то вдруг легко разогнулся, поднялся, подскочил на табурет возле печки и достал сверху баночку с заваркой и, как понял Борис, ещё один кисет с самосадом.

— Ты чай заваривай, а я пару самокруток сооружу за это время, — сказал он Борису, отдавая баночку с заваркой. — Ещё с часик посидим, покалякаем. Подождут наши хрюшки. Поживут ещё пусть малость.

Борис насыпал в чайничек заварки, дядя Коля достал мёда, налил в блюдце.

— Кого мне только не приходилось в своей жизни лишать жизни: и зверья разного, и птицы всякой,— затянувшись новой цигаркой, стал рассказывать Говорун.— И почти всегда не по своей воле это делал! Мне-то самому и не надо, в принципе, было. Зачем? Прожил бы и так, не окровавив руки. Но как отказать, когда утром в окно стучит какая-нибудь бабка старая, что через улицу живёт, и просит зарубить индюка? Сама уже не может, ослепла. «Общипать ещё общипаю,— говорит,— и суп сварю, а вот с топором не сорудую». Ну что мне делать? Отказать бабке? Иду рубить индюка, или петуха, или утке голову... На гусей в ноябре всегда большой спрос — целыми выводками бить приходилось... Сколько птицы порубил — не сосчитать. И почти каждый раз какие-нибудь истории приключаются. Петухи, например, почуяв смертушку, так удирали от меня — по дворам ракетами летали. Я их на специальную петлю ловил: привязывал к шесту верёвку и подсекал за ноги. С индюками полегче, но тоже сопротивляются, клюнуть тебя норовят, пугают, дуются. Но не такие шустрые, как петухи. Индюка схватить, главное, сразу, резко перевернуть вниз головой и — на чурку. Птицы, они почти все волнуются перед забоем. Утки, к примеру, такой гвалт поднимают — на всю деревню слышно. А гуси по сравнению с ними смирные. Те сами выстраиваются в очередь и идут гуськом один за другим на плаху, дисциплинированно, как по приказу. А потом, не поверишь, головки на чурочку кладут и вытягивают. Руби, мол, чего ждёшь? За этим и пришёл с топором. Тюкнешь их по шее топориком, подержишь немного за ноги — и отбрасывай: голова в одну сторону, тушка в другую... Жалко их, но как подумаешь о гусятине с запечёнными яблоками или кашей гречневой напичканными и с потрошками, так сразу жалость пропадает. Ты пробовал, Борис, поджаренного гуся, напичканного гречневой кашей с потрошками? Мне нравится...

Борис молчал. И опытный забойщик снова отметил про себя, что начинающий опять пригорюнился.

— Но что делать, Боря? И ты тоже не по своей воле на такие дела идёшь вот. Нам с тобой, видимо, на роду судьбой написано таким вот промыслом в жизни заниматься. Не управляющему нашему, не мужу заведующей фермой, не директору совхоза и даже не соседу моему Витьке-комбайнёру, а нам с тобой. На нас выбор пал. Может быть, даже свыше. Вот такие дела...

— Дядя Коля, а ты лошадей убивал? — спросил вдруг Борис очень тихо, почти шёпотом, будто надеясь, что дядя Коля не услышит его вопроса.

— Лошадей, Боря, легче всего и жальче всего убивать...— отложив в пепельницу цигарку, ответил ему тоже чуть слышно опытный забойщик.— Лошади перед смертью плачут. Прямо слёзы настоящие текут у них из глаз. Ты подходишь к лошадке, а она отворачивается, старается на тебя не смотреть, а слёзы так и льются с двух сторон ручьями. Погладишь её по груди, нащупаешь вмятинку посередине — «яблочко» так называемое, сердечко там постукивает, а ты ножичком в это «яблочко» — р-раз. А она, лошадочка, тихо, без стона, перед тобой, подогнув коленки, и падает.

— Ой, нет! Нет! Нет! Не смогу, не смогу я! — соскочил вдруг из-за стола Борис.

Слёзы ручьём побежали из его глаз. Он, вытирая их рукавом куртки, бросился к двери.

— Дядя Коля, скажи управляющему, что я не смогу! — уже не то чтобы громко плача, а просто рыдая, закричал Борис.— Не буду я! Не буду! Пусть он ищет кого-нибудь другого!

Через тридцать лет Борис Борисович Борисов стал самым уважаемым в Борке человеком. Лучшим мастером по забою скота. Все говорили, что превзошёл в этом деле он своего наставника дядю Колю-говоруна. За годы работы он не только постиг в совершенстве науку забоя, но и стал специалистом по разделке. С лёгкостью кромсал подвешенную или аккуратно уложенную тушу, не оставляя отходов. Кости, кишки, кровь — всё у него шло в дело. Его требования в посёлке знали и если приглашали на забой, то готовились к его приходу, как к визиту губернатора.

За время своей многолетней практики Борис Борисович превратил в килограммы и тонны мяса сотни откормленных хозяевами свиней, овец и баранов, десятки быков, бесчисленное количество птицы: курей, уток, гусей, индюков. Случалось ему лишать жизни и лошадей. Три или четыре раза. И даже одного больного, сломавшего ногу оленя. А один раз сделал он то, чего никогда бы в своей жизни не сделал его наставник дядя Коля,— убил собаку. Взбесившуюся овчарку, покусавшую школьника. Но одно правило дяди Коли-говоруна соблюдал Борис Борисович свято и неукоснительно: никогда не брал в руки ружья. Со временем приходил к нему опыт, а с опытом познавал он всё новые и новые секреты своего непростого дела. Применял и деревянные кувалдочки, и похожие на шампуры штыри, мастерил специальные клинья и другие одному ему понятные приспособления. Всё всегда у него получалось как надо. Как и в первый его раз, когда рассердившийся не на шутку управляющий отделением совхоза, узнав, что Борис сбежал от Говоруна, вытащил силком его из дому и привёз на забой.

— Хватит хандрить! Вон боров — иди коли! — показал он на полуторагодовалого хряка.

И Борис, понимая, что пути назад нет, пошёл.

— Постой,— остановил его возле сарая управляющий.— Может, выпьешь для решительности?

— Нет! — отрезал тогда Борис и, сам не ожидая от себя такой прыти, подойдя к борову, ловко схватил его за ногу, резко перевернул на спину и всадил нож в сердце.

Так он потом в большинстве случаев и поступал: смело, решительно, казалось, не думая.

Про кувалдочку Борис Борисович вспомнил, когда подъехали к дому Федьки: «Придётся без неё. Не ехать же за ней специально?»

Возле дома Просовых собралось уже много народу. Было многолюдно и во дворе: жена Федьки, двое парнишек-подростков, мужики из мясокомбината, водитель, ветфельдшер и даже участковый с ружьём.

— Ты что с ружьём, Никита? — спросил его Борисыч.

— Да на всякий случай, дядя Боря, — ответил старший лейтенант. — Полпосёлка всполошилось с утра. Ну и я ружьё прихватил. Своё. Пистолет-то у меня табельный. Чуть что — за патроны отвечать надо…

— Думаю, ружьё нам не понадобится, — сказал Борис Борисович.

— Хорошо бы, — вздохнул участковый. — Хорошо бы без стрельбы обошлось…

— Обойдётся…

Бык стоял за заваленной чурками телегой, подпирающей выход из огорода, и, тяжело дыша, смотрел поверх голов собравшихся людей.

— Фёдор, у тебя кувалда есть? — спросил забойщик хозяина.

— Должна быть. Сейчас поищем, — ответил тот и тут же приказал одному из сыновей: — Валька, беги в дровник, тащи кувалду.

— Вы пока верёвку готовьте и чурки с телеги убирайте, — сказал Борисыч мясокомбинатовским мужикам.

— Так верёвка наша, это… на рогах у быка, — ответил один из мужиков. — Мы-то сразу, ещё в сарае, ему её завязали и повели, а он вырвался. Другой нету…

— Ну молодцы, мать вашу! — «похвалил» их забойщик и приказал хозяину: — Федька, срочно ищи верёвку или вожжи какие-нибудь!

— Сейчас, сейчас, Борисыч, найдём чего-нибудь, — засуетился Федька.

— А вы не стойте, убирайте чурки и отодвигайте телегу! — бросил забойщик мужикам.

Мужики взялись за работу, но не торопясь, с оглядкой на калитку.

— А он не вырвется? — поинтересовался участковый.

Забойщик не успел ответить — подбежал сын Фёдора, подал кирку.

— Я ж кувалду просил! — удивился Борисыч.

Малец пожал плечами.

— Фёдор, что там с верёвкой? — крикнул забойщик в сторону дома.

— Ищу, ищу, дядя Боря! Были вожжи где-то! — отозвался Федька из сеней.

— У тебя наручники с собой? — спросил Борис Борисович стоявшего рядом старшего лейтенанта.

— С с-собой… — ответил тот удивлённо.

— Отложи ружьё и доставай…

— Зачем?

— Быка окольцовывать будешь. Я его сейчас лишу сознания, а ты на него наручники наденешь, как на осуждённого преступника, понял?

— Наручники — имущество казённое, — неуверенно сказал участковый Никита. — А если он их сломает?..

— Не сломает, — сказал Борисович, поднимаясь с киркой на телегу, ближе к быку. — Готовься…

Бык стоял не шевелясь, дышал тяжело, оттопыривая ноздри, красные глаза вокруг зрачков были налиты гневом.

— Васильич, у тебя всё готово? — спросил забойщик фельдшера.

— Всё вроде… — прохрипел тот.

— Не теряйся, как упадёт — перелезай через калитку за мной и сразу укол втыкай!

— Добро, сделаю! — ответил фельдшер.

В его голосе слышались уверенность и даже весёлость.

— И ты сразу за нами — и наручники застёгивай выше копыт! — скомандовал Борисыч старшему лейтенанту.

Борисыч приблизился к поломанной калитке. Голова быка Бориса находилась на уровне груди забойщика.

— Ну, прости, тёзка, я постараюсь небольно.

Борисыч развернул кирку и, сделав небольшой замах, плашмя ударил быка в лоб повыше глаз.

Борька захрипел, просел на передние ноги и опустил голову. Поникшие рога врезались между штакетин.

— Быстро за мной, через забор! — скомандовал Борисыч фельдшеру и участковому, наступая прямо на голову быка, спрыгнул в огород.

— Давайте сюда тоже! — крикнул он растерявшимся было мужикам из мясокомбината.

Фельдшер Васильич первым оказался возле забойщика и всадил шприц в шею Борьке.

— Молодец! — похвалил его Борисыч,

Трое мужиков и участковый освободили Борьке рога, с трудом перевернули на спину.

— Тяжеленный! — сказал один из мясокомбинатчиков. — Помучимся, пока грузить будем.

Борисыч свёл передние ноги Борьки и кивнул участковому:

— Давай!

Старший лейтенант застегнул быку наручники сантиметров на десять выше копыт.

Подошёл и Федька.

— Вот вожжи старые нашёл, — сказал он, показывая их забойщику.

— Ну, ты сам скотник,—сказал ему Борисыч.— Думаю, связать как надо сможешь. А мужикам скажи: пусть убирают телегу, загоняют машину во двор и грузят!
— Борисыч, а как наручники? Я же за них отвечаю!—спросил участковый.
— А ты езжай с ними в город,—посоветовал ему забойщик.—На мясокомбинате снимешь и заберёшь своё имущество.
— Ладно,—согласился старший лейтенант. Было видно, что он недоволен.—Я только ружьё домой унесу. Пусть меня подождут.
— Спасибо тебе, Борисыч,—поблагодарил повеселевший Федька, скручивая быку задние ноги.—Ты иди уже домой, мы без тебя погрузим. А вечером, как я тебе обещал, отвезу тебя на твой покос.

Когда Борис Борисович вышел за ограду Федькиного дома, у ворот стояло ещё больше народу—в основном пенсионеры и дети.
— Представление пришли посмотреть?—спросил их Борисыч.

Ему никто не ответил, но некоторые смотрели на него с уважением и проводили взглядом до проулка.

Вот и вчера смотрел на него так же, с уважением, корреспондент из районной газеты, когда Борис Борисович специально заставил его и зятя держать ноги поросёнка, перед тем как заколоть. Сделал это он больше для того, чтобы дружок зятя—корреспондент—почувствовал на практике, что такое забой. И писал потом свою статью, основываясь на собственном опыте, а не по рассказам других. Когда после удара ножом в сердце кабанчик с силой дёрнул ногами, корреспондент ногу его удержал, а вот зять Виталька—выпустил. Но всё обошлось.

Потом на кухне, за обедом, подвыпивший корреспондент рассуждал про то, что слово «забойщик» правильнее применять к работникам шахт и рудников, работающих в забоях, а в данном случае, скорее, нужно говорить «убойщик».

— Убойщик скота—так вашу профессию называть надо,—говорил корреспондент Андрей.
— Ты называй там у себя как хочешь, но у нас испокон века тех, кто режет скот, забойщиками звали. В нашем посёлке уж точно,—сказал ему Борис Борисович.
— Да и в райцентре тоже,—подтвердил слова тестя зять Виталий.
— Хорошо, я напишу, что вы забойщик высшего пилотажа,—согласился корреспондент.—Хотя и слово «пилотаж» применимо только к лётчикам. К пилотам-спортсменам. Но я как-нибудь это в материале обыграю,—мечтал, уже в предвкушении вышедшей в газете статьи, захмелевший корреспондент.
— Да я и не сомневаюсь, Андрюха, что ты обыграешь всё как надо и напишешь, как всегда, здорово. Весь край потом читать и восторгаться нашим Борисычем будет!—говорил, наливая очередную рюмку самогона, зять Бориса Борисовича фельдшер Виталий Петрович.

А через два дня после этого в районной газете «Колос» вышел очерк корреспондента Андрея Кузнецова «Забойщик высшего пилотажа» с фотографией жителя посёлка Борок Бориса Борисовича Борисова. Предваряя рассказ о жизни и работе известного на весь район забойщика скота, корреспондент в начале материала сделал врезку-пояснение со ссылкой на современный словарь делового общения: «Высший пилотаж—превосходная степень сложности поставленной задачи, при решении которой подразумевается огромный объём аналитической или другой нетривиальной работы».

Автор же этого рассказа, познакомившись с очерком, согласился с современным определением понятия «высший пилотаж», однако рассказ свой назвал иначе: «Забой скота по высшему пилотажу».

Думаю, что читатель с ним согласился.

Геннадий Васильев

Рассказы о чудесном

Друг мой

Я сочинил пьесу.

До этого писал стихи, рассказы, романы с детективным сюжетом. И вот — пьеса. Откуда взялась, как проклюнулась, зачем вылупилась — непонятно. Неактуально, даже не смешно. Но — проклюнулась и вылупилась. Я одарил ею всех вокруг, кто вообще читать умеет, и все стали хвалить, некоторые даже восторгаться. И советы давать: «Ты в один акт всё запихнул, а там ведь много такого, что требует развёрнутого действия, там внутри пьесы — ещё пара сюжетов. Что ж ты так к себе расточительно относишься, зачем на материале экономишь?»

Когда устал слушать восторги и советы, я отправил пьесу другу. Я знал, что друг как минимум заинтересуется. Персонаж, главный герой — тот, кто ему симпатичен, важен для него. Пьеса такая… хотя и мистическая, но герой — реальный человек, писатель, мистификатор, оставивший после своей смерти много вопросов и загадок. Мы его книжку знаменитую покупали ещё по три рубля шестьдесят две копейки. Вспомнили? Кто не вспомнил — погуглите.

Я отвлекусь. Вот «сочинил» — правильное слово. Не «написал», потому что это само собой разумеется, а именно — сочинил. По Далю, «сочинять» — «изобретать, вымышлять, придумывать, творить умственно, производить духом, силою воображенья». И ещё — по Далю же — «выдумать, солгать, рассказать придуманную небылицу, вздорную весть». Вот я умственно, духом, силою воображенья, солгал придуманную небылицу. Может, для кого-то даже вздорную весть.

В общем, отправил другу. И стал ждать ответа, его реакции. Он не соврёт. Он, когда я ещё по своим стихам и песням в подгузниках ходил, когда только искал свой голос, — он меня хлестал по моим кургузым рифмам немилосердно, не как в бане веником — как розгами в старину за провинность. Или — так ближе — как в армии солдатской пряжкой по голой заднице. Не случалось? Не советую пробовать. Больно. Хотя порой и полезно: трезвит, на жизнь начинаешь смотреть с таким… яростным азартом.

Своими ехидными замечаниями, убойными, точными, как удары солдатской пряжки, друг меня закалил. Я стал искать и находить сочные рифмы, яркие образы, выразительные метафоры, стал работать с размером — словом, стал работать. Стал «творить умственно, производить духом и силою воображенья». И получил признание. Хотел написать: «широкое в узких кругах», — но ведь банально, избито, да? Хотя и правда.

В общем, ещё раз повторю, ибо это важно для повествования: отправил пьесу другу. И стал ждать ответа.

И ответ пришёл скоро. И был он таков:

«Как сказал царь Соломон мудрый: „Доколе ты, ленивец, будешь спать? когда ты встанешь от сна твоего?“ И вот ты, кажется, встал. Михалыч, тот редкий случай, когда ничего сказать тебе не могу, ничего советовать не стану. Таки случилось».

Я читал сообщение в смартфоне — и отчётливо видел, как мой друг теребит поседевшую свою бородку, как морщит лоб, собирая благородные морщины над большим еврейским носом, как раздвигает губы в одобряюще-иронической улыбке. Он никогда не был краткословен, всегда — склонен к велеречивости, изящному слогу. Он сыпал в послании цитатами из притч Соломоновых, которые читал, кажется, в глубоком детстве, фразами из всех четырёх Евангелий, которые едва держал в руках, из сочинений любимых писателей. Такая особенность: если хоть раз пробежал текст — запомнил на всю жизнь. Он это делал так, что всё казалось — его собственное, им придуманное, прожитое и пережитое. Да так и было. Закончил же в свойственной, опять же, ему манере — напутственно:

«До совершенства далеко, но шаг сделан, жду с нетерпением следующего».

Я вздохнул, спрятал телефон.

Стоял ноябрь, самое начало. Навалило как-то сразу много снега, он был мокрый, липучий, противный. Температура «плюс-минус ноль» делала ноябрь и вовсе неприятным. Я бродил по скверу, слушал взволнованных птичек, озабоченных снегопадом, готовящим для них холодную (хотя — как знать?) и голодную (тоже не факт) зиму. Слушал ветер, который сдувал свежий снег с веток, и снег напоминал весеннюю капель, и думал о том, что всё в мире непостоянно и непредсказуемо. Главное — непознаваемо. Осень свободно оборачивается ранней весной, весна может внезапно повеять

зимней стужей, невидимое, незнаемое запросто окажется зримым и осязаемым.

Моего друга нет уже почти двенадцать лет. Он погиб, безвременно, нелепо. В маленьком городе, где он жил, его поминают до сих пор: большинство — добром, некоторые — с иронией, а то и злобой. На всех не угодишь. Я живу в другом городе, но иногда осенью бываю на его могилке, за которой никто не ухаживает, хотя — есть кому. Я выдираю сухую траву, навожу относительный порядок, хотя раз в год порядок не наведёшь, и могилка приходит в запустение. Я смотрю на его смеющееся лицо — очень хорошее фото на памятнике, живое, позитивное. И разговариваю с ним. Шлю ему послания. И получаю ответы — вот как сейчас. Откуда? Кто знает.

Откуда я знаю, где он сейчас?

Откуда мне знать, что он и правда умер?..

Да и я… Откуда мне знать — жив ли я сам?

Ничего в этой жизни хорошего нет

Он сидел в своей квартире в Академгородке. Тускло смотрел на чистый лист. Следовало бы написать: «Тоскливо смотрел…» — но он смотрел тускло. Не было тоски. Ничего не было — ни тоски, ни радости. Ни предвкушения чего-то, ни предвестия расставания с чем-то. Даже равнодушия не было. Для равнодушия нужна хотя бы… душа, что ли. Душу у него давно отняли. Осталась одна пустота.

Он сидел в своей… да нет, не квартире. В комнатушке. Ещё точнее — в конуре своей, запущенной, заплёванной, зарастающей всюду грязью, по углам — паутиной. И не в Академгородке сидел, а на окраине, такой, что и рабочей не назовёшь. И грезил, что сидит в квартире в Академгородке. И смотрит на чистый лист. Хотя даже лист был — грязный, засаленный, и ручка по нему ходила плохо. То есть — ходила хорошо, гладко, скользко ей было. А вот писать — не писала. Да и нечего ей было писать. Она — инструмент подчинённый, ходит — как поведут.

Он яростно поскрёб ручкой по листу. Вышло: «Ничего в этой жизни хорошего нет». Он удивился, что вообще что-то вышло. Подумал — и засмеялся, хрипло, тускло, как будто нетрезво. Но — трезво, потому что пить давно было не на что. Прочитал вслух себе:

— «Ничего в этой жизни хорошего нет»… — и снова засмеялся. — Точно. Ничего. Вот и сказал. Вот и всё… стихотворенье… села муха на варенье…

И вздохнул коротко, деловито.

— Пора идти, ладно.

Вырвал листок, аккуратно сложил его, чтобы пролез в карман. Похлопал по карману: пролез. Карман был на старом пиджаке, не то чтобы совсем уж позорном, чтобы в люди его не являть, но поношенном. Проверил другой карман — там тоже всё было в порядке, всё на месте.

Погасил тусклую пыльную лампочку… нет, всё-таки — люстру: она у него сохранилась с той поры, когда жил в Академгородке. Но была всё-таки тусклой, не мытой много… месяцев? лет? Как знать?..

Вышел на остановку, дождался нужного автобуса, нашёл свободное место, предъявил социальную карту — и задремал. Дремал до самой конечной, ничего во сне не видя.

Кондуктор-киргиз разбудил вежливо, коснувшись плеча:

— Канец… дальше нет…

Он улыбнулся:

— Да-да… конец…

Сошёл, вдохнул глубоко. Пахло Енисеем и травами. Он пошёл вдоль берега, вдоль обрыва, в сторону храма. Храм открыли недавно, малое число прихожан ещё не успело натоптать к нему большую дорогу. Да и настоятеля здесь до сих пор не было, и стоял он большей частью закрытый. Золочёные купола светили на закате… тускло.

Не доходя храма, он свернул ближе к обрыву. Снял пиджак, вынув из одного кармана сложенную бумажку, из другого — другое. Пиджак аккуратно расстелил на траве. Бумажку сунул под пиджак, чтобы не унесло ветром, но так, чтобы уголок высовывался. Должны же найти, увидеть. Улёгся на пиджак, взял в руку то, что вынул из другого кармана, взвёл курок, поднёс ствол к виску. Выстрел прозвучал глуше, чем если бы он стрелял вверх или вдаль.

Но он стрелял в висок.

Два человека шли вдоль обрыва по тропинке. Двое мужчин. Один — небольшого роста, не сказать — щупленький, но и обратного не скажешь. Второй — рослый, с крутыми плечами, мордастый. Одеты так, как одеваются люди бедные, но себя блюдущие: чистенько и местами штопано. Шли себе, никуда не торопясь, без особых дел, вроде прогуляться. Стоял июльский душноватый вечер, солнце почти село, но ещё тускло отражалось в золочёных куполах храма. Шли друг за другом, гуськом. Впереди — щуплый… нет, не щуплый — сухопарый, вот, наверное, правильное слово. За ним — плечистый, мордастый, тут иначе не скажешь. Сухопарый вдруг остановился, потрогал ногой травинку у тропинки, склонился. Сорвал травинку, растёр, понюхал. Второй, ленясь обойти, топтался, спросил недовольно:

— Ну чего? Чего опять?

Первый задумчиво спросил:

— Вот ты, Валентин, как представляешь себе конец жизни?

— Чьей?

Первый усмехнулся:

— Своей, чьей ещё-то?..

Мордастый хрюкнул, опять недовольно:

— Своей — никак, а вот твоей… Вот будешь так останавливаться, задумываться — дам по башке, скину тебя к Енисею — хрен кто найдёт.
— А за что, Валентин?
— А за то, что достал ты меня своими дурацкими вопросами, мыслями идиотскими. Жалею уже, что приютил тебя. То среди ночи вскакиваешь, строчишь что-то, то — как сейчас… Ну гуляем же, идём же — какого тебе надо?
Первый вздохнул неопределённо.
— Чёрт его знает какого… Может, выпить охота, оттого и мысли голову шевелят?
Второй опять хрюкнул:
— Размечтался… Пропили мы с тобой всё, Костян, что было, и назанимали — дальше некуда. Терпи. Воду пей.
Первый отряхнул руки, снова вздохнул.
— Ну да, ну да… Ладно. Дальше пойдём, или ну его к лешему?
— Леший — дело лесное. В выходные там вон, за храмом, компания пикниковала — может, бутылки остались те, что принимают? Глядишь, хоть на пивко наскребём. Айда! — он нетерпеливо топтался.
— Ну айда, — первый шагнул в сторону храма.
И тут они услышали выстрел. Глухой какой-то… утробный.
— Стреляют, что ли? Салют какой? — спросил мордастый.
— Вряд ли салют. И праздника нет, и не видно никакого следа. Да и выстрел какой-то… не стреляют так, когда салют. Пойдём посмотрим.
— Боязно…
— Не бзди. Пойдём.
Они обошли храм, вышли к обрыву. Тело увидели сразу, оба, и оба сразу остановились.
— Оба-на, — сказал первый, — кажись, трупец.
— С чего ты взял-то?
Второй шагнул ближе, нагнулся. Занервничал вдруг. Человек лежал на животе, неловко вытянув ноги, поза неудобная. Правая рука сжимала пистолет, из правого виска сочилась кровь, а левого просто не было — пуля вышла вместе с височной костью. Трава рядом была бурого цвета.
Он склонился над трупом, вдруг зачем-то повернул его.
— Ты что? — задохнулся первый. — Ты охренел? Зачем ты его трогаешь?
Второй поднял голову. Лицо — белое, как извёстка. Сказал трясущимися губами:
— Юрка это… брат мой… Юрка это…
Он задохнулся.
— Ладно, ладно, — сказал первый. — Точно не обознался? Ты отойди, передохни, расскажи — полегчает.

Мордастый послушался, осторожно положил мёртвую голову на траву, о траву отёр руки, встал, отошёл.
— Я его три года назад потерял. Он, как только жена его, Томка, спуталась с кем-то… знать бы с кем! — у него с той поры голову повело. И Томке не повезло. Не смогла она жить с тем козлом, повесилась. Юрка узнал — поклялся отомстить, да вот… не пришлось… Квартиру свою в Академгородке продал, так что я и не знал об этом, в один день продал. И уехал куда-то. Я думал — в другой город, но вот… — он показал на труп и зарыдал в голос, уже не сдерживаясь.
Субтильный подошёл к нему, погладил по косматой шевелюре.
— Ладно, ладно, чего плакать-то? Ну, случилось так — что поделаешь?
Второй яростно отбросил руку, повернул мокрое лицо:
— Дурак ты, Костян, дурак и сволочь! Мы братья были, понял? Мы с детства друг на друга надышаться не могли.
— Голубые, что ли? — второй едва успел отскочить — кулак просвистел мимо.
— Спокойно, ты, недоделанный! Я ведь тоже коечто умею — смотри, как бы на ответ не нарваться.
Второй, впрочем, тут же и успокоился.
— Да ладно, правда, что это я? Чего тебя бить-то? Всё равно что мешок с говном пинать… Юрка стихи писал, пьесы писал, его даже ставили в театре… забыл — каком. А вот как жена ушла — сломалось в нём что-то. Пить стал и — вот, квартиру продал и смылся. Ну вот и встретились, — он опять заплакал.
Первый немного подождал. Потом осторожно подошёл.
— Можешь рассуждать сейчас здраво?
Мордастый утёр слезы, успокоился, посмотрел на товарища внимательно.
— Попробую.
— Тогда давай рассуждать. Мы с тобой нашли его случайно, так? Но мы с тобой — как бы это сказать… не бомжи, конечно, но элементы социально неблагополучные… непривлекательные и ненадёжные. Ментам повесить на нас убийство — святое дело. Тем более ты его ворочал. Это им статистику, раскрываемость повысит. Надо что-то с этим делать.
Товарищ не понял, смотрел на тощего вопросительно.
— Не понял? — усмехнулся тот. — Ну смотри. Брата ты уже лишился, это факт, тут и медицины не надо. И помочь он, твой брат, тебе уже ничем не может, может только навредить. Что это значит?
— Ну, что? — второй всё ещё не понимал.
— Надо его сбросить вниз, — первый посмотрел на второго жёстко, не мигая. — Там, в овраге под кручей, его ещё долго никто не найдёт. А может, и вообще никогда и никто не найдёт.
Второй инстинктивно потянулся руками к горлу первого — тот отступил.

— Ты не торопись, придушить меня ты всегда успеешь, в крайнем случае ночью, в твоей же квартире. Ты подумай лучше. Вот сейчас подумай, пока не поздно ещё, пока никто в полицию не стуканул о выстреле и двух сомнительных типах. Потом-то хрен мы отмажемся, Валентин,—вдруг усмехнулся враждебно:—Или ты хоронить его собираешься? Я тогда пошёл, Бог тебе в помощь.

Валентин всхлипнул, понял.

— Ладно, чёрт… что делать?.. Скидывай. Только сам, ладно? Не могу я, брат мой, понимаешь?

— Понимаю. Давай отойди подальше.

Процедура заняла минуту или две. Тело долго шуршало травой. Валентин стоял, отвернувшись, плакал. Костян подошёл, обнял за плечи:

— Ну всё, всё… Пойдём выпьем, помянем раба Божьего.

Второй изумлённо уставился, даже плакать перестал:

— Помянем? На что? Деньги-то откуда?

— Ну, были там у него, в куртке, бумажки. Ощущение, что он и сам о них забыл—такие мусоленные, грязные. Да нам-то что? Пойдём, Валентин. Мёртвому уже не поможешь, а мы-то живые…

Денег хватило на плохую водку, дешёвое пиво, пару банок рыбных консервов и буханку «социального» хлеба. Продавщица поморщилась при виде мятых бумажек, но взяла—каких ещё денег ждать от бомжей? Хватило и на пару пластиковых стаканов. Вернулись на кручу, сели прямо на траву. В июле она здесь—жёлтая, как осенью: выжженная, скользкая. Зато сухо. Разлили. Выпили, не чокаясь. Валентин опять хлюпнул носом. Костя… да нет, пусть уж остаётся Костяном… Костян потрепал его по плечу, налил по новой.

— Ладно, друг, не хлюпай. Давай ещё по одной. Светлая память.

Выпил, положил стакан на траву. Зашуршал.

— Он тут записку оставил. Послание в будущее,— Костян на всякий случай отклонился.

Но второй мял в руках пластик стакана—вот-вот прольёт. Кажется, даже не сразу осознал, о чём говорит товарищ. Выпил наконец, встрепенулся:

— Что? Что ты говоришь? Какая записка? Кому?

— Откуда знаю? Говорю же—послание…

— Да пошёл ты с посланием своим! Читай давай. Может, он мне что написал?

Костян развернул бумажку, разгладил. Вечера в июле даже на Енисее долгие. Солнце уже село, но буквы хоть тускло, но ещё читались. На грязноватой бумаге виднелись слова: «Ничего в этой жизни хорошего нет». И рядом—нарисованный человечек: палка—туловище, четыре палки враскоряку, овал сверху—голова… Валентин завыл:

— Это ж мне послание, мне! Это он так в детстве рисовал—ручки-ножки-огуречик!.. Это мне привет, ты понял, Костян? Мне! Значит, он хотел, чтобы я его нашёл. А ты его—в обрыв… У-у-у, сука!—он замахнулся, но не ударил.

Костян спокойно смотрел на него. Знал, что не ударит. Усмехнулся.

— Ладно, друг, не дури. Тебе, не тебе—какая разница теперь? Я его не убивал, я труп убрал, чтобы нас с тобой по дурости не повязали. Он—труп теперь, а не брат никакой. Ни тебе, ни…

Он вдруг как-то странно усмехнулся, остро взглянул на товарища. Налил ещё, кивнул: пей.

Выпили. Субтильный зацепил пластмассовой ложкой кильку, положил её на кусок хлеба, сжевал. Снова усмехнулся.

— Я тут отолью пойду, а ты готовься пока. Сопли утри. Расскажу тебе кое-что.

Мордастый посмотрел недоуменно, покачал головой. На дне бутылки ещё плескалось, но глаза у напарника сделались уже мутные, странные.

Он вернулся, сел поодаль, на самом краю обрыва, как будто опасаясь товарища.

— Я бы никогда тебе про это не рассказал, но сейчас… чего уж…—Костян вздохнул глубоко, как перед прыжком.—Это я у твоего Юрки жену увёл. Это со мной она жить не смогла, у меня в квартире повесилась. Я потому теперь бездомный, что… ну, не смог я потом жить в той квартире. Она мне каждую ночь являлась. Проснусь среди ночи—она висит. Говорю: чего тебе? Она молчит и язык синий показывает… зараза… Замучила меня. Чуть не чокнулся. Квартиру даже продать не смог—просто бросил. Поджёг напоследок—слыхал, наверно? И документы свои сжёг, чтобы не докапывались. Потому к тебе и пришёл.

Валентин встал, задыхаясь, шёл к товарищу. Тот усмехнулся:

— Ты подожди. Дотянуться успеешь… Я ж тебе это просто так, по-дружески, рассказал. Томка хорошая баба была, и по дому, и… умная. Поговорить с ней было о чём. Не как с тобой. Она книжки читала. Но…—тут он усмехнулся.—Понимаешь, книжки книжкам—рознь. Если ты жизнь переменила свою—чего ты к прошлому-то тянешься? Она тянулась. Она Юркины пьесы доставала где-то, читала их тайком. Я нашёл, ну… влепил ей. Она ответила. Знаешь, что такое семейная драка? Самое паскудное, что в жизни может быть. Гнусное и пошлое. Я когда-то был—эстет, а тут…

Валентин стоял, заворожённый рассказом. Простонал—не прохрипел:

— Дальше. Дальше давай…

Первый усмехнулся.

— Ну что дальше… Сказала: лучше повеситься, чем с тобой жить. Ну и вешайся, говорю. И ушёл на работу—я работал ещё тогда, хрень бульварную редактировал. Пришёл—и нашёл: висит. И знаешь—даже не огорчился. Каждый себя сам определяет в жизни и смерти, что бы там ни говорили

нам попы. А потом вот—ночи эти бессонные… Ну как я мог там жить?

—А квартиру-то зачем поджёг? Там же ещё вокруг люди, могло всё плохо кончиться.

—Люди? А ты их видел? Уроды, а не люди. Не жалко мне их было нисколько—алкаши, круче нас с тобой теперешних. Маргиналы. Книжек в глаза не видели. Ну и не сгорел ведь никто.

Валентин вздохнул тяжело.

—Гад ты,—сказал.—Всё-таки гад. Давить тебя надо. Зря я тебя к себе взял.

Костян усмехнулся недобро.

—Ну, гад, допустим. Дальше? Давить меня станешь? Пробуй. Я тебе ещё одну вещь скажу. Почему ко мне Томка ушла? Потому что я лучше всех вас, уродов недоделанных. Я—интеллектуал, а вы—козлы вонючие.

Не глядя на товарища, он булькнул в стаканы остатки водки, открыл пиво.

—Ну, пить-то будешь? Или—всё, дружба врозь, на одном гектаре теперь со мной не сядешь?

Валентин стоял молча, как будто задумался. Потом вздохнул тяжело, взял стакан с водкой, взял пиво. Выпил водку, запил из горлышка.

—Ты, выходит, двоих порешил, сукин ты сын…

—А ты поругайся ещё—и тебя к ним отправлю,—Костян достал из кармана пистолет, который забрал у самоубийцы.—Мне и Томку не жалко—тебя, что ли, придурка, жалеть? Ты «жи-ши» с буквой «ы» пишешь. И Волга у тебя из Енисея вытекает. Давно ушёл бы от тебя, только жить негде,—он опять усмехнулся злобно.—Ты мне вроде по башке хотел дать, в обрыв скинуть? Ну, давай, чего ждёшь-то? Не так всё повернулось? И ключ от квартиры твоей—у меня. Понял, морда, идиот двухметровый?

Валентин вдруг с неожиданной прытью кинулся на товарища—и успел бы, пожалуй, тот не догадался привести пистолет в боевое состояние. (Да и—что там!—не умел он владеть оружием, ни боевым, ни каким ещё.) Камушек помешал. Обыкновенный такой, тускло отсвечивающий в траве камушек. Большая нога ступила на маленький камушек, Валентин оступился, заскользил на сухой траве—и полетел с кручи вниз.

Он и кричать не стал.

Тело долго шуршало травой.

Костян подошёл к краю, поглядел вниз—и ничего не увидел. Круча—метров двести, а то и все триста. Внизу—скальник и кусты. Вариантов нет. Если и найдут, так нескоро. Да и что найдут-то?

Обнаружил, что в левой руке по-прежнему держит пластиковый стакан с водкой. Не расплескал даже. Выпил, запил пивом. Бутылки скинул вниз—где-то там, далеко, они звякнули. На траве белел бумажный лоскут—он поднял. «Ничего в этой жизни хорошего нет»,—прочитал. Усмехнулся.

—Это точно. Ничего. Жизнь даётся человеку только раз, и та…—хотел сказать грубо, но только сглотнул.

Смял бумажку, бросил в обрыв. Подумал и добавил:

—Да и смерть—не лучше.

Он ещё осмотрел место трапезы, скинул вниз остатки консервов, размахнулся и закинул далеко—кажется, прямо в Енисей—пистолет. И пошёл, нащупав в кармане ключи от чужой квартиры.

Навстречу ему, на фоне серого вечернего июльского неба, тускло желтели купола храма. Они молча спрашивали: как он будет теперь с этим жить?

Так же, как жил без этого.

Андрей Пучков

Удачный выстрел

Я стоял на холме и смотрел на деревню, мирно посапывающую под снежными барханами. Солнце, покрасневшее от мороза, гигантским колесом медленно и величественно катилось к земле, разбрасывая в стылом воздухе багровые сполохи. Тишина стояла такая, что даже не верилось! Я специально переступил с ноги на ногу, чтобы услышать скрип снега и вынырнуть из безмолвия в реальность. Тишина. Казалось, что застывший воздух сковал все звуки, которые могли бы появиться в этом таёжном зимнем безмолвии.

— Э-ге-ге-ге-е-е-е!..— заорал я, в надежде, что мой крик всколыхнёт лесную глушь и заставит качнуться неестественно прямые, упирающиеся в безоблачное вечернее небо неподвижные столбы белого дыма, поднимавшиеся от каждой избы.

— Э-ге-ге-ге-е-е-е!..

— Э-э-эй! Степаныч!..— услышал я сквозь сон голос Мишки Черепа и, открыв глаза, уставился на мощные брёвна блиндажного потолка.

Вставать не хотелось, тем более что такой сон приснился! Закрыть бы опять глаза да досмотреть!.. Может, в конце концов, и морозец почувствую! Может, он мне нос и уши пощиплет! Как тогда, в детстве…

— Ну и чё ты, как потерпевший, орёшь?— зевнул я, выбравшись из блиндажа в окоп, и, зябко поёжившись, вопросительно посмотрел на своего напарника.

Мишка, приткнувшись к брустверу окопа, вкусно чавкал бутером и в бинокль всматривался в сторону нашего тыла.

— Ты чего? Пути отступления себе, что ли, намечаешь?— поддел я Мишку и, сев рядом с ним на пустой ящик от выстрелов, потянулся.— Бандерлоги, они вроде как с другой стороны. Ты ничего не попутал?

— Да не-е-е!.. Тут другое!.. Кого-то к нам нелёгкая занесла! Бэтээр вон эскортом! Значит, опять кто-то там, наверху, что-то придумал, а мы эти задумки воплощать будем!

— Это верно,— согласился я и, поудобнее устроившись рядом со своим вторым номером, коим Мишка и является, спросил:— Куда смотреть-то?

— Да вон, возле бывшей водокачки восьмидесятый пристроился! Видишь?.. Из-за него тёмно-синий «крузер» выглядывает. Вот на нём гости и прибыли.

— Ага, сейчас глянем,— опять зевнул я и навёл свою СВД на кучку военных, которые топтались возле своих машин, с любопытством осматриваясь по сторонам.

Прижался щекой к упору и, привычно убрав в прицеле полутени, поймал себя на мысли, что уже на автомате, машинально, подгоняю фигурки людей под разметку и определяю расстояние до них.

— Вот бы кто-нибудь сообщил им, что они на мушке у снайпера,— хихикнул Мишка,— на цирк бы посмотрели!.. На куриный!

— Это точно!— поддакнул я напарнику, не отрываясь от прицела.— Носиться начнут покруче клуш деревенских! Штабные почему-то думают, что суетливой беготнёй можно создать проблемы снайперу.

И я сплюнул, вспомнив, как «азовские» стрелки́ разом грохнули наших трёх штабных офицеров, которых нелёгкая занесла на передовую. Не получилось у них от пули убежать! От пули надо прятаться, а не бегать от неё!..

Мы с Мишкой уже отобедали, закончив греметь ложками по котелкам, и теперь неторопливо смаковали чай. Я осторожно прихлёбывал из большой фарфоровой кружки горячий, заваренный с известными только нашему повару травами напиток. Напарник, в отличие от меня, побаловать себя горячим чайком не мог. Он его, конечно, пытался пить, постоянно дуя в кружку, но это мало помогало. Кружка у него была железная, и он постоянно обжигал себе губы. Я гаденько захихикал, когда он в очередной раз обжёгся и, выругавшись, поставил кружку на стол.

— В первый же выход в «серую» зону у какой-нибудь бабульки кружечку как у тебя прикуплю,— уведомил меня напарник и опять взялся за свою железяку.

— Ты уже целый год себе кружку добываешь, да всё никак…

— Да знаю я, знаю!..— перебил меня Мишка.— Просто забываю всё время! Делом я там всегда занят!

— Это каким таким делом?

— А вот таким!.. Пока ты там прогуливаешься, я вынужден бдеть, тело твоё снайперское охраняючи…

— Степаныч! — засунув голову в дверь блиндажа, заорал Гаврик — невысокий худощавый татарин, исполняющий неизвестно какую роль при штабе. — Давай бери свою Черепушку и ходи до Маклая! Дело у него к тебе.
— Сам ты Черепушка! — заорал в ответ Мишка и запустил в посыльного пустым «цинком», который он использовал вместо пепельницы.

Гаврик, взвизгнув, спрятался за дверью и проорал что-то на своём родном.
— Мамай недобитый, — пробормотал Мишка и начал собирать окурки, разлетевшиеся по всему блиндажу.

Я заржал: худощавое Мишкино лицо, с кожей, обтягивающей прямой подбородок и скулы, действительно смахивало чем-то на стилизованный череп, отсюда и прозвище.

Сразу к командиру я не пошёл, отправил туда Мишку, а сам, чтобы разнюхать, что к чему, направился к гостям.
— Здоров, ребята! — поприветствовал я бойцов, расположившихся рядом с прибывшим бэтээром, и присел на корточки, привалившись спиной к могучему колесу. — Откуда гости? Наши? Али как?..
— А хрен его знает, — хмыкнул лежащий на крыше бэтээра боец, судя по масляным пятнам на камуфляже — механик-водитель. — Нам, батя, не докладывали, сдёрнули с места, и отправили. Гости есть среди них или нет, нам знать без надобности.
— А чего они не на броне, а на этой фиговине? — кивнул я в сторону японского красавца.
— А это они до первого обстрела форсят! — засмеялся другой боец, удобно развалившись на выложенной из битого кирпича лавке. — Как только первый раз прилетит, так сразу же внутрь забьются, а в следующий раз ещё и танк потребуют! Были уже случаи.
— Степаныч! Давай сюда! Ждут! — высунулся из командирского блиндажа Мишка и махнул мне рукой.

Я поднялся, попрощался с бойцами и потопал к напарнику.

Почему нашего командира батальона, майора Свиридова Алексея Николаевича, прозвали Маклаем, я не знал. Маклай и Маклай, не лучше и не хуже других. Хотя подозреваю, что того немало поболтало по жизни, вот к нему и приклеилось имя русского путешественника Миклухо-Маклая.
— Проходите, присаживайтесь, — пригласил нас с Мишкой комбат и движением руки указал на свободные стулья, стоящие возле его стола, на котором была развёрнута крупномасштабная карта.

Как и ожидалось, у командира были гости, два человека.

Один — в гражданке, одет неприметно: тёмно-серая матерчатая куртка, чёрная футболка и тёмные штаны, — но по манере держаться и по выправке сразу видно: кадровый военный. Примерно сорок пять лет, мой ровесник. Глаза спокойные, но не оставляло ощущение, что в случае чего они сразу же прищурятся и начнут выискивать цель. В общем, волк стреляный и за себя в случае чего постоять сможет.

Второй, в отличие от своего напарника, практически неподвижно сидевшего за столом, на месте без движения усидеть не мог, всё время перебирал под столом ногами, словно ему жали ботинки. Руки тоже не знали покоя и жили своей суетливой жизнью, перекладывая на столешнице с места на место карандаши, ручки, линейки — всё, до чего могли дотянуться. Но больше всего меня в нём поразило его звание — полковник! И это несмотря на то, что ему от силы чуть за тридцать. Было видно, что третью звезду он получил недавно, так как время от времени косился на свои плечи. Сначала мне, грешным делом показалось, что это старлей! Но нет, точно полкан! Большие звёзды едва поместились на маленьких погончиках новенького пиксельного камуфляжа.
— Как вы уже знаете, — начал комбат, дождавшись, когда мы устроимся за столом, — неделю назад, к «азовцам» прибыла батарея гаубиц, которая расположилась в десятке километрах отсюда, и три дня назад сработала по жилому сектору.

Майор помолчал, как будто давал нам время привыкнуть к этой мысли, а потом, приподнявшись на стуле, ткнув карандашом в карту, продолжил:
— Основные удары пришлись сюда и сюда. Есть погибшие — ребёнок и две женщины…

Новостью это не было. Мы это знали. Снаряды разорвались прямо во дворе пятиэтажки. Новостью было то, что комбат не представил ни нам гостей, ни нас гостям. Если в тайны играть начали, значит, точно какую-нибудь дрянь ожидать надо.
— Они это и без нас знают, — перебив вдруг командира батальона, сказал полковник и, взяв карандаш, постучал им по столу, словно ожидая, что кто-то из нас должен высказаться по этому поводу. Не дождался.
— Они это знают, — повторил он и, ещё пару раз стукнув карандашом по столу, добавил: — Но они не знают, кто командовал батареей, обстрелявшей посёлок.

Он помолчал немного, а затем, резко поднявшись, прошёлся по блиндажу и остановился за нашими с Мишкой спинами. Я еле удержался от того, чтобы не обернутся к нему. Не люблю, когда у меня кто-то за спиной стоит!

Передо мной на стол упали несколько цветных, хорошего качества фотографий, на которых на фоне киевского «Самсона» был запечатлён молодой мужик лет тридцати пяти. Лицо полное, но не заплывшее, стрижка короткая, под коричневой курткой надета тельняшка. Никаких нашивок на куртке не было, поэтому определить принадлежность к роду войск или к конкретному полку было невозможно.

— Молейко Егор Демидович, полных тридцать семь лет, кадровый военный, капитан, служил в береговой обороне ВСУ в Крыму. В четырнадцатом году, после известных событий, сбежал на Украину. Несколько лет о нём ничего не было известно, кроме того, что он совершал набеги в зону конфликта, командуя обстрелами жилых зон. Три дня назад он опять всплыл, ну а результаты его появления вам уже известны.

Полковник вернулся на своё место, сел и, опять постучав ручкой по столу, спросил:

— Вам, наверное, интересно, зачем я всё это рассказываю? У вас никаких мыслей на этот счёт не появилось?

— Появились мысли,— вздохнул я.— Как не появиться? Я так понимаю, что этого Молейко Егора Демидовича надо ликвидировать, так сказать, в назидание другим, чтобы неповадно было. Тем более что он на этот раз оказался довольно близко к нам. Отомстить, одним словом.

— Именно! Чтобы они тоже боялись, знали, что и они не бессмертны.

— Да мы с этим согласны,— кивнул я и мельком глянул на напарника. Дождался, когда Мишка тоже кивнёт, и спросил:— Нам только не совсем понятно: каким образом снайпер, который должен будет убрать этого типа,— ткнул я пальцем в фотографии,— подберётся к нему на дистанцию выстрела? До батареи, насколько я знаю, добрый десяток километров. Сколько-то мы пройдём по «серой» зоне, это вполне возможно, и мы, и добробатовцы там ходят. Однако останется ещё очень даже приличное расстояние, преодолеть которое весьма и весьма проблематично!

— Охотно верю! Проблема есть!— легко согласился полковник и, опять постучав карандашом по столешнице, добавил:— Но ведь эта проблема решаема! Уже ведь ходили, и, насколько я знаю, не один раз!

Не дождавшись от нас каких-либо возражений, полковник посмотрел на своего молчаливого спутника и сказал:

— Капитан, прошу вас!

Поморщившись, как от зубной боли, тот, не глядя на своего большезвёздного соседа, вдруг выдал:

— Я изначально был против именно такого способа попадания на сопредельную территорию. И по-прежнему считаю, что…

— Я бы вас, капитан, попросил держать при себе то, что вы считаете! Решение принято, и вам осталось только поделиться с исполнителями новостью.

— Я так понимаю, что вы в исполнители назначили нас,— кивнул я в сторону Мишки,— и почему-то решили, что мы согласимся с этой самоубийственной авантюрой! Да! Ходили мы туда, но не более чем на два-три километра.

— Прошу вас, капитан, сообщите, что нам удалось узнать,— опять повторил полковник и, посмотрев на меня, добавил:— После того, как вы узнаете, каким путём доберётесь до нужного места, я приведу вам доводы, почему именно вы не только согласитесь, но и радостно побежите, чтобы пристрелить этого Молейко!

— Это правда *он?*— спросил я и, с трудом проглотив вставший в горле комок, посмотрел на капитана.

— Да, старшина, это именно он командовал обстрелом, когда погибли ваши жена и сын. Ошибки быть не может. Поверьте, мы самым тщательным образом собираем доказательства виновности…

— Я знаю это и потому верю вам,— не дал я ему договорить.— Давайте вашу идею. Что придумали-то?

Капитан посмотрел на своего молодого начальника, и тот, вытащив из лежащей на столе папки карту, развернул её и, подвинув к нам, сказал:

— Зелёной линией обозначен ваш путь, по которому вы доберётесь почти что до самой батареи. Это коллектор. Если по-другому— подземные коммуникации, в которых когда-то проходили линии связи, принадлежащие министерству обороны Советского Союза. Поскольку этим коллектором пользовались военные, информация о его наличии вообще и местоположении в частности была строго засекречена. Другими словами, о нём не знает никто, и, по нашим сведениям, не знают до сих пор. Нам повезло, что бывшие военные, проходившие в те времена здесь службу, вспомнили о нём и предоставили нам сведения.

Полковник подался вперёд и ткнул карандашом в карту.

— Коллектор берёт начало в «серой» зоне, вот тут,— сместил он карандаш к зелёной точке,— а затем проходит под лесополосой, ширина которой составляет примерно сто метров. С обеих сторон от этой лесополосы имеются дороги, грунтовая и заасфальтированная, ведущие в посёлок, из которого и был произведён обстрел. Выход из коллектора расположен на территории бывшей воинской части, где имеется с десяток ныне разрушенных кирпичных зданий. От этих развалин до нужной нам батареи— не более полукилометра. Я думаю, что эти руины можно использовать как позицию для стрельбы.

Словно во сне слушая бормотание штабиста, я не мог сосредоточиться на его словах. Перед моими глазами всплыла дикая картина: мой сын, мой мальчик, лежит на спине, зажимая рану на груди ладонями, из-под которых толчками вырывается кровь… Я поддерживаю голову сына, чувствуя, как его колотит мелкая дрожь. Потом он вздрагивает всем телом последний раз и затихает, обвиснув на моих руках. И тогда я начинаю выть. Я стою на коленях и, прижимая к себе неподвижное тело

сына, вою, как волк вою, тоскливо и протяжно, раскачиваясь из стороны в сторону…

— У тебя есть вопросы, старшина? — обратился ко мне полковник, игнорируя моего напарника.
— Нет, товарищ полковник, вопросов нет. Разве что… выйдем мы не завтра, а через три дня, в одиннадцать часов вечера.

Полковник несколько секунд разглядывал меня, словно впервые увидел, а потом спросил:
— Почему так долго? Почему через три?
— А я, товарищ полковник, не люблю торопиться, — пожал я плечами, — каждую охоту тщательно готовлю. Мне надо три дня!
— Хорошо!.. Три так три! На том и порешим. Всё, свободны!..

От отряда, который должен был нас сопровождать по «серой» зоне, я категорически отказался, заявив полковнику, что и два-то человека много, а если через зону начнёт ломиться целый отряд, то нас не заметит только ленивый. Мы идём вдвоём.
— Целых три дня! А ты чего столько дней-то запросил? — спросил меня Мишка, когда мы отошли от блиндажа комбата на приличное расстояние. — Чё сделать-то за это время хочешь?
— Какие там три? — усмехнулся я. — Сегодня ночью и выйдем.
— Какого хрена?! Почему?!..
— Сам подумай, мозгами пораскинь…

Несколько минут шли молча, а потом Мишка поинтересовался:
— Не веришь им?
— А ты веришь? — вопросом на вопрос ответил я.
— Честно говоря, теперь уже не очень. Уж больно у него как-то всё гладко получается. Залезли. Вылезли. Выстрел. Ушли обратно.
— Вот именно, — вздохнул я. — Если об этом сооружении вспомнили наши военные, то могли вспомнить и украинские военные с той стороны, которые тогда тоже Союзу служили. И попадёмся мы с тобой, как куры в ощип.
— Тоже верно, — согласился напарник и, ускорив шаг, спросил: — Насколько я понимаю, мы сейчас топаем за бандеровским тряпьём?

Я кивнул.

О том, что мне надо в военкомат, я узнал совершенно случайно, от своего соседа, который после смерти моей семьи частенько забегал ко мне. Проверял, не наложил ли я на себя руки. У меня, если честно, уже были такие мысли.

Через три дня после смерти сына, не приходя в сознание, умерла и моя жена, раненная тем же взрывом. Жизнь после этого смысл вообще потеряла. Единственное, что несло облегчение, если это конечно можно так назвать, — жена не узнала, что её сын умер.

— Ты бы, Степаныч, к военным подавался, туда тебе щас дорога, — как-то раз посоветовал он. — Может, и отведёшь душу-то. Завалишь бандеровца какого! Глядишь, и полегчает.

Сосед был прав: может, и полегчает, тем более что находиться одному в квартире было невыносимо.
— Слышал я о вашем горе, — вздохнул военкоматовский подполковник, к которому меня направили как добровольца, — и сдаётся мне, что вы теперь смерть искать будете.
— Нет, не буду, — усмехнулся я. — Нельзя мне, командир, теперь умирать, должны мне эти твари слишком много! И пока они сполна со мной не рассчитаются, на тот свет я не собираюсь.
— Я так полагаю, что за это они с вами никогда рассчитаться не смогут, — сказал подполковник и, открыв какой-то журнал, спросил: — Что умеете-то хоть?

Умел я многое. За прожитые годы научился. Но главное, что было у меня за плечами, это умение стрелять.

Родился я в небольшой сибирской деревеньке, где основным промыслом была охота. С отцом в лес ходил с десяти лет и в одиннадцать уже бил белку в глаз в прямом смысле слова. Из мелкашки. Окончил школу-интернат, потом армия. Отслужив, в деревне уже жить не смог, скучно было. Молодость брала своё, хотелось движения и каких-то перемен. Поболтался по России-матушке, а потом судьба и забросила меня в украинский Донецк, где устроился на металлургический завод, встретил свою любовь, родил сына…

После окончания курса снайперов попал наконец-то на передовую. Да. Убивал! Много убивал! Думал, легче будет. Но нет, легче не становилось. Наверное, смертей должно быть больше. Ненависть грызла так, что ночами зубами скрипел. Даже мой напарник Мишка поначалу доводил это до моего сведения. Потом ничего, привык, перестал внимание обращать. Когда удавалось подобраться к бандерлогам поближе, видел в прицел их усатые рожи и стрелял прямо им в хари!.. Стрелял, стрелял, стрелял!.. С удовольствием чувствуя, как в моё плечо толкается их смерть.

Не стали мы с Мишкой пользоваться обнаруженной штабом дорогой. Решили не рисковать и идти по старинке. Вышли часов в одиннадцать вечера, отмахали километров десять в сторону и уже там потихоньку перебрались на украинскую территорию. И, стараясь держаться подальше от дороги, вернулись почти к тому самому месту, откуда вышли. Дальше не пошли: дождёмся, когда рассветёт, осмотримся и решим, что делать дальше.

Часов в девять утра по асфальтированной дороге, бегущей с одной стороны уже известной нам лесополосы, начали шнырять машины. И поодиночке, и в составе небольших колонн; и военные,

и гражданские; проскочили несколько бэтээров. Над каждой машиной без исключения развевался жовто-блакитный флаг, а то и не один. Если с военными всё было понятно, то гражданские, скорее всего, нацепили флажки, чтобы обезопасить себя от защитников украинского отечества путём демонстрации приверженности идеалам украинской же демократии.

— Как ты думаешь,— спросил вдруг Мишка, когда мы, замаскировавшись возле дороги на небольшом пригорочке, осматривали окрестности,— этот полкан — москвич? Или наш, местные своего такого вырастили?

Я пожал плечами:

— Думаю, что наш! Сначала, правда, мне показалось, что москвич. Только у них в тридцать лет можно даже генералом стать, про полковников я вообще молчу! Но теперь, по-видимому, и на наших эта зараза перекинулась.

Время шло, ничего интересного пока не происходило, и мы решили, что ещё часок ждём, а потом начнём потихоньку двигаться. Но наши планы круто изменились. Осматриваясь в очередной раз, я заметил, как с украинской территории прямо в нашу сторону пылят бэтээр и две «буханки».

— Глянь-ка,— толкнул я локтем Мишку и ткнул пальцем, куда надо смотреть.

— Вот же ж ё…прст!— выдал напарник, полюбовавшись на безрадостную картинку.— Что делать будем? Домой рванём? Здесь недалеко наша тропа есть.

Домой мне не хотелось, очень не хотелось. Тварь, которая убила мою семью, здесь пока. А если он сменит позиции? Резонанс о смерти ребёнка уже пошёл! Вполне может и сбежать. Ищи его потом. Если дела так и дальше пойдут, он, чего доброго, своей смертью подохнет, а этого я допустить никак не мог. Решение пришло само собой. Вернее, это самое решение приехало в виде расхлябанного, раскрашенного в камуфляжные цвета «уазика».

— Так! Мишка! Давай цепляй на голову ихнюю кепку, и айда на дорогу!— прошипел я и, вытащив из-за пазухи кепи с жёлто-синим флажком, напялил её себе на голову.

— Степаныч! Ты чего, головушкой ночью в пол ткнулся, что ли? Мы ж с тобой на дороге будем как три тополя…

— Вот именно что будем. Обязательно будем. И попросимся, чтобы нас подвезли. Тем более что вон как раз и транспорт нарисовался,— и я, уже не скрываясь, встал и направился к дороге, размахивая, как мельница, руками.

— Оттуда?— кивнув в сторону «серой» зоны, спросил сидевший рядом с водителем мужик.

— Ага, оттуда,— буркнул я, расположившись позади него на заднем сиденье.— Шуганули нас, еле смылись!

— Это бывает!— хохотнул мужик.— Сам до ранения хаживал, а потом всё, москали зацепили, отбегался!— и он постучал кулаком по своему бедру, показывая, по всей вероятности, куда его зацепили.

Кто это были такие, я не смог определить. Ни одной нашивки на форме не было. Да и самой формы-то не было! Какая-то смесь камуфляжа с «горкой». Подраненный москалями пассажир в годах, несуетливый, с неизменными усами и бритой головой, но не профессиональный военный, это сразу было заметно. Наверное, такой же, как и я, несколько лет под ружьём, не больше.

Второй, водила, молодой, года, наверное, двадцать два — двадцать три, может, чуть больше. Стрижка короткая, безусый. Этот на военного больше походил. Но, опять же, чёрт его знает!.. Одет также не в масть. Складывалось впечатление, что они выбирали себе одежду из кучи, в которую она была свалена. Находили что получше и надевали, не обращая внимания на то, что она у них получалась разного цвета.

— До кого направляетесь?— поинтересовался пожилой, когда мы уселись и пристроили стволы.— Если судить по винтарям, то до Дениса?

Я откровенно вытаращился на него и спросил:

— Ты, братан, от жизни отстал! Где тебя носило-то? Денисенко уже неделю как перебрался на полтора десятка километров южнее! До Черенка мы подались.

— А! Да-да-да!..— хлопнул тот себя по лбу.— Как же, как же, знаю! Вася Черенок! С такой фамилией и кликухи не надо!— и он засмеялся, запрокинув бритую голову. Закашлялся, опустил стекло, смачно харкнул в окно, а потом, обернувшись к нам сказал:— А вот про Дениску забыл. Старею, видать, старею,— и он горестно покачал головой.

Я хмыкнул про себя: «Стареет он! Проверяльщик хренов! Наша разведка получше вашей работает. Ни разу ещё не подводила».

— Сколько москалей-то завалили?— спросил, мельком глянув на нас, водитель.

Видно было, что хочется ему поговорить, скучно ему с таким напарником. А тут сразу двое свеженьких попутчиков, да ещё и из запретной зоны пришедших. Как тут лясы не поточить про москалей треклятых?

Я посмотрел на усатого и, встретившись с ним взглядом, пожал плечами. Тот, встрепенувшись, ткнул водителя кулаком в плечо и прорычал:

— Ты, Сёма, рули лучше молча, коль не ведаешь, какие вопросы задавать можно, а какие нельзя.

Он фыркнул и, откинувшись на спинку сиденья, повторил:

— Москалей завалили… надо же!.. Ты вот лучше скажи,— вдруг спросил он,— а чем ты-то сам от москаля отличаешься? У меня хоть усы вон есть!— и он ладонью пригладил длинные, обвисшие почти до подбородка усы.— А у тебя что? У тебя, Сёма,

ничего, у тебя даже усов нет. Не растут они у тебя! Москаль ты, Сёма!—наконец выдал он и довольно расхохотался.

Ехали быстро, даже догнали пару воинских затентованных «Уралов», которые проехали десятью минутами раньше.

— Обгоняем?—спросил водила, коротко глянув на усатого.

— Да не, не стоит,—пробурчал тот, близоруко всматриваясь в идущие впереди машины.—Отстань подальше от них, чтобы выхлоп не глотать, и едем за ними не торопясь, а то и так быстро прём, на месте ждать придётся,—он повозился на сиденье, а потом, словно разговаривая сам с собой, пробормотал:—Терпеть не могу ждать…

Дальше ехали молча. Водила молчал, потому что обиделся, а усатый—потому что хотел спать. Он постоянно клевал носом и, когда голова падала на грудь, как конь дёргался, вскидывал голову, чтобы опять начать клевать носом.

— Что, решили горилкой нервную систему подлечить?—засмеялся усатый, когда я попросил остановиться возле небольшого магазинчика и мы с напарником выбрались из машины.

— Ага, как же, полечишь тут,—засмеялся Мишка,—здесь ничего крепче газводы нету! Защитники отечества всё реквизируют, давненько уж завозить перестали.

— Это точно! Бойцы всегда в тонусе должны быть, по-другому никак, иначе разбегутся!..—заржал усатый и захлопнул дверцу машины.

— Как думаешь, Степаныч, кто это?—спросил Мишка, глядя вслед машине и пристраивая «винторез» на ремень.

— Да хрен его знает, Миш! На бандерлогов или ещё на какую дрянь вроде не похожи, никаких цацек на себя не налепили,—ответил я и внимательно осмотрелся.

— Что это вдруг не похожи?.. Просто не каждый любит обвес носить, и всё.

— Ну, во-первых, трезвые они, хотя это не есть основной показатель, но значимый. Говорит, что ранен был? Брехня, настоящий вояка не будет хвастать ранением, полученным именно на этой войне. Скорее всего, рисовался перед новенькими, то бишь перед нами, а может, даже и перед своим водителем. Во-вторых, ты видел их рацию в машине?

— Видел, и чё?—хмыкнул напарник.—Рация-то при чём?

— При том… плохенькая у них рация, слабенькая, да и сама машинка старовата. По этим признакам вроде на вэсэушников похожи, но сам же видел—не военные они. А бандеровцев западные покровители, да и местные спонсоры нехило так снабжают, не держат они такого барахла.

— Ну да, похоже на то,—пробормотал Мишка и, перехватив бесшумку поудобнее, спросил:—А может, они того—по нашу душу? Присмотрелись. Торопиться им некуда, мгновенно сбежать мы не сможем. Понаблюдают за нами, а потом и возьмут тёпленькими.

— Всё может быть, поэтому будь готов, если что…

— Всегда готов!—по-пионерски ответил Мишка и хихикнул.

— Хватит ржать,—прошипел я и осмотрел пустую улицу.—Прятаться надо, чем быстрее, тем лучше.

И, продолжая озираться, я направился к неизвестно каким чудом сохранившемуся здесь и, что самое невероятное, продолжающему функционировать магазину.

Магазинчик был небольшой, однако, невзирая на это, рядом с окном был пристоен стол с тремя расшатанными стульями—по всей вероятности, для тех покупателей, которые пожелают прямо здесь и употребить свою покупку.

Я сел за стол и, осмотревшись, спросил у продавщицы—упитанной улыбчивой женщины, одетой в модную по нынешним временам вышиванку:

— Что-то у вас здесь никого нет? Ни на улице, ни по оградам. Неделю назад другая картинка была!

Продавщица перестала улыбаться и, оглядев меня с ног до головы, тяжело вздохнула:

— Так попрятались все, мил-человек! Страшно под бомбы-то попасть… вот и разбежались кто куда.

— Под какие такие бомбы?—не понял я.—Они же вроде как по домам не бьют.

— Бить-то не бьют,—опять вздохнув, сказала женщина и смахнула с прилавка несуществующие крошки,—да вот только с нашей стороны, говорят, несколько дней назад к ним прилетело!.. Женщин да деток побило! Вот и боимся, что ответят.

— Ну да, ну да,—пробормотал я, выглядывая в окно,—всякое в наше время бывает. Вы, наверное, правы, поберечься людям надо.

— Сами-то что хотели? Если водочки, то нету её, давненько уже нету.

— Да не, нам бы простой водички пару бутылочек,—улыбнулся продавщице стоящий возле прилавка Мишка и положил на прилавок пару помятых купюр,—желательно холодненькой, если есть, конечно. Жарко…

— Есть, хороший мой, есть холодненькая, как не быть-то,—засуетилась продавщица и нагнулась куда-то под прилавок.

Покопошилась там и, вынырнув через несколько секунд назад, поставила на прилавок две запотевшие пол-литровые бутылки с водой.

— Может, ещё чего? Может, покушать?.. Пирожки с капусткой есть, свеженькие!

Мишка вопросительно посмотрел на меня.

— Бери по парочке, как раз и перекусим.

Мишка кивнул, и добавил ещё купюру.

Пирожки мы заточили прямо там, в магазине, благо что из окна улица просматривалась в обе стороны. И если что, меры успели бы принять!

Если откровенно, то нам повезло! Дико, неимоверно повезло! Здесь не было военных — ни армейцев, ни бандеровцев. В ожидании ответки разбежались все. Скорее всего, украинская армия сюда и не заходила, ни о чём таком наша разведка не докладывала. Зато бандерлоги водились! Это я знаю точно, сам видел, и не только видел!.. Выбирались мы с Мишкой пару раз на их территорию, хорошо тогда поработали.

— Что делать будем? — спросил напарник, когда мы, доев пироги, покинули магазин и спрятались в палисаднике явно брошенного дома. — Может, рванём к воинской части, откуда батарею видно? Заодно и окрестности рядом с входом в коллектор осмотрим.

— Не, Миш, опасно! Не такие уж мы с тобой гении маскировки и разведки! Если вход под охраной окажется, чем отбрехиваться будем? А если вдруг нашумим, значит, нам дорога только в «серую» зону и останется, если, конечно, живы будем.

— А что тогда?

— А мы, Миш, прямо по дороге, не скрываясь, потопаем скорым шагом прямо к батарее.

— Очумел?! Заметят же на раз!

— Конечно, заметят! В первую очередь местные жители и заметят, им, в отличие от бандеровцев, бежать некуда, дома они. По подвалам сидят...

— А если позвонят кому? Наблюдателей у них здесь не может не быть.

— Ну и пускай звонят, патрули в прифронтовой территории никто не отменял. Тем более что мы с тобой в их цвета выпачканы, вроде как свои.

— А если нарвёмся?..

— А если нарвёмся на их патруль, то действуем по обстановке.

— Ну ты наглец, Степаныч! Мне нравится...

— А мне нет, — прошипел я и, прижимаясь к заборам и домам, побежал в сторону расположения батареи.

Один раз нам повезло: успели заметить группу людей раньше, чем они нас. Упали на землю и, как раки, пятясь задом, сдали назад, а потом, опять вскочив, рванули через узкий переулок на другую улицу.

Попались, когда уже прошли почти весь частный сектор и вышли к двухэтажным домам. Пригнувшись, я высунулся из-за палисадника, осматривая улицу, и буквально всей кожей почувствовал, что на меня смотрят. Обернулся и, заметив на другой стороне улицы троих военных, внимательно нас разглядывающих, стал тыкать пальцем вверх и махать рукой: прячьтесь, мол.

Те недоуменно уставились в небо, а я, приняв слегка в сторону, чтобы не оказаться на линии Мишкиного огня, демонстративно поглядывая в небо, короткими перебежками сам побежал к ним. Наглеть, так уж по полной программе.

— Вы чего так выперлись? — спросил я, выпучив на них глаза. — Жить, что ли, надоело?

— Чё это вдруг жить надоело? — спросил самый старший по виду мужик и махнул рукой, чтобы в меня не тыкали стволами. — Чё нам тут может угрожать? Мы вроде как дома, — хохотнул он, и меня обдало густым запахом перегара.

— А вас теперь могут пристрелить прямо оттуда, — ткнул я пальцем в небо, — и дом родной не поможет! Неужто ещё не видели?..

— А чего мы там должны увидеть? Авиации-то у сепаров нету, — задрал голову вверх второй и, сняв с головы кепи с трезубцем, вытер им потное лицо.

— Дрон вы должны были увидеть, — рявкнул я и со злостью уставился на старшего, всем своим видом давая понять, что его веселья не поддерживаю. — И не простой дрон, а дрон, из которого можно за километр запросто дырку в голове сделать.

— Да ладно! Брешешь! — не поверил старший, но благоразумно подался поглубже под раскинувшиеся ветки черёмухи, возле которой они и стояли.

— Ага, специально вас искал, чтобы побрехать, — окрысился я и, сунув ему под нос СВД, сказал:

— Уже целый час за ним охотимся, но его, падлу, сбить трудно, всё время двигается...

В это время, как будто в подтверждение моих слов, где-то недалеко за домами раздались один за другим два выстрела.

— Вот чёрт! — выругался я. — Там наши были!.. Сидите пока здесь и не высовывайтесь, — и, не обращая больше внимания на забившихся под черёмуху бандеровцев, махнув напарнику рукой, побежал в сторону, откуда раздавались выстрелы.

Вечер и ночь провели в старом полуразвалившемся сарае, который доживал свой век на краю картофельного поля, в сотне метров от хозяйского дома. Владельцы у поля были, убегать не стали и спокойно занимались своими домашними делами, совершенно безбоязненно расхаживая по двору. Не поверили, наверное, что наши могут открыть стрельбу из орудий по жилым домам. К сараю же даже не делали попыток приблизиться — по всей вероятности, давно уже поставили крест на когда-то нужной постройке.

Батарею обнаружили без труда, ещё с вечера. Бандеровцы разместили её прямо во дворе стоящих буквой «П» трёх кирпичных двухэтажных домов. Им даже не было нужды маскировать орудия, они знали, что если наши узнают о ней, всё равно ответить не смогут. Слишком близко к домам орудия были размещены.

Рано утром под прикрытием разросшихся кустов сирени, которая, как сорняк, за несколько лет заполонила всё вокруг, подобрались к ближайшей двухэтажке и, стараясь не шуметь, через окно забрались в пустующую квартиру, расположенную на первом этаже.

Эту квартирку я заприметил уже давно, в ней не уцелело ни одного окна, причём причину разрушения стёкол мы так и не смогли установить.

В пределах видимости не было ни одной воронки от крупнокалиберных снарядов, взрывной волной которых могло бы выбить стёкла. Ни пулевых отверстий, ни осколочных, ничего такого. Скорее всего, окна были просто выбиты изнутри, и теперь квартира, словно обидевшись на то, что с ней сотворили, оскалилась на мир острыми осколками стёкол.

Приоткрыв дверь квартиры, несколько минут прислушивались и, только убедившись, что в подъезде никого нет, стараясь даже не дышать, поднялись на второй этаж, где, соблюдая максимальную осторожность, через подъездный люк потихоньку забрались на чердак.

Позиция была на загляденье. Одно из слуховых окон как раз выходило на батарею. Крыша под окном круто уходила вниз и не мешала обзору. До орудий недалеко, метров сто пятьдесят, не больше. В случае чего отступить смогли бы быстро, скатиться с чердака до первого этажа—дело нескольких секунд, но мы рассчитывали, что в таком темпе ретироваться не придётся. Стрелять из СВД по вполне понятным причинам было невозможно, грохот будет такой, что нас даже с другого конца посёлка вычислят! Из «винтореза» же в самый раз! Никто ничего не услышит. Пока разберутся, что, кто и откуда, мы уже будем далеко.

Молейко нарисовался вечером; я уж было подумал, что всё, сегодня нам не повезёт. Но нет! Вот он, гад! Приехал! Выбрался из патриотичной жёлто-синей «Нивы» и, не торопясь, этак по-барски, начал осматривать своё хозяйство. На пьяные выкрики своих бойцов, кучковавшихся возле деревянного стола со стоящей на нём бутылью с мутной жидкостью, он благоразумно внимания не обратил. Понимал, что это не вооружённые силы, эти могут спьяну и морду набить. Постоял немного, а потом, как будто почувствовав неладное, начал с тревогой осматриваться.

—Пора, Степаныч!—прошептал Мишка.—Эта сволочь заподозрила что-то, как бы не смылся!..

—Не успеет,—усмехнулся я, и навёл сетку прицела на пах убийцы своей семьи.

«Винторез» дёрнулся, клацнув затвором, и Молейко согнулся, схватившись руками за низ живота. Он заорал не сразу, постоял скрюченным пару секунд, пока жуткая боль не захлестнула его мозг полностью, а потом, завалившись на бок, завизжал. Он орал громко и страшно, не переставая, тянул и тянул на одной ноте, как будто у него вместо лёгких были установлены кузнечные меха.

—Это ещё не всё, сука,—ощерился я и, прицелившись ему в коленную чашечку, нажал на спусковой крючок.

Визг резко оборвался и перешёл в хрип. Молейко, продолжая зажимать пах одной рукой, пытался другой рукой дотянуться до искалеченного девятимиллиметровой пулей колена. Я перевёл прицел на его лицо и с удовольствием увидел перекошенный в крике рот, из которого обильно текла кровь.

—Миш!—повернулся я к своему напарнику, лежащему рядом со мной.—А ведь он себе язык откусил!—и, опять приникнув к прицелу, злорадно прошептал:—Но я ещё с тобой не закончил! Продолжим…—и следующим выстрелом раздробил лежащему на земле человеку второе колено.

—Надо уходить!—раздался над самым ухом Мишкин голос.—Ты слышишь, Степаныч! Всё! Уходим!.. Степаныч…—и напарник вдруг захихикал.—Степаныч!.. Хватит храпеть, а то всех бандерлогов распугаешь.

—Да всё, всё… проснулся уже,—пробормотал я и сел, привалившись к печной трубе спиной.

Подождал, пока сердце перестанет скакать в груди, вытер рукавом взмокшее лицо и спросил:

—Чё там? Новости есть какие?

—Не, пока ничего нового, тихо,—ответил напарник и, сплюнув, добавил:—Если завтра не появится, надо будет сваливать…

—Согласен,—пробормотал я и прикрыл глаза, чтобы Мишка не заметил моего страха.

Я боялся! Реально боялся того, что, когда придёт время, я не выдержу и всё произойдёт как в этом сне. В этом кошмаре, где я перестал быть человеком. В кошмаре, в котором мою душу терзала радость осознания того, что от моей руки в муках умирал человек, пускай даже такая мразь, как этот Молейко.

Он появился, когда уже начало темнеть. Пришёл пешком, в компании двух военных. Это были именно военные, форма которых была оснащена всеми положенными атрибутами вооружённых сил Украины. Сам же Молейко был одет в камуфляж без знаков отличия. Скорее всего, специально не обозначал себя как кадрового военного, чтобы обстрелы не приписали украинской армии.

Все трое остановились посреди двора, прямо напротив задранных кверху стволов орудий. Поговорили о чём-то, энергично жестикулируя руками, а потом разошлись каждый к своему орудию и начали копошиться возле их щитков.

—Прицелы, суки, снимают!—прошипел Мишка и, положив бинокль, взялся за СВД.

—Даже не думай!—цыкнул я на него.—Успеешь ещё…

—Ты тоже не тяни, а то стемнеет, и хрен мы его больше увидим! Сматываются они…

—Вижу…—пробормотал я и, отойдя от слухового окна на пару шагов, упёрся плечом в вертикальную стойку, поддерживающую крышу.

Несколько раз глубоко вздохнул, а потом, выдохнув, поймал в прицеле «винтореза» стриженый затылок Молейко, копошившегося возле орудийного щитка, и плавненько потянул спуск.

Клацнула затворная рама, и раздался показавшийся мне оглушительным под шиферной крышей хлопок. Я опять посмотрел в прицел и увидел, что Молейко замер, посунувшись головой вперёд, к орудийному казённику. Его тело неподвижно стояло на коленях, привалившись к станине, из-под которой уже начала расползаться чёрная лужа.

Выбрались из дома удачно. Спокойно спустились с чердака в разгромленную квартиру и под прикрытием сирени выпрыгнули из окна. Никто нас не увидел, и мы ни на кого умудрились не нарваться. Нам повезло, что труп Молейко не упал, а опустился на колени, навалившись на станину, которая не дала ему завалиться. По всей вероятности, какое-то время на него вообще не будут обращать внимания — стоит себе на коленях человек и стоит, работает. Это должно нам дать хорошую фору во времени.

Обратно шли той же дорогой, на улицах по-прежнему было пусто. Пару раз, правда, встретили парный патруль, который к своим обязанностям относился совершенно по-хамски. Первые даже не удосужились поинтересоваться, кто мы вообще такие. Скорее всего, решили, что если идём с их стороны, значит, свои. Вторые оказались бдительнее, даже поинтересовались, кто и откуда, однако, услышав всё про того же Черенка, заведовавшего снайперскими делами, махнули нам рукой и потопали дальше

До магазинчика добрались без особых проблем. Забрались в уже знакомый палисадник и, сторожко поглядывая между заборных жердин, размышляли, где зайти в «серую» зону — здесь, прямо отсюда, напрямки, либо же опять отмахать конец в сторону и уже там податься к своим. Со вторым вариантом были проблемы, пришлось бы ждать темноты, что не есть хорошо, так как после убийства Молейко довольно быстро сложат два плюс два и начнут шерстить территорию. Да и первый вариант, честно говоря, паршивенький, здесь частенько ходили и мы, и они. Так что можно нарваться по-крупному.

— Степаныч! А что, если мы опять уедем!.. По-наглому сядем и уедем! — сказал вдруг Мишка и мотнул головой в сторону магазинчика. — Гляди, что-то советское прибывает.

— Едем! — не стал я долго раздумывать и, присмотревшись к старенькой «шестёрке», остановившейся возле магазина, выбрался из кустов. Подождал напарника и вразвалочку направился к машине, лениво поглядывая по сторонам.

— Здорово, батя! — поздоровался Мишка с выбравшимся из машины мужиком и, заглянув в её салон, спросил: — Куда едешь-то?

— И вам не хворать, — настороженно ответил мужик, с опаской поглядывая то на меня, то на Мишку. — До дому я еду, вот решил внучкам конфеток прикупить…

Этот мужик не мог быть подставой! Да и вообще, подставу за столь короткое время нереально организовать. Невозможно так сыграть обывателя, напуганного собственными защитниками. Будь он моложе, держался бы по-другому, поувереннее, что ли. Молодые, они не так ценят жизнь, как люди, уже умудрённые годами. Этому было за шестьдесят с гаком, с приличным таким гаком. Одет просто: тёмные штаны, серая, покрытая пятнами пота футболка и замусоленное красное бейсбольное кепи. И ещё руки — таких рук не может быть у военного. Грубые большие ладони с узловатыми суставами, в поры кожи и на лице, и на руках навсегда въелась угольная пыль.

— А что хотели-то? — спросил мужик и, тяжело вздохнув, осмотрел пустую улицу.

— Ты, батя, не согласишься ли увезти нас на десяток километров во-о-он туда? — спросил Мишка и показал пальцем в ту сторону, откуда тот только что и приехал.

— Коли по-хорошему просят, что ж не увезти-то? Можно и увезти, — пробормотал мужик и, обречённо пожав плечами, опять загрузился в машину, запустил двигатель и, подождав, пока я устроюсь на переднем сиденье, негромко сказал: — Странные вы какие-то! У меня дважды машину просто забирали! Водитель им не нужен был. Благо хоть не сожгли!.. Благодетели… — и совсем уж тихо, себе под нос, думая, что я не услышу, добавил: — Недобитые…

— Ну! И как прикажете всё это понимать? — обратился к нам комбат, когда мы с Мишкой уселись за его столом и, устроившись удобнее, наконец перестали возиться.

— А что, собственно, вы должны понять? — наивно осведомился я и, переглянувшись с напарником, в недоумении пожал плечами.

— А я сейчас объясню, — хмыкнул комбат и, опершись могучими руками на жалобно застонавшую столешницу, наклонился к нам.

В такой позе командир был похож на гориллу, и, представив, как комбат бьёт себя в грудь кулачищами и ухает, я поспешно отвернулся, чтобы он не заметил моей улыбки. Он заметил.

— Какого чёрта ты ржёшь, как конь?! — рявкнул комбат и, выпрямившись, заложил руки за спину. — Ночью мне передали перехваченные переговоры, из которых следует, что кто-то, подобравшись к Молейко, с близкого расстояния снёс ему полбашки девятимиллиметровой пулей, выпущенной предположительно из «винтореза», так как выстрела никто не слышал!

И он покосился на Мишкину бесшумку, которую тот пристроил рядом с моей снайперкой в небольшой пирамиде, установленной возле входа.

— А насколько мне известно, — уже спокойно добавил он, — выйти вы должны только сегодня

вечером. Поэтому готов выслушать ваши версии этого, несомненно, радостного события.
— Может, он в карты большую сумму проиграл, а отдавать не захотел? Сами же знаете его… Гад! Вот его свои же и того… порешили. Карточный долг—это, знаете ли, серьёзно…—явно сдерживаясь, чтобы не засмеяться, ответил Мишка и, словно ища поддержки, посмотрел на меня.
— Ну а что, версия как версия, вполне имеет право на жизнь. Сами ведь знаете, какие нравы царят у бандеровцев. Тут тебе и пьянки, и азартные игры, и скандалы с драками!—не мог не поддержать я напарника.
— Идите вы знаете куда со своим карточным долгом,—вздохнув, неожиданно спокойно сказал комбат и, сев на подозрительно заскрипевший под его тушей стул, добавил:—Это всё было бы, конечно, очень хорошо, если бы эту операцию планировал и разрабатывал не лично наш…—комбат споткнулся и, покосившись на дверь, продолжил:—…молодой звёздный друг из штаба.
— А что такого?! Какая разница, кто планировал? Дело-то сделано! И сделано чисто!—удивился Мишка и, совершенно не по-уставному поставив на стол локти, уставился на командира.
— Для него—большая!—вздохнул комбат.—Это его детище, и пройти ликвидация должна была по его плану. Он прекрасно понимает, что не дорос ещё даже до звания подполковника, не говоря уж о трёх звёздах. Ему надо продемонстрировать руководству, что он в состоянии проворачивать сложные операции!.. А тут нá тебе!.. Исполнители гладенько провернули всё на свой страх и риск… по своему, так сказать, плану, а он, получается, как бы и не при делах. Значит, при таком раскладе лавровой ветки ему не положено.
— Другими словами, дитя обиделось, что вышло не по его?—спросил я и, усмехнувшись, посмотрел на комбата.

Ответить тот не успел: с грохотом распахнулась дверь, и в блиндаж стремительно зашёл полковник. Мы встали. Следом за полковником вошёл уже знакомый нам капитан от разведки.

Сесть нам полковник не предложил, но и сам не садился. Стоял, переводил взгляд с меня на Мишку и обратно. Он был в ярости, это просматривалось невооружённым взглядом: челюсти сжаты, желваки так и перекатываются, будто он что-то пережёвывает, подбородок вздёрнут, ноздри раздуваются…

Я, грешным делом, подумал, что сейчас заорёт. К его чести, не заорал, сдержался. Посмотрел на комбата и задал ему совершенно идиотский, по моему мнению, вопрос:
— Скажи, майор, почему эти двое,—кивок в нашу сторону,—не выполнили приказ?
— Насколько я знаю, приказ выполнен…—начал было комбат, но полковник договорить ему не дал.
— Эти двое нарушили приказ, отступив от утверждённого плана, чем поставили под угрозу срыва всю операцию!
— А почему бы вам об этом у них не узнать?—спросил вдруг комбат, которого этот цирк, по всей вероятности, совершенно не устраивал, и он, не спрашивая разрешения у старшего по званию, сел на своё место за столом и вызывающе стал разглядывать полковника.

Я тяжело вздохнул. Ситуация из-за пустяка пошла вразнос и, чего доброго, может навредить хорошему человеку.
— Вы позволите, товарищ полковник?—спросил я и, пододвинув стул к столу, сел.

Полковник удивлённо посмотрел на меня, словно увидел говорящий холодильник.
— Да, конечно, старшина, прошу вас,—вмешался, не дожидаясь ответа полковника, прибывший с ним разведчик и взмахом руки предложил сесть и Мишке.
— Так почему же всё пошло не по плану?—спросил уже он и тоже сел за стол.
— Это элементарно,—пожал я плечами,—нам просто хотелось ещё пожить.
— В смысле—пожить?
— В том смысле, что если мы знали об этом коллекторе, то о нём могли знать и там!.. Неужели никто не удосужился рассмотреть этот вариант?
— Ну почему же не удосужились? Очень даже рассматривали, но всё же было принято решение, что на той стороне об этом коллекторе не знают, поэтому вам и был предложен это путь,—и он покосился на продолжающего стоять полковника.

Заметив взгляд капитана, полковник сел и, побарабанив пальцами по столу, подрагивающим от напряжения голосом спросил:
— Так почему же вы не только не выполнили ясный и чёткий приказ, но и не вышли в назначенное вами же время?

Я вздохнул: о чём говорить с человеком, который не слышит, что ты ему говоришь? Он разве не слышал моего ответа? Не понял его? Слышал. Понял. А если слышал и понял, тогда с ним надо по-другому, чтобы наверняка дошло.
— Мы пошли другим путём, так как подозревали, что нас там будут ждать,—чётко, по-уставному, доложил я и, дождавшись, когда до собеседника дойдёт смысл сказанного, добавил:—Как впоследствии выяснилось, наши опасения были не напрасны! Возвращаясь назад после выполнения задания, мы прошли возле выхода из коллектора и обнаружили там засаду. Грамотную засаду. Если бы мы подошли к ней не сзади, мы бы её не обнаружили. Нас ждали на выходе из коллектора.
— Что ты… несёшь?!..—прорычал полковник, и его лицо пошло красными пятнами.
— Товарищ полковник,—слегка повысил я голос и встал из-за стола,—я далёк от мысли, что нас

отправили этим путём специально, чтобы мы нарвались на бандеровцев. Но, видя ваше недовольство тем, что мы не придерживались плана, невзирая на то, что задание нами выполнено, расстояние до этой мысли стремительно сокращается!..

Не дожидаясь, когда полковник перестанет, как рыба, открывать и закрывать рот, я, сделав знак Мишке, пошёл к выходу.

Когда мы отошли от штаба уже метров на двести, нас догнал капитан и, придержав меня за руку, спросил:

— Сколько человек вы смогли обнаружить, и на каком расстоянии они находились от выхода из коллектора? Это важно!

— А чёрт его знает, сколько их было и на каком расстоянии они находились,—усмехнулся я.—Мы ещё из ума не выжили, чтобы шарахаться возле возможной засады.

Капитан несколько секунд ошарашенно смотрел мне в лицо, а потом, посмотрев в сторону штаба, задумчиво произнёс:

— Значит, вы это придумали как бы в воспитательных целях, что ли?

Я молча пожал плечами.

— Ну что же, может, оно и к лучшему,—не дождавшись от меня ответа, усмехнулся вдруг капитан.—Пускай теперь помучается, в следующий раз будет слушать не только себя. Сам бы я тоже ни за что в жизни в эти катакомбы голову не засунул. Вы, ребята, не держите на него зла, он умный парень, просто молод ещё, самоуверенности в нём пока выше крыши. Обломается со временем!..—и он, взмахом руки попрощавшись с нами, скорым шагом направился обратно в штаб.

— Обломаться-то обломается,—пробормотал напарник, когда капитан отошёл на приличное расстояние,—хорошо, если за время собственного облома он никого угробить не успеет,—и, положив «винторез», как ляльку, на руки, с мечтательным вздохом добавил:—Э-э-э-эх! Водочки бы сейчас холодненькой стаканчик!.. Да щец бы наваристых!.. Да дивчину сговорчивую!..

— Ну и что же ты хочешь от меня услышать?!—прошипел я, заметив, как напарник косится в мою сторону, вместо того чтобы наблюдать за окопавшимся в трёхстах метрах от нас противником.—Ты уже два дня вопросительно сопишь и сопишь за моей спиной!.. Ничего я не почувствовал, Миша!.. Ничего!.. Оттого, что я прострелил череп этой сволочи, легче мне не стало!.. Если ты, конечно, именно об этом хочешь узнать!

— Об этом,—пробормотал Мишка и, шмыгнув носом, припал глазом к трубе, потом опять покосился на меня и негромко сказал:—Знаешь, Степаныч, я надеялся, что тебе всё-таки полегчает… вроде как отомстил же!..

— Я тоже на это надеялся, ты уж поверь, очень надеялся…—вздохнул я и сел на невесть откуда взявшуюся табуретку. Помолчал, разглядывая усиленную досками стенку окопа, и повторил:—Очень!.. Но там,—ткнул я большим пальцем в небо,—видимо, всё по-другому расписано. Что-то должно быть ещё, вот только знать бы что…

— Ого! Смотри-ка, Степаныч!—хохотнул вдруг Мишка, не отрываясь от своей трубы.—А у нас, оказывается, новости! Походу, вместо бандерлогов вэсэушников пригнали! Глянь сам, форма у этих армейская.

Вздохнув, я поднялся и, устроив винтовку на упоре поудобнее, посмотрел в прицел и еле сдержался, чтобы не отдёрнуть от него голову. Прямо мне в глаза смотрел молоденький пацан, лет восемнадцати, не больше. Как и моему сыну… Белобрысый, курносый, с явно просматривающимися веснушками. Из-под лихо сдвинутого на затылок кепи поблёскивают любопытные глаза, не ведающие ещё страха. Он смотрел на нас и, наверное, не понимал, почему нас надо бояться, он не знал нас и высунулся в надежде увидеть, с кем ему предстоит иметь дело.

— Что же ты каску-то даже не надел?—пробормотал я и, прицелившись чуть выше и левее его головы, потянул за спусковой крючок.

Увидев, как возле его головы взвился фонтанчик земли, опустился на корточки и, поставив винтовку между колен, закрыл глаза.

— Степаныч, ты что, промахнулся, что ли? С такого-то расстояния?—раздался удивлённый голос напарника.

— Нет, Миша, не промахнулся,—улыбнулся я, не открывая глаз и буквально физически ощущая, как скатывается с меня глыба несостоявшейся смерти этого голубоглазого мальчишки. Смерти, которой не должно быть.

Людмила Брагина

О счастье

Куклы вуду

Шиншиллы появились у меня поздней осенью.

Сколько? Этот вопрос часто задаёт мне мама. Я улыбаюсь и отвечаю всегда одинаково, чтобы не запутаться: «Несколько».

И это чистая правда. В которой звучит некоторая драматическая нотка, когда дело доходит до кормления. Половина их рациона — сено. И заготавливать его надо в жаркий, звенящий долгий летний денёк, когда всё цветёт и брызжет под косой соками. А осенью косить… это уж если кто и соберётся, то только от армии… Но это точно не мой случай. Полезными знакомствами с фермерами обзавестись я тоже пока не успела. Приходилось покупать в магазине маленькие пакетики по цене мешков и стожков. Всю долгую зиму мои шуши получали сено «по карточкам» — маленький пучочек в одни лапки два раза в неделю.

Как только сошёл снег, я отвоевала на маминой даче свой земельный надел — увы, только одну сотку — и густо засадила его люцерной и клевером. Но, ясное дело, на богатый урожай и сытую зиму с такой плантации рассчитывать не приходилось…

Поэтому всех своих знакомых, которые едут на дачу, в деревню, просто на природу, я прошу привезти моим питомцам экологически чистый гостинчик… И снабжаю длинным списком съедобных трав, кустарников и деревьев…

Одна моя добрая знакомая, Люба, любительница всего живого, с которой мы вместе гуляем с нашими собаками, как-то привезла мне огромный пакет цветущей ароматной люцерны. Я искренне поблагодарила её от себя и шушиков и радостно потащила подарок в закрома — сушить и пополнять запасы.

Через некоторое время встречает она во дворе моего мужа и спрашивает: «Ну что, понравилась трава?» Он, думая о чём-то своём и не успев переключиться, отвечает: «Не знаю, ещё не пробовал…» Люба хватается за голову, потом за телефон и пытается прояснить ситуацию: «Люда, я что-то не поняла — что вы с травой делаете?!..» А я, собственно, уже всё подзабыла и прямо в этот самый момент жарю блинчики к ужину, они так аппетитно шкворчат на сковороде, машинально отвечаю в продолжение процесса: «Жарю…» Потом, уловив какие-то подозрительные нотки в её голосе, осторожно пытаюсь врубиться: «С какой именно травой?» Люба взрывается совершенно диким хохотом: «Попался Серёжа!» И далее добивает меня уже вместе с Серёгой Шнуровым…

> Я вообще не знаю, что такое трава,
> Я вырос в городе, там, где асфальт,
> А то, что у меня сейчас в карманах,
> То это зелёный чай!! Вау!

Однако же… мир не без добрых людей. Моя подруга теперь не косит люцерну, клевер, крапиву, одуванчики, пырей и прочие зелёные вкусности. У неё появился оголтелый волонтёр, который только и следит, чтобы ни один полезный сорнячок не был сполот бездумной тяпкой и не полёг зазря…

Это деятельность, бескорыстная с обеих сторон, но если копнуть — это самый что ни на есть симбиоз. Мы нужны друг другу. Она радуется бесплатной рабочей силе, которая искореняет сорную траву на её любимой даче, я — незагрязнённой, сочной траве, впоследствии сену. Для моих любимых шунь…

Она подвозит меня к подъезду, помогает вытащить мешок из багажника, договариваемся, когда мы поедем снова на дачу, и уезжает. А я, довольная, почти счастливая, беру мешок и… натыкаюсь на любопытный, сверлящий взгляд соседа с первого этажа. Здороваюсь и захожу в подъезд. На спине дырка в ауре. Чувствую осязаемость его мыслей.

Со вторым мешком он меня уже не пропустил:

— Здравствуй, Лида! А что это ты за мешки домой носишь?

— Здрасьте. Сено ношу.

Я люблю говорить правду. В этом есть своё очарование.

Сосед совершенно ошарашенно выдыхает:

— Зачем?

У меня есть некоторый опыт знакомства с людьми, которые не любят животных, — да тот же самый Дмитрий, который смотрит на меня и ждёт ответа, тоже искренне не понимает, почему мой муж зимой и летом выносит корм и воду дворовым заморышам-котятам или подброшенным месячным щенятам… Он пытается, но не может. И он даже спрашивал нас: почему вы их кормите? Для меня равносильно вопросу: а за что вы их любите?

Дмитрий всю жизнь прослужил в армии, а теперь сидит в инвалидной коляске, без ног. Ему пятьдесят, но прошлая жизнь для него закончилась, а в этой он уже не умеет любить. Он не знает, кого винить в той беде, что с ним случилась, людей или судьбу, и в глазах его столько… Но если говорить правду и одну только правду, то лучше и не начинать.

Вот и сейчас, несмотря на приятную лёгкость и удовлетворение, которую дарит чистосердечное признание, я не чувствую потребности в искренности и рассказывать ему про своих любимцев не собираюсь.

— Я делаю из сена матрасики и подушки. Знаете, как на них спится? Какие сны снятся?

И с загадочной улыбкой ухожу.

Дмитрий крутит головой, непонятно, верит или нет, но лицо у него становится задумчивым…

И этим летом как-то постепенно между нами образовалось некое подобие мини-таможни. Погода хорошая, он с утра и до вечера патрулирует возле подъезда.

Я с очередным мешком останавливаюсь у входа, чтобы достать ключи.

Он, решительно подкатывая на коляске, с возмущением и ехидством одновременно, продолжает недавно начатый разговор:

— Снова на матрасики?

— Снова. Те примялись и стали жёсткими.

— Лида, ну скажи правду! — почти требует Дмитрий.

— Вы уверены, что хотите её знать? — тяну время, роясь в сумочке.

Вот они, спасительные ключики, победный писк домофона — и Дмитрий позади. Никогда не оглядываюсь.

Последующие наши встречи стали какие-то странные: Дмитрий здоровался, но не заводил никаких разговоров, расспросов не возобновлял, мрачно смотрел на мешки или вообще отводил глаза.

Однажды за завтраком мой муж как-то осторожно начал:

— Милая, забыл тебе сказать…

— Что, дорогой?

— Ты помнишь, у нас на работе день рождения у Вовки отмечали? Я тогда немного выпивший домой пришёл.

— Ну да, помню — такой смешной.

— Ты не сердишься на меня?

— Подожди, а что случилось? Это месяц назад было, я уже забыла. Ты что-то натворил?

— Нет, ничего не случилось. Просто я тогда встретил Дмитрия возле подъезда. Ну, ты знаешь, я и трезвый поговорить люблю, а тут он, как репей, пристал. Зачем, говорит, Лида мешки с сеном домой носит???

— А ты?

— Ну, я помню, что ты запретила соседям про шиншилл рассказывать.

— Ну???

— А что им говорить?! Ты же не сказала.

— Так. Не тяни.

— Ну, я сказал, что ты кукол шьёшь и сеном набиваешь.

— Что?! А потом? Куда я их деваю?

— Сказал, что у тебя договор с экстрасенсом и ты их ему сдаёшь.

У меня перед глазами, как в безвоздушном пространстве нашей Солнечной системы, поплыли — чашки, чайник, цветочки на скатерти…

— Как ты мог до такого додуматься?! — возвращаясь в сознание, начала я. — Ведь вы же мужчины, он же тебе скорее поверит! Да ещё пьяному! Специально подгадал, когда разузнавать: что у трезвого на уме, у пьяного — на языке. Подумать только! Куклы вуду! Разве ты забыл, что наши соседи — это святая инквизиция?! Или ты смерти моей захотел, дорогой?!

— Лидочка, прости меня, дурака! — раскаялся муж.

Сразу вспомнилось мрачное лицо соседа. Вот почему! Хоть бы никому не разболтал, а то начнётся для меня хождение по мукам.

Муж заглаживал вину как мог, и в конце концов мы просто посмеялись над этой блажью вместе.

И вот, уже в конце лета, тащу шиншиллячий мешок и нос к носу встречаюсь с Дмитрием. Я уже привыкла к его молчанию. Киваю, прохожу мимо. И вдруг сзади негромкий и печальный голос:

— Лид, ну уже на весь город хватит!

— Чего, сена? — рассеянно улыбаюсь я.

— Горя…

О счастье

Спроси у человека, что такое счастье, и ты узнаешь, чего ему больше всего не хватает.

Начало учебного года я встретила в ЛОР-отделении городской больницы. Я почти не спала из-за отита — по ночам болели уши. Каждое утро начиналось для меня тоскливее, чем если бы мне надо было идти в школу.

В шесть включался свет, и в палату входила хмурая заспанная медсестра с градусниками в стакане. Потом в коридоре, пропитанном неистребимыми запахами хлорки и антибиотиков, у медицинского поста следовала раздача пузырьков с таблетками. Затем — унылая очередь в выстуженную ночным проветриванием и выжженную кварцеванием процедурку. После уколов и других медицинских экзекуций я снова ложилась в кровать, забираясь с головой под одеяло. Зажмурившись и стиснув зубы, я ждала, когда пройдёт ещё неделя — вторая половина обещанного лечащим врачом срока до выписки.

Как только я согревалась и расслаблялась, сердце начинало биться спокойнее. На меня накатывала дрёма. Веки тяжелели, и глаза закрывались сами собой. И тут, громыхая железной тележкой, на которой стояли большие эмалированные вёдра с дребезжащими на них крышками, в коридоре появлялась пожилая санитарка. Зычным голосом она созывала обитателей отделения на приём пресной и убогой больничной пищи: «Уши-уши, идите кушать!»

Двух моих соседок по палате звали тётя Маша и тётя Клава. Им обеим было под шестьдесят, и судьбы их оказались во многом схожими: полуголодное детство в колхозе, чужие углы в городе, у обеих были мужья-алкоголики, только одна развелась, а у второй — умер. Их разговоры начинались и заканчивались подробным описанием всевозможных хворей, а в промежутках они вспоминали свою жизнь, полную тягот, невзгод и обид, выпавших на их долю.

У впечатлительного тринадцатилетнего подростка, каким я тогда была, эти две горемыки отбирали всякие силы не только выздоравливать, но и жить вообще. Как два страшных призрака будущего, они своим примером олицетворяли безжалостность и неумолимость судьбы, ведущей через долгие страдания к трагической развязке.

Я доставала из тумбочки любимую книжку и пыталась погрузиться в неё, чтобы не дать засосать себя серому и тягучему инобытию. Но стоило мне начать читать, как буквы расплывались, и боль как раскалённым обручем сдавливала голову.

Поглядев пару раз на мои отчаянные попытки, сердобольная тётя Клава не выдержала:

— Брось-ка ты все эти книжки, детка. Нам сейчас голову напрягать нельзя. Побереги себя, ты ж такая молоденькая, ещё жизни не видела, а уже больная вся. Садись сюда, — она провела ладонью по заправленной кровати рядом с собой, — мы лучше с тобой вот что посмотрим.

Она выдвинула верхний ящик обшарпанной тумбочки, стоящей возле кровати, и достала пакет, в котором находилось что-то прямоугольное и увесистое, похожее на кирпич. Это оказался старый бордовый плюшевый фотоальбом с затёртыми углами.

Я обречённо присела на краешек её кровати.

— Детских фоток у меня нет, растерялись, да и немного их было, зато вот, смотри — свадебные! Мы в шестьдесят первом поженились, когда Гагарин в космос полетел. Мой это событие неделю с дружками праздновал, потом ко мне пришёл — глаза в кучку, уши врастопырку — и говорит: «Я хоть не космонавт, но тоже Юрка, выходи за меня!» А я на радостях и выскочила.

— По любви? — наивно, но почему-то с надеждой спрашиваю я.

— По дурости! — жёстко приземляет тётя Клава.

На мутной чёрно-белой фотокарточке был запечатлён стол, плотно заставленный бутылками и тарелками с едой, мужчины в тёмных мешковатых костюмах и узких галстуках, женщины в цветастых платьях и высоких шиньонах, и на заднем плане, на стене — ковёр с оленями. Рядом с улыбающейся невестой, у которой завитые волосы торчат из-под коротенькой пышной фаты, сидит пожилая измождённая женщина в скромном платочке, напоминающая тётю Клаву. По другую сторону — захмелевший жених в белой нейлоновой рубашке с мокрыми тёмными пятнами под мышками. В одной руке сигарета и рюмка в другой.

Тётя Клава водит по фото кривым от артрита пальцем, показывает на женщину в платке:

— Это моя мамка. Здесь ей сорок лет.

Я недоуменно поднимаю брови, и тётя Клава поясняет:

— Она с двадцатого года, всё застала: и голод, и войну, да оно и после добра не было… — и безрадостно машет рукой.

Тут в разговор вступает подсевшая к нам тётя Маша:

— А ты думаешь, какая она — жисть в колхозе? Не жисть, а каторга, в трудах да нищете, вот так и изработалась-то к сорока годочкам…

Пока я своим пионерским прямолинейным умишком пытаюсь соединить высокое и почётное понятие «труд» с нелогичным для него следствием — «нищета», тётя Клава перелистывает страницы и продолжает что-то говорить.

Альбомные фотографии расположены в хронологическом порядке, и вот уже начинают появляться цветные снимки. Так и не найдя объяснений своим мировоззренческим нестыковкам, я возвращаюсь к просмотру.

На сером картонном развороте в фигурные прорези вставлены три фотографии, и, вглядевшись, я чувствую, что внутри у меня всё сжимается и холодеет.

У открытого гроба, стоящего возле подъезда на двух табуретках, сидит плачущая тётя Клава в чёрном платке, внизу прислонены венки с траурными лентами. Возле усопшего полукругом собралась небольшая группа людей с печальными и сосредоточенными лицами, а чуть поодаль стоят музыканты с духовыми инструментами и большим барабаном.

На второй, как будто фотограф сделал несколько шагов вперёд и перешагнул невидимую границу, крупным планом восковое лицо покойника с бумажным венчиком на лбу. По углам гроба, в изголовье стоят зажжённые свечи, воткнутые в куски хлеба. На белом кружевном покрывале алым веером брошены гвоздики, и на их фоне мертвец выглядит особенно одиноким и страшным.

Я пытаюсь отвернуться, но взгляд, как примагниченный, переползает на третью фотографию.

На ней уже поминки: люди в тёмных одеждах сидят за столом в свободных позах, разливают по стаканам и стопкам водку, разговаривают, и у некоторых даже на лицах весёлые улыбки.

Я не знаю, что больше меня шокировало: то, что свадебная тема так резко сменилась на похоронную, или сам непонятный ритуал фотографирования смерти, да ещё так близко и подробно, или быстрота смены настроения людей, которые изображали скорбь.

— Тётя Клава, а зачем вы похороны фотографировали?!

— Да раньше как-то принято так было, на память,— не очень уверенно отвечает она,—даже у нас в деревне фотографа нанимали те, кто побогаче жил.

— Так ведь помнить человека надо живым, а не мёртвым…

— А живым он мне всю душу вынул своими запоями да дебошами. Глазищи с утра водкой зальёт и начинает куролесить. Последние годы его трезвым и не видела.

— Я своему за то ж пенделя под зад и дала!—подхватывает тётя Маша.—Жаль того, что полжизни мне испоганил, всё об ём помирала, надеялась, что заживём как люди… Бабкам да вытрезвителям все деньги повытаскала. Всю жисть в одном платьишке ситцевом штопаном проходила. Не приведи тебе Бог нашего *горя мыкать*, ягодка моя,—жалостливо заканчивает она и заглядывает мне в лицо.—Твой-то папка не пьёт?

— Не знаю, когда я родилась, мама с ним разошлась.

Тут она заполошно всплёскивает руками и начинает причитать:

— Кла-ава! Да что ж ты его вместе с живыми-то повставляла? Разве не знаешь, что их нельзя смешивать?! Люди старые рассказывали, что не упокоится мертвецкая душа, пока не заберёт с собой…

— Я ему заберу! Может, хоть в космосе своём проспится.

— А что с этими фото делать надо, тёть Маш?

— В чёрный конверт—и отдельно покласть, в дальний ящик или коробку с обуви. И выкидать нельзя…

Интересно, как только мужа отнесли и зарыли на кладбище, тётя Клава могла говорить, есть, пить, улыбаться? Или только тогда и смогла? Я смотрю в её выцветшие глаза, и мне хочется прямо в халатике выскочить на улицу и бежать без оглядки сколько хватит сил от неё, от их долгих вечерних «задушевных» разговоров, от этого места, где всё пропитано стонами, вздохами, ночными вскриками.

Столетнее краснокирпичное здание городской больницы стало ветшать и разрушаться не только от времени, но и от человеческого горя и страданий. Если о храмах принято говорить «намоленное место», то о нём точнее было бы сказать «наболенное»—наболевшее. А вот внутренний дворик здесь удивительно хороший—уютный и ухоженный. В нём много ещё по-летнему ярких цветов. На аллеях, под берёзами и клёнами, расставлены старые лавочки с плавными изогнутыми линиями. Но даже выйти погулять в больничный двор я не могла из-за дождливой и ветреной погоды, которая стояла уже неделю.

Чуть наискосок через дорогу от больницы располагался огромный машиностроительный завод. Наверное, не было в городе такой семьи, которая не имела бы к нему отношения. И моя мама тоже работала на этом заводе. Однажды она решила взять меня туда на экскурсию. Прошли мы через проломленную дыру в бетонном заборе. Про неё знали все: и охрана, и работники, которые пользовались этим кружным путём, в обход проходной, когда по утрам или с перерыва опаздывали на работу или когда требовалось беспрепятственно пронести спиртное.

Прошло много лет, но я до сих пор с содроганием вспоминаю задымлённый и грохочущий цех с едва различимыми в полутьме станками устрашающих размеров, между которыми сновали силуэты в спецовках. Мне показалось, что я попала в ад. Мы стояли посреди этого надвигающегося лязгающего ужаса, и я, четырёхлетняя девочка, дрожала как осиновый лист. Изо всех сил сжимая тёплую мамину руку, я собиралась сказать, что защищу её от всех чудовищ на свете. Но мама опередила меня.

«Это цех, где я работаю,—гордо сказала она.— На этих станках вытачивают из металла всякие детали,—мама показала на кучу радужной металлической стружки на бетонном полу.—Видишь, вот как мы с тобой картошку чистим, так и он из железной болванки срезает лишнее, и появляется что-то нужное. А посмотри вверх—это мой кран! Помнишь, я тебе стишок читала: „Краном висящим тяжести тащим; молот паровой гнёт и рельсы травой“. Вот вырастешь большая, придёшь и тоже будешь здесь работать».

Я с болью и недоумением смотрела на неё и про себя твердила: «Никогда! Никогда я не приду на этот кошмарный завод, и если бы я только могла, никогда-никогда не отпустила бы тебя больше сюда. Чтоб он развалился на куски!» И, видимо, настолько это детское желание было жгучим, искренним и всеобъемлющим, что спустя годы он действительно развалился, вместе со страной, строем и укладом жизни…

В полдень, как только раздавался протяжно ревущий заводской гудок, я хватала тёплую кофту, на ходу засовывая руки в рукава и застёгивая пуговицы, сбегала по старой лестнице на первый этаж в вестибюль. Становилась у окна и начинала представлять, что происходит сейчас через дорогу…

Переодевшись, мама выходила из цеха и спешила в заводскую столовую. Полный комплексный

обед она не брала, а наспех съедала только первое или второе. Потом забегала в кулинарию, где покупала мне диетическую лепёшку, язычок из слоёного теста, пирожок с повидлом и торопилась ко мне в больницу. А через пятнадцать минут ей снова нужно было возвращаться на завод.

Я начинала ждать её, как только утром открывала глаза, и каждый раз просила не приносить мне ничего, чтобы она не расплачивалась в кулинарии драгоценным временем наших коротких свиданий. Я вдохновенно врала, что нас кормят очень вкусно и питательно, но мама не могла себе позволить прийти в больницу с пустыми руками.

После быстрого обмена вопросами и ответами в больничном холле я возвращалась в палату. На душе у меня теплело, и в тихий час я лежала с закрытыми глазами, прогреваясь ощущением ещё звучащего во мне маминого голоса и невесомых прикосновений её рук.

Я думала о том, что так было всегда, начиная с момента, как я себя помню. Мама уходила на работу в шесть утра, и я страшно боялась проспать этот момент. Вскакивала спозаранок, чтобы увидеть тонкую полосочку света из-под двери на кухню, услышать тихий звук закипающего чайника и просто посидеть за столом рядом, пока она выпьет чашку чая и съест завтрак. Потом, чтобы не мешать ей собираться, я садилась на стул, стоящий в углу, из которого просматривались все пути из комнаты на кухню и в коридор. И когда мама расчёсывалась и одевалась перед трюмо с тремя зеркалами — оно называлось трельяж, я счастливо смотрела на неё и её отражения, и это было для меня как вознаграждение за предстоящую разлуку на целый день.

Вечером снова всё повторялось, только наоборот. Она приходила поздно, а я ждала. Несколько раз за вечер бегала в ванную и умывалась там холодной водой, чтобы не хотелось спать.

После четырёх смена заканчивалась, мама выходила на остановку, которая назвалась так же, как и завод, ждала автобуса и ехала на вторую работу Мама выбивалась из сил, чтобы выплатить кредит за кооперативную квартиру, куда она переехала вместе со мной после развода.

Поздно вечером, когда мама освобождалась, больница была уже закрыта для посещений. Поэтому я начинала готовиться ко сну сразу после ужина. Тщательно чистила зубы, расчёсывалась, медленно и плавно проводя по волосам щёткой усыпляющими равномерными движениями. А чтобы не слышать бесконечных нудных разговоров своих соседок, отворачивалась стенке и, заткнув уши ладонями, пела про себя колыбельные песни, пока не засыпала.

Откуда ни возьмись в приятное полузабытьё врывается громкий разухабистый мотив:

> Бывали дни весёлые —
> Гулял я, молодец

Я подскакиваю на кровати, не разобрав, где я, всё ещё надеясь, что это сон, но мои соседки тоже сидят на кроватях с выпученными глазами. И прямо у нас под дверью пьяный голос, дико фальшивя, выводит:

> Не знал тоски-кручинушки,
> Как вольный удалец.

— Мужики, што ли, напились и песни орут? Куда врачи смотрят? Держат тут всякую алкашню… — возмущённо вопрошает тётя Маша и, чтобы удостовериться, набрасывает на ночнушку халат, выглядывает в коридор и отшатывается назад.

Дверь в ординаторскую — нараспашку. Из всех палат выглядывают непонимающие, удивлённые, перепуганные лица. По коридору, шатаясь и шаря руками по стенам, бредут вдрызг пьяные все три доктора и старшая медсестра с букетом цветов. Солирует наш, остальные одобрительно смеются и подтягивают в разных местах…

На лестнице раздаётся характерный звук падающего тела и бьющегося стекла. И вслед за этим резкая спиртовая волна, как цунами, заполняет «ароматом» всё отделение.

По мужским палатам дружно прокатывается протяжный и горестный стон.

Из разбитой трёхлитровки по ступенькам захватывающими дух каскадами стекает медицинский спирт.

— Ах ты ж, *етить твою разъетить*, опять порядок наводить! — качая головой, вполголоса бормочет санитарка.

Я проснулась такой уставшей после этого дикого ночного происшествия, что еле волочила ноги. Перетерпев все назначенные обязательные процедуры, подошла к окну и прижалась лбом к холодному стеклу. С того дня, как я попала сюда, впервые после полосы проливных дождей выдался светлый сентябрьский день. Я смотрела на мокрые, растрёпанные дождями и ветрами головки астр и георгин, мечи гладиолусов, полёгшие на клумбах в неравном бою с наступающей осенью, и не могла ни на чём сосредоточиться, всё расплывалось и ускользало.

Соседки пошли «погулять» по коридору, разузнать и обсудить последние новости, а я присела возле окна и решила накрасить ногти…

И вдруг длинный солнечный луч пробился сквозь пелену белых облаков и упал мне на руку. Алый лак ярко вспыхнул, зарделся волшебным диковинным цветком, и всё внутри меня внезапно как будто просияло, проснулось и ожило, наполнилось силами и потребовало движения. Я на секунду прислушалась к себе и безошибочно поняла, что́ именно хочу сделать немедленно.

Я оделась и выскочила на улицу. Нырнув в подземный переход и вынырнув из него на другой стороне дороги, я вошла в тенистый скверик и остановилась под раскидистой кроной старого каштана сбоку от проходной. Аллея с чугунным памятником вождю пролетариата, ведущая к остановке, была пуста, на клумбе ещё пламенела сальвия, свежий воздух бодрил тело и очищал мысли.

Наконец громкий длинный гудок возвестил перерыв на обед. И сразу, как будто открылись шлюзы, людская толпа, как вода под напором, хлынула вперёд, дробясь и разлетаясь на свободные частицы. На короткую жизнь от гудка до гудка.

В потоке лица сливались, и я пожалела, что стала слишком близко у проходной. Боялась, что пропущу и не увижу то единственное и родное, на которое столько лет не могу насмотреться.

Я напряжённо вглядывалась в это людское скопище, и вдруг перед выходом мелькнуло яркое голубое пятнышко. Моё сердце радостно подпрыгнуло в груди, и я беззвучно закричала: мама! Сегодня она надела моё любимое голубое в тонкую белую клеточку платье, которое я уговорила её купить во втором классе.

С той самой памятной экскурсии я редко что просила купить для себя, потому что понимала, чем оплачиваются покупки, а если мне требовалось что-то действительно необходимое, оно появлялось и без напоминаний… Но когда я увидела это платье, сначала на своей первой и любимой учительнице, а потом в магазине, в который пришли вдвоём с мамой, я бесповоротно решила, что без него мы отсюда не уйдём.

Я вцепилась в неё, как клещ, и умоляла «только померить, и всё». Мама смутилась и, не разгадав моей военной хитрости, согласилась. Платье так ладно село на её стройную хрупкую фигурку, так было ей к лицу, делая его моложе, глаза ярче, улыбку светлее! И это ещё больше укрепило меня, и я сделала следующий шаг.

«Тут такой свет плохой, давай выйдем в зал к большому зеркалу…» И здесь не почуяв подвоха, она доверчиво вышла из примерочной. Я обняла её возле зеркала и громко, со слезами в голосе, завела волынку на весь магазин: «Мамочка, купи его! Пожалуйста!! Я тебя очень прошу!!!» Какая-то женщина неодобрительно посмотрела на меня и сделала замечание: «Такая взрослая девочка — и такая несдержанная, капризная, выпрашивает себе платье! Нельзя быть такой эгоисткой!»

Я про себя обрадовалась и ещё жалобнее продолжила, совсем вогнав маму в краску.

Бедная моя мама! Но мне всё равно не стыдно за этот поступок. Это платье не один год согревает, украшает её, а сегодня ещё подало мне особый знак…

Пока я вспоминала историю его появления, мама уже поравнялась со мной, и я совсем близко видела её нежный висок, слегка тронутую загаром щёку, худенькую шею и узкие плечи. Она стремительно шла вперёд, и по её светлому лицу было понятно, что она сейчас не здесь, а уже подходит к больнице…

А я всё стояла, смотрела и не могла ни сдвинуться с места, ни окликнуть её. У меня перехватило дыхание, из глаз текли слёзы, и я быстро-быстро моргала, чтобы они не заслоняли лучшую в мире картину, которая навсегда запечатлелась в моём сердце.

Окошко

Вася проснулся, но решил пока глаза не открывать. Он стал прислушиваться, как на кухне поёт весёлую песенку чайник и ему в ответ позвякивают чашки и блюдца, а за окном бодро чирикают воробьи и звонко перекликаются синички. Вася представил, что у них на шее висят малюсенькие колокольчики, и когда синички прыгают с ветки на ветку, они тоненько и нежно звенят. И тут отворилась дверь, и в комнату вошла мама. Он сразу её узнал по тихим мягким шагам в пушистых серых тапочках, похожих на двух ласковых котят, потом по тёплому родному запаху. Мама наклонилась к Васе и поцеловала его в щёку:

— Доброе утро, сыночек! Сегодня особенный день — день твоего рождения! К тебе придут твои друзья. Будет весёлый праздник. Я испекла вкусный пирог. А это тебе подарок.

Вася открыл глаза, сел на кровати и засмеялся от радости. Это была яркая расписная картонная трубочка, внутри которой что-то тихонько позвякивало. Вася увидел с одной стороны маленькое круглое окошечко. Ему стало интересно, он осторожно заглянул в него. Темно.

— Сынок, это называется калейдоскоп. Поверни его к свету, и ты увидишь… — мама не успела договорить, как Вася спрыгнул с кровати, босиком подбежал к окну, поднял калейдоскоп повыше и поднёс к глазам…

Внутри что-то звякнуло, и сложился чудесный узор. Это было похоже на нежные розовые цветы, головки которых раскачивались от ветра, а вокруг дрожали прозрачные стёклышки, похожие на крылышки стрекозы, сквозь них лился тёплый свет и ещё что-то голубело…

Ой! Его рука почувствовала, что прикоснулась к чему-то прохладному и мокрому! «Да это же речка!» — догадался Вася. Он быстренько снял одёжку и вошёл в воду. Речка ласково зажурчала, окутала и обняла Васю. Вода была приятной и освежающей, вся в светлых солнечных пятнышках. Маленькие серебристые рыбки резвились вокруг и совсем не боялись его. Вася лёг на воду, и она тут же поддержала его, он плавно развёл по воде руками и поплыл.

— Я самая большая рыбка! — гордо сказал Вася, все рыбки согласились, и они долго играли вместе, ныряли, выпрыгивали из воды, догоняли друг друга…

Потом Вася вышел на берег, тёплое солнышко обсушило и согрело его, и он заснул среди волшебных ярких цветов, имён которых он не успел спросить, и они тихо напевали ему свои самые душистые мелодии.

На порог дома вышла мама и позвала его. Он радостно побежал ей навстречу. Потом оттолкнулся от земли и плавно полетел. «Вот как хорошо!» — радостно подумал Вася, снижаясь, потом ещё раз легонько оттолкнулся от земли и почувствовал себя совсем невесомым и легко поплыл по воздуху… прямо в мамины объятия. Потом они пошли пить чай. На кухне ярко горел уютный свет, тёрлась о ноги кошка Монька, усы у неё были в молоке, пахло свежеиспечёнными пирожками. «С яблоками! Мои любимые, — угадал Вася, поднёс пирожок ко рту и вспомнил о замечательном подарке. — Ещё разочек посмотрю!» — соскочил с табуретки, побежал в комнату, взял калейдоскоп, встряхнул его.

…Узор теперь был ярким и чётким: зелёные, красные и синие ромбы и треугольники сложились в мозаичную картину. Это был целый город с башнями и фонарями, мостами и площадями. Всё это неуловимо изменялось, мерцало и пульсировало. Вася всмотрелся пристальнее и увидел поток машин, который мчался, сверкал разноцветными огнями фар, ощутил запах бензина и множество других самых разных запахов, среди которых самым приятным был запах приближающегося дождя. «Скорей бы уж дождь пошёл, а то дышать совсем нечем», — подумал Вася, достал из кармана пиджака платок, вытер пот со лба. «Не буду в автобус садиться, пойду пешком, — решил он вдруг, — как раз обдумаю завтрашнее выступление на совещании». Когда остановка осталась далеко позади, а до дома тоже было ещё далеко — хлынул дождь. Он ускорил шаг, но всё равно почти сразу же промок до нитки, а его ботинки разбухли от воды и стали тяжёлыми. «А ещё Джека нужно выгулять», — со вздохом вспомнил Вася.

Джек, большой и лохматый, уже терпеливо сидел в прихожей. Поводок и ошейник лежали рядом на полу, как укор. «Одному гулять нехорошо», — читалось в преданных карих глазах пса. Вася быстренько переоделся в сухую одежду, взял зонт, и они с Джеком отправились на прогулку…

— Чай совсем остыл. О чём ты думаешь? — внезапно донёсся до Васи чей-то встревоженный голос.

Он повернулся и увидел незнакомую женщину, которая внимательно смотрела на него. Вася быстро посмотрел по сторонам: ну да, он дома, на кухне, сидит на своей старенькой скрипучей табуретке… А женщина?.. Вася отогнал странные мысли и смущённо улыбнулся. Конечно же, это Рита, его жена, любимая и добрая, которую он встретил ещё в институте, самая весёлая и красивая девушка на свете. И что ему такое показалось?

— Да устал немножко, пойду отдыхать.

Он вошёл в комнату, включил свет. «Маленькая совсем комнатка, — подумалось ему в очередной раз. — Ну ничего, скоро переедем. На новоселье пригласим, — он начал вспоминать коллег по работе, друзей и знакомых. — Надо никого не забыть, а то вот наши соседи говорили, что уже и подарок купили, хорошие люди, жаль будет расставаться. Вещей перевозить немного…» Он бережно погладил рукой фотографию мамы, которая стояла в рамке за стеклом на книжной полке. Печально вздохнул и увидел стоящий рядом калейдоскоп, взял его и осторожно встряхнул…

Тихий, еле различимый шорох осенней листвы… Такой умиротворяющий, что Вася незаметно задремал и увидел себя со стороны сидящим на лавочке, в соломенной шляпе, с палочкой в руке, под почти прозрачным облетевшим деревом, а над ним жемчужно-серое небо. Жёлтый кленовый лист, плавно покружившись над его головой, опустился рядом на нагретую солнцем лавочку. Вася чувствовал покой и безмятежность, ему не хотелось никуда идти, ни о чём говорить… Только одна неясная мысль никак не уходила и немного тревожила его: «Жизнь прошла, как три раза в окошко посмотрел».

Кленовый лист прямо на глазах потемнел и свернулся в лёгкую тончайшую коричневатую трубочку, из которой лился чистый и яркий нездешний свет. Вася протянул руку…

Аркадий Мар

Лунная госпожа

Ключ легко входил в замочную скважину, плавно поворачивал язычок замка, и дверь открывалась. Ойниса любила открывать эту дверь, ведущую в небольшой уютный зал ресторана с девятью столиками, накрытыми пёстрыми скатёрками из хан-атласа, деревянным помостом-айваном, где, скрестив ноги и опираясь о подушки, удобно сидеть на толстом ковре. В углу с металлического крюка, вбитого в потолок, свисала клетка с перепёлкой-беданой, а на привинченных к стенам полках располагались расписанные красной охрой ляганы, смешные фигурки осликов и верблюдов. Рядом висели тканые, ручной работы, бухарские сюзане. Всё это придавало залу таинственный азиатский колорит, желание приобщиться к неспешной восточной жизни, в которой нет места суете и стрессам. Свежевымытая коротким нью-йоркским ливнем стеклянная ресторанная витрина блестела под лучами солнца, отражая в капельках непросохшей воды радужные блики. И восьмиконечная синяя звезда с надписью вязью «Star of the East»—«Звезда Востока» гордо возвышалась над входом…

Ресторанчик Ойнисы уютно располагался на неширокой нью-йоркской улице в манхэттенском Сохо—районе, зимой и летом набитом, как шпротами в банке, слоняющимися туристами, неспешно перетекающими из модных арт-галерей в бесчисленные магазины и дизайнерские бутики. Но среди китайских, японских, итальянских, французских и иных услаждающих человеческий вкус кухонь, от которых по телу разливается предвкушение блаженства, «Звезда Востока» была единственным местом, в котором можно было насладиться настоящим узбекским изобилием: лагманом—дарящим блаженство ароматным супом с лапшой ручной выделки, наваристой шурпой из свежей баранины, сочной самсой и, конечно, царственным блюдом Востока, султаном и падишахом всех блюд на земле—пловом. И, может быть, поэтому «Звезда Востока» слыла в Сохо рестораном, где можно расслабиться, немного отдохнуть от суеты огромного города, попробовать необычную еду, подаваемую в удивительных больших синих чашках-косушках, разукрашенных белоснежными коробочками хлопка…

Этот огромный город, в котором жила Ойниса, жестоко выматывал её, отнимал силы, заставлял подчиняться чудовищному нью-йоркскому ритму, в котором трудились его обитатели, похожие на пчёл. И часто, проводив последнего посетителя, помогая убирать со столов и перемыть гору посуды, Ойниса чувствовала страшную усталость, понимала: не сможет почти час добираться до квартиры, которую арендовала в Квинсе (цены там намного ниже манхэттенских), бросала на раскладушку матрац, одеяло, подушку, мгновенно засыпала…

И тут же возникали цветные сны, приходящие из детства. Ойниса вдыхала запах ветра, пахнувшего крупными бело-розовыми цветами старой урючины, росшей в углу двора, длинные жаркие солнечные лучи касались её тела, и переносилась в то время, когда жила с самыми родными людьми на свете—бабушкой и дедушкой…

…Воздушный змей-варак неподвижно стоял в голубой выси, лениво поводя обвисшим хвостом из вдетых друг в друга разноцветных бумажных колец. Казалось, он удивлённо рассматривал ровные квадратики виноградников, каменную тушу Красной горы—Кызыл-таш, её две зазубренные вершины, похожие на бахрому старой бабушкиной скатерти. По жёлтому взгорью пылила отара, выбирая среди острых камней старые тропки. А в долине лежал оглушённый июльской жарой маленький кишлак.

Кишлак тоже назывался Кызыл-таш, и Ойниса вдруг подумала: то ли люди назвали гору Красной, то ли гора дала своё имя кишлаку.

— Дедушка, дедушка,—позвала Ойниса.—Пойдёмте домой!

Дедушка сидел на сером валуне и, постанывая, растирал поясницу.

— Совсем расклеился, старый чёрт,—морщась, произнёс он.—Пойдём, сейчас пойдём, сердце моё.

Той зимой дедушке исполнилось семьдесят четыре, и только тогда Ойниса стала замечать: вроде бы дедушка изменился. Раньше весёлый, любящий поговорить, теперь он подолгу молчал, а когда шёл по улице кишлака, то иногда даже не отзывался на приветствия соседей, хотя каждый знает: когда тебе говорят: «Ассалом

алейкум» — «Мир вам», — то непременно нужно ответить: «Ваалейкум ассалом» — «И вам мир». И даже палка, отполированная прикосновением дедушкиных рук, дедушкина палка из твёрдого-претвёрдого орехового дерева изменилась! Когда Ойниса внимательно посмотрела на неё, то удивилась. На палке проступила густая сетка морщин. Совсем как у дедушки!

— Э-э, — сказал тогда дедушка, грустно улыбнувшись. — Вещи, душа моя, всегда становятся похожи на хозяев.

— Дедушка, а почему гора называется Красной?

— Сердце моё, давно это было… Ну хорошо, хорошо, расскажу. Народ говорит: в нашем кишлаке жил искуснейший кулогар-горшечник. Ни сна, ни отдыха, ни ночи, ни дня не знал. Возил с горы камни, растирал из них краски, глазурь, на камышовом пуху замешивал глину, месил её до кровавых ран на ногах, вертел на гончарном кругу хумы, кумганы, кувшины-овтоба, блюда-ляганы, поливал глазурью, красками, выставлял на обжиг. И такая красота выходила из его рук, что даже из дальних мест…

— Дедушка, ведь вы тоже красивую посуду обжигаете?

— Обжигаю, конечно, обжигаю. А знаешь, почему наш кишлак раньше знаменитым был? Кто, скажи, не слышал про посуду из Кызыл-таша? Не было такого человека! От Ферганы до Самарканда пили, ели, мылись из нашей посуды. А теперь… — дедушка горестно вздохнул. — Теперь никому она не нужна. В кишлаке считают, глупо глину месить, краски из камней растирать, горшки лепить, когда в любом магазине от обилия посуды полки ломятся. Поэтому и забыли про Кызылташ. А какие здесь мастера были! У каждого свой рисунок, свой секрет.

— И у вас есть секрет?

— Есть.

— А меня ему научите?

— Э-э, сердце моё, всё тебе открою, всему научу. Но только тогда всё это пригодится, если в душе красота живёт.

— А как узнать, есть она или нет?

Дедушка улыбнулся.

— Народ говорит: если человек целый день ест плов да валяется на кошме, тогда уж точно нет… Ну что, душа моя, пошли, что ли? Э-хе-хе. Помоги Аллах бедному горшечнику.

Дедушка закинул тяжёлую сумку на плечо, медленно пошёл вперёд. Его палка прощупывала тропинку, он осторожно обходил острые камешки.

Вот и дом. И бабушка выглядывает из-за ворот…

Пока бабушка ставит на айван блюдо, где горкой наложена душистая самса с золотистой прожаренной хрупкой корочкой, заваривает зелёный чай, дедушка бережно вынимает из сумки принесённые с Кызыл-таша камни. Однажды учитель Остан привёз дедушке в подарок краски из Ташкента, но, расписав ими большой ляган, дедушка долго вертел его и так, и эдак, а потом, ни слова не говоря, разбил, и всё пошло по-прежнему. По-прежнему приносил дедушка разные камни с Красной горы и тяжёлым мельничным камнем растирал на краски.

Ойниса берёт с блюда самсу, разламывает пополам, чтобы воздух вошёл внутрь, остудил горячую ароматную начинку.

Потом оглядывается на дедушку.

Он медленными глотками отхлёбывает чай из пиалы, хитро прищуривается.

— Хочешь знать, что было дальше с тем искуснейшим кулогаром-горшечником?

И продолжает:

— Из дальних мест шли учиться его искусству, но он отказывал всем.

— А разве так можно, дедушка?

— Нельзя, душа моя, конечно, нельзя. Ведь если мастер-устоз не оставит после себя учеников, то скоро и жизнь на земле прекратится.

— Почему?

— Потому что никто больше не сможет правильно подрезать лозу, испекать в тандыре лепёшки, строить дома, где летом прохладно, а зимой тепло. Не дай Аллах, чтобы настали такие времена! А тот кулогар не хотел никому открыть свой секрет. Каждый день поднимался он в гору, искал камни, натирал из них краски: небесную лазурь, чернь, зелень. Только одной краски не было у горшечника. Красной. Самой главной, что веселит душу и придаёт силы… Э-э, сердце моё, взгляни, взгляни на этот ляган. Видишь, какой узор пустил по нему твой дед? Краски сочные, свежие. С такого лягана пища вдесятеро вкуснее, а повесь на стену в пасмурный день, он и светить будет. По этому цвету и узнавали нашу посуду. Ценили как самую дорогую вещь. Э-хе-хе… Пришли как-то чёрные времена. Напрасно люди смотрели в небо — не дал Аллах дождей. Пал скот, от страшного зноя сгорели поля. Нечего стало покупать заезжим купцам, и они стороной объезжали кишлак. Тогда решили люди покинуть землю предков, искать счастья в других местах. Но кулогар сказал: «Я знаю, как спасти кишлак. Пусть каждый пришлёт сыновей, и я научу их всему, что знаю». Днём и ночью показывал кулогар, как правильно месить глину, вертеть посуду на гончарном кругу, обжигать в печи. Торопился горшечник, будто чувствовал: вот-вот оборвётся нить его жизни. И опять сказал людям: «Нужно найти красные камни. Без них нет души в нашей посуде». Рано утром люди кишлака начали подниматься в гору. Но не было красных камней. Не рожала гора такие камни. Долго сидел кулогар, закрыв лицо руками, а потом один пошёл к вершине. Вдруг увидели люди, что падает вниз горшечник. Его тело билось о камни, оставляло

на них капельки крови. С тех пор назвали гору Кызыл-таш. И кишлак стал так называться.

Дедушка остановился, замолчал.

— Дедушка, дедушка!—быстро произнесла Ойниса.— А красные камни нашли?

— Нашли, сердце моё, нашли. Вскоре гора начала рожать такие камни. Другие кулогары растирали из них красную краску. И появилась у нашей посуды душа. Снова начали заезжать в кишлак купцы и увозить в дальние страны кызылташскую посуду. Э-хе-хе… Опять поясницу схватило. Оббо! Конечно! Над Красной горой тучи стоят…

Дождь так и не пролился над кишлаком. Тёмные тучи с фиолетовыми прожилками, посверкивая молниями, ушли куда-то в сторону от двуглавой Красной горы, пропали за горизонтом. И опять потянуло теплом и запахом арчовой хвои. Ойниса посмотрела на спящего деда, поправила на нём сползший чапан, вышла во двор. Кругом стояла тишина, только за низким забором у соседей часто кашляла овца.

Ойниса зашла в дедушкину мастерскую, в темноте нащупала выключатель, и у горловины обжиговой печи зажглась лампочка. Потом взяла в руки кусок глины. Постояла, сжимая её ладонями. И, согреваясь, глина оживала, постепенно теряла серый цвет, в ней проступали жёлтые, синие, оранжевые оттенки. Решившись, Ойниса положила её на гончарный круг, тронула шершавый камень.

И, почувствовав человеческое прикосновение, круг дрогнул и завертелся…

…От резкого звонка сон потускнел, расплылся, пропал. Ойниса открыла глаза, нащупала на полу рядом с раскладушкой разбудивший её айфон. На экране высветились цифры 6:00, пора вставать. Рано вставать она привыкла с детства: и когда с бабушкой и дедушкой жила в маленьком горном кишлаке, и когда, уже в городе, в общежитии техникума, училась на повара национальной кухни. Учёба давалась легко, ведь любимая бабушка передала ей свои секреты. На занятиях замешивала тесто для лепёшек, готовила начинку для самсы, из-под её ловких рук всё выходило ароматнее, вкуснее. И педагоги техникума, опытные повара, пробуя её блюда, довольно кивали головой и ставили отличные оценки. На небольшую стипендию жить в городе было нелегко, Ойниса подрабатывала помощником повара в ресторане, экономила, посылала деньги бабушке—после смерти деда бабушка осталась совсем одна.

Почти каждую субботу Ойниса садилась в автобус, уперев голову в толстое автобусное стекло, дремала на кожаном сиденье и только в конце пути, заметив вдали знакомую двуглавую Красную гору, смотрела, как та постепенно вырастает, становится большой, у её подножья начинают виднеться густые арчовые деревья, ровные квадратики виноградников, плоские крыши домов.

Приезжала Ойниса на два дня, привозила продукты, вещи, нужные для хозяйства, готовила, ведь бабушка с трудом вставала с кровати. Накормив бабушку, Ойниса рассказывала о жизни в городе, как старается хорошо учиться, долго расспрашивает устозов-мастеров о старинных рецептах и подробно, стараясь ничего не пропустить, аккуратно записывает в толстую тетрадь. Бабушка улыбалась, протягивала руку и, как в детстве, начинала ласково гладить Ойнису по голове…

В окно Ойниса увидела соседку Мастуру и вышла во двор.

— Ты вроде через полгода заканчиваешь учиться. Уже решила, что дальше будешь делать? Останешься в городе или вернёшься?—поинтересовалась она.

— Наверное, не вернусь, на работе обещали прибавить зарплату и помочь с квартирой.

— Ну и правильно,—согласилась Мастура.—У тебя вся жизнь впереди. Что в кишлаке делать? Не волнуйся, я твоей бабушке помогаю: и кушать принесу, и постираю, если нужно. Мы же соседи, сто лет вашу семью знаю. Помню, как тебя дед из городского роддома привёз. Крошечная была, плакала всё время. Жаль, твою мать врачи не спасли. Сказали, родовая горячка, ничего нельзя было сделать…—Мастура вздохнула.—Аллах всегда хороших людей забирает… Да, хотела спросить… Надумала сына женить на дочке почтальона Пулата. Сама знаешь, по нашим обычаям, молодые должны жить отдельно. Вот и подумала: если ты в городе остаёшься, зачем тебе дом в кишлаке? Мы, конечно, по-соседски о цене договоримся. Но сама понимаешь: откуда у нас много денег? Те, что есть, на калым, на свадьбу уйдут.

И Ойниса согласилась…

Любимую бабушку Аллах захотел забрать через месяц. Лежала она на спине, её босые ступни были обращены в сторону Мекки. Бабушкины губы пересохли, и Ойниса осторожно поднесла к ним пиалу с соком граната. Люди, собравшиеся в комнате, старались не плакать. По обычаю, умирающий должен сосредоточиться перед встречей с Аллахом, не горевать об оставляемом мире. Мулла начал читать молитву «Калимат-шахадат». Его негромкий голос торжественно выговаривал каждое слово:

— Ла илахаилла-ллаху, Мухаммадун-Расулу-ллахи. (Нет бога, кроме Аллаха, Мухаммад посланник Аллаха.)

Ведь поведал великий знаток Корана Муаз ибн Джабаль: «Сказал Пророк, что тот, у кого последним словом будут слова „Калимат-шахадат“, обязательно попадёт в рай».

Бабушка ушла из жизни легко и незаметно, спустившийся с небес белоснежный голубь унёс её невесомую душу в голубую высь…

После похорон Мастура предложила:
— Заночуешь у нас?

Но Ойниса отказалась. Она зашла во двор, открыла дверь, вошла в дом. Теперь, когда его хозяева ушли из жизни, он показался Ойнисе пустым и одиноким. Она села за стол, закрыла глаза, начала читать поминальную дуа — молитву, которой научил дед: «О Аллах, прошу Твоей милости, прими мою умершую любимую бабушку. Окажи ей все виды милости, прости грехи и плохие поступки, очисти душу, как одежду. Даруй её душе новый дом, введи в рай и не допусти огненных мук».

Потом легла на кровать и уснула…

…Чтобы попасть на автобус, который отправляется в город, нужно встать очень рано. Ведь от их маленького кишлака Кызыл-таш, что примостился в долине рядом с Красной горой, старенький оранжевый автобус отходит один раз в день — утром. Водитель Валера курит папиросу, терпеливо дожидаясь, пока пассажиры займут места, расставят в проходе вёдра с абрикосом, большие тазы с чёрным, отливающим синевой крупным виноградом. Наконец идёт к кабине, заводит мотор, несколько раз нажимает на сигнал.

«Бу-у-у. Бу-у-у», — низко ревёт автобус, совсем как самый большой кишлачный бык Палван, и, провожаемый лаем собак, медленно ползёт по пыльной дороге. Потом, за рощей старых чинар, дорога повернёт направо, не скоро ещё впадёт в широкое шоссе, и только в конце его и будет город, куда поехал дедушка.

Ойниса помахала автобусу рукой, пошла домой. Интересно, какой подарок привезёт ей дед? Вообще-то она хочет куклу, как у Наргизы. Большую, немецкую, умеющую ходить. Но дедушка вздохнул, погладил её по голове широкой ладонью с твёрдыми буграми мозолей, и Ойниса сразу поняла: такая кукла, наверное, стоит очень дорого. Тогда не нужно — кукол у неё и так много! Целых три. Айгуль, Лола с яркими, как весенние тюльпаны, щеками и самая любимая — Ануш. Ойниса вспомнила, как на новогодний праздник получила от бабушки и дедушки коробку с надписью «Кукла Ануш». Ойниса быстро подняла крышку и увидела красивую куклу в белом платье с синим треугольником на груди, с убранными под расшитую бисером шапочку длинными косами.

Кукла Ануш удивлённо смотрела на Ойнису круглыми чёрными глазами, будто хотела спросить, куда попала.
— Она, душа моя, издалека, — сказал дедушка. — Посмотри, что на коробке написано, — и прочитал: — Республика Армения, Ереванская игрушечная фабрика.
— А кто в Армении живёт? — поинтересовалась Ойниса.
— Такие же люди, как и мы. Это очень древняя страна, где много гор.
— И Красная гора там есть?
— Не знаю, сердце моё. У каждого народа свои легенды.

Ойниса немного помолчала, потом спросила опять:
— Дедушка, а почему вы меня назвали Ойнисой? Во всём кишлаке ни у кого нет такого имени.

Дед улыбнулся.
— Хорошо, хорошо, душа моя, расскажу. Когда тебя привёз из роддома, наступила чилля — середина июля, в это время от страшной жары и дышится с трудом. Ты всё время плакала, и бабушка обтирала тебя прохладной водой. Ночью, когда жара немного спала, мы вышли во двор, а большая Луна стояла высоко в небе и внимательно тебя рассматривала. И ты вдруг прекратила плакать, открыла крошечные глазёнки, тоже посмотрела на Луну и вдруг улыбнулась. Вот и решили назвать тебя Ойниса, что значит Лунная госпожа… В народе говорят, Луна очень сильная планета, значит, будет тебе помогать…

Ночью Ойниса тихо шептала новой кукле про маленький кишлак Кызыл-таш, Красную гору, про дедушку, который умеет расписывать посуду.

Ануш лежала рядом, внимательно слушала. Может, когда-нибудь она тоже расскажет Ойнисе о древней стране Армении, где, как говорил дедушка, много гор…

— Вот, старый теперь, конечно, всё перепутает! — бабушка всплеснула руками, заметив на столе листок бумажки.

На этом листочке она вчера вечером, надев очки, записала, что нужно привезти из города. Писала она долго, шевеля губами и медленно выводя каждую букву: три метра ситца, батарейки для транзистора, новые калоши, сахар-нават, колготки Ойнисе, электрические лампочки, дедушке кисти для работы.
— Обязательно что-нибудь забудет, — вздохнув, повторила бабушка и, аккуратно сложив, спрятала листочек в карман. Добавила: — Самсу сделаем?

Помогать бабушке готовить Ойниса очень любит. И шурпу, и лагман, и манты. А вот плов всегда готовил дедушка.
— Не женское это дело. Плов мужские руки любит, — говорил он.
— Тоже повар нашёлся, — ворчала бабушка, но уступала.

Плов действительно всегда выходил очень вкусным. Дед накладывал его в свой самый красивый,

расписанный красной краской большой ляган, нарезал мясо, ставил на стол. Ойниса сразу же набивала рот ароматным вкуснющим рисом, потом начинала есть бабушка, а дед смотрел на них и, поглаживая седую бороду, гордо улыбался…

Интересно всё-таки приготовляется самса! Из стольких различных продуктов, которые отдельно и есть неохота. Ну как, например, можно любить сырой лук? Другое дело, если бабушка нарежет его аккуратными кольцами, перемешает с мясом, нарубленным острым дедушкиным ножом-пичаком, добавит кубики курдючного сала, посыплет солью, перцем — готова начинка, раскатает тесто. И вот они уже стоят рядом — бабушка и Ойниса, лепят самсу, а бабушка, любимая бабушка учит:
— Никогда не надо молоть на мясорубке — привкус железа останется. Мясо нужно рубить мелко-мелко, как воробьиные язычки. Нож держи свободно, рука не будет уставать.

Всё бабушка знает! Всё-всё!

Но вот самса готова, ровными рядками уложена на большой поднос, сверху, чтобы не садились мухи, накрыта чистой бабушкиной косынкой. Теперь нужно дождаться деда, разжечь печку-тандыр, прилеплять к его раскалённым стенкам самсу. А потом… Потом, обжигаясь горячей начинкой, Ойниса начнёт есть самсу…

Бабушка устало присела на айван, утирая пот со лба.
— Расскажите сказку, — просит Ойниса.

Бабушка согласно кивает головой, хитро прищуривается и начинает:
— Жил когда-то бедный человек, и было у него три сына. Часто говорил он им: «Дети мои! Нет у нас ни овечьих отар, ни золота, ни земли. Ищите другие богатства: старайтесь больше узнать, больше понять. Ничего не оставляйте без внимания. Пусть вместо сотен овец будет у вас смекалка, вместо мешков золота — светлый ум. С таким богатством нигде не пропадёте». Прошло время, старик умер. Решили братья постранствовать по свету. Собрались и пошли. Через степи, пустыни, горы. Наконец вдалеке увидели большой город. Обрадовались, зашагали быстрее. И вдруг… Оббо! Посмотри! — удивилась бабушка.

Открыв калитку, во двор вошёл дед. В руках он осторожно держал крошечного щенка. Щенок высовывал длинный розовый язычок и облизывал дедушкин палец.
— Вот тебе, сердце моё, подарок, — сказал дед. — У почтальона Хасана выпросил. Хорошая, когда вырастет, будет собака. Посмотри, посмотри, душа моя, какие лапы, лобастая голова… А в город так я и не попал, — объяснил он бабушке. — Чёртов автобус по дороге сломался. Пришлось возвращаться пешком. Э-хе-хе… Давай, что ли, тандыр разожгу…

Начало темнеть. От дома и старой урючины, росшей в углу двора, потянулись длинные сиреневые тени. Вдали, над двуглавой Красной горой, собирались тучи. Дедушка пошёл к себе в мастерскую, и сквозь дверные щели Ойниса видела, как горит яркая лампочка у горловины обжиговой печи. Ойниса лежала на айване, укрытая старым дедушкиным чапаном. Ей было тепло. Тепло было и кукле Ануш, и лобастому щенку, уткнувшемуся влажным прохладным носом прямо Ойнисе под мышку. Щенок тоненько посапывал, и, прежде чем заснуть, Ойниса подумала: не забыть бы завтра дослушать бабушкину сказку до конца…

…Ойниса осталась в кишлаке на неделю, как велит обычай, провела два раза поминки — на третий и седьмой дни. Пришло много народа — бабушку в кишлаке уважали. Ойниса накрыла столы во дворе, приготовила плов, испекла в тандыре лепёшки и самсу. Перед трапезой прочитали молитвы, и Ойнисе показалось: любимая бабушка, с разрешения Аллаха, тоже присутствовала на своих поминках, сидела во главе стола, рядом со старой урючиной. Бабушка была одета в свой самый нарядный халат и повязанный на голове пёстрый шёлковый платок, привезённый дедом из города в подарок. Она сидела, скрестив руки на груди, внимательно слушала, как каждый из гостей, вспоминая какой-либо случай, уважительно хвалил её, и довольно улыбалась…

Ойниса долго собирала чемодан, бережно положила в него то, что напоминало о прошлой жизни: фотографии, неизвестно как попавший в кишлак большой китайский веер, которым бабушка очень гордилась, другие вещи, хранящие теплоту её рук. Потом подошла к клетке, висевшей под потолком…

…Клетку эту — «ток-ковок» — из тыквенного высушенного дна и плетёной сетки с остроконечным верхом сделал дедушка. Он долго возился с ней, прилаживал внутри сухие тонкие шершавые веточки, затем обтянул круглый тыквенный низ куском красно-жёлто-зелёного хан-атласа, принёс со двора лестницу, осторожно поднялся по ступенькам и вбил в потолок металлический крюк. Затем за дужку, пропущенную через верх клетки, подвесил под потолок, спустился и произнёс:
— Теперь ждите дорогого гостя.
— Какого гостя? — поинтересовалась Ойниса.
— Того, который приносит в дом радость, мир и спокойствие.
— Ладно, ладно, не мучай ребёнка, — улыбнувшись, сказала бабушка.
— Теперь у нас будет жить бедана-перепёлка.
— А когда она придёт?
— Наверное, завтра, — ответил дед. — Но придёт только с одним условием: если будешь за ней

хорошо ухаживать. Часто менять воду, насыпать просо и семечки, мелко нарезанную зелень, давать раз в неделю варёный желток… Договорились?

Бедану дед принёс следующим вечером. Он развязал холщовый мешочек, осторожно сунул в него руку, вытащил перепёлку. Чтобы успокоить птицу, легонько погладил по голове, протянул семечки. Бедана жадно клевала их прямо с дедушкиной ладони, потом, откинула голову назад, произнесла «вак-ва-вак», словно предупреждая, что сейчас начнёт концерт. Громкие перепелиные трели, похожие на слова «бит-бил-дик», наполняли комнату, радовали душу и сердце. Дед открыл дверку клетки, пустил бедану внутрь. На минуту птица замолкла, осмотрелась и вновь начала петь.

— Да,— сказала бабушка.— Действительно верна пословица: дом у перепёлки там, где она распевает свои «бит-бил-дик»…

…Ойниса закрыла дверь на ключ, в одну руку взяла чемодан, в другую — клетку с беданой, перешла улицу, постучала к соседям и протянула Мастуре связку ключей.

— Спасибо, дорогая,— обрадованно произнесла Мастура.— Вот здесь, в конверте, половина денег за дом. Остальные — сын привезёт в город через неделю и договорится с нотариусом. Нужно, чтобы ты подписала бумаги. Не волнуйся, ведь мы столько лет были соседями.

Ойниса напоследок оглянулась. Из-за забора виднелась цветущая старая урючина. Ветер срывал с неё бело-розовые нежные лепестки, и они, кружась, падали вниз, на землю…

В ресторане, где Ойниса работала помощником повара, её любили за трудолюбие, аккуратность, а главное, за кулинарную фантазию. Постепенно стали доверять готовить самостоятельно, и даже традиционные, всем известные блюда, выходящие из-под её рук, может, из-за каких-то необычных добавок, приправ или от чего-то другого, становились необычайно вкусными. В толстой тетради, где хранились секреты старых устозов-поваров, было множество рецептов, часто она готовила, казалось, давно забытые блюда. И горожане специально посещали ресторан, чтобы отведать их неожиданный вкус. Её стали приглашать готовить на свадьбы, дни рождения, семейные торжества.

Ойниса копила деньги, мечтала когда-нибудь открыть собственный ресторан. Работа отнимала у неё почти всё время, и, усталая, поздно вечером добравшись до старой хрущёвской пятиэтажки, где снимала комнату, чистила клетку, в которой жила бабушкина бедана, насыпала птичке корм, умывалась, ложилась в постель.

Перепёлка, обрадованная её возвращением, весело вскакивала на деревянную жёрдочку, закидывала вверх голову, начинала выводить свои трели. Под эту прекрасную музыку глаза Ойнисы закрывались, и она, будто в ласковую тёплую воду, ныряла в сон…

…Пришла весна, и над двуглавой Красной горой почти каждый день собирались тучи. Ветер гнал их вниз, в долину. Посверкивая молниями, они лениво проплывали над кишлаком, отдавая быстрые короткие дожди окружавшим его садам, виноградникам, столетним чинарам. Потом небо снова становилось чистым, и жаркое уже солнце мгновенно высушивало лужи.

Ойниса выносила из дома воздушного змея-варака и по шаткой лестнице лезла на крышу.

— Подожди, сердце моё,— просил дедушка.

Накинув на плечи тёплый чапан, он, держась за потемневшие от времени перила, осторожно одолевал ступеньки.

— Скорее, дедушка,— торопила Ойниса.

Наконец седая голова деда появлялась над краем крыши, Ойниса протягивала руку, и через минуту они уже стояли рядом.

Ойниса наматывала на палец конец длинной-предлинной нитки, запускала варака.

Варак секунду медлил, размышлял, лететь ли, потом плавно взмывал вверх. Его длинный хвост из вдетых друг в друга разноцветных бумажных колец извивался, как тело настоящей змеи.

— Дай мне,— просил дедушка и начинал вести варака сам.

Размотав нитку до конца, варак дёргался, пытаясь освободиться. Но нитка была крепкой, и дедушка смеялся.

Ойниса посмотрела на деда.

И совсем он не старый! Будто и не исполнилось зимой семьдесят четыре года. Даже морщинки, густой сеткой окружающие глаза, как-то разгладились.

— Дедушка, беркут!

Над Красной горой неподвижно стояла чёрная точка. Дедушка прищурился, приложил ладонь к глазам.

— Знаешь, где его гнездо?— спросил он.— На старой орешине, возле ущелья.

— А хорошо поймать маленького беркутёнка,— размечталась Ойниса.— Он бы у нас жил.

— Оббо! Глупая ещё. Разве можно ребёнка с отцом и матерью разлучать? Беркут не кошка, не собака, что ему у нас делать?

Действительно, нечего. Ойниса немного помолчала, оглянулась по сторонам.

— Дедушка, посмотрите, как красиво. И небо. И Красная гора!

Дедушка улыбнулся.

— Поэтому и красиво, что всё это наше… Народ говорит: на родине и вода лучше жажду утоляет.

— Наверное, и другие места красивые есть?

— Есть, конечно, есть. Мир вон как велик.

— А почему тогда беркут от нас не улетает?
— Как же он улетит? Если улетит, то кусочек нашей души умрёт. А что наша душа, сердце моё? Красная гора, кишлак, чинары, вот этот варак. Как без души жить? Не дай Аллах…
— Вай дод! Совсем от старости из ума выжил! Посмотри, что задумал — с ребёнком на крышу лезть!

Бабушка стояла во дворе и ругалась.

— Что ты ворчишь, женщина?.. — пробормотал в бороду дедушка и начал сматывать нитку.

Варак дёрнулся, нырнул вниз, начал снижаться…

Да, вкусную шурпу приготовила бабушка — так и просится в рот. За минуту большая чашка-каса Ойнисы опустела, и бабушка наполнила её опять. Но вот дедушка провёл ладонями по лицу, пошёл в угол двора — в мастерскую. Там стоят гончарный круг и обжиговая печь.

— Можно, посмотрю, как вы работаете? — попросила Ойниса.
— Можно, отчего же нельзя, — разрешил дедушка.

Он зачерпнул из большого корыта ещё с вечера замешанную на камышовом пуху глину, размял пальцами, попробовал на вкус.

— Э-хе-хе, — вздохнул он. — Ещё не отстоялась, — и добавил: — Сердце моё, что дома сидеть? Сходи к подружкам, поиграй, а я полежу немного, что-то поясницу ломит…

Когда идёшь по узким улицам кишлака, нужно быть внимательной. Если навстречу попадётся кто-нибудь из взрослых, обязательно не забыть сказать: «Ассалом алейкум» — «Мир вам». Тогда и тебе ответят: «Ваалейкум ассалом» — «И вам мир».

— Э-эй, Ойниса! — из-за полуоткрытых ворот высунулась голова Наргизы. — Куда идёшь?

Ойниса пожала плечами.

— А у меня есть новая кукла! — похвасталась Наргиза. — Немецкая. И ходить умеет. Папа сегодня из города привёз.
— Покажи! — попросила Ойниса.

Везёт же Наргизе! У неё и так самые лучшие игрушки во всём кишлаке.

— Сейчас принесу, — согласилась Наргиза и убежала в дом.

Ойниса подошла к воротам, заглянула в них.

Со двора доносился запах томящегося на медленном огне плова. На расстеленных на айване курпачах сидел отец Наргизы Хабибулла с друзьями.

Хабибулла работал заведующим складом, и люди говорили о нём разное.

— Ассалом алейкум, — поздоровалась Ойниса.
— А-а, девочка, — произнёс Хабибулла.

От выпитого вина лицо его покраснело, и он расстегнул пуговицы на рубашке.

— Ну как твой дед, горшки до сих пор лепит? — усмехнулся Хабибулла. — Вот старый бездельник, — повернулся он к друзьям. — У самого в доме пусто, а смеет языком молоть. Дескать, у Хабибуллы денег много, а души нет. Это обо мне, деловом человеке!
— Не обращайте внимания, Хабибулла-ака, завистники всегда найдутся, — произнёс один из друзей.
— Я и стараюсь не обращать. И дом полная чаша, и машина, и японский телевизор… Да, а что в городе достал! Эй, Наргиза, принеси-ка сюда новую вещь! Обидно, что в кишлаке до сих пор не все уважают, — закончил он…

Беркут — крошечная тёмная точка в бездонном небе — вдруг стронулся с места и, снижаясь, кругами полетел к кишлаку. С каждым мгновением он приближался всё ближе, уже можно было хорошо разглядеть могучие широкие крылья, маленькую гордую голову с острым крючковатым клювом.

— Смотри, как разлетался, — недобро улыбаясь, сказал Хабибулла. — Наргиза, долго тебя ждать?
— Иду, иду, дада, — отозвалась Наргиза, сойдя скрыльца. — Возьмите, — она подала патронташ и новенькое сверкающее ружьё.
— Сегодня в городе приобрёл, — похвастался Хабибулла, любовно поглаживая разукрашенную красивой насечкой двустволку. — Правда, больших денег стоит, но разве жалко? Иногда хочется и себя побаловать.
— Прекрасное ружьё, — в один голос подтвердили друзья. — С удачной покупкой вас, ака.
— Э-э, вы не видели, как оно бьёт!

Хабибулла вытащил из патронташа два патрона, зарядил двустволку, поднял голову.

Беркут летел совсем низко, и по земле за ним тянулась неуклюжая большая тень.

Хабибулла быстро поднял ружьё.

— Не стреля… — крикнула Ойниса.

Раздался грохот, из стволов вылетели яркие снопики огня, и остро запахло порохом.

Беркут, будто с размаху налетев на невидимую преграду, остановился и тяжело рухнул вниз.

— Зачем ты его убил?! — закричала Ойниса. — Зачем? Ты не его убил! Ты дедушку моего убил! Ты меня убил!!!

Слезы катились по её лицу, она вдруг бросилась к Хабибулле и обеими руками изо всех сил вцепилась в ружьё.

— Э-э, кто-нибудь! — испуганно заорал Хабибулла. — Какой дэйв в неё вселился? Уберите от меня эту девчонку!..

Мёртвый беркут лежал на земле, и его глаза уже были подёрнуты тонкой серой плёнкой.

Вокруг стояли люди, Ойниса, отодвинув их, прошла вперёд. Она подняла беркута, осторожно прижала к груди и пошла домой. Сначала соседские

мальчишки увязались за ней, но она обернулась, и они отстали.

Потом она закрыла за собой ворота, направилась в пустую дедушкину мастерскую. Там она будет сидеть дотемна, а потом похоронит беркута…

…Как-то утром на кухню зашёл хозяин ресторана, Акрам-ака, тучный мужчина с выпирающим из-под дорогого костюма большим животом. Всегда улыбаясь, он часто хвалил Ойнису, говорил, что счастлив иметь такого повара, но на просьбы повысить зарплату сразу мрачнел, сообщал: подумывает вообще закрыть ресторан, так как тот приносит одни убытки. Ойниса не верила его словам, видела: зал почти всегда полон, да и сам Акрам-ака недавно купил новенькую японскую «Хонду».

— Ойниса-ханум,— льстиво начал хозяин.— Завтра нам оказывает огромную честь сам Сухроб Юлдашев — ты, конечно, знаешь, кто это?

Сухроб Юлдашев, один из самых богатых людей Узбекистана, обычно жил в Москве, в особняке на Рублёвке, и иногда наезжал в родную республику. В газетах и журналах Ойниса часто видела льстивые статьи о его доме, личном самолёте, яхте, путешествиях по миру.

— Так вот,— продолжил Акрам-ака,— мне позвонил его помощник. Уважаемый Сухроб-ака выразил желание пообедать в нашем ресторане и попросил приготовить что-нибудь необычное. Только не подведи. Подумай, что будешь готовить. Я лично отвезу тебя на базар, выберешь самые дорогие и свежие продукты…

Пока Акрам-ака на своём новеньком автомобиле вёз её на Алайский базар, самый большой в городе, Ойниса никак не могла решить, что приготовить к визиту столь важной особы. Ей не хотелось предлагать гостю какое-нибудь традиционное блюдо, то, которое обычно подают в любом ресторане. Нужно было удивить чем-то редким, необычным, тем, что даже богатые люди не всегда и не везде могут отведать.

Акрам-ака остался в машине — было лень в жару ходить по огромному базару, вытащил из бумажника деньги, протянул Ойнисе и сказал:

— Не торгуйся, покупай всё, что хочешь.

Ойниса не спеша пошла вдоль рядов, на которых грудами возлежали ослепительно-красные большие помидоры, пупырчатые зелёные огурцы, сиреневые баклажаны различных размеров, морковь, без которой не обходится почти ни одно узбекское блюдо, белый и жёлтый лук, спелые яблоки, сладчайшие персики с каплями воды на крутых боках, чёрный виноград сорта «кишмиш», изящные гроздья «дамских пальчиков» и многое-многое другое, что рождает напоённая ослепительным солнцем узбекская земля.

Дальше, прямо на земле, возвышались пирамиды полосатых арбузов, за ними — развалы похожих на торпеды тяжёлых спелых золотистых дынь, привезённых из Мирзачуля. Ойниса уже хотела повернуть обратно, но вдруг заметила небольшую горку оранжевых, розовых, зелёных тыкв, аккуратно разложенных на мешковине. Ойниса подошла поближе, взяла в руки одну из них, и ей вдруг показалось: именно эта оранжево-розовая тыква идеально подойдёт для задуманного блюда…

…Ойниса кочергой перемешала раскалённые угли в круглой, похожей на большое яйцо печке, они пахну́ли в лицо сухим жаром, поставила на решётку красную керамическую сковородку с рубчиками на дне. Она любила готовить именно в такой печке, также сделанной из керамики. Внутри неё равномерно распределялось тепло, оставляя продукты живыми, не пересушивая, сохраняя лучшие качества. Ойниса положила на сковородку несколько ложек топлёного сливочного масла, аккуратно кольцами нарезанный лук, закрыла крышку печки — пусть лук пока жарится, а сама занялась мясом. Это была свежая парная баранина, купленная вчера. Ойниса нарезала мясо небольшими кусочками, посолила, поперчила, присыпала зирой, нанизала на тонкие деревянные палочки-шпажки. Между кусочками оставила небольшие промежутки — тогда мясо обжарится равномерно со всех сторон. Затем подняла крышку плиты. На раскалённом масле лук потрескивал, как сверчки в густой траве. Рядом со сковородкой, на решётку, Ойниса аккуратно положила палочки с нанизанными кусочками мяса, вновь закрыла крышку.

Теперь подошло время тыквы. Острым ножом по кругу разрезала её так, чтобы получилось подобие кастрюли с крышкой, аккуратно большой ложкой выгребла внутренность тыквы, уменьшила толщину стенок.

На ресторанной кухне пронзительно запахло медленно жарившимся мясом. Ойниса перевернула мясо на другой бок, чтобы равномерно обжарилось со всех сторон, присыпала шкворчащий на сковородке лук куркумой. Потом добавила светлый и тёмный кишмиш, кисленькую сливу аль-бухари, немного шафрана.

«Мясо — сладкое, кишмиш — сладкий, рис — сладкий, да и лук — сладкий, значит, плов тоже будет сладким»,— подумала Ойниса и улыбнулась. Она вспомнила, как в детстве, ставя ляган с пловом на стол, дедушка всегда говорил: «Ош ширин булды!» — «Сладким получился!»

Ойниса достала сковородку из печки, добавила кусочки мяса, по одному снимая с деревянных палочек, опять накрыла крышкой. И хотя мясо

было не совсем готово — ничего, настоится, впитает в себя аромат приправ, станет душистым и мягким.

Теперь необходимо в печку положить две половинки тыквы. Пусть согреются, подсохнут, подрумянятся. А пока Ойниса займётся рисом. Для этого блюда она выбрала серебристый индийский рис-басмати с пряным ароматом и вкусом, напоминающим лесной орех. Его тонкие изогнутые зёрна были похожи на крошечные турецкие кинжалы. Рис-басмати Ойниса замочила ещё вчера, потом отварила в равном количестве воды и молока. Она попробовала рис на вкус. Вкуса молока не чувствовалось, зато трещинки на рисовых зёрнышках исчезли, рис стал твёрже и не должен, развариваясь, превращаться в кашу.

Таймер на печке зазвенел — значит, прошло десять минут и надо вытаскивать тыкву. Ойниса кисточкой промазала донышки и стенки тыквы сливочным топлёным маслом, посолила и шумовкой начала укладывать первый слой риса. На него другим слоем положила кусочки мяса с приправами. И, как в слоёном торте «Наполеон», выкладывала слои риса и мяса, пока они не заполнили тыкву целиком.

Наконец-то выложен последний, самый верхний слой. Ойниса аккуратно расправила шумовкой рисовые зёрна так, чтобы между ними свободно проходил пар, ведь рисинки должны дышать, быть живыми и счастливыми. Потом соединила половинки тыквы.

Ойниса прекрасно знала главный секрет этого блюда — никогда не доваривать рис до полной готовности. Ведь в жаркой печке, куда она сейчас отправит тыкву, тыква обязательно выпустит сладкий сок, и рис в тепле и духмяном аромате мяса и специй дойдёт, дозреет, впитает в себя райские ароматы. Она поставила тыкву на решётку, закрыла похожую на яйцо печку крышкой. Теперь нужно ждать часа полтора, пока тыква равномерно прогреется на жарком пару.

Ойниса потыкала зубочисткой в румяную корочку. Зубочистка вошла легко, без усилий, и Ойниса бережно вытащила тыкву из печки, осторожно сняла с неё верхнюю половинку. Затем понюхала рис. Рис продышался, благоухал запахами шафрана и куркумы. Сверху Ойниса добавила несколько ложек твёрдого топлёного сливочного масла, которое растает, пропитает рисовые пласты до самого дна, немного мёда и после этого налила настой шафрана, от которого рис станет оранжевым. Теперь нужно вновь аккуратно соединить половинки тыквы, поставить в печку, и через десять минут блюдо будет готово…

— Ну наконец-то, — обрадовался Акрам-ака. — Давай-ка сам отнесу. А ты пока посиди здесь, если понадобишься — позову.

Он взял большой расписной ляган, на котором Ойниса красиво выложила тыкву, торжественно понёс в ресторанный зал…

На кухне было жарко. Ойниса включила вентилятор и, маленькими глотками отхлёбывая из пиалы холодный зелёный чай, подумала, как несправедливо устроен мир! Ресторан, где она работает, принадлежит Акраму-ака, который ничегошеньки не понимает в кулинарном деле. Вот если бы у неё был хоть самый крошечный ресторан, ладно, даже не ресторан, а простая кафешка, весь город, конечно же, стоял бы в очередях, чтобы попробовать её блюда. В этом она была совершенно уверена.
— Ойниса! — раздался голос Акрама-ака. — Выйди-ка в зал!

Сухроб Юлдашев сидел за столиком у окна. Ойниса подошла к нему, растерянно остановилась

Прищурившись, Юлдашев внимательно посмотрел на Ойнису,спросил:
— Сколько тебе лет?
— Двадцать два.
— Ну что ж, — улыбнулся Юлдашев, — прекрасный возраст. Мне тоже когда-то было столько же… — он помолчал, потом добавил: — Слышал о тебе от многих достойных людей и специально заехал, чтобы посмотреть твоё искусство. Спасибо, давно не получал такого удовольствия… Так вот. Моя команда сейчас работает над одним проектом. Я много раз был в Нью-Йорке и обратил внимание на одну интересную вещь. Большинство его жителей обычно питается в трёх местах: пиццериях, китайских харчевнях и «Макдоналдсах». И подумал: «А чем наша узбекская кухня хуже итальянского теста с сыром, неизвестно из чего приготовленной китайской бурды или котлет с хлебом от „Макдоналдс“?..» Понимаешь, о чём говорю? — спросил он у Ойнисы. — Садись, садись, не стой, как бедная родственница.

Ойниса придвинула стул, села напротив Юлдашева.
— Конечно, говорят, привычка — великое дело, но уверен: этот проект может быть реализован. Я бы хотел, чтобы ты приняла в нём участие. Начнём с малого. Мои ребята в Нью-Йорке подобрали помещение в Манхэттене — районе, где много банков, юридических фирм, магазинов. Там и откроем ресторан, пусть американцы привыкают к нашей пище. Вот ты его и возглавишь. Я даже название придумал: «Star of the East» — «Звезда Востока»! Нравится?
— Очень, — согласилась Ойниса.
— И если, с разрешения Аллаха, дела пойдут хорошо, откроем ещё несколько ресторанов в других районах города… Документы на рабочую визу тебе оформим, так что готовься, начинай учить английский язык. И самое главное — подумай над

меню, оборудованием кухни, другими вопросами. Возьми телефон моего помощника, обращайся к нему по всем вопросам…

Не веря своей удаче, Ойниса долго бродила по городу, в кафе-мороженом заказала сразу две порции — шоколадное и пломбир, зашла в книжный магазин, купила учебник по английскому языку.

Вечером неожиданно закапал скупой дождик, роняя вниз медленные прохладные капли, на небе появилась яркая луна. Ойниса подняла голову, произнесла:

— Уважаемая госпожа Луна, ты смотрела на меня, когда я только-только появилась на свет, прикасалась серебряными лучами к моему лицу. Меня назвали в твою честь Ойнисой. Дедушка говорил: ты, госпожа Луна, — очень сильная планета и будешь мне помогать. Пожалуйста, не бросай меня. Мне так нужна твоя помощь!

Дома она натёрла перепёлке половинку яблока, насыпала в кормушку семечек. Бедана покивала головой, радостно вскочила на жёрдочку и благодарно пропела: «Бит-бил-дик».

Ойниса накинула на клетку платок, села за стол, открыла учебник английского и начала читать…

Рабочую визу и разрешение на въезд в страну Ойниса получила через три месяца. За это время она добилась многого. Английский давался ей легко, и инязовский преподаватель Сергей Захарович, с которым частным образом занималась три раза в неделю, очень её хвалил. Сергей Захарович сам, по программе обмена студентами, целый год учился в американском колледже и подробно рассказывал Ойнисе об американцах, их жизни, правилах, которые необходимо соблюдать в этой стране.

Затем Ойниса старательно составила несколько различных ресторанных меню и способов, которыми намеревалась приучить жителей Нью-Йорка к узбекской пище. Но, конечно, для этого ей были просто необходимы вещи, без которых не может работать ни один повар.

Например, большой тандыр, в котором выпекают душистые лепёшки и круглую или треугольную самсу с крошечным комочком курдючного сала под ароматной корочкой. Она несколько раз посещала мастерские, где делались лучшие тандыры в городе, отобрала один, потом позвонила помощнику Юлдашева. Также попросила купить необходимую кухонную утварь: чугунные пловные котлы, казаны, различные сковородки — садж, мантышницы… Ей хотелось, чтобы и в далёком Нью-Йорке ресторанная кухня встречала её как хорошо знакомый дом, в котором живёшь долгие годы и знаешь: стоит только протянуть руку — сразу находишь нужную вещь…

…В Нью-Йорке для неё было всё необычно. Чтобы привыкнуть к огромному городу, несколько дней Ойниса просто бродила по улицам, смотрела на огромные небоскрёбы, идущих навстречу людей, заходила в пиццерии, «Макдоналдсы», китайские, итальянские ресторанчики, цепким профессиональным взглядом изучала, как устроены, чем привлекают посетителей.

Ей помогли с арендой квартиры-студии — комнаты с крошечной кухней в спальном районе Квинса. В комнате стояли раскладной диван, стол, два стула, телевизор, холодильник, кондиционер. Во встроенном шкафу — вешалки для одежды.

Клетка с беданой, которую Ойниса привезла из Узбекистана, стояла на подоконнике, и птица через оконное стекло рассматривала проезжающие машины, соседние здания, капли дождя, падающие вниз. Перепёлка была грустной и, как Ойниса её ни уговаривала, никак не хотела петь.

В соседнем магазинчике, где продавался различный корм для собак, кошек, птиц, рыбок, Ойниса покупала для перепёлки разные вкусности, натирала яблочное пюре, предлагала любимый яичный желток, даже приносила живых червей из отдела «Для рыболовов». Птица благодарно косилась на Ойнису тёмными блестящими глазами, аккуратно брала в клюв пищу, забиралась на деревянную жёрдочку и вновь грустно продолжала смотреть в окно.

«Наверное, никак не придёт в себя от долгого перелёта», — решила Ойниса. Она была уверена: бедана привыкнет к новому месту, наберётся сил и вновь начнёт выводить пронзительные трели…

Наконец-то прибыли тандыр и остальное ресторанное оборудование. Ойниса все дни проводила в ресторане, спорила с рабочими. Английских слов не хватало, Ойниса начинала громко ругаться по-узбекски, но рабочие, видимо, понимали и, улыбаясь, переделывали так, как надо. Установили тандыр, печки с объёмными духовками тоже встали на свои места, и кухня — главное место любого ресторана — стала похожа на ту, в которой Ойниса привыкла придумывать свои блюда.

Маленький репортаж о том, что в Манхэттене открывается первый узбекский ресторан, показало в новостях городское телевидение. Ойнисе начали звонить, узнавать о приёме на работу. Она подробно расспрашивала, есть ли опыт, что умеют готовить, некоторых просила приехать в «Звезду Востока» и наконец выбрала двух поваров и трёх официанток. Все они были из Узбекистана, знали язык, традиции и говорили по-английски…

Тандыр — сердце и душа любого дома, где в сухом огненном жаре рождается основа всего — круглые, как солнце, узбекские лепёшки. Сегодня Ойниса,

вместе с поварами, которых приняла на работу, испробует новый тандыр.

Конечно же, перед любой работой необходимо прочитать Баракат — молитву на удачу. Так всегда делал дедушка, растапливая тандыр.

Ойниса прошептала:

— Бисмиллях! — Во имя Аллаха! — потом произнесла молитву, и пора было начинать.

Она знала многие рецепты лепёшек, выпекаемых в Узбекистане: крошечных, размером с чайное блюдце, и огромных лепёшек-патыров весом в три-четыре килограмма, подающихся на свадьбу. И конечно, самых знаменитых, самаркандских, не черствеющих три долгих года. Во многих домах эти лепёшки, дожидаясь возвращения родных, уехавших в другие города и страны, вешали на стены. А когда близкие возвращались, лепёшки снимались со стен, сбрызгивались водой, прогревались в тандыре и вновь становились мягкими и душистыми.

Пока Алишер и Акмаль — её помощники — готовили тесто, Ойниса вспомнила историю о самаркандских лепёшках, которую любила рассказывать бабушка…

…Великий эмир, правитель священной Бухары, никак не мог придумать, как лишить древний Самарканд славы города, где выпекают лучшие лепёшки в мире. Он вызвал учёных мужей, главного визиря и сказал:

— Тому из вас, кто придумает, как это сделать, я подарю шёлковый халат и драгоценный опал, присланный шахом Ирана.

Долго совещались учёные мужи, и наконец главный визирь почтительно произнёс:

— О величайший из величайших земных правителей, что, если предложить мешок золота самому искусному самаркандскому лепёшечных дел мастеру, предоставить ему дом, мастерскую, помощников и учеников, чтобы передавал им свои секреты? Тогда лепёшки, изготовленные в Бухаре, станут лучшими в поднебесной. А хвастливый Самарканд, потеряв лучшего мастера, потеряет и былую славу.

Улыбнувшись, эмир согласился.

И вот однажды жители Бухары высыпали на улицы посмотреть, как в городские ворота торжественно въезжает знаменитый мастер из Самарканда, чьи лепёшки: и патыр, и оби-нон тунук, и кулча, и катлама, и чап-чак, — славились неповторимым вкусом, были известны и высоко ценились во многих странах. Он с достоинством восседал на лошади и неторопливо проследовал во дворец эмира…

Через несколько дней знаменитый мастер растопил тандыр сухой виноградной лозой, дым которой придаёт лепёшкам неповторимый аромат, по особому рецепту замесил тесто, добавил в него смесь душистых трав, дал настояться, придал тесту форму солнца, выдавил серединку и остриями чекича нанёс изящный узор. Затем, кисточкой, обмазал смесью кунжута в молоке, сбрызнул водой, прилепил к раскалённым стенкам тандыра.

Мастер был доволен. Через несколько минут он достанет лепёшки из тандыра, поднесёт одну из них великому эмиру, милостиво пожелавшему присутствовать при их изготовлении. Лепёшечник был уверен: эмир по достоинству оценит его работу. И теперь славный город Бухара прославится на весь мир вкуснейшими лепёшками.

Мастер вытащил лепёшки из тандыра. Они выглядели прекрасно — ярко-жёлтые, подобно круглому солнцу, дарящему тепло с небосвода, с ароматным запахом, сводящим с ума. Лепёшечник взял самый красивый расписной ляган, положил на него лепёшку и с глубоким поклоном протянул эмиру. Тот улыбнулся, провёл рукой с многочисленными дорогими перстнями на пальцах по бороде, отломил от лепёшки небольшой кусочек, поднёс ко рту. Но… через минуту выплюнул, резко встал, повернулся и быстрыми шагами возвратился во дворец. Его свита молча побежала за ним.

Лепёшечник растерянно оглядел лепёшки. Они выглядели точно так же, как и те, которые выходили из-под его рук в родном Самарканде. Затем надкусил одну из них. И удивился. Вкус был другим! Они не получились такими же вкусными, душистыми и мягкими…

Он пробовал снова и снова. Изменял рецепты теста, вместо виноградной лозы топил тандыр росшим в пустыне саксаулом. Но всё оставалось по-прежнему. Не получался неповторимый вкус, которым были знамениты самаркандские лепёшки.

Долго размышлял знаменитый мастер и наконец решил: дело в муке, которую рождает самаркандская земля, или в воде, набираемой из чистейших горных родников, а может быть, секрет — в изготовленном из самаркандской глины тандыре…

По строгому приказу эмира Бухары были доставлены мастеру и самаркандская мука, и вода, и сделанный из самаркандской глины тандыр. Но вновь и вновь из-под его рук получались лепёшки, которые уступали самаркандским.

«Возможно, главный секрет — в самаркандском воздухе», — подумал лепёшечник. Потом тяжело вздохнул. Ведь даже всемогущий эмир не сможет перевезти в Бухару самаркандский воздух…

И через несколько дней под покровом ночи тайно покинул город…

А в священную Бухару вновь стали завозить знаменитые лепёшки из Самарканда…

…Возле раскрытой двери Ойниса поставила большую табличку «Open house», а на стеклянной ресторанной витрине Акмаль изобразил восседающего на подушках восточного султана в халате

и большой чалме. Перед султаном возвышалась гора различных восточных яств и вилась затейливая надпись: *«Его величеству очень нравится наша кухня! Отведайте её и вы!!!»*.

Ойниса нарядила девушек-официанток в цветастые узбекские халаты, разноцветные шальвары, вышитые тюбетейки. С подносами, поднятыми над головой, на которых горкой возвышались золотистые, круглые, как солнце, лепёшки и сочная самса, девушки гордо вышагивали перед рестораном, молодыми звонкими голосами зазывая прохожих:

— Подарите себе немного восточного рая! Отведайте настоящую султанскую кухню!!!

Прохожие удивлённо останавливались, подходили к раскрытой ресторанной двери, с недоверием заглядывали внутрь… и проходили в зал, рассаживались за столиками, с любопытством разглядывали клетку с перепёлкой, наиболее смелые снимали обувь, забирались на айван…

Постепенно «Звезда Востока» стала популярной, часто Ойнисе приходилось вежливо отказывать посетителям — не хватало мест в заполненном зале. Она договорилась с несколькими магазинами в Бруклине и Квинсе, в которых продавались «русские продукты»: гречка, различные консервы, варенье, конфеты, поставляемые из России,— и небольшой грузовичок с гордой надписью *«Султанская кухня — ресторан „звезда востока“»* на боку каждое утро развозил по городу деревянные поддоны с лепёшками и самсой, аккуратно упакованными в фирменные пакеты.

Тандыр работал почти круглые сутки, и Ойниса подумала: скоро придётся заказывать ещё один. Она познакомилась с владельцами магазинов и бутиков в Сохо, некоторые из них начали заказывать в «Звезде Востока» обеды для сотрудников… Видимо, госпожа Луна по-прежнему помогала ей…

Однажды Ойнисе позвонил Сухроб Юлдашев, сказал, что доволен её работой и задуманный проект будет продолжаться…

…Болезнь накрыла город неожиданно. Ещё пару недель назад газеты мельком сообщили о неизвестном вирусе в далёком Китае, который принесли то ли летучие мыши, то ли мало кому известные панголины. Но прошло немного времени, и вирус с короной на голове появился в Нью-Йорке. Ему, видимо, очень понравился огромный город. Каждый день заболевали десятки тысяч жителей, в больницах не хватало мест, койки ставили в концертных и выставочных залах, наскоро переоборудованных под госпитали. Улицы, всегда до отказа заполненные горожанами и туристами со всех частей света, вдруг стали необычно пустыми и безлюдными. Закрылись театры, кино, ночные клубы. Затем пришла очередь кафе и ресторанов, спортивных клубов, парикмахерских, фитнес-центров, университетов, колледжей, школ, церквей. И лишь редкие прохожие в похожих на собачьи намордники масках на лице боязливо озирались по сторонам, стараясь держаться подальше друг от друга…

До лучших времён Ойниса попрощалась со своими поварами и официантками, сама же собрала вещи, переселилась в ресторан — платить за квартиру в Квинсе, где жила, не имело смысла.

Сухроб Юлдашев перестал переводить деньги, а из того, что осталось, приходилось платить за воду, газ, электричество. Несколько «русских» магазинов ещё заказывали лепёшки и самсу, но их становилось всё меньше и меньше, и Ойниса разжигала тандыр всего часа на два в день.

Время она коротала за компьютером: смотрела фильмы, искала на кулинарных сайтах необычные рецепты блюд; кормила бедану и даже выпускала её из клетки. Перепёлка радостно бегала по пустому ресторанному залу, вспархивала на айван, с удовольствием отдыхала на толстом ковре. Ойниса насыпала на ладонь немного семечек, протягивала птице. Бедана осторожно склёвывала лакомство, благодарно косилась на хозяйку.

— Так хочется послушать твоё пение,— попросила Ойниса.— Пожалуйста, дорогая перепёлка, порадуй меня. Может, твой замечательный голос услышит уважаемая госпожа Луна и вновь вспомнит обо мне.

Бедана внимательно смотрела на Ойнису, потом отворачивалась и закрывала глаза…

— Мисс Ойниса,— на пороге ресторана стоял мистер Джонсон, хозяин соседнего небольшого обувного бутика.— Можно вас? — позвал он.

— Доброе утро,— поздоровалась Ойниса.— Может, зайдёте? Угощу свежей лепёшкой, только что достала из тандыра.

— Нет, спасибо,— отказался он.— Я вот по какому делу. Говорят, завтра в Сохо пройдёт демонстрация BLM, ну, знаете, организации, которая борется с расовой дискриминацией. Их лозунг: «Black Lives Matter» — «Чёрные жизни важны». К сожалению, они очень агрессивны, поэтому мы, владельцы бизнесов, на всякий случай решили затянуть витрины фанерой. Через час приедет трак компании, которая согласилась за один день закончить работу. Мы собираем по две тысячи долларов на это дело. Присоединитесь к нам?

Ойниса задумалась.

— Но если они борются с расизмом, то, уверена, меня это не коснётся,— уверенно сказала Ойниса.— Какой из меня расист? Я не так давно приехала в Америку из Узбекистана, а среди моих предков никаких расистов никогда не было. К тому же в ресторан часто заходили афроамериканцы,

с удовольствием пробовали наши блюда. И потом, две тысячи долларов — очень большая сумма, в прошлом месяце я почти все деньги потратила на ремонт кондиционеров…

…Люди из BLM появились около шести часов вечера. Сначала несколько велосипедистов-разведчиков, оглядываясь по сторонам, проехали мимо ресторана Ойнисы до конца улицы, где небольшими группками стояли полицейские, вернулись назад, затем послышался неясный шум. Постепенно он усиливался, стал слышен топот многих сотен ног, какие-то крики, команды, усиленные мегафонами. И вот уже огромная толпа людей до отказа заполнила улицу. Размахивая плакатами, поднятыми над головами, они, чётко выделяя каждое слово, скандировали: «Black Lives Matter! Fuck the police! Stop subsidizing the police!»

Из толпы выбегали парни в чёрных комбинезонах, их лица были скрыты масками, чёрными шарфами, балаклавами с прорезями для глаз. В руках они держали биты, тяжёлые молотки, крушили стекла припаркованных на обочинах машин, витрины магазинов, аптек. Фанерные листы, которыми были затянуты витрины, не выдерживали мощных ударов, вылетали из креплений, и десятки людей, толкаясь и матерясь, устремлялись в проломы, мгновенно вытаскивая на улицу одежду, плазмы телевизоров, компьютеры, айфоны, кроссовки, женское бельё, лекарства. Всё это грузилось в медленно следующие за толпой машины. Нагруженные до отказа, они разворачивались, куда-то уезжали, а их место мгновенно занимали новые и новые внедорожники и пикапы.

В полицейских летели камни, бутылки, заполненные песком. Стараясь увернуться от града камней, те уходили на боковые улицы, где не было разъярённой толпы. Некоторые сидели в полицейских машинах, намертво застрявших в скоплении людей, через поднятые стёкла грустно смотрели, как протестующие баллончиками с чёрной и красной краской выводят на капотах, лобовых стёклах, корпусах и багажниках их машин надписи «Fuck the police!»…

Потушив в ресторане свет и закрыв на ключ двери, Ойниса, вжавшись в стену, сидела в углу зала. Через стеклянную витрину были видны бегущие люди, слышались крики. Ойниса посмотрела на бедану. Перепёлка вела себя беспокойно, ежеминутно вскакивала на жёрдочку, спрыгивала вниз, билась о сетку.

Вдруг Ойниса услышала грохот. От удара тяжёлой биты, которой размахивал парень в чёрной балаклаве, вдребезги разлетелась витрина, дождь мелких осколков просыпался на землю. Потом парень сунул руку в рюкзак, висевший на спине, вытащил какую-то бутылку и бросил в зал. Бутылка разбилась, тут же из неё потянулась узкая лента сине-оранжевого пламени. Мгновенно она перекинулась на столы, стулья, быстро пробежала по стенам, проглатывая бухарские, ручной работы, сюзане, которыми так гордилась Ойниса, протянулась на кухню, где стоял тандыр. В ресторане сразу стало нестерпимо жарко. Яркие языки пламени, словно стараясь утолить голод, лизали пол, потолок, деревянный айван, двери.

— Вай дод! Караул! — отчаянно закричала Ойниса.

Она сдёрнула с крюка клетку с беданой, крепко прижала к груди и выскочила через пустой проём, где раньше была витрина, на улицу. Уже пустая улица была наполнена дымом и гарью, где-то вдалеке толпа всё так же скандировала: «Black Lives Matter! Fuck the police!»

Ойниса поставила клетку на землю, обхватила голову руками. Рукавом вытерла солёные слезы, хлынувшие из глаз. Посмотрела на перепёлку. Бедана немного потопталась по полу клетки, потом вспорхнула на жёрдочку, закинула голову вверх и вдруг громко запела:

Вва-ввау… вва-ввау… бит-бил-дик!.. бит-бил-дик!
Вир-вир… вир-вир… пить-полать!.. пить-полать!
Ква-ва… ква-ва… пить-пить-бить!.. пить-пить-бить!
Ма-мма… ма-мма… фвать-фаль-ват!.. фвать-фаль-ват!
Хау-хау… хау-хау… путь-пуде!.. путь-пуде!
Хва-ва… хва-ва… поть-полоть!.. поть-полоть!

Перепелиная песня ударила вверх, в низкое тусклое небо, отразилась от него и водопадом звуков понеслась по улицам, полным ненависти и злобы, мимо горящих полицейских машин, разграбленных магазинов, перевёрнутых мусорных баков, неподвижных людских тел, уткнувшихся лицом в мостовые и тротуары…

В повести использован кулинарный рецепт Сталика Ханкишиева

Зорий Шохин

Боги и люди

Бог услышал шорох и вышел на террасу. Ночь пахла мокрой землёй. В тумане неба плавали блёклые звёзды.

Бог огляделся и заметил у входа в подвал какую-то фигуру. Судя по очертаниям — женскую. Фигура пошевелилась. Жалостливо заскулил младенец, и бог вздрогнул. Липкая змейка страха скользнула по позвоночнику. Этого не может быть, подумал он…

Конечно, ему было известно, что где-то там, под землёй, живут гоминиды, но никто никогда их не видел. Так, слухи…

— Чёрт, — выругался про себя бог. — Только этого не хватало!

Опасность отозвалась тянущей болью где-то в области печени. Бог подошёл поближе. Из-под мокрого серого капюшона на него глядели расширившиеся от страха огромные, чуть раскосые женские глаза. Густые распущенные волосы отливали синевой. Губы — крупные, откровенно чувственные. В отличие от богов, во многом утративших различавшие женщин и мужчин черты, в странной гостье сохранилась вызывающая сексуальность. Большая грудь, широкие бёдра и неприлично не прикрытые одеждой ноги. Существо явно было оттуда — из подземелья…

— Не прогоняй! — послышался сорванный страхом голос.

Существо говорило вслух. Так общались между собой много столетий назад гоминиды. И бог растерялся. Если кто-нибудь узнает, что он не вызвал сразу службу безопасности, ему грозят крупные неприятности.

Несколько секунд он колебался: извещать или нет? Кому ещё когда-либо удавалось встретить настоящего живого гоминида? Страх схлестнулся с любопытством, и любопытство оказалось сильней.

— Что ты тут делаешь? — послал он телепатему самке гоминида.

— Сын! — сжала она в руках свёрток из одеяла. Она почти рыдала. — Он болен! Спаси его! Вы ведь боги! Можете всё…

Околдованный древним инстинктом любопытства, сам не свой, бог оглянулся и сделал то, чего делать никак не должен. Открыл подвал и дал самке гоминида шмыгнуть туда. Потом, чувствуя, как чугунеет тело, стал напряжённо вглядываться в темноту. В домах по соседству спали. А если кто-то — нет?

Налёгши на дверь подвала, чтобы снова не скрипнула, хотя до соседей было довольно далеко, бог осторожно протелепатировал команду: свет! Включилось матовое освещение. Самка гоминида сжалась в углу, обнимая свёрток с младенцем. Бог шумно выдохнул.

— Как ты сюда попала? Ведь вход и выход из подземелья перекрыты электроникой…

Сказал и подумал: поймёт ли? Он ведь не говорил — посылал свои мысли усилием воли. Но она явно поняла. Снова послышался её срывающийся голос:

— Если бы я осталась там, он бы умер… Спаси его!..

Умер! — застучало в голове у бога. В безгласном языке богов это слово было запретным.

Р-76ХС43 был в смятении. Уже то, что он впустил её к себе в дом, было тягчайшим преступлением. Он обязан был тут же, без промедления, известить службу безопасности. Но он не сделал этого. Неожиданная встреча встряхнула в его подсознании запретный, давно запертый на замок угол.

Практически он один, хранитель засекреченного архива, имел, кроме членов Правления, доступ к истории богов. Десятки лет жадного изучения компьютизированной истории человечества и его культуры вызвали в нём болезненно острый интерес к эпохе, предшествовавшей появлению богов. Он настолько проникся таинственным прошлым, что порой позволял себе представить, будто он сам живёт много сотен лет назад. И, презрев все запреты и табу, как и те, кто тогда жил, любит, ненавидит, предаёт, страдает, жаждет, совершает подвиги и раскаивается.

Бог ощутил внезапно в себе тёмный, таинственный и никогда прежде не испытанный хлопок желания прикоснуться к женщине.

Очнувшись, он послал ей новую телепатему:

— Не бойся! Только обещай, что, когда будет можно, ты тут же уйдёшь. Я помогу тебе проскользнуть через электронику…

Он не успел договорить: в ту же секунду раздался беззвучный сигнал тревоги.

— Внимание! Внимание! Внимание! Готовность номер пять! Всем! Всем! Всем! Побег гоминидов из подземелья!..

Дальше слушать бог не стал. Страх наползал, сжимая горло и мешая дышать. В голове послышался лёгкий щелчок. С ним выходила на связь его последняя подружка. Прежде чем ответить, он просигналил самке гоминида: ни звука!

— Ну,—сказала подружка,—слышал? С ума сойти! Уже ни на кого нельзя полагаться. У них там гоминиды сбежали…

— Да,—просигналил он в ответ.—Не говори!

— Что делаешь?

— У меня есть кое-какая работа. Должен разобраться. Это срочно…

— Ладно, привет…

Только теперь бог осознал, в какую историю влип. Но выгнать самку сейчас значило бы выставить себя в качестве её сообщника. Он ведь не позвонил сразу, как её обнаружил, в службу безопасности. Если дознаются, его ждёт наказание: сотрут память. Он станет прозрачным. Его перестанут видеть и замечать. То есть—смерть при жизни. А ведь она бесконечна…

Сколько ему лет, архивист P-76XC43 не знал. Понятия Времени в мире богов не существовало. Время возникает лишь там и тогда, где всему живому приходит конец. А вечности оно незачем…

Официальная история гласила, что сотни лет назад человечество оказалось на грани катастрофы. Успехи технологий и растущий уровень жизни вызвали неконтролируемый демографический взрыв. А вместе с ним—социальное расслоение и конфликты.

Чернь устраивала уличные бунты, громила благополучные кварталы. В стёкла фешенебельных магазинов летели бутылки с зажигательной смесью. Опрокинутые и подожжённые «роллс-ройсы» и «мазерати» пылали в бензинном зареве, как свечки на праздничном пироге. А толпы юнцов в балаклавах с рёвом и гоготом гонялись за редкими прохожими.

Интеллектуальная элита и верхушка среднего класса не знали, что делать: как сохранить свои привилегии? Их роскошь, возможности и кастовые амбиции стали реальностью благодаря мощи знания. Но конкистадоры объявили высокотехническую аристократию классом паразитов, а подстрекаемый ими плебс со злой иронией прозвал элиту богами.

Попасть в число богов чужому было практически невозможно. Всё начиналось с раннего детства: с дорогостоящих детских садов и школ, частных преподавателей, спортивно-оздоровительных лагерей… Богом становился не самый способный, а самый обеспеченный.

Чтобы если не удержать власть в руках, то хотя бы ослабить гул надвигающегося насилия и анархии, правящая элита прибегла к диктатуре. Неудивительно, что в конце концов она оказалась в вызывающе роскошном, хорошо укреплённом и не доступном для масс гетто.

Разброд и шатания охватили не только развитые, «благополучные» страны, но и проснувшиеся от тысячелетнего сна истории далёкие отсталые провинции. Здесь тоже начались социальные бури. Вначале местная правящая верхушка отвлекала недовольные массы многочисленными военными междоусобицами. Но слабость уже не способных на жестокий отпор вчерашних империй привела к тому, что были поколеблены и их границы тоже. Нерешительность тяжеловесов всегда рассматривается более слабыми участниками драки как приглашение к расправе. Был разбужен джинн религиозного фанатизма. И если взять в расчёт обширные военные, в том числе ядерные, арсеналы, катастрофа в масштабе всей планеты стала почти неотвратимой.

Именно тогда группа известных генетиков и решилась на неслыханный эксперимент. Была специально разработана генная мутация, которая позволяла изменять не только биологические характеристики человека, но и его психологию. Впоследствии она получила название «генотерапии»…

Правда, излагалось всё это более чем туманно Якобы губительная пандемия унесла жизни тех, кто не мог купить изобретённую к тому времени вакцину. А спасительную «генотерапию» могли себе позволить лишь очень состоятельные люди. Зато те, кто это сделал, обрели практически вечную жизнь. Правда, сколько столетий или тысячелетий она могла продолжаться, сами боги не знали. Впрочем, как и имена своих спасителей.

За годы работы в секретных архивах P-76XC43 пришёл к убеждению, что загадочными реформаторами науки двигали не человеколюбие и не мечта о спасении цивилизации, а элементарный расчёт. За неограниченное долголетие люди были готовы платить любые деньги. Став вечным, человек невольно превращался в бога…

Выжившие в пандемии гоминиды, предпочтя сохранность прежнего образа жизни, ушли под землю. Это было, согласно официальной Истории богов, их добровольное решение. Боги же, в свою очередь, обязались снабжать их необходимой для искусственного освещения и выращивания злаков и скота энергией.

Самих гоминидов уже сотни лет никто не видел. И самка с детёнышем, оказавшаяся возле дома P-76XC43, стала первым контактом богов с жителями подземелья.

— Зачем ты пришла?—протелепатировал он женщине.

— Его никто не мог вылечить,—громко, как ему показалось, прокричала она, указав на ребёнка.

P-76XC43 вздрогнул. Он с боязливым любопытством разглядывал незваную гостью. Её

миловидное личико, изящный, не как у богов, тонкий нос, полные губы и лихорадочно светящиеся, с синеватым отливом глаза…

Самка вытащила из покрывавшей её хламиды грудь и прижала к ней ребёнка.

— Что ты делаешь? — удивлённо спросил её бог.

— Кормлю, — ошарашенно ответила та вслух. — Он голоден. Пьёт молоко…

— В тебе есть молоко? — растерялся Р-76ХС43.

— А что? — удивилась самка. — Разве у вас, богов, это не так?

— Мы не рождаемся и не умираем. Живём вечно. Продолжение рода нас не волнует.

Когда ребёнок перестал чмокать и уснул, Р-76ХС43, пытаясь преодолеть внезапно проснувшуюся в нём брезгливость, спросил:

— Ты голодна?

Самка кивнула. Не очень-то стеснительна, решил Р-76ХС43. Он пошевелил пальцами, и в стене открылось отверстие. Он вытащил оттуда галету и предложил ей.

— Здесь много калорий.

Самка поднесла галету ко рту, попробовала и энергично сплюнула.

— Какая гадость! — вырвалось у неё.

Р-76ХС43 поморщился.

— Ты не так уж голодна, — мысленно сказал он.

— Мы такое не едим…

Р-76ХС43 холодно оборвал её:

— Придётся: иной еды у нас нет…

И в тот же момент послышалось лёгкое жужжание в ухе:

— Что-то мне не спится. Приду к тебе…

Р-76ХС43 закусил губу. Этого только не хватало! Мгновенно повернувшись к самке, он протелепатировал:

— Спускайся за мной в подвал! И — ни звука! — хрипло добавил он вслух. — Если тебя услышит моя подруга, тебя аннигилируют вместе с ребёнком, а у меня сотрут память.

К-53ВН11 была старше Р-76ХС43. Возраст на богах никак не сказывался. Просто в её прошлом было на четырнадцать союзов больше. А союз между разными полами длился у богов в среднем пять лет. Впрочем, на привычный человеческий брак они нисколько не походили. В основе их был интеллект, а не физическая близость. Обычно пара ложилась каждый в своё ложе и, приложив электроды к вискам, включала оргазмотрон. Возникала светящаяся аура возбуждения. Её мощность и продолжительность устанавливал каждый по своему желанию. Если оргазм наступал у обоих богов вместе, считалось, что цель достигнута.

Продолжаться вечно такие союзы, конечно, не могли. Среди богов даже ходила шутка, что и обязательно должен наступить момент, когда каждый, перепробовав всех, должен начать по новой.

Чтобы отвлечь внимание появившейся на пороге подруги, Р-76ХС43 сразу же изобразил обиду.

— Почему ты включаешь оргазмотрон без меня?

— Не обижайся, ты ведь работал!

— Не могла подождать?

К-53ВН11 обезоруживающе улыбнулась.

— Я уже целую неделю без оргазма. Стосковалась: включила его даже на два деления на шкале ниже самой высокой мощности.

Р-76ХС43 знал: обида может размягчить сердце обидчика. И впрямь, К-53ВН11 добавила извиняющимся тоном:

— Да он и работал-то только полчаса. Потом послышались это проклятое: «Всем! Всем! Всем!» — и пришлось его выключить. А ты сам когда в последний раз оргазмировал? Небось, без меня тоже?

— Нет! — пожал он плечами. — С тобой!

Обычный для гоминидов секс считался среди богов варварством. Почему кто-то должен грубо вторгаться в твоё личное пространство? Оно священно! Деторождение, внушалось богам, несёт в себе отзвук животного мира: ты слаб и не вечен. Твои беспомощность и бессилие, страх перед смертью и исчезновением толкают тебя довольствоваться копией, а не оригиналом. Суррогатом, а не совершенством творения.

— Ты заметил что-нибудь вчера ночью? — небрежно спросила К-53ВН11. — Проспал?

— А что? — удивился Р-76ХС43.

— Мужчины! — подчёркнуто сыронизировала К-53ВН11. — Просто поразительно, насколько вы менее чувствительны. Так ничего и не почувствовал? Астероид! Он упал возле нервного узла связи. В одиннадцати километрах отсюда. Освещение отключилось, но только на секунду. Его сразу же подменило аварийное. Говорят, узел удалось восстановить только через шесть часов.

Р-76ХС43 изобразил на лице безразличие:

— Это проблема технической службы.

К-53ВН11 бросила на него изучающий взгляд:

— Что-то ты сегодня не такой!

— Какой?

— Не знаю. Не такой…

Р-76ХС43 почувствовал холодок внутри.

— Потому что у меня нет настроения включить с тобой оргазмотрон? — попытался он отвлечь внимание подруги.

— Чем ты вообще занят?

— Проект!

— Слышал? Кто-то из гоминидов попытался выбраться наверх…

Р-76ХС43 срочно чихнул: она могла заметить его реакцию.

— Нашли?

— Пока нет! — откликнулась К-53ВН11.

Когда она ушла, беспокойство Р-76ХС43 только возросло. Если уж она ощутила в нём что-то не

то, что говорить о других… Стоит лишь оказаться в чём-то заподозренным, от тебя уже не отстанут. Все взгляды, всё внимание, вся истосковавшаяся по приключениям бдительность будут сосредоточены на тебе. А отсюда уже недалеко до психоделического обследования. Тебя пичкают разной наркотической дрянью, опутывают датчиками и вторгаются в самые затаённые мысли. И—хотя такие случаи крайне редки—ампутируют память и сознание.

Ты вышвырнут из вечности. Твоё наказание—в вязкой, пугающей, вечной неизвестности…

Почему он, P-76XC43, ввязался в эту авантюру? Сейчас его гостью уже крайне трудно вернуть в подземелье. Придётся прятать, лгать и делать вид, но сколько это продлится, никто сказать бы не смог.

P-76XC43 спустился в подвал, который вёл к подземному хранилищу информации. Он увидел самку, спящую рядом с детёнышем. Мысль, что нужно было сразу известить службу безопасности, сверлила у него в мозгу. Самку, конечно, тут же аннигилировали бы вместе с ребёнком, но у него бы не было никаких неприятностей.

Непрошеная гостья открыла глаза. Её неспокойный, подозрительный взгляд будоражил и напрягал.

— Как тебе удалось выскользнуть из подземелья?—протелепатировал он осторожно.

Самка ответила громко, голосом, и он невольно вздрогнул:

— У нас вдруг погас свет. Потом, правда, включился снова, но стал куда слабее…

P-76XC43 вспомнил об астероиде, который повредил нервный узел связи. Логично, подумал он, но мало что объясняет.

— Ну погас, потом ведь включился, и что?

Его вдруг потянуло прикоснуться к ней. Ощутить её всю. Почувствовать её тепло и запах, от которого у него слегка закружилась голова. Ему даже пришлось сделать усилие, чтобы побороть себя. Словно избавляясь от галлюцинации, он резко встряхнул головой. Никогда раньше он такого не чувствовал.

Незваная гостья явно удивилась:

— Как—что? Если приблизиться к решётке, на выходе начинает реветь сирена, а воздух бьёт током. Чуть ближе—и тебя заколотит, как эпилептика. Не отбежишь назад—смерть. А сирена молчала больше часа.

— Эпилептика?—переспросил P-76XC43 ошарашено.—А ты знаешь, что такое эпилепсия?—про электричество он почему-то не стал спрашивать.

Попытка избавиться от наваждения ему не удалась. Возбуждение не проходило. Безотчётный позыв буквально ошеломил его.

Гостья не ответила, только пожала плечами. Он одёрнул себя. Он бог, она самка гоминида.

— Никакой решётки нигде и в помине нет!—сказал он мысленно, чувствуя, как наливается тяжестью всё его тело.

— А я думала, вы, боги, и вправду всё знаете. Её просто не видно, но она есть…

— Дура!—огрызнулся он про себя, вспомнив это давно забытое слово, и скривился от стыда. С кем он препирается?—Ладно!—послал он новую телепатему.—Пойдём в кабинет.

Кабинет был огромной пустой комнатой без окон. Одно движение его пальца, и темноту мягко сменил нежно голубоватый свет. Ещё одно—и от стены отделились два кресла и стол.

— А где всё это хранится?—ошарашенно спросила гостья.

— Как где? В пространстве. Виртуальном,—добавил он.—Ну, если тебе что-то сейчас не нужно, зачем оно тебе здесь?

И тут же пожалел о своей оплошности. Откуда она может знать, что такое виртуальное пространство?

— Как бы тебе объяснить?.. Это…

— Ты о воображении, что ли? Как в арифметике: один пишем, два в уме?

Бог почувствовал досаду. Заплакал проснувшийся младенец. И в тот же момент он принял телепатическое сообщение:

— P-76XC43, P-76XC43, Правление предлагает вам немедленно выдать самку гоминида с ребёнком…

В первую секунду он не ощутил ничего, кроме растерянности. Потом—ужас и панику. Ему сотрут память! Он превратится в изгоя! В отщепенца вечности…

На мгновение в нём затрепетала надежда: а что, если её всё же сдать? Может, удастся переубедить Правление и простить его? Кто она ему? Какое ему до неё дело?

— Я её не сдам.

— Вам стоит подумать. Самка гоминида умрёт: она ничто для Вечности. А вы окажетесь в клетке абсолютного одиночества. Выхода из неё нет.

P-76XC43 сглотнул тяжёлый ком слюны. Выбор сделан. Не им—богами…

— Сколько у меня времени?

— Неделя!.. Хорошо—две…

Он понял: ему решили дать свариться в самом мучительном отсеке ада—в жалости к самому себе и своей несчастной судьбе. В унизительной надежде на прощение…

— Что-то случилось?—услышал он голос туземки.

— Ничего!—постарался он успокоить её.

Ей не понять. Слова—лишь символы: страха, радости, негодования, удивления. Они не в состоянии передать силу и глубину переживаний. Они бледны и бесполезны.

— Мне уйти?

Настороженно-пугливый взгляд. Дрогнувшие губы. И вдруг—вне всякой логики вопрос:
— А можно спросить—как вас зовут?
— P-76XC43,—пожал он плечами.
— Это имя или номер?
Он удивился:
— Обычное у нас, богов, имя…
Она уставилась на него, не понимая.
— У вас у всех, у богов, такие имена?
В её глазах внезапно промелькнуло подобие усмешки. Он даже почувствовал неловкость, но отвечать не стал.
— Давай я буду лучше называть тебя как у нас—именем! Хочешь быть Виктором? Победителем! У меня древнее имя—Майя. Когда-то очень давно жило такое племя… Не против?
Так он стал Виктором.
Сначала они мало общались. Она возилась с ребёнком, давала ему лекарство и даже привыкла к безвкусной, но полезной пище богов. А P-76XC43, пытаясь прийти в себя, снова и снова возвращался к мысли, что вечность, по сути,—далеко не подарок. Он ведь ни разу в жизни не испытал и слабого подобия того, что бродило в нём сейчас. Что дало ему бессмертие? Вызвало хоть раз сильное желание? Пробудило жажду что-то совершить? Зажгло полётом фантазии? Встряхнуло ещё оставшейся где-то дурью? Всё его существование было вязкой кашей чередующихся, похожих один на другой как две капли воды дней. Можно ли это сравнить с тем, что захватило его сейчас?
Вечность не только бесцельна—она бесплодна. Это бесконечное чередование уныния и скуки. С точки зрения богов, волнение, стремление, неуспокоенность—это иллюзия, мираж. Но в штормовом океане и мираж может стать спасением. Вытолкнуть из шквала отчаянья. Вдохнуть воздуха в лёгкие. Продержать на плаву надеждой…
Появление Майи сделало P-76XC43 диссидентом. Её образ, как наваждение, не оставлял его ни на минуту, чем бы он ни занимался. Он ощущал её настолько реально, что не мог думать ни о чём другом. Представлял её захватывающие формы. Слышал дыхание. Вздрагивал от её запаха…

— Ты сказал, что поможешь мне отсюда уйти…
Он не знал, что ответить. Если бы кто-то сказал ему раньше, что встреча с самкой гоминида вызовет в нём такую бурю, он бы счёл это неудачной шуткой.
— Пока это невозможно. Тебе со мной плохо?
Настороженный взгляд женщины ускользнул, губы скривились.
— Мы в тюрьме. Ты этого не замечаешь?
— Чего тебе здесь не хватает?—попытался он уйти от ответа.
— Людей!
— Хочешь сказать, я хуже?..
— Нет! Ты спас моего сына! Ты добрый! Но ты бог, и мы не ровня.
— Жаль,—вырвалось у него.
Он взглянула на него с удивлением. Взгляд словно бы взвешивал его, как весы.
— Ты всегда ровен и спокоен. Рассудителен. Не сделаешь глупость. Не заплачешь. Не засмеёшься. А мы, люди, привыкли жить по-другому. Любить, ненавидеть, радоваться, сожалеть. Ты в небе, а я—под землёй.
У P-76XC43 перехватило горло. А она, заметив, как изменилось его лицо, вдруг улыбнулась и добавила:
— Виктор…
Если бы он только мог позволить себе раскрыться!
— Они хотят, чтобы я вышла наружу…
— Кто?—протелепатировал он, хотя прекрасно понимал кто.
— Боги!
В принципе, этого стоило ожидать.
— Что они сказали тебе?
— Что я и мой ребёнок обречены… И что я сама в этом виновата… Чем больше я сопротивляюсь, тем мне потом будет хуже. Потому что страх—самая мучительная и медленная из всех казней…
Лицо P-76XC43 искривила гримаса.
— Что же теперь будет, Виктор?
Она снова назвала его этим именем…
— Ты не одна!..—сжав от злости губы, протелепатировал он.
Она смотрела на него с такой беспомощностью, что он не выдержал. Ему вдруг захотелось прикоснуться к ней, погладить, успокоить. Но от этого становилось только хуже.
— А ты можешь говорить как я? Голос у тебя есть?—услышал он.
И он впервые, чуть откашлявшись, попробовал привести в действие голосовые связки:
— Хорошо, я постараюсь…
P-76XC46 не мог понять, что с ним происходит. Чем она его так необъяснимо притягивала? Интеллектом? Смешно! Любопытством? Было бы чему удивляться! Сексом? Но боги давно отказались от его человеческой разновидности из-за её животного примитивизма.
Майя засыпала его вопросами:
— А почему боги считают обычный секс грязным? Он ведь естественен. Кайф не может быть грязен. А их оргазмотроны…
P-76XC43 нетерпеливо прервал её:
— Ты пробовала?
— Нет!—её передёрнуло.—И не хочу. Для секса нужны двое. Один счастлив потому, что делает счастливым другого. Кто с ним…
Общение с гостьей всё больше затягивало P-76CX43. Против воли он ловил себя на том, что не может отвести взгляда от её бёдер и груди. Ребёнок

её возбуждал в нём не столько любопытство, сколько брезгливость. Крохотное сопящее существо, которому она уделяла столько времени и ласки…

Однажды он спросил её:

— А тебе не кажется странным, что мы с тобой…— он долго искал подходящее слово, пока невольно не использовал наименее подходящее,— подружились?

На её лице возникла улыбка.

— Но ты не совсем бог, Виктор, ты немножко человек. Может, ещё не совсем, но где-то в глубине…

Его это больно кольнуло. Он даже вздрогнул.

— Что ты имеешь в виду?

— Боги бесчувственны, Виктор, а в тебе не умерло сострадание. Пусть они и умнее, и могут намного больше людей, но не способны на добро. Для них самое важное — польза. А польза для одного — часто горе для другого,— она бросила на него быстрый взгляд.— Ты когда-нибудь задумывался, кто устроил богам райскую жизнь? Вырабатывает под землёй энергию? Делает всю чёрную работу? Даже готовит их дерьмовые галеты, которые они жрут, как деликатесы? И почему они не могут выйти на свет божий?

В нём закипало что-то нехорошее. Злое. Но она или этого не замечала, или не хотела замечать.

— Чтобы стать богами, они создали смертельную бактерию. Перезаразили весь мир. Люди мёрли миллиардами. А нас, живших на острове, загнали под землю и превратили в рабов. Не знаю даже, остался ли ещё кто-то, как мы здесь, в живых… Но нас они боятся…

Р-76ХС43 остановил её:

— Бог во вселенной только один, Майя! Поиск совершенства! Эволюция! А она не знает милосердия и не способна на жалость, она упрямо идёт к своей цели.

— К цели?— схватила она его за руку, чего раньше никогда не осмеливалась делать.— К какой цели? Жить вечно? Жрать, испражняться, получать удовольствие?? И это всё? Всё? Всё? Всё, я спрашиваю? А если надоест? И, чтобы разогреть остывшую кровь, понадобится что-нибудь поострее? Например,— убить меня и ребёнка, сделать из нас чучела для демонстрации человеческой отсталости?

Р-76ХС43, почти не сознавая, что делает, приблизился к ней и обнял её за плечи. Она не отшатнулась.

— Не знаю! Я должен во всём разобраться сам. Понять! И решить,— проговорил он снова вслух.

Но она доконала его новым вопросом:

— Тебя когда-нибудь любили? Радовались твоему появлению на свет? Ты сосал материнскую грудь? Тебя целовали? Играли с тобой? Следили за твоими первыми шагами?

Р-76ХС43 прикрыл глаза и сморщился. Не знал, что ответить.

— Ты бедный! Тебя обобрали, ограбили, лишили даже детства!..

Р-76ХС43 не выдержал и вышел, прикрыв за собой дверь…

Р-76ХС43 чувствовал своё бессилие. Сомнения, как ржавчина, уже довольно давно разъедали многовековую броню его уверенности. Но сейчас всё это обрело особую остроту.

Даже когда она была в другой комнате, Р-76ХС43 почти ощутимо представлял её дразнящую женственность. Округлость форм. Упругость. Мягкую кожу. Запах. Звук голоса. Он впервые ощутил желание обладать. Всё это было настолько ново и непостижимо, что он ни о чём другом не мог думать.

— А ты сама? Любила отца своего ребёнка?— спросил он однажды, стараясь не выдать себя голосом.

Она посмотрела на него удивлённо и растерянно переспросила:

— Что?

Он не ответил. И она улыбнулась.

— А ты изменился, Виктор!..

Р-76ХС43 ощутил внезапный прилив досады. Да кто она такая? Как смеет разговаривать с ним на равных? Что себе позволяет? Майя испуганно притихла.

— Я сказала что-то не то?

Его глаза сузились в острые щёлочки.

— Ты меня выгонишь?

Не ответив, он тяжёлым шагом подошёл к двери, открыл её и сухо протелепатировал:

— Иди к себе. Там твой ребёнок плачет…

Из-за этой женщины он попал в переплёт, из которого уже не выбраться. Кончится вечность. Исчезнут гармония и душевный баланс. Металл хладнокровия превратится в тряпку. А нирвану бесстрастности и созерцания задавят стресс и недовольство…

С другой стороны, он давно уже пришёл к выводу, что боги выстроили для себя рай на свой вкус. Удобный, комфортабельный загон самоублажения, в котором нет соблазнов, но нет ни мечты, ни будущего. Исчез антагонизм, но вместе с тем увяли желания. Не манит перегрузка поиска. Замер пульс интереса и находок. Вместо тяги к открытиям поддувает сквозняк безразличия и скуки. Тайна тянет в небо, а инерция — в застой комфорта и спокойствия. Тот, кто не способен это понять,— слеп и глух.

Чего оно стоит, бессмертие, если лишает возможности чувствовать и ощущать? Плата за него отнимает у человека само желание желать. Растопить абсолютный ноль покоя и равновесия, пусть и на короткий миг, способно лишь что-то необычное и захватывающее. Что же предпочтёт он, вообразивший себя богом Р-76ХС43? Что выберет? Ураган бури или энтропию самодостаточности?..

Иногда он чувствовал уколы ревности. От кого у неё ребёнок? Он даже спросил её:

— Почему ты, а не твой муж, пошла на такой риск, как попытка выбраться из подземелья?

— Я мать,— пожала она плечами.— А мужа у меня не было и нет. Был парень, которого я хотела, но он ко мне равнодушен.
— Я бы никогда тебя не отпустил…
Губы её дрогнули, глаза от удивления широко распахнулись, и в них мелькнул трогательный лучик нежности. А может, ему это показалось?
— Но для этого надо любить…
Голос её прозвучал смущённо, но как-то очень тепло. И P-76XC43 вдруг ощутил, что у него перехватило горло. Он молча вышел в другую комнату…
Любовь — иллюзия, учили боги. Увлекательная, но виртуальная игра мозга. И отличается от реальности, как сон от бодрствования. Но если бы его спросили теперь, он бы ответил, что иллюзия неотделима от реальности. Обе они существуют параллельно, но иногда могут пересечься…
Ночью он услышал крик. Ворвавшись к ней в комнату, он увидел её сжавшейся от ужаса на софе. Тёмный взгляд испуганно застыл. Рот остался открытым в крике. Она вдруг прильнула к нему, и стук её сердца вызвал в нём незнакомый ему совершенно порыв сочувствия и жалости. Пульс сошёл с ума. Руки налились лаской. Рот, чтобы успокоить её, прижался к её губам. P-76XC43 вдруг подумал, что за все долгие годы своей жизни он никогда не испытывал ничего подобного тому, что обрушилось на него сейчас.
— Они связались со мной…
— И что?— хрипло спросил он.
— Сказали, что если я выйду с ребёнком, они меня пощадят…
— Пощадят?!— выдохнул он со злостью.
— Я спросила: а ты? Они ответили: это другое дело. Ты бог и должен отвечать за свои поступки.
P-76XC43 слегка отстранил её от себя:
— Я тебя держать силой не стану.
Может, она не обратила внимания на это?
— А что они сделают с тобой?
P-76XC43 усмехнулся:
— Сотрут память! Сделают изгоем вечности!
— Вы и вправду вечны?— вырвалось у неё.
Он кивнул.
— И ничего особенного не происходит? Помрёшь от тоски…
Он пожал плечами.
— Тебе это не надоедает?
— До тебя — нет!
Её взгляд засветился, как будто внутри вспыхнул фонарик:
— Я останусь…
Он замер.
— Что?— вначале не поверил он.— Ты серьёзно?
— А ты бы бросил меня в беде? Или ты бог…
Он проглотил слюну.
— Ещё недавно — да! Сейчас — нет!
— Не боишься?
Он тяжело сглотнул слюну:
— Вечность мне больше не нужна.
И тогда она задала вопрос, который застал его врасплох:
— А чего бы ты хотел вместо неё, Виктор?
— Быть с тобой,— хрипло выдавил он вслух.
— Влюбился?— её губы расплылись в улыбке.
— Не знаю, но мне с тобой хорошо,— вырвалось у него.
Ему показалось, что он летит в пропасть.
— Виктор,— назвала она его снова по имени, которое сама придумала.— Я никогда не думала, что смогу соблазнить бога.
Он усмехнулся:
— Если бы мы были богами, мы бы что-нибудь создали. А мы — нет… Только себя…
Она улыбнулась.
— Знаешь, о чём я не раз думал?— поднял он, словно удивляясь, брови.— Когда умирает человек, остаются в живых его дети. Как бы его продолжение. А у нас, у богов, этого нет. Мы бесплодны. А если нет потомства и продолжения — зачем же мы тогда?
— С тобой интересно. Я никогда ничего подобного не чувствовала,— блеснул огонёк в её глазах.— Ты мне нравишься… Скажи, а ты помнишь себя маленьким?
P-76XC43 покачал головой.
— Нет, конечно! Нам ведь всем стёрли память.
— Кто?
— Понятия не имею…
— Но почему?
— Наверное, чтобы мы не задавали вопросов.
— А сколько тебе лет?
P-76XC43 удивился.
— Для вечности это не играет никакой роли. Время в ней не нужно.
— А что нужно?
— Быть!
Она не поняла.
— Подожди! Быть для чего?
Стоп, как это ей объяснить?! Всё-таки разница в интеллекте между богами и гоминидами не может не сказываться, а потому он ответил не сразу:
— Чтобы видеть, слышать, радоваться…
Бред какой-то! Он даже чертыхнулся про себя. Она загнала его в угол. Ответа на её вопросы у него не было. И он растерялся. Да и что он мог ей сказать в ответ?
И тогда она нанесла ему последний и сокрушительный удар:
— Скажи, а вот ты сам — ты чувствовал себя счастливым?
P-76XC43 оторопел:
— Никогда об этом не думал…
— Ведь для счастья нужно, чтобы кто-нибудь был рядом. Иначе ты этого не почувствуешь.
Он вначале даже не понял, почему она это сказала. А Майя, видя его растерянность, объяснила:

— Понимаешь, сам ты, даже если счастлив, этого не замечаешь. Нужно, чтобы обязательно был кто-то рядом. Только тогда ты поймёшь, что ты счастлив. И не важно, рад ли он за тебя или тебе завидует…
— О ком ты? — почти выкрикнул он.

Она слегка улыбнулась и облизнула губу.

— Ну хотя бы женщина. Богиня… Чтобы порадовалась вместе с тобой. Обняла тебя. Чтобы тебе захотелось разделить с ней свою радость… Ощутить её…

Он покраснел. На её лице появилось насмешливое выражение, и он тоскливо подумал, что его несчастье в том, что он бог и не в состоянии совершить то, что свойственно человеку.

Он в клетке. На нём кандалы условностей и предрассудков, которые нужны богам для оправдания противоестественности своего существования.

Он попытался оправдаться:

— У богов контакт между мужчиной и женщиной не телесный — духовный.

Но прозвучало это не просто неубедительно — трусливо.

— А если очень хочется? — прищурилась она.

P-76XC43 смутился. Такого рода опыта у него не было.

— Есть оргазмотрон.
— Это как лизать сахар через стекло…

Сердце стучало так громко, что ему казалось, она не может не слышать этого. Такта, конечно, у гоминидов не больно много.

— Так ты никогда вживую не…

Пульс барабанил. Внутри всё сжалось в комок.

— А хочешь?

Она обняла его. Раскрыла губы. Прикрыла глаза и прошептала:

— Не бойся!

Желание нарастало, ломая его изнутри. Она уже расстёгивала пуговицы на его одежде. Кстати, их тоже делали гоминиды.

— Ты горячий! — отдавалось у него в ушах. — Очень!.. Очень…

Её руки скользили по его телу. Он уже ничего не соображал. Вскипевшая в артериях кровь прорвала стенки сосудов и хлынула наружу, залив его всего с головы до ног. Его выкручивало и ломало. И в этой тягучей потусторонней реальности крутым кипятком жёг её голос:

— Не молчи! Забудь всё! Откройся!..

Его выворачивало наизнанку.

— Кричи! Стони! Умри! Я умру с тобой тоже! А потом мы воскреснем…

Его руки сжимали её тело в железные латы боли, но она счастливо улыбалась и просила:

— Ещё! Ещё! Да!..

И когда его крик ножом вспорол сгустившуюся плотность пространства, он перестал быть P-76XC43. Вместо него ожил и обрёл дыхание Виктор.

— Я тебя не оставлю, — прохрипел он. — Ты во мне — навсегда!
— Так говорят все мужчины, когда хотят добиться женщины, но потом об этом забывают.
— Я не забуду, — прошептал он.

Секс изобрела природа. Она нуждалась в инстинкте продолжения рода. Без него жизнь была бы просто невозможна. А чтобы он действовал без промаха, загримировала его не очень симпатичную внешность в неотразимую притягательность наслаждения. С тех пор ничто на свете не может сравниться с ним по мощи и воздействию. Секс вездесущ, неудержим и, как показала наука, активен даже на уровне бактерий. Правда, там его механизм ещё недостаточно изучен. В животном мире именно он неотразимо влечёт одну особь к другой, противоположной ей по полу. Но только сам человек осознал его тайную суть: виртуальное бессмертие! В результате, хотя сам человек не вечен, благодаря наслаждению не очень симпатичный физиологический процесс дал возможность его генам переходить из поколения в поколение.

Цивилизация, конечно, выдрессировала секс. Запрягла в узду ограничений. Связала запретами. Ей удалось не только приодеть и причесать его согласно моде, но даже романтизировать. Недаром в языке любого народа и племени сохранялось такое многозначное и расплывчатое слово — «любовь»! Её поэтизируют, сравнивают с полётом души и тела. При этом забывается, что она не только крылья, но и цепи тоже! Конечно, только любовь может дать человеку то, чего не может дать ничто другое на свете! Но взамен она лишает его свободы, с которой ей не ужиться никогда. Кто-то должен уступить, и свобода обычно незаметно превращается в зависимость.

— Ты — моя Лилит! — называл теперь свою возлюбленную появившийся на свет человек по имени Виктор.
— Кто это? — спрашивала она у него всякий раз, и он снова и снова повторял, что первой женщиной, согласно еврейской каббале, была не Ева, а её предшественница Лилит, но бешеный сексуальный аппетит заставил её бросить его и стать дьяволицей.

И Майя довольно посмеивалась…

Казалось, это никогда не кончится. Но через неделю Правление протелепатировало ему:

— P-76XC43, P-76XC43! Вы на связи! У вас было достаточно времени обдумать ситуацию. Больше ждать мы не можем. Вы согласны выдать самку гоминидов и её ребёнка, а самому подвергнуться ампутации памяти?
— Нет! — мгновенно ответил он.
— Вам ведь не надо объяснять, что преступление требует наказания? Вы обманули оказанное вам доверие.

— Дайте мне вместе с ней и ребёнком уйти под землю. Мне не нужна вечность…

— Вот как? Даже забавно! — послышался смешок. — То есть ради секса с самкой гоминидов вы готовы отказаться от бессмертия…

P-76XC43 промолчал.

— Какая наивность! У генной мутации есть обратный эффект. Для того, кто захочет вернуться в прошлое, время скоропостижно сожмётся. В десятки, может быть, даже в сотни раз. Вы на глазах превратитесь в глубокого старика.

Он понял одно: доказывать им, что вечность потеряла для него всякое значение, не имеет никакого смысла.

— Тогда отпустите её с ребёнком.

Кто-то раздражённо бросил:

— Вы хотите дать гоминидам шанс повернуть цивилизацию вспять? Выбраться наружу и нас всех перерезать? К счастью, оружия, кроме ножей, у них нет…

Это конец. Его не слышат. По-видимому, кто-то из членов Правления всё же решил его переубедить:

— Не будьте романтиком: у эволюции нет морали. Вселенная — саморазвивающаяся система. Выживает наиболее приспособленный. Иначе дальнейшее развитие невозможно. Обезьяна стала человеком только потому, что всё время училась и совершенствовалась. Те, кто эту высоту преодолеть не мог, исчезали.

Ничего, кроме досады и раздражения, это в нём не вызвало. Когда же всё кончится?

— Вы же работали в архивах. Много читали. И о войне между неандертальцами и кроманьонцами на земле много тысяч десятилетий назад тоже. О ней, в общем-то, не принято вспоминать — уж слишком всё неромантично: какой крови она стоила! А кто взял верх? Кроманьонец, «хомо сапиенс», человек разумный. Именно разум — та основа, на которой построена Вселенная…

И тогда он сказал то, на что никогда не был бы способен, если бы не перестал быть богом:

— Что вами руководит? Злоба? Месть? Равнодушие?

— Нет! — прозвучала у него в голове телепатема. — Польза!

— А если нет пользы? Если то, что польза для одного, — гибель для другого?

— А вы хотели бы, P-76XC43, чтобы польза была в вашу пользу?..

P-76XC43 отключился. Прикрыл глаза и облизал верхней губой нижнюю. И вдруг почувствовал прикосновение Майи.

— Что они тебе сказали?

Он не отвечал.

— Что уничтожат меня и ребёнка?

— С чего ты взяла?

— Не делай вид, что не знаешь. Они ещё тогда, когда связались со мной, предупредили, что меня ждёт.

— И ты молчала?..

— Я знала, на что иду, когда выбралась из подземелья с ребёнком. Но у меня не было выхода. Только надежда: ладно — я, но ребёнок при чём? Может, спасут и оставят в живых?

Бывший P-76XC43, ставший Виктором, чувствовал свою беспомощность. Парадокс, но, наверное, бог в нём всё же взял верх над человеком. Он почему-то даже в этот момент думал о том, что у гоминидов инстинкт деторождения сильнее инстинкта жизни. Может, это та же виртуальная мечта о бессмертии? У богов высшим предназначением была польза. У людей, наверное, — чувства. Ведь они были в состоянии толкнуть человека на самую великую для него жертву — отдать свою жизнь ради кого-то или чего-то, будь это ребёнок, возлюбленный или идея.

— Как всё же ты решилась на бегство?

От её взгляда он даже поёжился.

— Сколько у нас, гоминидов, детей — контролируют боги. Чтобы население не росло. Мне сказали: у меня может быть только один…

Его вдруг охватила жаркая волна жалости, сострадания и любви, он схватил её в объятья так сильно, что она даже вскрикнула.

— А что мне оставалось? — спросила она, когда он чуть ослабил объятья. — Всю грядущую жизнь мучиться оттого, что не могу спасти сына?

И у него вырвалось:

— А знаешь, я не уверен, что был бы способен на такое.

Они смотрели друг на друга, и каждый видел другого.

— Пока ты был богом — нет! — услышал он в ответ. — Тогда для тебя важна была только цель. Но ты стал человеком, и у тебя нет ничего дороже и важнее, чем чувства.

Это просто необъяснимо: только встретившись с Майей, фактически он родился заново. Не как бог — как человек! Боги забрали у него у него самое главное в жизни — жажду отдать себя полностью и обрести целый мир, как бы он ни был призрачен и недолговечен. Никогда ещё он не чувствовал боль утраты: его ограбили! Он мог любить и ненавидеть, терять и находить, горевать и быть счастливым, но всего этого его лишили во имя самого страшного идола всего живого — пользы! Возврата назад нет: он, как отчаянный аквалангист, перешагнул рубеж безопасности.

— Мне сказали, что у нас остаётся только неделя…

— Ты бы сделала то же самое, если бы знала, что всё так кончится? Не жалеешь? Ведь ничего не вышло.

— Почему не вышло? — прошептала она. — Вышло! Я нашла бога… Скажи, как они это сделают?

Он сделал в уме подсчёт: прийти за ними должны были сегодня… Тяжело вздохнув, бывший бог поднял на руки свою возлюбленную и уложил на выкатившееся из стены ложе.

— Ты ничего не почувствуешь. Мы просто заснём…

Дмитрий Игнатов

Эффект Тангейзера

Виктор закрыл дверь за последним грузчиком и с довольным видом огляделся по сторонам. Квартира была хаотично заставлена мебелью, обмотанной упаковочной бумагой, скотчем и пупырчатой плёнкой. Пространство небольшой квадратной прихожей оказалось буквально забаррикадировано картонными коробками, а угол у двери заняли три вертикально поставленных, свёрнутых в рулоны ковра.

Парень ещё раз оценил масштаб предстоящей деятельности, чуть поерошил длинными тонкими пальцами свои волосы, по-детски улыбнувшись, посмотрел на Наталью и взялся распаковывать тёмно-коричневый шкаф на круглых чёрных ножках.

Девушка, заложив руки в карманы своей олимпийки, медленно прошлась по узким проходам, напоминающим лабиринт, посреди всего этого мебельного нагромождения, прикидывая, с чего бы начать. Потом сняла с запястья цветную фенечку, оказавшуюся одновременно резинкой для волос, собрала рыжие суховатые пряди в хвостик и принялась стягивать плёнку с небольшого дивана с деревянными подлокотниками.

— Осторожно, там зеркала и стёкла от серванта,— предупредил её Виктор.

— Хорошо,— кивнула Наталья, снимая хрупкий груз с сиденья и отставляя для безопасности подальше к стене.

Тем временем Виктор уже разобрался со шкафом и примерялся, как лучше придвинуть его к стене.

— Поможешь мне? Надо его чуть приподнять с обеих сторон, чтобы не обломать ножки.

— По полной решил меня припахать, эксплуататор?—улыбнулась девушка и взялась руками за нижний край шкафа, который, впрочем, оказался удивительно лёгким и быстро занял своё место.

Довольная собой Наталья посмотрелась в тёмную полированную поверхность, как в зеркало. Виктор тем временем уже задвинул в нишу небольшую кровать-полуторку, с грохотом обрушил на неё тяжёлый пружинный матрас и занялся разворачиванием ковра.

— Когда расставим всю мебель, станет намного проще,—проговорил парень, наконец справившись со скотчем, которым был многократно обвит шерстяной рулон, и, заметив грустное выражение на лице девушки, спросил:—Всё в порядке?

— Да. Просто...—проговорила Наталья, не в силах оторваться от своего отражения в тёмной полировке, словно её саму начинало засасывать в какую-то чёрную дыру.—Когда ты говорил, что хочешь обставить квартиру памятными вещами, я не предполагала...

— Что?

— Что их будет так много. Ну, знаешь, памятные вещи—это обычно какие-то милые винтажные вещицы. Статуэтки... Настольная лампа...

— Для меня все эти вещи памятные.

— А ты уверен, что всё влезет?

— Ну конечно. Раньше же влезало. Смотри-ка... Все дырочки на месте,—Виктор улыбнулся и как-то ласково провёл рукой по ряду дюбелей, небольшими бугорками выпирающих из-под обоев.—Дай мне отвёртку и шурупы из сумки. Повесим ковёр, и сразу станет уютно...

— Погоди...—путаясь в вещах и мыслях и всё ещё не до конца понимая, Наталья протянула парню отвёртку и полиэтиленовый кулёк с шурупами.— Так ты не случайно настаивал, чтобы мы купили именно эту квартиру? Она похожа на ту, где ты жил в детстве?

— Нет... Крестовую отвёртку. Спасибо,—дождавшись нужного инструмента, парень принялся вкручивать шурупы в стену.—Нет, это та самая квартира, в которой я жил до пяти лет. Номер девять, третий этаж, слева от лестницы.

Закончив с крепежом и развернув на стене ворсистый цветной ковёр с замысловатым геометрическим узором, Виктор распластался на кровати в задумчивости, заложив обе руки за голову.

— Здесь ещё должны висеть ночник в виде такого прямоугольного уличного фонарика и круглая чеканка с профилем Тутанхамона. Вот и место под шуруп...

— Я видела их, кажется, в той коробке.

— Погоди. Давай сначала закончим с мебелью. Предлагаю сервант, чтобы задвинуть его в угол, поставить стёкла и уже не трястись из-за них.

Наталья согласно кивнула и начала, надрезая скотч, освобождать от упаковочной бумаги блестящий оранжеватый сервант под малайзийское дерево.

— Значит, это твоя квартира и все твои старые вещи?
— Да,— кивнул Виктор, разворачивая светло-бежевую прямоугольную двустворчатую тумбочку хрущёвской поры и с трудом водружая на неё чёрно-белый телевизор «Горизонт» с зеленоватым выпуклым экраном и внушительной круглой ручкой переключения каналов,— это была моя старая мечта. Восстановить обстановку моего детства. Воссоздать свои воспоминания.
— Работает?— поинтересовалась Наталья, скептически глядя на громоздкий аппарат.
— Нет,— тяжело выдохнул парень,— там вакуумная лампа сгорела. Я заказал копию на китайском сайте. Должны прислать через пару недель. Представляешь! С тех пор как были популярны такие телеки, прошло почти пятьдесят лет, а китайцы до сих пор запчасти делают.

Вместе с Натальей, задвинув сервант на единственно верное положенное место и закрепив внутри зеркала и стёкла, Виктор довольно осмотрел вырисовывающуюся в комнате картину и наконец предложил:
— Может, перекурим и выпьем чайку?

Маленькая кухня, не больше восьми квадратных метров, из-за обилия нераспакованных коробок казалась ещё меньше, но всё-таки на ней умещались старая эмалированная мойка, холодильник, небольшая двухкомфорочная газовая плита и квадратный белый стол из покрытой пластиком деревоплиты.
— У тебя и правда очень много интересных вещиц,— заметила Наталья, профессиональным взглядом фотографа рассматривая чашки с золотистым орнаментом из цветов и листиков, пока на столе шумел электрический самовар.— Непременно все их перефоткаю. Будет клёвый рарный сет. Как тебе удалось всё это сохранить?
— Не знаю,— пожал плечами Виктор.— Что-то было свалено в гараже, что-то было на даче, а какие-то вещи, если подумать, всегда были рядом со мной. Может, это просто психологическое свойство старьёвщика, а может, я подсознательно держался за все эти предметы. Вещи переживают своих владельцев… Не зря же считается, что они хранят память о них.
— Не рано ли ты решил создавать музей имени себя?— ехидно улыбнулась девушка, заметив, что парень как-то погрустнел.
— Пока есть время… Пока я ещё не всё забыл,— серьёзно ответил он и задумчиво посмотрел в окно, откуда на маленькую кухню светило мягкое августовское солнце.
— А я вот не держусь за старые вещи. И за воспоминания тоже,— Наталья налила из самовара две кружки кипятка и поболтала в обеих одним пакетиком чая.— Может, потому что они в основном хреновые… Помню, что в школе ко мне относились отвратительно. Да и в универе было не сильно лучше. А раньше… Не помню чего-то особенного из детства. Помню, что играла в куклы. Любила смотреть мультики… А ты?

Виктор всё ещё смотрел в освещённое солнцем окно, на зелёную листву, которая шелестела за небольшими деревянными рамами, покрытыми белой потрескавшейся краской, и, казалось, совершенно не слушал девушку, но сразу ответил:
— А я помню почти всё. Помню этот стол на этой кухне и как я завтракал за ним. И что у меня была детская вилочка с тремя тонкими длинными зубчиками. Не такая, как делают сейчас для детей, с нелепыми цветными ручками из пластика, а как взрослая, из настоящего набора столовых приборов, только маленькая. Помню, что такой летний солнечный день у меня почему-то ассоциируется с запахом жареной картошки с жареным луком, которую готовила бабушка. Только… Я почему-то не могу вспомнить, какие шторы были на окне. Конечно, они не сохранились… Но я даже не могу вспомнить, какими они были.
— Разве это важно? Такая мелочь.
— Всё большое состоит из мелочей. Все они цепляются друг за дружку, словно маленькие крючки,— Виктор вдруг поднялся с места и чуть повернул кухонную дверь, в распахнутом положении прикрывающую часть стены с выключателем.— Смотри! Видишь эту дырку в стене? Когда-то здесь был серебристый дюралевый крючок, на который за дверь вешали всякие авоськи и пакеты. Однажды, мне тогда было года три, я решил, что уже довольно самостоятельный. Я пошёл зачем-то на кухню, когда было уже темно. Взял эту табуретку, подставил к стенке и полез к выключателю, чтобы включить свет, но пошатнулся, упал и, распоров бок, повис на этом крючке. Никакой серьёзной травмы не было, просто длинная и глубокая царапина, крючок просто зацепился за пижамную рубашку и порвал ткань, но все очень сильно испугались. И я тоже. Плакал больше от испуга, чем от боли. Хотя не сознался в этом. Сказал, что жалко пижаму.
— Ты уже тогда был милым обманщиком и всё придумывал,— улыбнулась Наталья.

Парень молча приподнял футболку, и на его правом боку девушка вдруг увидела еле заметный, давно замывшийся шрам.
— Я помню даже рисунок той пижамы: узор из повторяющихся Винни-Пухов и горшочков мёда. Мама и бабушка сказали, чтобы я не плакал, что они её непременно зашьют и постирают. И я сразу упокоился. А ещё была вторая пижама— с Пятачком и зелёным шариком.

За окном начинало темнеть. Тем временем квартира постепенно снова приобретала вид, знакомый одному лишь её прежнему хозяину. Вдоль стен

выстроились старенький диван под вторым узорчатым ковром, полки для книг, чёрное пианино, круглый раздвижной обеденный стол. Под ноги лёг однотонный зелёный палас, а под потолком вместо одинокой стандартной лампочки повисла люстра с шестью заострёнными электрическими «свечками».

— Знаешь, а ты буржуй...— проговорила Наталья, осторожно вынимая посуду из коробок с надписью «Стекло» и расставляя в серванте.— Если бы в моём детстве у меня были такие козырные наборы бокалов и тарелок, я бы тоже это запомнила. Я уж не говорю про хрусталь. Предлагаю в Новый год достать их и устроить ретро-вечеринку.

— Так и сделаем,— кивнул Виктор, соединяя проводами радиолу с проигрывателем грампластинок и парой вытянутых колонок с деревянным корпусом.

— М-м-м,— игриво протянула девушка,— теперь у нас и музыка будет?

— Сейчас проверим,— парень поставил первую попавшуюся пластинку, аккуратно опустил иглу и со звонким металлическим щелчком вдавил кнопку включения.

На радиоле загорелась жёлтая шкала с диапазонами радиостанций, пластинка закружилась, и из динамиков через тихий мягкий треск полилась музыка.

— Это Вагнер?— догадалась Наталья.

— Да. Опера «Тангейзер». Ты же говорила, что не разбираешься в классике.

— А я и не разбираюсь. Просто если это что-то такое— тырым-пырым— весёленькое, то это Моцарт. Если более нежное и романтичное, то Вивальди. Если пафосное и величественное, то Бах. А пафосное и занудное— значит, Вагнер.

— И сейчас они все— тырым-пырым— перевернулись в своих гробах,— рассмеялся Виктор.— Это как раз-таки романтическая история про поэта, который потерялся в горах и долгие годы жил в пещере вместе с богиней Венерой. Вовсе не занудная...

— А это точно была богиня, а не какая-нибудь матерящаяся гномиха из твоего фэнтези?— прищурилась Наталья.

— Это же древнегерманское предание...

— Ну, тогда всё ясно. Только занудные немцы смогли бы посадить богиню в пещеру, а занудный Вагнер написать об этом занудную оперу,— звонко рассмеялась девушка.— Уверена, что и сам герой с богиней занимались в пещере чем-то занудным... Играли в лото, например.

— Хорошо, хорошо! Я понял. Давай сменим пластинку?— предложил Виктор, еле сдерживая смех и выключая проигрыватель.

— Ты это мне сейчас сказал?

— Что?

— Ну, ты намекнул.

— Вовсе нет.

— Это было сказано так... Словно вы язвите, Витя.

— Я старался,— расхохотался парень.

— Ах ты... Ну ладно... Теперь я хотя бы знаю, какие язвы вырастают из зануд, которые в детстве слушают Вагнера.

— На самом деле в детстве я в основном слушал сказки. Такие, записанные на пластинки. Тут среди других записей они есть... И примерно тогда же начал сочинять свои. Придумывал всякие продолжения, добавлял новых персонажей... Там всегда были какие-то удивительные приключения и обязательно хороший конец. Помню, что взрослые сожалели, что у нас не было магнитофона, а только этот проигрыватель...— Виктор задумался, уставившись в пустоту.

— А потом?

— Потом магнитофон купили, но я к тому времени уже перестал сочинять сказки.

— Ну ты чего?— Наталья, снова почувствовав тоску в голосе парня, мягко обняла его сзади своими тонкими руками.— Ты же в итоге всё-таки стал писателем. И неплохим писателем...

— Да... Только разучился делать счастливые финалы,— всё так же глядя в никуда, проговорил Виктор,— и записывать меня больше никто не хочет. Приходится самому.

За окнами совсем стемнело. Желтоватый фонарь красиво подсвечивал в ночи листву старой разросшейся липы. Квартира наконец-то приобрела обжитой вид, стала уютной и теперь вся была залита светом винтажной шестиламповой люстры. Сложенные «на время» коробки заняли своё вечное место за шкафом в прихожей. Обрывки бумаги, скотча и пупырчатой плёнки утрамбовались в раздувшийся пакет у входной двери в ожидании отправки на помойку.

Наталья сидела на полу, по-турецки подогнув под себя ноги, и разбирала книги. В основном это были ровные однообразные томики собраний сочинений, которые она нежно обмахивала чуть влажной тряпочкой и складывала в стопки, которые Виктор расставлял по полкам в одном ему ведомом порядке.

— А это очень интересно...— нарушила тишину девушка.— И это такое личное. Нечто доверительное.

— Что именно?— спросил Виктор, принимая из рук Натальи очередную порцию книг.

— Находиться здесь. Прикасаться ко всем этим вещам. Сидеть на этом ковре, том самом, на котором ты играл в детстве.

— Наверное... Только ковёр не тот самый. Он был натуральный шерстяной с довольно длинным ворсом, а это просто напоминающая его синтетика. К сожалению, всё сохранить невозможно,— писатель поставил ещё одну порцию книг на полку

и сел на пол напротив девушки.—А вообще ты права. Я сидел вот здесь, в этой самой комнате. Вон там, недалеко от окна, стояла моя кроватка, коричневая, на маленьких колёсиках. Её давно продали… А играл я на полу, на ковре. Часами выстраивал какие-то города из кубиков, а потом разыгрывал в них приключения разных героев. Игра могла затянуться допоздна, и её сюжет не был закончен. И тогда меня укладывали спать, но не убирали кубики и игрушки. Всё оставляли на своих местах, чтобы на следующий день я мог продолжить. Ходили осторожно вокруг, боялись разрушить.
— Тебя очень любили…
— Да. И я был так счастлив. И думал, что так будет каждый день. Но только потом всё равно всё разрушилось,—Виктор замолчал.
— Просто детство прошло. Ты уже не ребёнок. Ты вырос. Так всегда бывает…—ласково проговорила Наталья, но писатель перебил её:
— Детство? Детство создавали мне родные люди. И оно не прошло… Оно ушло. Вместе с ними. Сначала дед. Так и не успел обсудить с ним всего, что хотел. Через полгода—бабушка, которая любила меня, как никто больше. Дальше родители… Двоюродная родня… Каждый раз это воспринимаешь всё проще. Но потом понимаешь, что каким бы ты ни считал себя молодым, но следующая очередь—твоя. А тот ребёнок,—голос Виктора вдруг задрожал,—он же до сих пор там, внутри меня. А весь этот «Я», который снаружи, со всеми своими делами, устремлениями, достижениями,—он только оболочка. Защищает маленького мальчика, у которого больше никого не осталось…

Наталья вдруг увидела, что на глазах писателя заблестели слёзы, и, подсев ближе, снова молча обняла его, но, кажется, от этого Виктору стало только хуже, потому что он почти расплакался.
— Я понимаю, тяжело терять близких…
— Вовсе нет… Я давно смирился с этим. И осознаю, что жалко мне вовсе не умерших. Страдают не те, кто умирает, а те, кто остаётся. Мне жалко… Себя. Того маленького мальчика, который сидит в этой залитой солнцем комнате и с интересом играет в игрушки на зелёном ковре. Он так увлечён. И он счастлив. Но когда игра закончилась, он вдруг оглянулся и понял, что остался совершенно один…
— Я с тобой. С тобой,—пробормотала Наталья, неловко прижимая к себе и поглаживая голову Виктора, уже не зная, как успокоить писателя, который окончательно разрыдался.
— Я ведь был там счастлив. По-настоящему счастлив. В том солнечном дне. Когда всё было просто хорошо. Когда все были живы. Когда казалось, что завтра всё повторится и ничего не закончится. Если бы только был шанс… Один шанс… Наверное, я бы отдал всё. Всю свою оставшуюся жизнь. Только за то, чтобы снова оказаться там.

В тёплой тишине, которая была наполнена запахом протёртой полиролью мебели, свежепостиранного постельного белья и старых книг, Наталье почему-то чудилось что-то знакомое. Откуда-то с кухни раздавалось тиканье маленького кварцевого будильника. А вот обычного посвистывающего храпа писателя совершенно не было слышно.
— Вить, ты не спишь?—наконец тихонько спросила девушка, боясь, что Виктор всё-таки спит.
— Нет,—ответил он, всё так же неподвижно глядя в стену с узорчатым ковром.
— А что?
— Думаю.
— О прошлом?
— В каком-то роде… Смотрю на ковёр и сочиняю. Раньше я делал так, придумывая, что могут значить все эти рисунки,—писатель повернулся на спину и уставился в потолок.—Я вдруг понял: если смотреть на время как на четвёртое измерение, где прошлое, настоящее и будущее существуют параллельно… то ничего не прошло. И никто не умер. И ничего никуда не девалось. Все остались где-то там, на оси времени, в пространственно-временном континууме. Просто я уже убежал чуть дальше.
— Тебя это успокаивает?
— Отчасти,—Виктор вздохнул.—Может, поэтому я и люблю писать фантастику? Заново придумываю, как мог бы быть устроен наш мир. Фантазирую о возможностях…
— Да, это определённо твоё,—незаметно улыбнувшись, заметила Наталья,—вроде покупки этого бракованного китайского будильника, который идёт в неправильную сторону.
— Он просто идёт назад. И он не бракованный. Я сам его переделал,—ответил писатель.—Там внутри есть маленькая прямоугольная магнитная пластинка. Если перевернуть её, то механизм начинает двигаться в противоположную сторону.
— Но зачем? Какой смысл в таких часах?
— Ну, во-первых, два раза в сутки они всё-таки показывают правильное время. А во-вторых,—голос Виктора снова еле заметно дрогнул,—они напоминают мне о том, что возможно всё.

Наталья чуть приподнялась на подушке и посмотрела на писателя, чуть погладив его рукой поверх одеяла.
— Мне кажется, зря ты затеял всё это со своими воспоминаниями. Делаешь себе больнее. Нельзя же всё время жить прошлым…
— А как надо жить?
— Одним днём.
— Хм… А что же делать, если этот один день прошёл? Уже очень давно…
— Забыть о нём. И смотреть только вперёд. В новый день. В который не всякий может взглянуть…
— Нет. Это моё. Только моё. Часть меня,—твёрдо ответил парень, не заметив шутки.—Это делает меня тем, кто я есть.

— Да, конечно… Просто…
— Тебе не нравится всё это? Всё, что я тут устроил,— Виктор пристально посмотрел из полумрака в глаза девушки.— Думаешь, это глупость? Надо жить настоящим?
— Какая уже разница, что думаю я? — мягко ответила девушка вопросом на вопрос и, тихонько вздохнув, прижалась к плечу писателя.
— И всё же?
— Ты же знаешь, я очень нетребовательна к обстановке. Мне нужен-то только матрас, чтобы спать, и угол, куда кинуть фотоаппарат и сумку с вещами. И если тебе для своего писательского творчества важно создать музей своих воспоминаний, я готова жить среди твоих воспоминаний. Главное, чтобы для меня там нашлось место.
— Ну ты же здесь…
— Да.

Утро принесло с собой какую-то необычную яркость и свежесть. Виктор проснулся от звуков, словно врывающихся в квартиру со всех сторон. Он приоткрыл глаза и увидел, что оба окна в комнате были распахнуты настежь. С кухни доносился шум закипающего чайника и шлепки босых ног по линолеуму. Писатель сладко зевнул, потянулся и прошёл на кухню.
— Проснулся наконец, соня! — весело прощебетала Наталья, чмокнув Виктора в щёку.— Прости, что не сильно разготавливалась. Вот. Чай, бутеры. Садись. И скоро пойдём.
— Куда? — поинтересовался писатель, медленно усаживаясь за стол и откусывая бутерброд.
— Меня вызывают в редакцию. Им срочно понадобились мои снимки. А отправить их по мылу я не могу, потому что в твоём музее пропали электричество и Интернет,— затараторила девушка, мелкими глотками отпивая свой чай.— Я и самовар-то этот не смогла включить. Хорошо, что есть газ и спички.
— Ну… Я-то никуда не тороплюсь,— довольно улыбаясь, ответил писатель, специально растягивая каждое слово и продолжая со смаком поглощать бутерброд.
— Ошибаешься,— ухмыльнулась Наталья.— Твоя задача — разобраться, что не так с электричеством, и, вероятно, сходить в хозяйственный за какими-нибудь запчастями и инструментами. Говорят, некоторые писатели разбираются в этом немного…
— Некоторые даже достаточно разбираются…
— Чтобы запустить время вспять? Так и знала, что ты у меня мастер на все руки.

Пока Наталья надевала свои кроссовки, Виктор пощёлкал предохранителем-автоматом в электрощитке и, сообразив, что дело не в нём, вышел из квартиры вместе с девушкой. Молодые люди спустились вниз по узкой лестнице и, ещё раз поцеловавшись у подъезда, разошлись в разные стороны заросшего зеленью старого двора.

Писатель вернулся через полтора часа или чуть больше. Он подошёл к двери квартиры с цифрой «девять» на прикрученном парой шурупов металлическом ромбике, вставил ключ в замочную скважину, но успел повернуть его только на один оборот. Кто-то повернул замок ещё раз с внутренней стороны. Дверь открыла старая седовласая женщина в домашнем платье и наброшенной на плечи кружевной шали.
— А вот и вы! Признаться, я представляла вас иначе,— сказала она так непринуждённо, словно это Виктор пришёл к ней в гости, а не она неизвестно откуда появилась в его квартире.— В любом случае вы пришли вовремя. Проходите.

Не понимая, что происходит, Виктор зашёл домой и небрежно бросил пакет со своими электротехническими покупками в угол, где до этого были засунуты за шкаф картонные коробки. Странно, но теперь он их там не увидел. В квартире было тихо и пахло жареным луком.
— Удивительное дело. Я совершенно точно знала, что вы должны прийти в это время, но всё равно не успела закончить со своей стряпнёй,— продолжала как ни в чём не бывало незнакомка.— Проходите на кухню… А то у меня сейчас всё подгорит.
— Простите, но вы кто? — спросил Виктор, следуя за ней.
— О, это совершенно не важно,— ответила женщина, торопливо размешивая в сковородке жареную картошку с луком,— намного важнее, что мы, наконец, встретились.
— Не могу сказать, что я рад встрече. Что вы делаете в моей квартире?
— В вашей квартире? — незнакомка улыбнулась.— Ничего. Ведь это моя квартира.
— Ясно,— не рассчитывая уже добиться каких-то вразумительных объяснений, сказал писатель и полез в карман за мобильным телефоном.— Я вызываю полицию.
— Не торопитесь, молодой человек,— сказала женщина, наблюдая за тщетными попытками Виктора набрать номер,— ваша радиосвязь тут не работает. Вы напоминаете мне моего покойного мужа. Он вечно торопился… Как вы. Лишь бы сделать поспешные выводы и нажать кнопку… Вместо того, чтобы просто подождать. В большинстве случаев достаточно просто подождать… Когда всё станет ясно… Само собой.
— Хорошо, я подожду,— согласился писатель, садясь за стол.— Скоро сюда вернётся моя невеста, и мы вместе разберёмся, кто вы: мошенница или сумасшедшая.
— Скорее сюда придёт мой муж,— рассмеялась незнакомка, накладывая картошку в тарелку.— Будете?

— Нет,— твёрдо отрезал Виктор, зло сверкнув на женщину глазами.
— Будете,— мягко повторила она и поставила тарелку перед писателем.
— Буду,— неожиданно для себя всё с той же недовольной интонацией повторил он.
— Ну вот и хорошо. Держите вашу вилочку.

Виктор покрутил в руках небольшой столовый прибор, который положила на стол женщина. Чуть тяжёлая и холодная на ощупь, изготовленная целиком из нержавеющей стали, с тремя тонкими зубчиками и массивной ручкой.
— Откуда она у вас? Она ведь…
— Потерялась при переезде?
— Да.
— Нет. Ничего не теряется,— женщина чуть улыбнулась и покачала головой, а потом, словно спохватившись, посмотрела на часы,— Вы меня простите, молодой человек, но пока я тут с вами болтаю, у меня уже девятнадцать минут как идёт фильм.

Незнакомка поправила свою шаль и гордо прошла в комнату, откуда через минуту послышался щелчок телевизионный кнопки и молодой Боярский запел о том, что «всё пройдёт». Какое-то время вслушиваясь в музыку, писатель задумчиво повертел на вилке румяный зажаристый картофельный кубик, но, так и не решившись его попробовать, отложил назад и прошёл следом за незнакомкой. Она сидела на диване перед телевизором и с выражением полнейшей безмятежности наблюдала за происходящим на выпуклом экране.
— Он что же, всё-таки работает?— задал Виктор вопрос и сразу же получил очевидный ответ:
— Как видите. Вообще, я считаю, что техника должна работать. Иначе её существование становится бессмысленным. В отличие от людей.

Не сильно вникая в пространные размышления старой женщины, писатель оглядел комнату, мысленно прикидывая, не пропало ли что-то из квартиры. Его взгляд остановился на стоящем на фортепиано фото в рамке, с которого улыбалась молодая симпатичная блондинка. Его определённо принесла с собой незваная визитёрша, очевидно, решив так обозначить свою территорию.
— А это вы в молодости?— поборов возмущение спросил парень.
— Нет. Это моя дочь,— мельком взглянув на портрет, ответила женщина и сразу же добавила:— Она давно умерла.
— Простите,— смутился писатель, понимая, что женщина, вероятно, просто не в себе после смерти своего ребёнка, и постарался сразу перевести тему:— А что за фильм вы смотрите? Я знаю только песню…
— «Куда он денется!»— неожиданно раздался за спиной писателя звонкий молодой голос.

Виктор обернулся и вдруг увидел симпатичную блондинку с фотографии. Высокая и стройная, с длинными волосами, завязанными в конский хвост, она стояла в дверном проёме между комнатой и прихожей, опершись спиной о косяк, и улыбалась.
— Музыкальная комедия. Такая себе… Проходная. Но маман любит всякое ретро,— девушка оценивающе прошлась глазами по писателю и, выдержав паузу, продолжила с лёгкой иронией в голосе:— Так-так. Стоит мне задержаться в универе, как маман уже навела себе мужиков. Молодых и симпатичных. Вечером всё отцу расскажу. Спорим, его будет бомбить?
— Ну оставь ты свои шуточки, Катерина,— строго отозвалась седовласая женщина.— Молодой человек— писатель. Зашёл поболтать о литературе и философии, а ты его смущаешь.
— У-у-у, гуманитарий… Ну, не буду нарушать ваш интим,— чуть расстроенно отозвалась девушка и скрылась на кухне.— М-м-м, оставили мне картошечку! Спасибо, мам! Я быстро перекушу и сваливаю.
— Поешь нормально! Не глотай кусками,— громко сказала седовласая незнакомка.
— Ну ма-а-ам!— чуть капризно протянула с кухни Катерина.

Писатель снова взглянул на фортепиано, где только что стояла фотография в рамке, но она пропала. Делая последнюю попытку выяснить, что же происходит, он почти вбежал на кухню, откуда пару минут назад слышался звон вилки о тарелку. Однако ни бойкой девушки, ни тарелки с картошкой, ни даже его детской вилочки там тоже уже не было. Только белый пустой квадрат покрытого пластиком стола, освещённый желтоватым уличным фонарём через окно, за которым резко стемнело.
— Золотисто-бежевые,— пробормотал писатель, глядя на полузадёрнутые кухонные шторы,— они были золотисто-бежевыми.

Виктор вернулся в комнату, где горел тёплый свет от люстры с шестью лампочками в виде заострённых свечек. По телевизору играла заставка передачи «Спокойной ночи, малыши!», а на зелёном ковре рядом с детской кроваткой играла в куклы маленькая девочка лет трёх. Парень перевёл взгляд на диван, где сидела пожилая женщина, но увидел там эффектную блондинку средних лет, неторопливо листающую томик Толстого.
— Что, чёрт возьми, происходит?!— не выдержал писатель.
— Вы всё ещё не поняли?— блондинка отложила книгу и пристально посмотрела на Виктора.— Ну хорошо… Давайте только я сначала уложу ребёнка, а вы пока поставьте нам чайку,— женщина встала и подошла к девочке.— Катенька, пора спать. Давай переодеваться, хорошая моя…

Писатель, пошатываясь, прошёл по знакомой прихожей на знакомую кухню, включил свет

и зажёг газ под знакомым пузатым чайником. А потом сел за стол и уставился на его холодную белую поверхность в надежде, что вот-вот проснётся.

— Вы задумывались когда-нибудь, что такое утрата близких?— послышался из темноты тихий голос незнакомки.

Виктор поднял на неё глаза и увидел перед собой молодую женщину в домашнем халате в синий цветочек, с заметно округлившимся животом. Она открыла белый кухонный шкаф, образующий вместе со столом своеобразный гарнитур в минималистическом советском стиле, достала пару чашек с золотистыми цветочками и налила чай.
— Как вы думаете? Почему именно смерть вызывает в нас столько сильных переживаний?— спросила женщина, усаживаясь напротив писателя, и, не дожидаясь ответа, продолжила свою мысль:— Ведь в конечном итоге умирают все. В этом нет ничего особенного или уникального. За многие десятки тысяч лет люди должны были к этому привыкнуть. Обычное явление.
— Из-за расставания,— предположил писатель.
— Нет,— чуть подумав, возразила блондинка,— дело и не в расставании. Не в том, что родного человека нет рядом. Все расстаются. Уходят на работу, оставляя своих детей. Отправляют стариков в больницы и дома престарелых. Разъезжаются по разным квартирам. По разным городам. Дело не в расставании. А в осознании того факта, что это насовсем. В понимании принципиальной невозможности возвращения. Это главная трагедия человека. Невозможность вернуться.
— Вы правы,— с бессильной тоской в голосе согласился парень.
— Конечно, права,— довольно улыбнулась женщина, умиротворённо погладив себя по животу,— иначе бы я не посвятила остаток своей жизни решению этой проблемы. Вы ведь помните, что тут рядом идёт трамвайная ветка?
— Предлагаете мне броситься под трамвай?
— Упаси Боже… За кого вы меня принимаете? Я же не какой-нибудь Воланд. И даже не Маргарита,— рассмеялась блондинка.— Просто небольшая иллюстрация. Мысленный эксперимент. Представьте себе старый трамвай, который едет по рельсам. Сначала в одну сторону, а потом в другую. Очевидно, он меняет направление своего движения. Но вот пассажиры каждый раз представляют, что трамвай едет только вперёд. Туда, куда и нужно. Лишь потому, что им просто по пути.

Незнакомка замолчала, полезла в карман халата и протянула Виктору карамельку. Он покрутил в руках промокший в потёкшем сахарном сиропе фантик и на этот раз без опаски положил конфету в рот.
— Барбариски…
— Ваши любимые.
— Да. Помню, бабушка часто приберегала их для меня в кармане халата, чтобы при случае угостить… Чёрт! Как это возможно?!
— Возможно всё,— женщина снова залезла в карман и вдруг поставила перед парнем небольшой китайский будильник, стрелки которого, чуть подёргиваясь, как и положено, шли вперёд.— Да вы и сами прекрасно знаете, что все направления условны. И направления во времени— тоже. И то, что многие по привычке живут, двигаясь из прошлого в будущее, вовсе не означает, что это подходит абсолютно всем. Кому-то нужно двигаться назад. Кому-то перпендикулярно. А кому-то, как вам, просто хочется остановиться. И я помогу вам в этом.
— Но почему сейчас? И почему всё вокруг так… совпадает?
— Это интересный вопрос,— блондинка встала и подошла к окну.— Почему вы живёте на третьем этаже в девятой квартире дома номер восемьдесят один? Почему это последовательность квадратов чисел? Почему сумма цифр номера дома равна номеру квартиры? Почему восьмёрка похожа на повёрнутый символ бесконечности? Почему у вас куплена именно такая мебель, и почему она может быть расставлена в этой квартире единственным оптимальным способом? Почему мы встретились именно здесь и сегодня? Может, потому, что вам это было необходимо? А может, просто потому, что трамвай всегда едет по рельсам?
— Возможно…
— Подойдите-ка сюда… Взгляните.

Виктор подошёл к блондинке и посмотрел в окно. Там уже начался новый день. Солнце играло своими золотыми зайчиками в свежей зелёной листве, чуть шелестящей от дуновений лёгкого летнего ветерка. Во двор вышел уже полностью седой, но бодрый дедушка с внуком. Маленький мальчик весело подбежал к песочнице и начал увлечённо катать в ней игрушечную машинку.
— Это же… я,— прошептал писатель.
— Знаете, что это означает?
— Да,— парень на минуту обнял блондинку, крепко прижав к себе, и прошептал:— Это моя остановка.
— Тогда идите. В лучший день своей жизни. Идите! Трамвай не будет ждать вас слишком долго.

Витя вошёл в залитую солнцем комнату, где перед детской кроваткой на зелёном ковре со вчерашнего дня его ждали машинки, человечки и построенный из кубиков город. Мальчик поудобней устроился на мягком ворсе и продолжил играть в свою игру. Его ждало ещё множество выдуманных историй, полных загадок и приключений, но обязательно со счастливым концом.

Наталья с фотосумкой через плечо вошла в подъезд, поднялась на этаж и внезапно столкнулась с эффектной блондинкой, выходящей из дверей её

с Виктором квартиры. Незнакомка собиралась было запереть дверь снаружи, но чуть замешкалась, а Наталья уже крепко схватила её за локоть:
— Ты что тут делаешь? Ты кто такая вообще?
— Это не важно,—торопливым полушёпотом проговорила блондинка, всё ещё стараясь повернуть и вытащить ключ,—хоть Венера… богиня любви… безрукая.
— Чего?! Я спрашиваю, что ты делала у меня в квартире?!
— Вам лучше просто уйти и забыть об этом месте,— незнакомка неожиданно пристально и серьёзно посмотрела на девушку,—забыть всё. Вы всё равно забудете…
— Что ты говоришь? Это моя квартира! Там мои вещи!
— Это не ваша квартира… И там нет ваших вещей,—невозмутимо ответила блондинка, всё-таки пропуская напористую соперницу внутрь.

Наталья вбежала в небольшую однокомнатную хрущёвку и замерла посреди голых белых стен. Помещение было совершенно пустым: ни старомодной мебели, ни ковров, ни забавных вещей и практически антикварной посуды. Казалось, они с Виктором вовсе не заезжали сюда вчера и не восстанавливали целый день старую обстановку.

Первая мысль о том, что их, возможно, обокрали, вдруг наткнула на удивительный факт, которому Наталья сразу не поверила. Она даже специально поближе подошла к стене и несколько раз провела рукой по ней в том месте, где должны были находиться дырочки от старого ковра.
— Убедились?—нетерпеливо и даже раздражённо спросила незнакомка растерянную Наталью и буквально выволокла её за руку из квартиры.
— Но… Как же? А где Витя?
— Его здесь нет.
— Но он ведь жил здесь…—неуверенно проговорила девушка.
— Он и живёт… Там, где и жил раньше,—сухо ответила блондинка, но, видя недоумевающий взгляд Наталья, чуть смягчилась.—Не волнуйтесь вы, девушка. С ним всё хорошо. Он там, где хотел быть. И он счастлив.
— Он что, уехал? Не предупредив?
— Да. На ночном трамвае,—буркнула блондинка и, наконец, справилась с замком, приперев дверь коленом.
— Но мы же… Виделись утром…

Полностью обескураженная и подавленная, Наталья опустилась на подгибающихся ногах и села на ступеньки. Блондинка торопливо взглянула на часы и, обойдя девушку, быстро сбежала по лестнице. Спустившись на полпролёта вниз, она всё-таки оглянулась.
— Он не мог вас предупредить. Ведь его здесь не было. И всего этого места тоже. Вы не понимаете… Но главное—не волнуйтесь. Не зацикливайтесь на прошлом. Скоро всё изменится. Всё вокруг. И вы забудете. Просто настанет новый день.

ДиН ревю

Елена Говерт

Путь луны

Махачкала: «Алеф», 2020

Блюз ночного города

Играют блюз. Иль только кажется,
Что он звучит в приморском скверике?
Но кто сказать сейчас отважится,
Что это хуже, чем в Америке?

Звучит струна. Цветёт магнолия.
Аккорды падают устало.
На спицах блюза меланхолия
Фонарь качает у причала.

Гитара медленными ритмами,
Моей души касаясь вкрадчиво,
Внушить пытается, что слиты мы,
Как привиденья в душной прачечной.

И пляж пустой за дымкой прячется,
И след волны за пеной тянется,
Луна по волнам скачет мячиком,
Качаясь в ритмах блюза пьяницей.

И моря глубь большой глазницею,
Как зверь, зарницы ловит города,
И плач струны несётся птицею,
И чёрных туч свисают бороды.

И глаз кометы смотрит пристально—
Настал ли час, Творцом завещанный,
Как будет на продажу выставлен
Младенец на руках у женщины.

Александр Нехаев

Нечистая сила

И в каменном веке, и в период Возрождения, и в эпоху Ренессанса, и при социализме и прочих «измах» — в общем, во все докомпьютерные времена молодым мешали жить. Мешали-мешали, а потом свалились на молодецкие головы демократические свободы — это чтобы по сторонам не отвлекались: надо же кому-то увеличивать частные капиталы, не утруждая себя мыслительными процессами. Но это я так, мимоходом; главное — упаковать красиво. Как говорил мой друг Колька (сейчас он в миру уже Николай Михайлович): «Жизнь прекрасна и удивительна, но не всё удивительное прекрасно».

Да, Николай Михайлович, красивые и молодые мы были ребята, да тогда в геологи других и не принимали. Это сейчас, в наше удивительно честное рыночное время «капитализма с человеческим лицом» (интересно, что тогда мордой называется?), глянешь на себя в зеркало — и аппетит пропадает, и изумлённо думаешь: как же ты, Славка, до такого Вячеслава Алексеевича докатился?

Простите, немного отвлёкся. В средневековье, когда все жили одной жизнью и никто не имел понятия о жизни виртуальной, на Западе уже существовало намного более продвинутое общество; потом, конечно, мы их догнали и перегнали — фиг теперь они нас догонят. Европейцы тогда мылись аж два раза: не в день, а в начале и в конце жизни. Чтобы, значит, не смывать следы крещения. Может, и правда — вся зараза от воды? Медведь не моется — вон какой здоровый. Ну вот, теперь на гигиену отвлёкся. Всё, больше не буду. Дальше — только факты.

Существовала проблема, и называлась такая проблема конкретно — «нечистая сила». В Европе вычислили: подъёмная сила метлы не более пятидесяти пяти килограммов, поэтому раньше ведьмы-модели сгорали даже не сотнями, а тысячами. Или по-другому проверяли: кинули в воду, выплыла — значит, ведьма. Ну а если ошибочка вышла, то извините: не ошибается тот, кто ничего не делает.

И пусть сейчас так не принято, но я вам за просто так — без процентов и дополнительных финансовых вложений, то есть на халяву, — повышаю ваш ай-кью. Чтобы вы, хотя бы теоретически, с этой темой были знакомы. А то про прокладки все, от мала до велика, знают — это такая реклама, повышающая аппетит, а про нечистую силу… Встретитесь с таким явлением и не будете знать, что делать: то ли в обморок падать, то ли уговаривать купить что-нибудь ненужное.

Так вот: как вы думаете, будут там, в прожжённом капитализме, деньги выкидывать на ветер? Такие опытные бизнес-дельцы — и просто так, ни за что? Правильно, не будут. А вот если за нечистую силу… Поэтому за за́мок с привидениями сумму выкладывают намно-о-ого бо́льшую. Вот вам и доказательство, как последний вбитый гвоздь, — могли бы и раньше поверить.

В советское время, когда слово «бизнес» было словом ругательным (было-было, закройте рот), на Западе — это там, за бугром (да не надо никуда бежать, это просто фигуральное выражение — от слова «фигу»), — слово это удобно устроилось над «демократией», да и сейчас от этого матраца не отказывается. При социализме в нечистую силу мало кто верил, и у нас её почти и не было. Так, чуть-чуть, и то — только в сельской местности. Может, это связано с экологией, может, с «железным занавесом», но нас с Колькой это поначалу абсолютно не касалось: у нас другая забота нарисовалась.

Были мы с другом Колькой на геологической практике и оконтуривали песчаное месторождение. Если проще, то копали шурфы и отмечали мощность песчаного слоя, толщину то есть. Про угол падения, азимут и пробы объяснять ничего не буду — вам оно надо?

Ладно, лучше всё по порядку. Подвело нас неудачное стечение обстоятельств. Они к нам, бывает, стекаются. Неподалёку от нас находился большой мелкий водоём, и в этом водоёме плавали, ныряли и отдыхали на берегу гуси. У них, значит, курорт, а у нас работа. Много их было, кто их там считал, просто много — и всё. Может быть, гуси были колхозные — на них не написано.

Сидели-сидели мы с Колькой на отвале возле шурфа и переживали за нашу молодую несвободную жизнь. С одной стороны — всё не так плохо: Папа — наш начальник партии — организовал трёхразовое питание, и спать можно прямо на базе, на раскладушках. База — это большой пустой дом, арендованный нашей партией. Спи бесплатно и смотри тоже бесплатно цветные сны: цветные,

естественно, не для всех, а только для творческих натур. Мы с Колькой только цветные смотрели. Но с другой стороны—каждый день баранина с кашей, на обед—в стеклянной банке омлет с собой в поле, ну и воду, конечно, брали. Из этого меню только она и не надоедала. А если учесть, что наш Папулька и жил на базе в отдельной комнатке, и молодым никогда не был… И вот тут нас подвело одно не признанное наукой явление.

Обидно бывает за нашу науку. Учёные будут несколько лет доказывать, что в огурцах витаминов нет, потом наоборот—есть в них витамины, а ещё могут убеждать, что чем меньше сливочного масла и мяса в стране производится, тем эти продукты вреднее, а вот насчёт телепатии до сих пор не определились.

А мы сидели-сидели с Колькой, молчали-молчали, глядели-глядели на этот гусиный беспредел, ну и кто-то из нас сказал, что надо палку взять. Больше ни слова не было. Телепатия.

Ну ладно, мы с Колькой не первый год друг друга знаем, а откуда про двух добытых гусей наш Папик узнал? Ведь всё проглядывалось—степь да степь кругом: до самого села наблюдателей не было. Так он не просто узнал, а ещё и пообещал пристально наблюдать за нами как за родными и чуть что—сообщить в наше учебное заведение.

На следующий день мы планировали дальнейшую жизнь, сидя на отвале очередного шурфа спиной к озеру. А ещё говорят—«молодым везде у нас дорога». Сами понимаете, жизнь под надзором—это не жизнь. На чём-нибудь да проколешься, и ещё неизвестно, кто больше потеряет: мы без геологии, или геология без… ну ладно. Но поблизости к базе квартиру никто не предлагал, а далеко забираться тоже не хотелось.

Так ничего и не придумав, пришли на базу, сдали полевую книжку, поужинали и сидели за длинным колхозным столом (Папик с председателем на время полевого сезона за стол договорился) просто так. Хмуро сидели.

—А этот чего здесь сидит?—заинтересовался Колька.

Надо сказать, что в партии у нас был рабочий народ разношёрстный: бывший милиционер, бывший учитель пения, музыкант из похоронного оркестра, покинувший оркестр в надежде поправить у нас (?!) подорванное алкоголем здоровье и в упор не признающий музыкантом учителя пения, один начинающий наркоман и несколько бывших зэков—партия-то геологическая.

Был ещё один член нашего коллектива—он уже всем сообщил, что разведён и поэтому абсолютно свободен. Видимо, ждал, когда подберут. Было ему, как он выражался, полста пять лет, и в хорошем настроении он был уверен, что вся жизнь ещё впереди, но при другом настрое вся жизнь виделась в таком месте, которое, как ни крутись, не увидишь.

Вот он и сидел на другом конце стола в глубокой задумчивости. И это нам показалось странным. До этого вечера быстро закинет в себя ужин—и бегом к себе. От него же мы знали: комнату он снял недалеко от базы, «да ещё с такой уникальной женщиной—вам и не снилось». Ага, ещё бы нам разные старухи снились. Спасибо на добром слове. Но сейчас мы почувствовали между ним и нами над длинным столом из струганых досок какую-то мощную незримую связь. И пока я думал, как бы поделикатнее вызвать его на дачу показаний, Колька спросил:

—А тебя, Василич, уже выгнали, что ли?

—Чего это выгнали?—резко дёрнул головой тот.—Я сам ушёл,—он повернулся в нашу сторону всем туловищем,—сам. Взял и ушёл! Лучше тут буду.

Вот ведь не зря мы почувствовали, что должно нам повезти, но я на всякий случай—по горячему, чтобы на попятную не вздумал:

—Василич, так, значит, если ты оттуда—сюда, я правильно тебя понял?—Василич кивнул,—то мы можем на твоё место? Ага?

Василич поглядел на нас так, вроде первый раз увидел:

—Ребята, да чем вам тут плохо? Ребятки, от добра добра не ищут, там мёдом не намазано—не рыпайтесь. И комнатка небольшая,—видимо, представив прежнее жильё, нервно передёрнул плечами,—и, сами понимаете,—не бесплатно.

Но мы его уже не слушали. Тут надо успевать и другим хорошим людям дорогу перебежать, и до темноты успеть: как стемнеет, будешь звать хозяина, а отвечать тебе только собаки будут, но по-собачьи и нецензурно. Да и хозяин может так же ответить, если будешь по тёмному шуметь.

—Это точно,—уверял, широко шагая, Колька,—он к ней полез, а она ему,—Колька в полупоклоне махнул рукой во всю ширину улицы,—гуляй, Вася, ты прекрасен, но не здесь, а у себя на базе,—зуб даю.

У Кольки зубов как у акулы, иначе все бы уже раздал. Настроение наше поднималось круто и непобедимо, таких ребят, как мы, со своего фарватера не собьёшь…

Забор и ворота выглядели аккуратно и свежевыкрашенно. Я набрал в грудь побольше воздуха, собираясь вызвать хозяйку под наши светлые очи, но не понадобилось. Звякнула металлом калитка, и она медленно, с неприятным скрипом, отворилась.

—Заходите,—голос был спокойный и явно женский.

Смущало то, что сама она за открытой калиткой не просматривалась.

Мы переглянулись, и после небольшой паузы Колька очень бодро скомандовал:

—Заходим!

И мы зашли. И остановились. Потом, конечно, и разглядели добротный дом с резными наличниками, и тяжёлую калитку за собой прикрыли. А пока глядели на высокую женщину, которую ни бабулькой, ни бабушкой называть как-то неудобно. Серьёзная женщина. Осанка у неё была такая, словно она всю жизнь балет танцевала или княгиней работала, а вчера на пенсию вышла. А может, ещё и не вышла. Вот правильно говорят, что глаза—это зеркало души. Чьей только? В её ярко-зелёных глазах я видел нас: понятных до самого-самого донышка. Колька потом тоже что-то про женский рентген высказался. Это для других мы такие крутые, что дальше некуда, а сам-то знаешь: мявкает иногда душа жалобно, как бездомный котёнок под дождём,—да и вообще, на базе жить всё-таки можно, не такой уж плохой мужик наш начальник.

Шевеление у её ног помогло нам перевести глаза на… Я сразу понял: собака Баскервилей этой же породы. И когда женщина повернула к ней голову (Господи, такие профили только на монетах чеканить), зверюга, лежащая на зацементированном дворе, на время прекратила нас изучать. Не отрывая голову от пола, перевела жёлтые глаза вправо и вверх—на хозяйку. Какое-то время зелёное и жёлтое о чём-то советовались, а потом снова этот цербер стал изучать прежнее меню.

Если хозяйка у нас вызвала какую-то оторопь, то уж такая собачка… Никому не понравится, когда на живых людей так смотрят. Но мы с Колькой в такие моменты никогда не признаемся, что в наших мозгах и здравый смысл иногда пробегает. Потому, что мы друг друга круче. В общем, я почувствовал: вляпались. Меня нисколько не удивило прозвучавшее:
— А ко мне собачки очень быстро привыкают,—и стало ясно, что обратного пути уже нет.

Само собой, и я подключился:
— Здравствуйте, хозяюшка!—в горле першило, я кашлянул.—А мы к вам,—и снова закашлялся, но хозяйка помогла:
— Добрый вечер! Насчёт квартиры, наверное, ребята…

Мы синхронно кивнули, но я отметил: забыла она вопросительную интонацию присобачить. Я опять посмотрел на друга человека, но так, чтобы глазами не встретиться,—спасибо Василичу, удружил…
— Значит, так, ребята-удальцы. Звать меня Ядвига Ивановна. Да ты прикрой калитку, не бойся,—это она уже мне, лично.—Захочет—перемахнёт. Одна комната будет ваша—небольшая, но другой нет. В доме зимний туалет есть—будете им пользоваться. Причина простая: я женщина одинокая и после десяти вечера Волчека отпускаю.

После этих слов я ожидал какой-то реакции, но не дождался. Вообще-то меня бы нисколько не удивило, если бы кто-то из них иронически ухмыльнулся.
— Сейчас я Волчека прицеплю и комнату вам покажу. Пойдём, Волчек.

Волчек не торопясь поднялся с пола, громко зевнул (лучше бы не зевал), ещё раз оценил нас и разочарованно поплёлся в глубь немаленького двора.

Мы с места не двигались, пока не позвали. Даже очень захотелось сделать хозяйке что-то доброе. Когда вели комнату показывать, Колька (он-то сам сельский) заметил за вольерными оградами слева и справа от хозяйского участка: поливают соседи свои сады-огороды. А чего не поливать? Вода дармова́я—в задах их участков ручей протекает, так они себе такие водоёмы отбаба́хали—даже рыбку в них развели.

Нам Ядвига Ивановна купаться в своём пруду разрешила. Только чтобы никакого вреда не было. А сад её мне лесом показался. Дремучим и старым.
— А давайте мы вам всё польём!—щедро, не спрашивая меня, предложил Колька.—Я смотрю, земля сухая…
— Спасибо, полито уже.

В общем, комната нам понравилась. Нам она если бы и не понравилась, то всё равно бы понравилась: спасибо другу Кольке. Кровать пусть одна, но двуспальная, с никелированными шишечками на спинках. Между окном в сад и кроватью—неширокий проход, как раз по размеру узенькой самодельной тумбочки. На стене у входа изображала вешалку мощная доска со старинными коваными четырёхгранными гвоздями с большими шляпками.

Больше никакой мебели в комнате не было. Ну, нам больше и не надо. Постельное бельё аккуратной стопочкой лежало на подушках, тумбочку можно использовать вместо стола: закуска поместится—и ладно.

Колька, когда остались сами, посидел, помолчал и высказался:
— Странноватенькая эта Ядвига Ивановна. Стран-но-ва-тень-ка-я. У нас в селе одна такая была. Все говорили: ведьма. И чем-то, Слав, они похожи. Эта тоже на строгую учительницу смахивает. Заметил, как они с собачкой переглядывались? Но знаешь, в чём основной секрет силы ведьминской? Это всё, Славка, только психология, зуб даю.
— Ну, это уже во второй мешок будем складывать,—высчитал я, но лекция продолжалась: сейчас он как глухарь на току, надо потерпеть.
— Вся её сила действует, пока ты в её колдовство веришь. А если в эту фигню не веришь и нам эта фигня до лампочки, то нас эта фигня не касается. В нашей жизни главное что? Чтобы не скучно было жить. И у нас, Славка, сегодня,—он залихватски подмигнул,—ещё столько работы, столько работы…—и воскликнул:—Обживаемся, Славка!

И тут же успел и туалет проверить, и сообщить мне, что если вдруг ему будет тесно спать, то я могу ночку-другую на базе перекантоваться. На что я ему сразу же сообщил, что постараюсь бережно подготовить его Наталью к такой интересной новости. И ещё (не терпеть же) напомнил, как его собаки любят: я-то знаю, откуда у него зашитый шрам на интересном месте.

— Не вы меня за задницу кусали — не вам и обсуждать, — высокомерно ответил Колька.

Чтобы не прожигать жизнь зазря, сходили мимо внимательного Волчека на базу за вещами и в магазин за необходимыми продуктами. И когда наконец-то попали к себе, я откинулся на кровати, заложив руки за голову. Какое-то беспокойство в душе было, но я всё равно воодушевился: ну что, Папуля, — съел?

Коля постоял, поставил свою сумку с двадцатью одной семёркой (был такой портвейн «777») у кровати и спросил:

— Ты, случайно, не ослеп от счастья?

— Чего вдруг? — я сел на кровати.

— Глянь! — он ткнул пальцем за окно.

Я внимательно осмотрел сад за окном, а потом и Кольку. Понимая, что смотреть и видеть — это не одно и то же, Колька сообщил:

— Земля сухая. И канавок нет.

— Коля, да она просто раньше полила, — предположил я. — Дался тебе этот полив.

Колька подарил мне милосердный взгляд и принялся оформлять праздничный стол. То есть на газетку на тумбочке стал выкладывать наши припасы. А я взялся колбасу нарезать. Ну надо же, как человеку поливать захотелось…

Два вечера мы праздновали свою победу и спали как убитые. Конечно, мы обсудили нашу хозяйку и сверху донизу, и снизу доверху, и по диагонали. Специализацию нашей бабы-яги не определили, но и обсуждать надоело: если каждую ведьму обсуждать… Правда, я в ведьмах не разбираюсь, но и Колька не смог объяснить, чем ведьма от колдуньи отличается, — тоже мне, специалист. Перед третьей ночью в магазин не наведывались: устали от диспутов.

Проснулись утром раненько, потому как окно вечером оставили открытым и комарикам мы очень понравились. Они не дураки на халяву выпить. Решили, что надо что-то для этих кровопивцев купить, пока мы до дна не выпиты.

Выходя со двора, пожелали доброго утра Ядвиге Ивановне, на что та, расчёсывая длинные, с серебринкой, волосы, откликнулась:

— Я вас, ребята, забыла предупредить: девчат сюда не водить. Коле и так нельзя, Коля свою Наташу огорчать не будет, а Слава… — не отрывая от меня глаз, она наклонила к плечу голову…

— А Слава тоже огорчаться не будет, — посмотрев в сторону Волчека, согласился я.

— У тебя, Коля, с Наташей всё ведь серьёзно, правда? — баловалась своим рентгеном Ядвига Ивановна.

— А как же?! Серьёзней не бывает! — отрапортовал Колька, у него не заржавеет. — Всё путём! А почему спрашиваете?

— А чтобы было всё путём, — криво усмехнулась правой частью своего чеканного лица Ядвига Ивановна.

Уже сидя за нашим базовым столом, я случайно заметил внимательный взгляд Василича. Глядел Василич на Кольку. А Коля поднёс кружку с компотом ко рту — и за компот забыл. Сидел, как статуя тех времён, когда ещё не догадались скульпторы чашечками-ямочками радужницы глаз обозначить. Сидел с глазами открытыми, но наружу не глядел.

— Коля, — тихо позвал я, — пей компот…

Он вернулся в наш мир, кивнул, влил в себя компот. Молча. Я решил подождать, пока он не заговорит. Я тоже не хотел лишний раз паниковать, но смутила меня утром одна зелёная веточка. У входа в дом на ступеньке лежала. Ночью то ли снилось, то ли слышалось: вода плескалась в конце сада, и пел кто-то негромко. Слушал, долго слушал — потом друг Колька ворочаться стал. А я заснул. Так хотелось хотя бы мелодию напева вспомнить — нет, не получалось… Но голос красивый… очень.

Ну, мало ли чего нам снится или слышится, вот только веточка эта кабомба называется. Я раньше аквариум держал, знаю такое растение — водяное оно, на суше не растёт. Ветром эту веточку принести не могло…

Коля молчал. Я ждал. Нас развезли по точкам на нашем старом грузовике, мы — молча и слаженно, не в первый раз, — вытащили крепление-опалубку с законченного шурфа, перетащили на новое место всё своё рабочее хозяйство и сели.

— Слава, — произнёс бывший немой, — а откуда она знает наши имена? Мы при ней друг друга никак не называли.

Мы помолчали. Я старался вспомнить. И вроде он был прав. Неуютно как-то стало.

— Может, у наших спросила? — неуверенно предположил я.

— Ну конечно. Побежала на базу спрашивать. Постеснялась у нас спросить. Стеснительная такая. А про Наталью? Про Наталью только ты и я знаем. Ты и я, больше никто. Про неё откуда? Славка! Про неё — откуда?

Наступила звенящая тишина. Наверное, это звенел перегретый от зноя воздух. Мы молчали. Колька произнёс:

— Слав… Ты когда спал… смеялся кто-то… Под окном, тихонечко так, но я слышал… Смех такой идиотский… аж мороз по коже, — он передёрнул плечами.

И раньше наш будущий песчаный карьер и водоём с гусями—будь они трижды неладны, из-за них всё,—накрывал выцветший от жары светло-голубой купол неба, давно высохшая трава уже не ждала дождя, кое-где тускло зеленели пыльные, наполовину сухие кусты шиповника,—всё было как и раньше. Только мне как-то не по себе стало. Видимо, не показалось: точно кто-то плескался ночью…

А с именами прокололась Ядвига Ивановна. Забылась, видимо. Может, эти ведьмы, когда волосы расчёсывают, колдуют чего-нибудь, вот по рассеянности и высказалась… Думала, мы ничего не заметим.

— Коля, давай свои лопаты на квартиру возьмём. У нас же никакого оружия нет.

— Да у неё и возьмём. Если спросит, скажем: тупые они—поточить надо. У неё они справа, под навесом, у стенки стоят, я видел. Мне она, Славка, сразу подозрительной показалась. Я в селе вырос. У нас коров в стадо многие по другой улице гоняли. Знаешь почему? В конце улицы бабулечка одна жила. С виду божий одуванчик. Зубную боль могла заговаривать. Но бабы рассказывали: глазли-ива-ая,—Коля покачал головой.—Если не понравится чем хозяин или хозяйка—сглазит корову, и попробуй потом её вылечить. На нашего ветеринара самогона не напасёшься. Мне знаешь как от матери влетело, когда я напрямую корову в стадо погнал? Пусть суеверия, но корова дороже… А дом ты её видел? У одинокой женщины дом так выглядеть не будет. А сад какой? А?! Это же соток сорок! А ей поливать не надо! И этот ещё под окном зевает…

— Кто зевает?!—вскинулся я, хотя, конечно, надо было бы спокойней отреагировать, но я сразу вспомнил, кто и как зевает…

— Кто-кто,—не стал объяснять Коля.

В общем, отошли мы к ближним кустам шиповника, легли в продырявленную тень и выспались по-человечески: в сон клонило после такой ночёвки. Но возвращаться на базу было нельзя: Василич явно знал больше чем надо и мог это дело обнародовать. А кому хочется быть посмешищем? Нас нечистой силой не испугаешь. Колька раньше высказывался так: главное в жизни, чтобы не скучно было. Не скучаем теперь. Выковыривая с тела разные сухие палочки и прочий мусор (эх, раскладушки бы с базы сюда), припомнил:

— Кто тебя за язык тянул: «А ко мне собаки быстро привыкают»?

— Да если б ты тогда не сказал: «Надо палку взять»,—ничего бы и не было,—мрачно выдал Колька.

Нет, может быть, это я и сказал, но не таким же противным голосом,—и непроизвольно поглядел в сторону водоёма. И ведь все такие беленькие…

Но потом вместе решили: если бы Василич не темнил, то ничего бы и не было.

По возвращении лопаты захватить не удалось, по двору ведьма Ядвига шастала. Мы, конечно, чин чинарём, мы тут вовсе ни при чём, зашли к себе, посидели, послушали, и, дождавшись, когда во дворе наконец-то затихло, Коля пошёл за лопатами.

— Коленька, неужто клад решили откопать? Так у меня только одно сокровище—доченька Алёнушка, но и этот клад в чужие руки не даётся…

Мамочки, да что ж нам не везёт-то так?! Ведь вроде в дом ушла… И, уже торопясь во двор, к другу Кольке, услышал:

— Ядвига Ивановна, так мы это, поточить решили, тупые совсем…

— Ты это про лопаты, Коля? Ты подожди, я сейчас напильничек и камешек принесу, а то как же вы их точить будете? Да вы на свежем воздухе садитесь и работайте. Я вам сейчас ещё инструмент поднесу. Вроде брат точил недавно—и смотри ж ты, затупились…

Натаскала она нам и тяпок, и лопат—ещё одну штыковую и две совковых, и даже пару вил. Мы мрачно оглядели это богатство и принялись вжикать: я—камнем, Колька—напильником.

Ядвига Ивановна принесла две чашки компота—компот холодненький, я по чашкам, когда из её рук брал, почувствовал.

— Не вздумай пить,—прошипел Колька,—только вид делаем, что пьём, понял?

Мы так и делали. Ощущали холодную испарину-конденсат на боках чашек и в такую жарищу «делали вид». И, пропади оно всё пропадом, я уже хотел сдаться, но Коля тихо сообщил:

— А она в сельской жизни понимает не больше твоего.

Меня это даже покоробило: нашёл с кем сравнивать. Я же друг всё-таки. Я к нему с уважением отношусь: я ещё когда к мопеду с опаской приглядывался, Колька уже на тракторе «Беларус» в чужой огород въехал. Даже обещал и меня научить, когда трактор раздобудем.

Но тут до меня дошло, что что-то я в упор не вижу.

Я потёр длинным камнем (оказывается, он оселком называется) тяпку:

— Ну, и дальше?..

— Ты оселком от себя води, когда к себе—только тупишь. И когда наточишь—по внутренней стороне лезвия проведёшь, заусеницы снимешь,—и Коля, взяв у меня оселок, прошёлся туда-сюда по плоскости своей тяпки.—Понял?—и отставил тяпку в сторону.

— Понял, не дурак. Объясни, что не так.

— Где ты видел, чтобы совковые лопаты точили? Или вилы?

— Так что—не точить?

— Не точить—себя выдадим. Компот на землю вылей—опоит чем-нибудь…

— Я теперь грамотно вжикал — от себя — по совковой лопате и вспоминал картину Васнецова. Алёнушку у пруда. Помнил, что лицо красивое, но лицо представить не мог. Словно после сна: во сне всё нормально виделось, а проснёшься — почти ничего и не помнишь. Очень хотелось её внучку увидеть. Красивая, наверное. И тут я вспомнил: кабомба! И даже работу прекратил.
— Чего ещё? — Коля тоже на время прервался.
— Ничего, всё нормально.

Я решил: не надо про это Кольке. Ни к чему. Разобраться сначала надо. По-человечески, без всяких суеверий. Логически.

В природе всякий организм имеет право на жизнь, независимо от того, признаёт его наука или ещё не определилась. Это факт. Неопровержимый. Вот если мамонты вымерли — так они точно вымерли. И мировая наука этот факт подтверждает официально. Вымерли. Но, с другой стороны, наши академики и доценты с кандидатами наотрез отрицали факт существования гигантских кальмаров. Учёные отрицали, а кальмары с кашалотами друг на друга охотились. Но чтобы подтвердить существование такого вида, необходимо было посетить китобойную флотилию «Алеут», а для этого требовалось от роскошных кожаных кресел оторвать такие же попы. А снежный человек? «Будут шкура и кости — тогда признаем». Сотни людей уже его наблюдали, — а им давай шкуру и кости. Даже в СМИ есть публикации: не боятся они с нашими женщинами жить. Шкуру и кости учёным подавай. Да пусть он и снежный, но человек — он ведь вашу шкуру не требует?

А про русалок сколько страшилок понапридумывали? Мужиков они к себе, видите ли, утаскивают! Вроде сухопутные не к себе, а другим их таскают. Насчёт русалок всё ясно: их существование наука не отрицает и шкур не требует. Наши учёные уже учёные. Фотографии иногда в СМИ бывают, пусть мутные, но видно, что грудь — женская. С этим всё понятно: каждая женщина желает абсолютно случайно показать, какая она прекрасная. В своей борьбе за равноправие они скоро с голым торсом ходить будут. Просто у русалок это всё естественно. И без всяких хищных мыслей. Никому и в голову не пришло: если у них грудь, то они такие же млекопитающие, как и мы. Чего вы им рыбьи хвосты рисуете?

А если за тысячи лет никто никогда ни одной некрасивой русалки не видел — это о чём говорит? А уж голос какой — это я и сам слышал… Можно, конечно, голову в песок — и всё отрицать. И Ядвига Ивановна не существует, и дочки Алёнушки у неё нет — это просто групповая галлюцинация. Только их, групповых, не бывает.

Я почувствовал взгляд — и поднял глаза на Кольку.
— Ты чего? — тихо спросил он.
— Да так, думаю…
— Думай не думай, а объективную реальность на кривой кобыле не объедешь, — изрёк Колька народную мудрость, а я кивнул.

Что тут ещё скажешь? Учёные на всякий случай до другого додумались: «Все эти сущности попадают к нам из другой, параллельной, реальности». Ну вот зачем что-то потустороннее придумывать? Ведь взрослые люди… Где они видели, чтобы параллельные реальности пересекались? Они же — па-рал-лель-ны-е! Другая реальность — другое дело: мы с Колькой то в одну, то в другую реальность вляпаемся…

И какая же это нечистая сила, если она в воде постоянно плескается? Вот они-то как раз почище нас будут… А то привыкли: чуть что непонятное, так это или не существует, или обязательно плохо. Все эти профессора в своё время спорили: почему аквариум с золотой рыбкой весит столько же, сколько и без рыбки? Долго спорили, пока не взвесили.

Одиноко ей тут, наверное. И людям показаться побаивается. Нормальный человек голышом к людям не попрётся. Кольке хорошо: у него Наташка есть. А тут живи как хочешь…

В общем, как только привели мы в порядок весь садово-огородный инвентарь, Ядвига Ивановна бодро притащила кувалду.
— Что, тоже поточить? — раздражённо спросил Коля. — Я кувалды не точу.
— А её что — тоже точить надо? Разболталась она, на ручке не держится — может, клинышек какой вбить… или два…

Колька сунул кувалду в рядом стоящую кадку с водой и, уже направившись в спасительную комнату без всяких оборонительных инструментов, буркнул:
— Завтра будет как новая.
— Вот спасибо, ребята, уважили старуху.

Не знаю, как Колька, а я шёл за ним и думал: вот как влепит сейчас в спину какой-нибудь файербол или что у неё там припасено, так с любой раскрасавицей такой тёщи не захочешь…

Перед сном уговорил я Колю искупаться — и не зря. Водоёмчик был не очень большой: метров двадцать пять в длину, а в ширину поменьше — метров пятнадцать. Но то, что хотел найти, я нашёл. По берегам водоёма густо росла смородина, а в прогале, на входе в воду, скамеечка стояла, и вот возле неё я и увидел отпечатки ног. Сомнения не было: следы женские — небольшие такие отпечаточки. Подумалось: расставь она пальчики пошире, то и перепоночки бы между ними отпечатались, но тут грунт плотный, потому и следы такие.
— Ну ты чего в воду не лезешь? — позвал Коля. — Сам меня сюда вытащил — и на берегу топчется.

Я ещё потоптался на следах возле скамейки и пошёл в воду. Пробовал донырнуть до дна

на середине,—не получилось. Да и темно там, внизу, ничего не разглядишь.

После купания долго не удавалось заснуть. Не спалось. Аэрозоль, купленный для защиты от комаров, действовал—не гудели. Но Коля сказал, что его всё равно кусают, и закрыл окно. Коля отрубился первый, а я лежал, прислушивался к разным звукам и незаметно заснул.

Ночью неожиданно проснулся. Как будто кто меня толкнул. Рядом посапывал друг Колька, но заснуть снова это мешало, и я, не открывая глаз, толкнул его, так, несильно, чтобы перевернулся и не сопел. Локоть попал в пустоту. Я был один. Но кто-то дышал. Рядышком. Как человек. Но даже под кроватью никого не было. И в тумбочке тоже. Полная луна холодным неживым светом освещала пустую комнату. Никого в ней не было. Я был один. Задержал дыхание насколько мог—всё равно дышало.

Доигрались.

Послышались тихие шаги. В коридорчике, соединяющем нашу комнату и туалет. Шаги приближались. Я понял: это уже за мной. Кинулся к вешалке, сорвал её со стены, бросил на кровать, поднял над головой тумбочку—она потяжелее будет, замахнулся.

И вошёл Колька.

— Славка, ты что?!—расширенными глазами он смотрел на меня.—Что случились?

— Коля…

— Славка, поставь тумбочку!

— Да?—удивился я, глянув на тумбочку над головой,—и, опуская её, вспомнил, из-за чего всё началось.—Коля, я похож на сумасшедшего?

— Похож. Даже очень похож. Раньше ты на меня с тумбочками не кидался.

— Тут кто-то дышит.

— Так что—не дышать?—взгляд у него стал какой-то чересчур уж внимательный.

— Коля, слушай меня. Я выхожу в коридор, а ты тут,—я покрутил пальцами перед ним,—в общем, ложись на кровать и тихо лежи. Тихо-тихо. И слушай. Если что—я в коридоре.

Коля тоже покрутил пальцами, но у виска:

— Может мне лучше сразу—в окно и огородами?

— Коля, я прошу тебя…

И он согласился.

В коридорчике, ведущем в туалет, я ждал недолго.

— Слав,—позвал очень серьёзным голосом Коля—и я понял: зря на что-то надеялся. Значит, не показалось.

— В тумбочке ты всё солью пересыпал,—безразлично сообщил он.

— Что делать будем?

— А ничего. Что ты сделаешь? Уйдём утром. Нам собираться—только подпоясаться.

Не спали. Как ты заснёшь, если дышит? И именно в изголовье кровати дышит. Хотели подушки переложить, но тогда совсем ничего не проконтролируешь. Да и ноги жалко. Утра мы, бодрствуя, дождались с трудом. Коля поклонился кровати:

— Спасибо этому дому, пойдём к другому. Лучше уж на родной базе.

— Ага,—отвесил поклон и я.—Пошли отсюда.

И мы пошли. Дошагали по пустынному двору до ворот, но только откинул рычажок-защёлку—сзади послышалось:

— Ребята, вы что, уходите?

Мы обернулись на её голос, а за моей спиной заскрипела, самовольно отворяясь, калитка: идите, мол, на все четыре стороны.

— Почему уходим?..—помялся я.—Мы так…

— А откуда вы знаете, что мы… ну, уходим?—Коля сначала засмущался, но потом строго добавил:—А?

— Так слышно же,—произнесла Ядвига Ивановна, поплотнее запахивая халат на ночной рубашке. Подвигала плечами и повторила:—Слышно…—она помолчала.—Может, дорого для вас… так я Алёнушке деньги уже отослала…

— Как? Куда?—поразился я.—А там кто?—я дёрнул головой в сторону водоёма.

— Где?—она испуганно отшатнулась.

— На пру-ду!—обличающе припечатал я.—Я следы видел! Женские!

— Так это мои следы, чьи ещё? Ну, напугали…—с неё словно гора свалилась.—Кому там ещё быть?

— А дышит там кто?!—Коля со своей указующей рукой был сейчас похож на известную статую: «Верной дорогой идёте, товарищи!»

— Где?—опять вскрикнула испуганная женщина (а как её ещё можно сейчас назвать?), сначала отшатнувшись, а потом бочком-бочком, оглядываясь, мелкими шажками продвигаясь к нам.

Она у нас, у мужиков, защиты искала. Да когда женщине, пусть она трижды, четырежды, да хоть десять раз ведьма, защита требуется—да что ж мы, мужики, не защитим?

— Спокойно, Николай!—приказал я.—Ядвига Ивановна, вы точно не знаете, кто там у вас дышит?

— Ребята, не уходите…—она прижала руки к груди.—Значит и прежний квартирант…

— А у вас в доме всё нормально?—возникла у меня одна мысль, но она требовала тщательной проверки.

— Нормально… как у всех, так и у меня… Посмотреть хотите?

— Вот именно,—твёрдо сказал я.—Раз уж вы ни при чём, но, возможно, вы и при чём, но вы про это не знаете…

Друг Колька смотрел на меня так, словно я ночью тумбочку себе на голову уронил.

Обстановка в доме была как у всех: телевизор, динамик местной радиосети, швейная машинка «Подольск», множество чёрно-белых фотографий в одной большой рамке, ковёр над диваном,

а у общей с нашей комнатой стеной стояла такая же, как у нас, раритетная кровать. А у кровати…

Прямоугольная ниша в стене наводила на мысль о бывшем здесь когда-то окне. Внизу ниша использовалась как полочка. Тут прекрасно помещались Стругацкие: «Трудно быть богом» и «Понедельник начинается в субботу» (я хозяйку сразу зауважал), ещё несколько книг, очки (точно не ведьма: где вы видели ведьм в очках?), какая-то женская мелочёвка и фотография. На фотографии улыбалась она. Да я только увидел фотку—сразу почувствовал: Алёнушка. Я её именно такой и представлял.
—Здесь было окно,—громко объявил я, чтобы всем было понятно: всё разгадано, бояться нечего, Ш. Холмсы пусть нервно курят в сторонке.
—Да,—подтвердила уже не такая испуганная хозяйка.—Попросила заложить, но так, чтобы полочка пошире получилась. А что?
—Значит, в четверть кирпича заложили. Так я с самого начала и думал,—сделал необходимую паузу.—Это вы и дышали! Но вы про это не знали: вы спали!

Про разную толщину кладки мне дедушка рассказывал—ну, я и блеснул.
—У старых людей сон шумный, а стенка тонкая,—ещё раз блеснул я.—Вот и слышно…

У Ядвиги Ивановны взгляд как-то сузился.

Но друг Колька сдаваться не собирался:
—Я сельский, между прочим, а у вас земля сухая, и что—«уже полито»? А откуда вам известно, что мою Наташку Натальей зовут?
—Откуда?! Оттуда!—громко возмутилась уже ставшая прежней Ядвига Ивановна.—Экая невидаль—насос и трубы с дырочками в земле. Сам он сельский! Деревня! Слышно вас, знатоков нечистой силы,—она ткнула пальцем в заложенный проём,—«бабой-ягой» меня называли, гляди ты на них! Да мне только сорок два!

Ого, подумал я, она ж нам в матери годится…
—А как вам игрушечка понравилась? Та, что «хохотунчик» называется? Жалко, батареечка подсела… Понравилось, как смеётся? Главное в жизни что? Чтобы не скучно было жить. Правильно, Коля?
—А зачем тогда кувалду?—резко наклонился в её сторону Коля, припомнив тяжёлое оскорбление.
—А затем! Не надо мой компот на землю выливать! Даже не попробовали!
—Так мы… это…

Пока они препирались, я на Алёнушку смотрел. Вот бывает же такая красота, что и сравнить не с кем… Ну и вопрос закинул, когда все наши козыри закончились:
—А мы у вас ещё месячишко поживём? Если вы не против? И с Волчеком точно подружимся.

Подумал: потом слово за слово—и узнаю, когда дочка приедет. А если кому не нравится, может на базе пожить. В конце концов, у него Наташка есть.
—Да с этим телком дружить—как с горы катиться, он только с виду грозный,—расхохоталась совсем уже нестрашная Ядвига.—Не выгонять же его… Ребята, а я что, правда старухой выгляжу?

…Пожили мы у неё ещё месяц. Алёнушка так и не приехала: хотел я ей написать, что это последнее дело—о родителях забывать, да надо было адрес выведать, а я чего-то так и не выведал. Два дня нашей практики ещё оставалось. А Коля Ядвиге твёрдо пообещал: кого-нибудь он на квартиру к ней точно определит, или он не он будет.

Практика заканчивалась, было грустно. Коля вдохновенно, конспиративно оглядываясь по сторонам, объяснял Василичу:
—Понимаешь, я же про это больше никому не могу. Никто ж не поверит. Ты человек знающий, тебе рассказывать не надо. Помнишь, нас Папа со Славкой разъединил и Славку в другой район на недельку послал?..
—Так и правильно сделал,—не выдержал Василич.—Вас вдвоём долго держать нельзя—вы без фестивалей не можете…
—Не перебивай, Василич, я же тебе как своему. Так вот, когда Славки не было, в полнолуние дыхание…
—Ну!—мгновенно отреагировал Василич, оглянулся и наклонился поближе к Коле.—Ну? Ну и что?
—А то!—у Кольки даже глаза победно засверкали.—Но только если ты никому…
—Так я ж слышал, Коля, я слышал. Я почему вернулся? Никого нет, а дышит…
—Слушай меня, Василич! Не перебивай! Я что заметил: глаза откроешь,—никого нет, сразу исчезает. Но я чуть-чуть разглядеть успел,—и они наклонились друг к другу ещё ближе,—старая она уже. Ей ведь уже лет сорок, не меньше.
—Что-о-о?—громко возмутился Василич и тяжело задышал.—Да ты что?! Много вы понимаете—«старая»! Да это ж самое то! Что б вы понима…
—Но если глаза не открывать,—плетёт свою сеть этот враль, а Василич, хоть рядом с пушки стреляй, уже только Кольку слышит,—то рукой чувствуешь: кожа такая приятная, упругая и немного влажная… Так, чуть-чуть. Пониже я тоже из-под век глянул—всё там очень даже при месте,—тут Колька покачал головой и губы трубочкой многозначительно вытянул:—Очень даже…

Нет, друг-то он, конечно, друг… Но иногда—чересчур. Язык как помело… Что-то русалочье в Алёнушке всё-таки есть…
—Да ты подумай,—Коля легко обходился без антрактов,—если вверху всё как у нас,—Коля сделал два полукруглых движения у груди,—ну, как у женщин, то прикинь: какой у млекопитающих может быть рыбий хвост? А?
—Да чего тут непонятного?—расширил глаза Василич.—Сам подумай: как она к вам на хвосте

бы дошла? То-то! Эх вы… Долго вы там ещё ошиваться будете? Практика ваша вроде закончилась?
— Послезавтра уезжаем,— с чувством выполненного долга выдохнул Коля.— Прямо сейчас идём к Ядвиге Ивановне договариваться — лучше тебе с нами ей показаться. И ты ей лишними вопросами не надоедай. Ну что, пошли?

По дороге Василич получал последние инструкции:
— Сразу предложишь ей полить сад — не волнуйся, пахать не придётся, этим русалка занимается, но предложить надо. И не гляди, что там сверху земля сухая. Это тебя не касается — поглядел и забыл. Насчёт собачки я с ней договорился — собачка тебя будет любить.
— Как — любить? — отшатнулся Василич.
— Мы рядом будем,— покровительственно обнял его Коля,— ты позовёшь Волчека, прикажешь: Волчек, ко мне! И…

Шли мы быстро, и когда жертва резко остановилась, Коля шага три пролетел в одиночном полёте.
— Василич, мы же рядом с тобой будем, ты чего? Там всё капитально схвачено, удача на тебя заговорена, зуб даю…

Уговорили. Дошли. Позвякали щеколдой калитки и подождали. Ждали недолго. Грюкнула, падая, щеколда запора, скрежет медленно отворяющейся калитки напомнил: обещали смазать, да как-то забыли,— услышали торжественное:
— Заходите.

Так же стояла величественная Ядвига и лежал у её ног очень грозный Волчек. Всё так. А мы уже послезавтра уезжаем. Трудно было матери весточку прислать?..
— Если хотите, я вам тут всё полить могу,— предлагает Василич, на что наша родственная душа, демонстративно поглядев в сторону водоёма (не только ведьмам скучно бывает, да и кто в их женском роде разбирается?), очень официально отвечает:
— Всё уже полито, не волнуйтесь, пожалуйста.

Наш коллега, понимая, что всё идёт как по нотам, приосанился.
— Зови Волчека, мы рядом,— шепчет Коля и тот, часто подышав, тоже шепчет:
— Волчек, ко мне… — а Волчек, наконец-то дождавшись своего огромного собачьего счастья, бешено виляя хвостом, закидывает лапы на плечи Василича и радостно облизывает белое лицо.

Жаль, что Ядвига Ивановна не согласилась цену повысить: пригодилась бы денежка Алёнушке. А Кольку предупрежу: пусть литру ставит, а то расскажу Наталье про его шашни с русалкой. Тогда он всё про нечистую силу узнает. Или бутылки хватит? Друг всё-таки…

«*P. S.* Да, друг мой Колька, Николай Михайлович, было время… А что теперь? В нынешнее время нечистой силы стало намно-ого больше, и русалки тут ни при чём: какие русалки с такой экологией? — тут другие млекопитающие при чём… Ну да ладно, глядишь, поумнеть успеем… Наталье два привета передавай, прошлый раз ты забыл, наверное, передать…»

Анна Сафонова

Лицом к лицу…

«Владивосток—Япония: два часа до встречи»: после прочтения

Человечество так печально,
Господи, и океан такой синий.
Сюсаку Эндо. Молчание

Похоже на коан, правда?

Слова Эндо.

Название книги.

Вроде бы всё понятно, логично, зримо.

Но…

Коан решается озарением, не логикой, нет.

Истинная природа постигается в тишине ума.

Как цунами сообщает своих предвестников, так и простота слов—лишь поверхность.

Книга «Владивосток—Япония: два часа до встречи» вышла в Приморье, в «Дальиздате». В июне 2020 года благополучно её получила, и следом—сообщение от составителя: «Буду ждать мнений и впечатлений. Спасибо». Да, конечно.

Наша встреча с книгой—отдельный рассказ. Услышала о ней задолго до выхода. Мало что зная о создателях и об авторах, тем не менее—книгу я ждала. Давно и прочно интересуюсь буддизмом: собираю всё, что можно. Поразила совершенно история статуи Будды Мира во Владивостоке. Не ведая о грядущем «потопе» (читай—пандемии), тихонько порадовалась: рядом есть Будда. Не так заковыристо добираться, как до бурятов,—всего-то два часа до встречи. Так подумалось—подспудно, на всякий случай. А потом наступил март, и от моих южно-азиатских Будд, с которыми давно сроднилась, остались улыбки и фотографии. Время «чеширских котов», но—аминь.

Книга красивая, со вкусом и с душой сделанная—полноцвет, мягкий переплёт. Внутри—та самая история статуи Будды и шестьдесят эссе—русских, японцев—шестьдесят попыток контакта, состоявшихся или не вполне, лёгких, трудных, разных. Оформление обложки—Хироаки Мияма. Японский художник. Не знаю, но узнаю. Узнаю, что у книги есть сестра-близнец, вышедшая в Японии на родном ей языке. Узнаю о Мацунаге-сан—подвижнике, чьими стараниями Будда во Владивостоке появился. Узнаю автора и составителя проекта—Ольгу Мальцеву, журналиста-международника, преподавателя высшей школы. В мою жизнь ворвётся добрая часть Владивостока, Приморья, Японии, Дальнего Востока вообще. И ещё дальше: кто же знал, что я пойду дальше—на Запад?.. Или на Восток? На Юго-Восток? Вдаль, вглубь? В себя?.. Обратная перспектива работает постепенно. Простота и лёгкость смыслов вдруг обнаруживают глубину, на которую ты не в силах опуститься—не хватает ни уменья, ни воздуха. «Посредством слова нельзя передать другому свою мысль, а можно только пробудить в нём его собственную»,—записал русский философ А. А. Потебня. Прав; читая книгу, я вижу, слышу, шевелю жабрами, но—так и барахтаюсь на поверхности: «океан такой синий»…

Свой—чужой

Люблю мосты. Любые: осанистые, прочные (японские мосты на Сахалине стоят до сих пор, а уж сколько лет прошло со времён Карафуто), лёгкие подвесные конструкции, верёвки, тросы, дощечки, сшитые металлическими скрепами. Люблю выйти на середину и смотреть, если не в бездну, то вдаль. На самом хлипком мосту спокойнее, когда шумно на берегах.

«Я родилась в то время, когда…»—есть такой соблазн: присвоить прошедшее время, когда людей выращивали в оппозиции Свой-Чужой. Присвоить и замкнуть на себе. Оставить прошлое в прошлом. Но нет, оно—всегда настоящее. Единственно возможное. Своё… Чужое… Иначе бы не появлялись подобные книги-мосты. А они появляются, как португальские миссионеры в романе Эндо. Заходят на чужую территорию, постепенно становясь своими. Действуют тайно, сообщая тайное, превращаясь в таинство приобщения. Метафора—нет, не избыточная. Свой-Чужой кормится мифами, предрассудками, страхами, его легко расчеловечить, убедить, что на той стороне—голем, глина необожжённая. Варвар, дикарь, что угодно,—не человек. Удобный механизм разобщения. О чём говорить? С кем? Пропасть. Свои-Чужие нарезают пространство, рисуют границы и демаркационные линии, отстаивают национальные интересы, разрывают связи. В книге часто об этом: независимо

от возраста, русские и японцы подсознательно готовы бояться друг друга, следуя за химерами, своими ли, навязанными кем-либо — не суть. Суть — страх порождает две непосредственные реакции: 1) спрятаться, 2) напасть, уничтожить, стереть с лица земли.

Свой… Чужой… Взаимное высокомерие разобщает не только страны. Внутри моей страны проживает более ста двадцати народов, народностей, национальностей. Государственный язык — один. Местами — ломанный-переломанный. К примеру, в Швейцарии четыре государственных языка. Ну хорошо, допустим, язык должен быть один. Но какой смысл учить китайский, если внутри страны Юг не понимает Север?.. В книге почти все авторы эссе начинают диалог культур с изучения языка — русского ли, японского. Логично. Но… Насколько это инструмент понимания? Необходимый минимум, чтобы научиться читать, слушать, перемещаться, переводить, строить бизнес… Понимать? Нет — поверхность.

> «Предварительно беседуя со студентами, расспрашивая их, я был удивлён, что японцы почти ничего не знают об истории наших отношений с Россией. Было грустно чувствовать, что в Японии недостаточно исторического образования и нет мотивов понять другие страны. Я думаю, для десятка студентов, участвовавших в нашем проекте, он стал хорошим поводом больше узнать и понять Россию».
>
> Такаюки Тамаи

> «После окончания Второй мировой войны Тамаки-сан как военнопленный три года находился в лагере под Читой. Отношение русских, их поддержка и помощь оставили неизгладимый след в его сердце. Вернувшись домой, он принял решение ухаживать за могилой русских моряков, о которой знал с детства. На вопрос: „Почему?“ — Тамаки-сан отвечает, что эти русские были воинами и защищали свою страну. „Я вернулся к своей матери, а они — нет. И я понял, что должен позаботиться об их душах“».
>
> Елена Андреева

> «На наш вопрос, пристало ли православному человеку ухаживать за статуей Будды, митрополит Вениамин однозначно ответил: „Пристало. Это не вопрос веры, а вопрос культуры“. Воистину, Культура — объединитель народов!».
>
> Ольга Кожемяко

Сюсаку Эндо — писатель-католик, председатель Японского союза писателей (1967), создатель одного из знаковых романов двадцатого века — «Молчание». Несколько раз Эндо выдвигался на Нобелевскую премию, но не получил её. В принципе, для себя я нашла причины. Но премии — не показатель ничего. «Молчание» стало моим коаном, который решала всю жизнь.

Почему возможно на территории Японии спокойное сосуществование синто и буддизма? И с таким трудом воспринято христианство? Почему вообще в Азии (в том числе и в наших краях) всё трудно с христианством? Любые духовные практики находят здесь общий язык, проникая друг в друга, создавая новые школы и смыслы, обрастают последователями и творческими идеями… Что не так с Благой Вестью? Ведь наиглавнейший её принцип — возлюби — проповедуют все без исключения…

Другой

«Когда человеку навязывают то, что ему совершенно не нужно, у нас это называется горе-благодеяние. Христианская вера — такой же подарок. У нас есть собственная религия. И мы не нуждаемся в чужеземном учении. Я тоже изучал в семинарии догматы христианской веры. И, по правде сказать, не нашёл в ней ничего, что могло бы пригодиться японцам». По сути, эта цитата из «Молчания» должна бы закончить предыдущую мою главу. Но она же — отправная точка для новой. Существует ли путь сближения с Чужим за пределами «изучения догматов»? Безусловно. Непосредственное понимание — превращение Чужого в Другого. Живая жизнь, не требующая знания языка и культурных кодов. Необходимое внимание к нуждам человека. Принятие его сути как своей. Ведь Другой — человек. Он отличается, но он — человек. Хочет есть, спать, крышу над головой, тепло и внимание ему показаны. Покоя хочет и милости. Любви. Возможности жить и — быть.

Об этом в книге много: люди пускаются в путешествие, кочуют по островам и материкам, в моменте постигая Другого, оставляя ему и себе право на столь необходимую свободу быть — самим собой. Именно там, где человек воспринял другую культуру как свою, возможно синтезировать новые смыслы, обретая себя в том, Другом. Потому что между собой эти Другие — разговаривают. Не словами, но сущностями. Их путь — не правота, но право, не вера, но доверие, открытость и доброжелательность. Где-то здесь есть место изумлению, а стало быть, и любви.

> «Рассказывая о России, всегда слышу один и тот же вопрос: „Почему ты так любишь эту страну?“ Вот как я люблю Россию? Меня не волнуют ни Пушкин, ни балет Большого театра. Я такова, что могу, например, мчаться по Эрмитажу и рассматривать понравившиеся картины произвольно. Петербург прекрасен, но разве не так же чудесны Париж и Вена? Меня привлекает повседневная жизнь людей в России. Кавказец — продавец шашлыков, покрытые строительной пылью рабочие-иммигранты из Средней Азии, Китая и Северной Кореи, молодые студенты-стажёры из Китая и Южной Кореи, бабушка, продающая на

арктическом холоде шуршащую туалетную бумагу, дедуля, красиво разложивший всякое барахло вроде водопроводных деталей, скинхед, который напугал меня, схватив за голову. Каждая картина аккуратно помещена в рамку воспоминаний. Как бы то ни было, моё сердце заставили учащённо биться не прекрасные русские балерины, здания или литература, а мусор, выброшенный на берег далёкой провинции».

Сатоко Араясики

«Мэйсю-сама писал: „По отношению к цветам я никогда не поступаю своевольно. Всегда стараюсь ставить их в наиболее естественном положении, поэтому они бодры и долго стоят. Разговариваю с цветами, стремлюсь понять и выразить душу цветка. Если этого не делать, цветы не будут счастливы".

Составляя цветочную композицию, я всегда помню об этом. <…>

Во всех живущих на Земле людях, во всём сущем на Земле светится жизнь создавшего всё Бога (Большой Природы), и если осознающих это людей станет больше, то, мне кажется, станут невозможны конфликты, вызванные религиозными и идеологическими разногласиями, борьбой за обладание ресурсами.

На большую-большую Россию, на такую родную мне Россию, на россиян, обладающих широкой душой и добрым сердцем, я возлагаю в этом смысле самые большие надежды».

Митио Вадамори

Аматерасу—верховная богиня синто—однажды рассердилась на людей и спряталась в пещеру, погрузив мир во мрак. Никто не знает, как она выглядела. О её существовании напоминают ворота-тории перед синтоистскими храмами. В южной части Сахалина они стоят повсюду. Для храмов выбирали лучшие места, непременно на возвышенности, само здание было скрыто от глаз, но панорама, открывающаяся от его ворот, захватывает дух. Одушевлённость всего—суть синто.

Образ Будды изначально был столь же символичен: пустой трон, дерево бодхи, следы ступней, колесо дхармы и тому подобное. Первые антропоморфные изображения Будды появились под влиянием греко-буддизма. Это времена Греко-бактрийского и Индо-греческого царств, походов Александра Великого и расцвета Кушанского царства (IV в. до н.э.—V в.н.э.). Греко-буддизм нарушил волю самого Будды—не изображать его телесной оболочки, более того—он заметно повлиял на развитие буддийского искусства и самой буддийской мысли, порождая синкретических божеств, объединивших разные этносы. То есть ещё до того, как буддизм шагнул в Центральную и Северо-Восточную Азию: в Китай, Корею и Японию,—он уже имел опыт понимания Другого как себя самого. Умел дружить. Понятно теперь, почему на территории Японии боги синто не обеспокоились пришествием нового божества: проповедники объявили местных воплощениями Будды. Столь же легко было объявить Будду ещё одним проявлением вездесущего божества синто. Однако, путь. Разделение труда, объединение паствы. Мирное соседство Других.

Иной

Тот самый человек на мосту. Оказавшись на стыке культур, балансируешь между. Ни Свой, ни Чужой, ни Другой—тем более. Сам по себе. Ни к кому не пристал. Да и надо ли? Одиночка, соблюдающий нейтралитет. По крайней мере—внешне. Насколько вообще применимы оценки «хорошо/плохо», «правильно/неправильно» в жизни человека, для меня—вопрос. Стоишь на мосту, жизнь вокруг кипит. Для тех, кто на берегу, по сути, тебя нет. Да и для самого себя не вполне существуешь. Или существуешь?..

Об этом тоже есть в книге.

Кольнёт вдруг.

Больно, неуютно?

Ну что ж…

«Япония—это камни, которые постоянно потряхивает, а иногда заливает водой. Японцам никогда не забыть того, что они живут на камнях и воде, у подножия вулканов. В этом—какой-то важный месседж для Японии. Столь же важный, как мороз и бесконечность покорённых, но не вполне освоенных пространств—для России.

И всё-таки русские и японцы—люди очень разные и навсегда останутся разными, несмотря на соседство. Это где-нибудь в Москве мы можем бравировать своим азиатством. В Японии сразу чувствуешь, что ты не просто „гайдзин", то есть чужак, а—европеец».

Василий Авченко

«Несмотря на все прелести Японии, меня упорно одолевает ностальгия: чем дольше здесь живу, тем чаще и дольше хочется бывать в России. В последнее время я даже стала жить на две страны. Но, как любой мигрант, я нигде не чувствую себя дома».

Ольга Сидоренко

«Монголы, с которыми я общался во время поездки, не видели ничего странного в том, что американец, живущий в Японии, оказался так далеко от дома. Объясняя свой необычный космополитизм, один из них сказал мне: „В конце концов, мы все кочевники". <…>

Путешествие неизбежно меняет угол зрения—как на новые, так и на знакомые объекты,—заставляя ощутить себя потерянным и сомневаться в правильности собственного пути».

Питер Миллер

Не думаю, что терпеливым японцам пришлось по вкусу догматическое отрицание всякой иной веры. Не Другой, а именно—Иной. Христианская миссия провалилась не только в официальной Японии, но и в азиатской России. Об этом подробно—у Николая Лескова в его «На краю света». По всему видно, что дело не в содержании Вести, а в самом методе. В противопоставлении себя иноверцам. В невозможности сосуществования, в непременности обретения спасения ценой отказа от другой веры. В непримиримости, экспроприации правоты. Труд апостола—в побуждении Другого к мысли, в зажигании чувства. И это не плод красноречия, но—предвестие диалога. Слова не рождают смыслы. Но смыслы рождают слова.

«Его сразила даже не внезапность происшедшего; разум отказывался постичь другое—почему всё так же звенит тишина? Почему стрекочет цикада? Почему жужжит муха? Человека не стало, а мир будто и не заметил. Какая нелепость! Какая жестокая мука... Почему Ты молчишь, Господи?! Ты ведь не можешь не знать, что только что здесь погиб тот одноглазый крестьянин—он умер во славу Твою. Отчего же такое безмолвие? Эта полуденная тишина?»

У Иного есть отходные пути—быть другом или чужим. Самому себе—в первую очередь.

«Он приехал сюда посвятить свою жизнь японцам, однако на деле всё выходило наоборот: это они принимали смерть ради него».

Мой

Слова не нужны,
Чтобы оценить красоту.
Молчанье моё
Как открытая книга.
Сердцем её прочитай.
Басё

В прошлом ноябре в очередной раз перечитала «Радугу над Буддой»—теперь уже пост на фб-странице Ольги Мальцевой. О господине Мацунаги, гранитной статуе Будды Амитабхи, подаренной им Владивостоку, о шестнадцати экспедициях японцев, организованных им же за свой и спонсорский счёт, в Приморье. О мытарствах статуи Будды, о том, как двадцать четвёртого августа 2010 года открыли её, отреставрированную, на Океанском проспекте. В тот день на небе сияло гало. «Ущипните меня: я одна это вижу?»—предпоследние слова поста.

Вышла из гостиницы прогуляться по Александровску-Сахалинскому. Отпуск. Миновала Слободу с её музеями, вывернула к старому кладбищу, от которого и следа не осталось, подняла голову наконец... Передо мной сияло гало. Солнце садилось, а гало всё увеличивалось, едва помещаясь под сводами небесного купола. «Ущипни меня ◡̈»,—пишу Ольге, отсылая фотографию гало. И наконец понимаю, о чём в принципе должна написать. Смыслы рождают слова...

Два года понадобилось, чтобы книга «Владивосток—Япония: два часа до встречи» вышла в свет на русском и японском языках. Большой труд двух редколлегий, составителя, переводчиков, дизайнеров, корректоров и редакторов, полиграфистов и, конечно, авторов. Между Берёзой и Сакурой, главными элементами оформления обложек, протекает река времени—шумный, изменчивый поток жизни.

Я читала книгу на русском. Несколько раз. Останавливалась, возвращалась, разглядывала фотографии. Начинала заново... Да что со мной?! Обычные истории, рассказанные простым, понятным языком. В них много общего, тем не менее—каждая со своим лицом. Со своими знаками препинания. Но написать об этом—не получается. Есть что-то, что больше и шире этих простых слов.

«До самого позднего вечера, одолевая путь через три храма, мы едва перекинулись парой слов—каждый остался наедине с собой. Практически в молчании прошёл и ужин в гостинице. А потом был долгий рассказ-размышление Мацунаги-сан.
—У каждого человека есть своё предназначение. Возможно, моя миссия на этой земле, моё предназначение в том, чтобы вести людей в будущее, оставив прошлое прошлому. Разыскать японские могилы, помочь родственникам их посетить, по возможности перенести останки—это значит снять один из барьеров предубеждения. Обеим странам нужно извлечь урок, чтобы в будущем никогда не повторилось подобное».
Ольга Мальцева

«Изобразительное искусство и музыка перекидывают мостик между тайными, подспудными мыслями и тем, что узнаваемо с точки зрения повседневного опыта. Как сказал давным-давно Чжуан-цзы: „Дао раскрывается постепенно, вещи становятся тем, что мы видим, по мере того, как мы их замечаем“. Только представьте себе: всё, что вы видите, обретает форму лишь в поле вашего зрения. Поэтому я смотрю на природные пейзажи и сцены повседневной жизни в поисках того, что ещё может скрываться за их фасадом. Ведь за ним всегда что-то скрывается».
Питер Миллер

Знакомство с книгой напомнило мне мою встречу с Байоном. В Ангкоре—столице Кхмерской империи, первом миллионнике на планете людей,—туристы устремляются к чуду чудес—Ангкор-Вату.

Он, конечно, потрясает монументальностью архитектуры. Но меня привлёк именно Байон—буддийский храм короля Джаявармана VII, стоящий в центре Ангкор-Тхома. Открыт всему миру—нет ни ограды, ни парадных входов. Издалека может показаться, что это нагромождение камней, не гора, так холм. (Впрочем, дословный перевод названия храма с санскрита сообщает, что это именно Львиная Скала.) По мере приближения проступают ярусы, барельефы, здание библиотеки и прочие сооружения. Храм-город многажды перестраивался: из буддийского (махаянского) в индуистский, затем снова в буддийский, но уже в традиции Тхеравады. Неизменным оставался третий ярус храма. Крутые подъёмы, полумрак внутренних переходов и святилищ—и вдруг попадаешь на залитую светом террасу, щуришься, прикрывая глаза рукой. По периметру выстроились пятьдесят четыре башни. Привыкаешь, оглядываешься—вздрагиваешь! Со всех сторон на тебя смотрят лица! Двести шестнадцать каменных лиц проступают из башен, не то улыбаясь, не то похохатывая над тобой. Шарахаешься из стороны в сторону, от одного к другому. Казалось—они разные: злые и добрые, светлые и тёмные. Отступила в полумрак—успокоилась. Снова вышла на свет. Попривыкла, подошла ближе. Оказалось, лица смотрят на четыре стороны света, и они—одинаковые! Одно лицо исполнено двести шестнадцать раз. То ли самого Джаявармана VII лицо, то ли бодхисатвы Авалокитешвары (Локешвары)—бодхисатвы Сострадания. И лицо это безмятежно... Меняется в зависимости от освещения и замутнённости твоего собственного сознания. Но если отринуть все страхи и предрассудки, на секунду хотя бы выключить свой внутренний шум, ощутишь радость. Почувствуешь умиротворение. Обретёшь покой. И состоится—встреча.

Почему-то не удивил факт, что реставрационные работы в Ангкоре с 1995 года проводились при финансовой поддержке японского правительства. Японские специалисты сами занимались изысканиями и реставрационными работами, обучая этому и камбоджийцев.

Не удивляет и то, что в Приморье создана книга-мост для встречи двух стран—России и Японии.

> «Всё на свете меняется. Но то, что меняется внешне, может на каком-то глубинном уровне оставаться прежним. А то, что, кажется, остаётся неизменным, может измениться, стоит лишь сменить угол зрения».
>
> Хироаки Мияяма

> «Перемещаясь из Азии в Европу, я рисовала людей, независимо от их привлекательности или расовой принадлежности. Одновременно я просила их написать мой портрет или хотя бы описать моё лицо словами. Почему я так делала? Во-первых, чтобы установить контакт, а ещё—хотелось узнать, какой я кажусь другим. В рисунке так или иначе проявляются взгляды и идеи рисующего. Может быть, мои азиатские глаза на взгляд европейца кажутся ещё более узкими? Я думала, возможно, мне удастся разглядеть это различие в видении: есть ли в нём недоброжелательность, или её нет? Поэтому мне хотелось, чтобы как можно больше людей описали моё лицо. Надо сказать, все, с кем я общалась, были ко мне доброжелательны, хотя, когда я просила нарисовать меня, мало кто соглашался, говоря: „Нарисовать можно, но я рисую плохо“. Бывало сложно объяснить мой эксперимент, но едва мои попутчики соглашались, сразу устанавливался дружеский контакт».
>
> Юи Наканэ

«Человечество так печально»... Слушает, но не слышит, смотрит, но не видит. Свой, Чужой, Другой, Иной—все они живут глубоко внутри, говорят одновременно, путаясь и ошибаясь. Внутренний мой раздробленный человек шумит и волнуется. Мир (природа, Господь) молчит, когда он говорит. Слушает. В остальное время за него говорит сама жизнь—отверзи уши. Обратная перспектива работает, хочешь того или нет, постепенно достраивая внутренний лик. Мой, собственный.

Ну же!
Подними глаза.
Ты меня видишь?
Это не иллюзия: мы действительно видим друг друга?..
Да?
Нет?
Пожалуйста, скажи мне: кто я?

Нет нужды защищаться.
Просто—жить.
Потому что «океан такой синий».

Лео Бутнару

Ожившие картинки

За мир

Нам даст урожай округа,
И солнцем плоды нальются.
Малыш, протянувший руку,
Чтобы до них дотянуться,—
за мир поднимает руку.

Белый голубь по кругу
Из поднебесья мчится.
Малыш, протянувший руку,
Чтобы погладить птицу,—
За мир поднимает руку.

Когда он мячом играет
И солнцу кричит: «Лови!»—
Малыш за мир поднимает
Обе руки свои.

Перевёл Николай Голь

Наш детсадовский оркестр

Дирижёр у нас—Дорел:
Он во фраке новом.
На трубе—Думитру: всех он
оглушает рёвом.

Тудор—тот на контрабасе.
А на скрипке—Дору.
Мирчя—наш солист: ему бы
Петь на сцене впору.

Дина бьёт по барабану,
Ну и грохот в доме!
И совсем не слышно скрипки
В этом шуме-громе.

Контрабас рычит сердито,
Как медведь в берлоге.
У певца от страха, видно,
Подкосились ноги.

Но не затыкайте уши
От такого гама:
Подождите—мы разучим
Все на свете гаммы.

Подрасти бы нам немного—
И тогда, поверьте,
Мы сыграем как по нотам
На любом концерте!

Ястреб, потерявшийся в небе

Как ты мал и как высок—
Как небесный колосок.

Вправду ль храбр ты и жесток—
Ты, парящий, как листок?!

Неужели это ты—
Повелитель высоты?

Чуть заметен, так далёк—
Ястреб
        или
            мотылёк?

Клоун и дельфин

Я видел в цирке арлекина—
Он разрисован под дельфина,
На нём белила, чёрный грим,
Пустая ванна перед ним.
Чудак в неё нырнул—и вот
Изображает, что плывёт…

Я рассказал—и жду ответа,
Чтоб ты нарисовал всё это.

Портрет Дорела

Раньше был лохматым
Маленький Дорел—
Наконец постричься
Мальчик захотел.

Вон какой остался
Чубчик надо лбом—
Словно это машет
Ласточка крылом!

Пень и полпенька

Барбус-Кот—известный гном:
Ростом вровень он с пеньком.
Хочет он купить ботинки—
Два высоких каблука,
Чтобы стать, как на картинке,
Ростом—с пень и с полпенька!

Перевёл Михаил Яснов

Загадочные следы

О страницу чистую моего альбома,
Как о коврик, вытерли туфельки три гнома,
Колпачки поправили и, за руки взявшись,
По чернильным лужицам побежали дальше.

Весь листок испачкали синими следами!
Точками, цепочками, строчками, слогами…
А следы — как буковки: почитайте сами,
Ведь из них составил я книжку со стихами!

Ожившие картинки

Как картинки в книжке сказочной,
На цветах застыли бабочки.
А когда замашут крыльями —
Станут пёстрыми мультфильмами.

Там, вдали, за облаками

Там, вдали, за облаками,
Я ищу тебя глазами.
Высоко ты залетел:
Я лишь точку разглядел.

Стал ты меньше, чем щегол.
Где же мощь твоя, орёл?
Не пора ль тебе спуститься,
Стать опять
Великой птицей?

Заяц-побегаяц

Ой, скорее посмотрите,
сколько резвости и прыти:
Это заяц-побегаяц
И мгновенно исчезаяц.

Он белее, чем страница,
И легко в ней может скрыться
Может, как эквилибрист,
Перепрыгнуть через лист.

Ты едва глаза прикрыл,
А уж зайца след простыл!

Косточка

Какая вьюга за окошком!
Зато мой кот с шалуньей-кошкой
Гоняют мячик так потешно!
Играют кошечка и кот,
А мяч их — косточка черешни
(Ведь я вчера открыл компот).

Перевела Жанна Есина

ДиН ревю

Чермен Карацев

Чёрно-белые фрагменты

Интерактивный сборник стихов
Москва, 2020

Чёрт меня сподвиг на это дело:
«Не хватило в жизни остроты!»
Я шагнул в свободное падение
С трёхкилометровой высоты.

Ветер бил в лицо морозом свежим,
Парашют раскрылся простынёй.
Оказался я, как лох, подвешен
Между синим небом и землёй.

Отчего судьба ко мне свирепа?
Намекает: звёзды не сошлись.
Я не для того стремился в небо
Чтобы после камнем падать вниз.

А судьбе-злодейке всё неймётся.
Стропы режут руки до крови!
Мне преодолеть не удаётся
Силу притяжения Земли.

Елена Жарикова

Мы с Маринкой

Как мы строили плот

Мы с Маринкой задумали построить плот и поплыть по Базыру. Взять в руки шест или весло и, оттолкнувшись от берега, отдать себя на волю волн.

— Сначала натащим досок,— объяснила Маринка,— потом придумаем, как их скрепить. Ну и поплывём!

И она показала, как будет стоять на плоту, петь отважную песню и красиво отталкиваться веслом.

Доски найти оказалось не так уж сложно. Там и сям на берегу валялись какие-то горбыли, тёмные и корявые, ненужные досточки, и даже нашлась деревянная, сколоченная в квадрат калитка. Кто-то выбросил.

— Вот,— сказала Маринка,— это самое подходящее для нас плавсредство (Маринка жила в городе и знала умные слова). Готовый плот! Даже ничего собирать и связывать не надо.

Калитка была тёмная и тяжёлая. Она решительно не хотела становиться плавсредством. Мы кое-как тянули её вдвоём до воды и даже вспотели.

— Ничего,— бодро командовала Маринка.— Ещё ра-зик, ещё раз!

Наконец будущий плот достиг кромки воды.

— Смир-р-рна! К спуску на воду готовьсь!— гаркнула Маринка.

Я встала смирно и отдала пионерский салют. Меня Светка учила, её недавно в пионеры приняли.

— Всегда готов!

Мы собрали последние силы и заволокли калитку в воду на отмели. Плавсредство моментально пошло ко дну.

— Это потому что мелко, всего по колено,— поняла Маринка.— Сейчас давай поглубже затащим.

И стала шарить на дне калитку.

— Подняли!

— Ой!— это я почему-то в самый ответственный момент плюхнулась в воду.

А за мной плюхнулись Маринка и калитка. Нет, сначала под воду ушла калитка, а потом не выдержала Маринка. И тоже— бац прямо в платье! Там потому что дно скользкое, камни. Устоять никакой возможности. А хорошо, что глубже не пошли.

Вылезли мы с Маринкой на берег. Стянули мокрые платья, разложили на камнях, сами сели на крупные валуны. Х-холодно, х-хоть и солнышко. Дома точно влетит, если платье сырое заметят. Надо сушиться.

— Ерунда!— сказала Маринка, отжимая косу.— Плот потонул, потому что тяжёлый был. Там же гвоздей в этой калитке— ого сколько! Вот и потонул. Ничего,— добавила она.— Мы завтра твою надувную лодку маленькую возьмём. Она точно не потонет. Спробуем!

Как мы гольянов ловили

Мы с Маринкой всегда придумаем, чем летом заняться. Ну, минут пять, конечно, сидим на нашей лавочке и ноем: «Чё бы поделать?»

— Ты же говорила, у тебя надувная лодка есть?— вспомнила Маринка.

А мне мама из Усть-Каменогорска в позапозапрошлом году надувную лодочку привезла. Оранжевая сверху и белая внизу, со дна.

— Тащи давай!

И вот мы уже бодро шагаем на Базыр— и лодочка в сдутом виде под мышкой.

Если вы не знаете, Базыр— речка быстрая, даже горная. Она очень шустро бежит. Не шибко глубокая, в основном по колено. И камни на дне. Жуть холодная, даже в самую жару.

— Давай сначала по одному,— предложила Маринка.— Она чего-то хлипкая с виду, двоих не выдержит. Надувай!

Я дую, а она как-то хило надувается. Ещё дую— ну не знаю, вялая, и всё.

— Дай я,— говорит Маринка.

Она выше меня, хотя младше на год, а ещё в бассейн ходит у себя в городе. Лёгкие у неё сильнее.

Дует Маринка со всех своих пловецких сил— всё равно никак упругой лодка не становится.

— Думаешь, где-то утечка воздуха?— я же говорю, Маринка страшно умная.

Стали слушать, где шипит. Нашли. На боку расклеилась наша лодочка— вот и щель! М-да, не надуем…

— Брось, не вешай нос! Пошли лучше гольянов заводить!

Заводить— это, чтоб вы знали, не разводить, а ловить. В ручьях, которые впадают в Базыр, гольяны водятся. И мы их заводим!

— И лодка твоя пригодится! Давай наберём в неё воды — и рыбу туда пустим!

В этот день нам не на шутку повезло!

— Первым делом платок снимай! — командует Маринка.

А мама мне всегда светлый мягкий платок повязывает, ну, от комаров там, от солнца. Я его, конечно, всякий раз снимаю, но тут он отлично пригодился.

— Вот здесь вставай, эти два конца привяжи к палке, палку вот так клади, а сама держи другие концы. Чтобы как сеть было! А я тебе щас целый косяк пригоню. Держи крепче, чтоб платок водой не унесло!

И Маринка пошла по берегу вверх по ручью.

— Готова? — кричит.

— Ага! Гони!

И вот уже она идёт по воде, шурует длинными ногами по ручью, баламутит воду — и, наверное, гонит целый косяк!

— Подымай! — и сама на помощь ко мне, потому что с двух сторон надо подымать — быстро и аккуратно, а то упустишь.

Р-раз! — подымаем платок. О! Улов! Добыча! — в тряпке трепещется целая кучка серых гольянов.

— Тащи их сюда, в лодку выплёскивай!

А в лодке у нас уже воды набрано; она хоть и с мягкими бортами, дырявая, а воду держит, и теперь в этой воде вон сколько гольянчиков плещется!

Мокрый платок у речки забыли, конечно. Вспомнили уже около дома. Точно от мамы влетит! Попадёт по первое число!

Пока до дому несли рыбок в лодке, вода почти вся ушла в щель и половина гольянов передохла. Мы их Барсику скормили. Он остался доволен!

А остальных мы в трёхлитровую банку посадили. Только чёрт знает, чем их кормить? Комаров, что ли, для них ловить? Назавтра пошли и выпустили в ручей.

А за платок всё же попало.

Как мы с Маринкой испугались

Когда наступает лето и Маринка приезжает из города в наш посёлок на каникулы, мы с ней с утра до вечера вместе. И всегда интересное занятие найдём. Или влипнем в какую-нибудь историю. То я шишек на ровном месте набью, то она на гвоздь босой лапой наступит. Всяко бывает.

Вот раз собрались мы с ней за грибами. Очень уж мы любим это дело — грибы собирать! Нас хлебом не корми — дай пошляться по горкам-лесочкам в поисках сыроежек. Уж не знаю, но нас всегда отпускали вдвоём и никогда за нас не боялись.

Утро раннее, идём бодрым шагом. Я еле поспеваю за Маринкой, у неё ноги длиннющие и шаг широкий. Она ещё коров боится, потому что городская, и за три версты их обходит. А коровы ранним утром кругом лежат, жвачку гоняют, додрёмывают. Им дела до Маринки нет.

У Маринки корзинка бабушкина, у меня красное пластмассовое ведёрко маминым платком повязано.

А навстречу — бабка Еремеиха. С пустыми вёдрами — по воду на родник собралась. Вот ведь попалась же — сглазит удачу!

— Вы, что ли, по грибы? — говорит. — Дак нету ничё, я вчера ходила, ток пару сыроег сломала. Нету.

— Ага, нету — как бы не так! Чё она бабьим глазом-то своим усмотрит? — сердито ворчит Маринка.

Места грибные мы давно знаем — и никому не показываем. У нас нюх на грибы и глаз намётан. Вот выходишь на полянку, а там травка низенька, а вокруг лесок жиденький и пеньки корявые. И залысинки какие-то без травы, и лужица сбоку. Непременно должен быть гриб. Пахнет грибом!

— А я нашла! — кричит Маринка. И гордо поднимает над головой срезанную красную сыроежку.

— Ой, и я тоже! — у меня из-под сухой травы два крохотных маслёнка вылезают. Хорошенькие, сопливые!

— Слышь, пошли на ту полянку, где в прошлый раз бычки были!

Бычки, если вы не знаете, это грибы такие крутобокие, пузатенькие, вечно в крошках земли и слизи, но вкусные.

Сказано — сделано! Битый час лазим по косогору, и по заветной полянке, и вон в том берёзовом колке рыщем — нет грибов! Ну хоть бы одна завалящая сыроежечка! Как корова языком слизала!

— Это всё Еремеиха! Чёрт её дёрнул за язык!

— А помнишь, мы в прошлом году за дорогой в березняке на белые наткнулись? — вспомнила Маринка.

Ну, было дело, да. Возвращались уже и за дорогой решили так, для смеха, пройтись. А там боровички — белые бочќи один за другим! Мы ж от такой удачи дар речи потеряли!

А чтобы к дороге попасть, надо по крутому, почти отвесному косогору спуститься. Ну прям обрыв. Я как-то опасаюсь ногу-другую переломать. Стою, сомневаюсь. А Маринка храбрая.

— Давай, — говорит, — я первая! — и на меня оборачивается.

И бледнеет почему-то. И глаза, и так большие, совсем огромные становятся. Мгновенно с бровки обрыва начинает скользить-спускаться. Цепляется быстро-быстро за какие-то кустики и большими шагами — вниз, вниз. Я оборачиваюсь, а в пяти шагах от меня, прямо над обрывом, дядька чужой стоит. И нож длинный в руках держит. Тоже, видно, грибы собирал. Стоит этот дядька, молчит и смотрит.

Как-то мне это не по себе стало.

— Маринка, меня подожди! Не торопись, в лесок забежим! — а сама хвать-хвать — и где скользом, где лётом с этого косогорчика!

Маринка уже внизу и шагом-бегом, на меня оглядываясь, кричит:

— Лен, давай сюда, тут грибы должны быть!

А я-то вижу, как ей страшно: платок на сторону, волосы растрепались, глаза безумные.

— Да подожди, я щас, — кричу.

Через дорогу шнырь, в лесок шасть — и разраз полубегом от страшного дядьки! Догоняю Маринку. Та отдышаться не может.

— Тебя куда понесло?

— А ты видела? — и сама опять шаг ускоряет.

Не до грибов как-то, даже по сторонам не смотрим.

— Ну, видела, мужик какой-то, не из наших, незнакомый.

— А ножик?!

— Мож, грибник?

— С таким кинжалом?!

Только дома в себя приходим. Но никому ничего не рассказываем. Ещё чего! Тогда нас вообще никуда не отпустят. А в тот лес больше не пойдём. Ну нету там грибов. Нету.

Жутко-страшно-весело!

Мы с Маринкой очень любим грозу. Уж больно это красиво, страшно и удивительно! Первое дело — как она приближается. Вот из-за Горячей горы, как вражеские полчища, наползает синяя туча. И сразу весь мир меняется: по дороге пылит-копытит коровье стадо, мычит тревожно, тётки соседские на разные голоса орут — скотину загоняют, моя мама и Маринкина бабушка бегом бросаются во двор — бельё с верёвок снимать. Мы с Маринкой прыгаем от радости и тоже бежим спасать простыни и пододеяльники, обязательно в них запутаемся, орём и хохочем!

А кругом во дворе — суматоха: собаки брешут, козы блеют, Оська пьяный на крыльце поёт: «Врагу не сдаё-отся наш гордый „Варяг“!», — кто-то бежит в огород — закрывать огурцы, кто-то спешит выставить вёдра и кадки под дождевую воду, тётя Стюра подушки с забора тащит в дом — жара ж была, вытащила сушить!

Мы с Маринкой обычно во время грозы устраиваем такую веселуху: в самую гущу ливня, в самый разгар, под грохот и молнии, вдвоём выбегаем — в одних платьицах и босые! — и вокруг дома наперегонки! — бегом, вопя от страха! Ух-х, жуткострашно-весело!

А туча всё синée, нет, чернее, жуть в ней какая-то накипает… ветер рвёт мамин платок с головы, летят, кувыркаются, как сумасшедшие, какие-то скомканные газеты… И вот первые крупные капли уже дробят пыль. Ещё несколько минут — и небо обрушится на землю сплошной стеной!

— Ой, — вдруг говорит Маринка. — Как думаешь, успею? — и сама глазами на наш сортир показывает.

А он от дома метрах в ста — деревянный домик на четыре кабиночки. Как говорят взрослые — удобства во дворе. Ага, там такие удобства!

— Давай лётом, пока бабушка не видит!

И Маринка уже огромными шагами туда бежит. А я из подъезда выглядываю: успеет или нет?

И тут молния как полыхнёт — мы аж присели! А тёть Стюра крестится и за своих поросят боится, она их загнать не успела. А Маринка засела в кабиночке! Нашла время!

И в этот волнующий момент во двор въезжает огромный грузовик, брёвна в кузове. Наверно, с лесхоза дядя Толя приехал. И едет как-то неровно, ну как пьяный. И, мама дорогая, прямёхонько на столб правит! — ну, столб обычный, который с электрическими проводами. Мы и рот открыть не успели — а он бортом по столбу как даст! Скрежет и треск! Столб пошатнулся, но устоял, искры снопом посыпались от проводов, и один провод — честно, как во сне всё! — вдруг отрывается, искрами синими сыплет и падает.

А сверху удар грома — бабах!!!

Грузовик так и встрял посреди двора, дядя Толя из него вылез — и бегом домой, звонить, наверное. Что беда, что провод под током во двор упал!

А Маринка из туалета как раз выходит. И, ясное дело, сначала ничего понять не может. А я ору:

— Маринка, давай бегом в обход! За домом обеги! От провода подальше! Провод упал!

И она своими длиннющими ногами хвать-хвать по тротуару, по периметру двора — к нашему подъезду. А в нём, ясен пень, и лампочка погасла. И вообще, весь вечер света не было. Ну, к таким вещам-то мы завсегда привыкли.

Назавтра провод убрали, заменили, электричество дали. Ну, дяде Толе за эту историю со столбом влетело, наверное, по первое число! Только нам родители ничего такого не рассказывают.

А гроза-то мимо прошла, за горой где-то пролилась. А нас только попугала. Пару раз сверкнуло да ахнуло. Даже пыль не прибило. Не удалось нам с Маринкой вокруг дома под ливнем погонять.

Сороки-воровки

Летом мы почти не сидим дома. Но иногда родители оставляют меня одну: отец с братом на рыбалке, а мама в магазине (колбасу выбросили). В семь лет вполне уже можно одному дома куковать.

И вот сижу я, в мамины коробки со старыми журналами зарылась, там много чего интересного можно накопать. А тут Маринка приходит. И приносит восхитительную вещь — серпантин! Блескучий такой, праздничный — розовые и бирюзовые рулончики, распадающиеся на спиральки. Сразу Новым годом запахло, как будто даже мандариновым духом потянуло.

И мы стали играть в новогодний магазин. Как будто Маринка — продавщица в этом магазине и разные блестящие штучки продаёт. И вот разложила она на стуле товар: рулончики серпантина, кедровую шишку (мы её под шкафом нашли, с осени закатилась), игрушечную ёлку и маленького пупсика-снегурочку.

А мне так серпантин хочется! Ну просто глаз не оторвать! Такие спиральки заманчивые!

— Почём серпантин? — спрашиваю.

И Маринка важно отвечает:

— Двадцать пять рублей!

И вдруг меня осеняет:

— А у меня есть!

Я вспоминаю, куда мама вчера положила деньги — в шкаф, в старую чёрную сумочку! Она ещё там документы хранит.

Я быстро ныряю в шкаф, достаю из сумочки наугад немножко цветных денежных бумажек — целых четыре: жёлтенькие, синенькие, красные, — и подаю Маринке:

— Мне четыре рулончика серпантина!

И получаю желанный серпантин! Каждый рулончик, тяжёленький, с металлическим фольговым блеском, несказанно хорош! Я приберегу их к празднику. Спрячу подальше, в мою заветную коробку из-под куклы Алёнки. Подумаешь, каких-то полгода до Нового года! А когда придёт праздник и я пойду на ёлку в школе, я его буду запускать, как в «Голубом огоньке»! Зажмёшь рулончик в кулаке, размахнёшься — и блескучая весёлая спираль летит далеко, опутывая в праздничную сеть всех вокруг!

Маринка деловито спрятала красивые бумажки в кармашек платья и сказала:

— Давай уже гулять пойдём, а то скучно! Только я домой забегу, бабушка обедать звала! — и убежала.

Скоро стукнула входная дверь — это пришла мама. Ура, можно идти гулять!

Сначала — на огород! Маринка уже туда прибежит — знает, где меня искать.

Но на крыльце меня взяла за руку Маринкина бабушка. Она странно и строго посмотрела на меня и сказала:

— Пойдём-ка! — и мне стало как-то не по себе.

Анна Семёновна достала из кармана уже знакомые мне четыре бумажки — две жёлтеньких, синенькую и красненькую — и протянула маме:

— Ваши?

И у мамы почему-то авоська с хлебом и колбасой из рук выпала.

Три дня в наказание меня не выпускали играть на улицу. Мама стыдила и ругала меня на все корки так, что я по прошествии трёх дней боялась на людей глаза поднять. Мне казалось, что все соседи на меня пальцем показывают: «Воровка!»

Но самое обидное, что прекрасные рулончики серпантина пришлось вернуть Маринке.

Как мы с Маринкой блины стряпали

Мы с Маринкой очень любим готовить — а потом с особым шиком и смаком поедать приготовленное. Это так занимательно: берёшь скучные сырые и почти несъедобные куски того-сего — а в результате получаешь вкуснятину! В особо торжественных случаях мы даже устраиваем пирок! Ну, то есть маленький пир. Но об этом в другой раз — отдельно расскажу. Прихожу я к Маринке с утра, а она одна сидит: бабушка на огород ушла, картошку полоть-окучивать. Чем бы заняться? Это, как вы понимаете, главный вопрос!

— У бабули сегодня день рожденья, вечером гости придут, — говорит Маринка. — Что бы ей такое подарить?

Бабушка у Маринки мировая! Анна Семёновна — так её зовут. Она раньше учителем работала, биологию преподавала в нашей поселковой школе. Анна Семёновна домовита на удивление! Вот только порог переступишь — и сразу в какой-то удивительный мир окунёшься! Кругом такая чистота-лепота, что и наступить страшно! Прям пахнет чистотой и вкуснотой, и сразу Анна Семёновна тебя начинает потчевать! Молоко с душистой пенкой — ух! Печенья с корицей — ах!

— А я знаю, что подарить! Надо её удивить! Мы ей… блинов напечём!

— Ух ты, давай! А ты умеешь? — засомневалась Маринка.

— А то! Я их переворачиваю знаешь как? На лету!

А мы с братом недавно фильм по телеку смотрели — «Мой любимый клоун» называется. Хороший фильм. Там главный герой блины печёт: р-раз! — немного дёрнет сковороду на себя — блин взлетает и в воздухе переворачивается! — и точно на сковородку попадает. Класс! Мы с Игорёшкой тоже стали так переворачивать! И у нас не хуже получалось, чем у клоуна.

— Значит, так! Командовать парадом буду я! — я эту чудесную фразу тоже в фильме услышала, в другом, где Андрей Миронов в длинном таком шарфе и в фуражке с козырьком Остапа Бендера играет.

Обычно-то Маринка командует. А по блинам я главный мастак. Маринка на подхвате.

— Тащи молоко и яйца!

Маринка нырк в холодильник! У Анны Семёновны всё есть!

— Та-ак, а где у вас мука? В буфете?

У Анны Семёновны здоровский такой буфет, белый, он мне давно нравится. Откроешь его — в обморок можно упасть от одних запахов! Ваниль, корица, черёмуха! Все приправы, крупы, мука — всё там. Мы с Маринкой любим в буфет потихоньку залезть и ложку-другую черёмуховой кручёнки из банки незаметно тяпнуть!

Мука на верхней полке. Маринка встала на табурет, вытянулась длинным своим телом и начала шарить на полке.

— Вот, кажется… А! Мама! Лови! — и Маринка, неловко ступив мимо табурета, рухнула на пол. Мука тоже!

Маринке-то ничего, потёрла ушибленный локоть и встаёт, а вот муке…

М-да… Бумажный пакет с мукой лопнул по шву и щедро усыпал всё в радиусе двух метров. (Вас, может быть, удивляет слово «радиус»? У меня мама математику преподаёт, между прочим! И слова «радиус», «периметр», «диаметр» я с трёх лет знаю!)

Мы кое-как смели муку в совок и ложками переложили её в пакет побольше. Вы думаете, мука стала серая? Ничуть не бывало! У Анны Семёновны небывалая чистота, на полу в белом костюме валяться можно!

Ага, теперь всё необходимое есть! Мешаем! И я, как заправский фокусник, начинаю кудесить! Или чудесить? Не важно!

Тесто замесить для блинов — пара пустяков. Яйцо — шлёп! Соль, сода — дзинь! Молоко — плюх! Мука — у-ух! И разболтать. Тесто я всегда на глазок делаю. Так же интереснее. Всякий раз немножко по-другому получается.

Маринка помогает: плитку включила, сковородку приготовила, маслом смазала.

— Лей!

И я поварёшкой лью тесто на горячую сковородку и наклоняю её, чтобы растеклось равномерно. Дело мастера боится!

А блины почему-то в этот раз какие-то клейкие получались. Может, молоко подкисшее было, может, соли много бросили… Ну, первый блин, ясно, комом — его пришлось ножом соскрести со сковородки — прилип, собака! — и в помойное ведро!

Зато другие начали получаться вполне себе ровненькие. Мы договорились ни одного блинка не есть — всё для бабушки! Маринка укладывает их на большую плоскую тарелку и сливочным маслом смазывает. И налюбоваться не может! Первые блинки я снимала лопаткой и просто кончиками пальцев. Подцепишь ноготком кружевной обрумяненный краешек — тонкий, хрустящий — и снимаешь.

А потом решила класс показать.

— Маринка, отойди в сторонку! Смертельный трюк!

Соворodочку потрясла — блин отстаёт, ага, готов к перелёту! Хоп — круть! — плюх! — и блинчик, взлетев слишком высоко, угодил прямо на кружевную салфетку, которая на холодильнике. И прилип! Я же говорю — плохо пропекаются… Пришлось выбросить блин. Вместе с салфеткой.

— Давай, может, я попробую? — просит Маринка.

У неё рука лёгкая — почему бы и нет?

Кру-уть! И второй блин прилипает к стене! Как они так ухитряются? Третий падает просто на пол — масляной стороной вниз.

— Не дрейфь! Главное — побольше масла добавить, я видела, бабушка так делала! — и Маринка уверенной рукой подлила из тёмной бутылки прямо в тесто.

— Давай больше не будем с переворотом, а? Просто лопаткой. А то бабушка уже скоро придёт, — сказала Маринка.

А вообще, теста всего на три блина осталось.

Допекли мы блины, даже очень симпатичная стопочка получилась. А аромат!

— Тебе не кажется, пахнут они как-то… как ёлка?

— Да брось, спробуем! — говорит Маринка.

И сама берёт верхний блин, маленький, корявый — ну, потому что последний. И глаза, как кот, жмурит от удовольствия. И вдруг разевает и рот, и глаза — и выплёвывает комок!

— Ты чего туда положила?! — и у самой аж слёзы из глаз!

— Да я ж всё по рецепту! — и сама кусочек отщипываю. И тут же выплёвываю!

Тьфу! Гадость! Отрава в чистом виде!

Смотрим друг на друга и ничего понять не можем. Почему блины несъедобные?

И тут входит Анна Семёновна. И всплёскивает руками. И столбенеет.

— Батюшки-светы, вы тут чего учинили? И зачем масло хвойное взяли? Я им ноги больные мажу!

Тут Маринку почему-то затошнило, она позеленела и побежала в туалет. Ну, через пару минут всё-таки выползла оттуда, вся в соплях и слезах:

— Баб, мы тебе сюрприз хотели… Вот блинов испекли… С днём рожденья!

Соседский Толька, картоха и брёвна

После того случая с хвойными блинами Анна Семёновна перестала нас к плите подпускать. Нам волю только дай — такие бесчинства устроим, что мама не горюй!

Меня в наказание на следующий день посадили картошку чистить — целых полведра, причём мелкой, сморщенной, с проростками. Человеку девятый год, а его картошкой наказывают!

И вот сижу я, глазќи бесчисленные в картошке выковыриваю, и приходит Маринка. С порога кричит:

— Лен, давай к окошку! Там брёвна привезли!

Смотрю: правда, во дворе в очередной раз свалили огромные лиственничные брёвна. Красота! Лесхоз привёз нам дрова. Батареи летом не греют, но у нас в каждой квартире есть печка, чёрная чугунная печка, с двумя конфорками, топкой и поддувалом.

— Пошли по брёвнам полазим? — говорит Маринка.

Ей что, она у бабушки гостит, её работой не грузят. Не то что меня.

— А картошка?

— Не боись, щас мы её! — и берёт второй ножик.

И бодренько так начинает строгать кожуру… от себя. Как будто палку какую обстругивает! Две-три картофелины таким макаром обработала и в окно глазом косит:

— Смотри, там Толька тёти-Стюрин вышел. Погоди-ка!

Толька этот старше нас на два года. И уже нос задирает — типа он со всякой мелюзгой вроде нас даже и играть не хочет. Больно нужна нам его компания! Сам весь такой долговязый, большелапый, нос конопатый, а улыбнётся — одного зуба не хватает. Ну, красавчик, одним словом.

И не успеваю я глазом моргнуть, как Маринка — хвать пару мелких картошек, прицелилась в открытое окно и ка-ак пульнёт ею в своего заклятого врага Тольку! А потом ещё и ещё!

А Толька понять не может, откуда мелкие снаряды летят — и метко так! — то в голову, то в плечо…
— Стой уже! — хватаю Маринку за руку.

И тут мама на кухню входит, видит нас обеих с ножами:
— У-у-у, какие молодцы, почти всю картошку почистили! — а картохи и вправду благодаря Маринкиной меткости в ведре здорово поубавилось. — Ну, бегите играть, я сама доделаю.

И мы пошли во двор, где Толька, сдвинув суровые светлые брови, почёсывал боевые ранения.

А Маринка такая ему — как ни в чём ни бывало:
— Толь, может, в прятки сыграем?

Но тут вышла из подъезда тётя Стюра и отправила внука за хлебом.

А мы скорей к брёвнам. Но близко подходить нельзя: воет бензопила «Дружба», мощные стволы пилят на чурки. Золотым дождём летят пахучие опилки, а мы ждём.

И вот уже во дворе валяются в вольготном беспорядке свеженапиленные чурки — огромные, со смолистой слезой на широком срезе. Это просто праздник! Мы уже наколупали большие куски серы и, довольные собой, жуём и скачем с чурки на чурку.
— А давай в «Выше ноги от земли»! — кричит Маринка.

Пока она собирает народ на игру, вот вам правила, вдруг не знаете. Водящий может ходить по земле, а игроки нет, им надо очень ловко передвигаться по всему, что над землёй возвышается: камни, палки, даже щепки подойдут. Можно встать на досточку, фанерку, полено — словом, на что угодно, лишь бы ноги не стояли на земле. Вот мы и скачем. А водящий может поймать нас лишь тогда, когда мы на одной ножке несёмся от одного спасительного островка к другому.

Маринка взялась водить, а мы поскакали от неё во всю мочь врассыпную! Ирка доскакала до крыльца, Толька, который уже вернулся из хлебного и ввязался в игру, встал на краешек тротуара, а я примостилась на большом лиственничном полене; правда, оно шаткое какое-то оказалось — ну да ненадолго же.

Маринка зорко обзор держит: кто первый сорвётся со своего пятачка и рванёт до другого? И тут — бац! — Толька широким скоком с кромки тротуара — и просто кенгуриными какими-то прыжками до чурки — хоп! хоп! А Маринка всего на секундочку зазевалась, потому что подняла глаза на свои окна во втором этаже (там на тот момент Анна Семёновна показалась). Толька стоит на чурке и во весь свой щербатый рот лыбится, а Маринка злится и, конечно, новую месть лелеет.

А в игре хитрость простая: надо караулить самого неловкого, медлительного. Либо стоять совсем рядом с тем, кто носится на одной ноге — будь здоров!

Ирку прямо с крыльца мать утянула — по каким-то домашним хлопотам, и игроков осталось трое: Толька, Маринка и я.

Толька одним прыжком с чурки — р-раз! — и на мостике, который у нас к сараюшкам через грязи великие проложен. И ухмыляется, бес! А я со своего полена скок-скок, как дроздок, — и на щепку примостилась. Маринка только головой туда-сюда — опять не уследила! Вот досада! Так можно и до глубокой ночи водить за нос того, чья участь — догонять, осаливать, пока кто-нибудь не поддастся. Маринка насупилась и, видно, с досады ляпнула:
— Толька рыжий, конопатый, убил дедушку лопатой! — и язык для пущей красоты показала.

И вдруг Толька быстро нагнулся, подобрал что-то и резко со всего размаха — бац! Маринка заверещала, у меня аж в ушах зазвенело! Ну, игре, ясен перец, конец! Толька заржал, потом ловко, как рыжая горилла, повыше на брёвна забрался, сидит довольный. А у Маринки фингал под глазом прямо моментально налился — полноценный, красно-буро-фиолетовый! Мы бегом к Анне Семёновне, она уже нам навстречу — вопила-то Маринка на весь двор!

А я, когда вела Маринку к крыльцу, обо что-то споткнулась и тут же поняла, чем этот конопатый разбойник залимонил моей подружке в глаз — той самой картохой, которой Маринка сегодня с утра его обстреливала незаметно со второго этажа — из моего окна. Накидала, понимаешь, на свою голову!

Анна Семёновна тут же к глазу какую-то примочку с бодягой приложила и лёд. А Тольке баба Стюра пригрозила свежей хворостиной: вот только приди домой!

Пирок!

Анна Семёновна старалась оберегать Маринку от деревенских сумасбродных забав. Она, наверное, боялась: приедут из города Маринкины родители, глянут на своё дитя — и ахнут: в косах репьи закатаны, все колени в ссадинах, фингал под глазом, след от собачьего укуса на лодыжке, и на гвоздь она вчера наступила — пятка забинтована, хромает.

Мы, конечно, не всегда приходили с боевыми ранениями, в иные дни просто паиньки были. Вот, например, если дожди заливают наш Горячий — сидим тихонько дома, вырезаем картинки

из журнала «Юный натуралист», в тетради потом их наклеиваем. Или сочиняем книжки-малышки со сказками, стихами, смешными историями.

Сегодня после долгих дождей мы выбрались во двор. Маринка потягивается и говорит:
— А что, не устроить ли нам пирок?
— Давай!

Пирок — это маленький пир на открытом воздухе. Подумаешь, обед дома! Кислые щи в облупленной кастрюльке! Подгоревшая яичница с гренками! Душа просит настоящего праздника! И мы немедленно приступаем к его воплощению.
— Так, какие чурки возьмём? О, вот подходящая. Помоги-ка!

Кряхтя от натуги, мы перекатываем огромную неповоротливую чурку, размокшую от дождей. Это будет пировальный стол. К нему подкатываем две чурочки поменьше (на них мы сядем). Но самое-то главное — что?

Мы с Маринкой значительно переглядываемся: одобрит ли нашу затею Анна Семёновна? Это от её благосклонности зависит, будет ли на нашем пировальном столе достойное пира угощение.
— Лен, сгоняй на огород, сорви там того-сего, а я пойду бабу на варенье-печенье уговорю.

Я лечу на огород быстрее лани. Да! Вон редиска избоченилась, вылезла из грядки, вон лучок-чесночок! Я даже накопала в кудрявых огуречных зарослях три маленьких первых огурчика! И собрала в сорванный лопух с пяток краснобоких клубничин. Мировой закусон!

Прибегаю, а Маринка уже с добычей: клеёночку на чурку постелила и из корзинки яства разносякие достаёт!

А в сторонке, стыдливо отводя карий горячий глаз, слегка помахивая серым тугим прутом, Дик облизывается — громадный беспородный пёс, тётя Стюра его подкармливает.

Маринка ставит в пиалке черёмуховую кручёнку, в другой — абрикосовый джем, сыплет горсть кедровых орехов... На большом блюде благоухают рыжие, как солнце, горячие, как сон, пирожки с зелёным луком, пышными барышнями улыбаются запашистые ватрушки с творогом...

Мы уже истекаем слюной, нам не терпится начать пированье, но Анна Семёновна решила оглушить нас сегодня небывалой щедростью: в глубокой тарелке несёт здоровенную жареную курицу!

Дик садится и застывает, уставившись уже в упор на эту вакханалию вкуса. Мимо нашей пировальной чурки как бы случайно проходит тёти-Стюрина чушка, потряхивая ушами, переваливая грязные бока. Иди, иди, матушка!

Наконец мы усаживаемся, взирая на это великолепие, не веря очам своим и обонянию.
— Нет, — решительно говорит Маринка. — Мы недостойны вкушать такое роскошное изобилие вдвоём! Надо позвать бедных и голодных!

Слов нет — справедливо!
— А где мы их возьмём? — осторожно спрашиваю я.

И в этот момент на крыльцо выползает сосед Оська: глаза-щёлочки, майка-алкоголичка, штаны еле поддёргивает — с похмелья. Щерится на божий свет, но и за голову держится — худо ему.
— Может, его пригласим? Он такой худой, наверно, дома укусить нечего. А?
— Да, годится! Доброе утро, дядя Ося!

Сосед застывает на пару секунд, не понимая, откуда на него с утра столько добра сыплется. Потом видит нас, широко лыбится и нетвёрдой походкой направляется к нашей чурке.
— Угощайтесь! — Маринка широким жестом властелина приглашает Оську разделить с нами тук земли.

Он, сонно покачиваясь, смотрит на нас плавающим взглядом и говорит хриплым шёпотом:
— А выпить нету?
— Нету, — грустно отвечает Маринка.
— А-а-а, — зевает Оська и с глубоким сожалением отламывает полкурицы.

Жирный сок течёт по его грязным худым пальцам. Он уходит, грызя на ходу куриную ногу — видимо, к другим щедрым людям, которые нальют.
— Душераздирающее зрелище! — говорит Маринка. Это она из мультика про ослика Иа вспомнила.
— Ещё поищем бедных и голодных? — спрашиваю.

Сами мы ещё ни пирожка съесть не посмели.

И как раз из соседнего дома выбегает Полька Опаликова — белобрысенькая, кудлатая, колготки киселём висят (ей лет шесть), с утра ещё не умытая. Семейство у них многодетное, шебутное, полуодетое — но очень весёлое.

Маринку тотчас осеняет:
— Поля, поди-ка сюда! Митька с Венькой ещё спят?
— Не-а, они по воду пошли, мамка велела...

А сама глаз с нашей пировальной чурки не сводит. Не хуже Дика.
— Зови братьев, Иришку тож, у нас пир! У меня день рожденья! Угощаю!
— У тебя разве не в апреле? — сомневаюсь я.

Но Маринку уже распирает от щедрости и широты души.

Опаликов — так их все зовут во дворе — долго звать не приходится! Не успели мы с Маринкой глазом моргнуть — а вокруг нас зачавкало, захрустело на зубах, за ушами запищало наше угощение. Вмиг обглоданные куриные кости полетели в сторону ошеломлённого Дика, ватрушки моментально исчезли в ненасытных утробах Опаликов, испарился луковый запах вместе с пирожками, слопали оглоеды даже от редиски хвостики, и невесть откуда слетевшимся голубям достались только творожные крошки. Мы с Маринкой, потрясённые голодным налётом Опаликов, успели

только схрумкать зелёные огурчики, как от нашего пировального стола осталась клеёночка, а сытые Опалики катились уже к себе, размазывая по щекам остатки абрикосового джема.

— Да,—сказала Маринка в задумчивости.—Не очень-то на пир было похоже! Похватали, проглотили, убежали! Разве так надо? Это же ПИР! Понимаешь, я вижу так: движения—величавы, речи—затейливы, тосты, песни…

Я аж заслушалась. Умеет Маринка речь толкнуть!

— Зато бедных-голодных накормили! А?

К Маринке подошёл Дик, сытая умильная морда, и облизал ей руки. А потом, наглец, стал слизывать с клеёнки оставшиеся после пиршества крошки.

— Да ладно, Марин, в другой раз сделаем точно так, как ты говоришь: с тостами, с песнями… Пошли, что ли, посуду помоем?

Секретики

— Вы, что ли, подкоп какой делаете?—бывало, спрашивает нас тётя Стюра, гремя пустым помойным ведром.

Платочком она повязана низко, по самые глаза, ходит вперевалочку, похлопывая галошами, остановится посреди двора, посмотрит из-под руки…

Подкоп! Понимают ли эти взрослые, что мы ни много ни мало—клад закапываем?! Секретиком называется! Мы с Маринкой—как и все приличные люди—делали секретики. Выкапывали небольшую ямку где-нибудь в укромном месте (под тротуаром в самый раз), клали в неё маленькое сокровище—красивый фантик, чудной камешек, старую брошку—и закрывали стёклышком от бутылки. Только—тс-с-с!—строжайший секрет! Об этом никто не должен знать!

Лучше, если стекло выпуклое (отколыш от горлышка) и даже цветное—зелёное газировочное или пивное коричневое, тогда секретик смотрится ещё эффектней. Засыпаешь секретик землёй, замаскировываешь кусочком дёрна или камушком, щепкой какой—ну, чтобы не заметил, не выкопал никто—и забываешь о нём, лучше надолго. А в каком-нибудь другом месте, за домом, например, или в палисаднике, ещё пару таких секретиков закапываешь. Самый смак, самое удовольствие—показывать потом секретики: аккуратно разроешь землю в заветном месте, а там сквозь стёклышко—живая картинка. Оранжевая календула, или огромный кузнечик на лепестке пиона, или белочка на фантике… И чем больше у тебя секретиков, и чем причудливее, неожиданнее они, тем больше тебе уважения и почёта. Жаль только, иногда мальчишки (они секретиков не делают), прознав о наших сокровищах, разоряют, вырывают наше добро—какая обида, какие горькие слёзы, когда видишь это разорённое гнёздышко тайны!

Всякий раз нам хотелось удивить друг друга каким-нибудь редким, необычным секретиком.

Я, пока одевалась, заметила на полу какую-то блестящую штуковину. Ух ты! Колечко! Такого красивого я никогда не видела. Тонкое, гладкое, с блескучим маленьким камешком. Откуда оно у нас? Мама колец не носит…

Спросить было не у кого. Вот какой я секретик сделаю! И уже думаю, как Маринка умрёт от зависти, когда мой секретик увидит.

Разрыла в палисаднике у забора землю, оторвала небольшой кусочек дёрна, в ямку лист подорожника постелила, на него цветок ромашки пристроила и в серединку цветка колечко положила. Сверху прикрыла припасённым зелёным стёклышком. Получилось дивное загляденье!

Навела маскировку—и бегом к Маринке!

Нате-здрасьте! А она горючими заливается!

— Ты чего?

Ещё пуще рыдает. Прям развела сырость, а с чего, сказать не может. Оказалось, её под домашний арест посадили. Её мама, тётя Валя, говорит, что Маринка кольцо стащила. А Маринка знать не знает, какое кольцо. А главное, обидно!

— Эх ты, нюня!—и чувствую, как меня распирает от радости и гордости.—Такое, что ли, маленькое, с камушком?

Она мокрющие глазища на меня подымает и уже сияет:

— Ты где нашла?

Так и так, говорю. А я вспомнила: тётя Валя же вчера у нас целый вечер сидела, они с моей мамой вместе пельмени стряпали. Вот, значит, сняла и забыла. *Сронила колечко со правой руки…* Я такую песню по радио слышала.

Понеслись во двор, в палисадник со всей мочи.

А в палисадник калитка распахнута!

О нет! Мой секретик!

А там вместо секретика—разрытая ямка, комья и дёрн во все стороны! Как Мамай прошёл!

— Пошли вон отсюда! Хари прожорливые!—Маринка редко так ругается, а тут как с цепи сорвалась: хватает что ни попадя—комья земли, куски дёрна, щепки какие-то—и в тёти-Стюриных свиней швыряет.

Эти рыла вислоухие калитку в палисадник вышибли и всё в нём перерыли. И когда успели? Червей, что ли, дождевых трескали? И мой дивный секретик с тёти-Валиным колечком под раздачу попал! Схрупали походя без разбора! Ищи-свищи его теперь в этих ненасытных утробах!

А ведь кто-то и найдёт, подумала я. После того, как колечко естественным путём покинет свиную тушку. Где-нибудь тут, в травке, в духовитом свином… э-э-э… навозе—и найдёт.

Мы тёте Вале всё честно рассказали о судьбе её колечка. Она так смеялась, что полчаса слёзы утирала. Хорошо, что колечко недорогое оказалось. Не бриллиантовое.

И чего тогда надо было шум поднимать?

Люба Горлова

Возвращение кота Стёпы

Эта история произошла со мной месяц назад, но я думаю, вам будет интересно и полезно с ней познакомиться.

День начался как обычно: я проснулся, умылся и покушал. Бабушка читала книгу в кресле. Коля и его мама лепили пельмени. Я решил погулять, чтобы проведать друзей-котов, проверить, как обстоят дела во дворе, и подышать воздухом. С друзьями было всё как обычно: рыжий хвастался, а чёрный жаловался. Во дворе всё было засыпано снегом. Гулять было трудно, поскольку я постоянно проваливался.

В общем, я вернулся домой поздно. Дверь оказалась закрыта. Я помяукал, но никто не отозвался. Я решил подождать: вдруг откроют? Время шло, но никто так и не показался. Тогда я пошёл искать другой вход в дом, потому что сидеть на крыльце было холодно. Мне удалось попасть в дом через чердак. Оказалось, что дома никого нет. Бабушкина книжка лежала на кресле, а недолепленные пельмени — на столе. Люди ушли, и время как будто остановилось. Еду мне, конечно, положить забыли. Вот всегда так!

Я решил прыгнуть на стол. Хоть дома никого и не было, но лезть на стол всё равно было страшновато. Мне казалось, вот сейчас из другой комнаты кто-нибудь выбежит и на меня закричит. Но никто не вошёл, и я наелся пельменей. Голод я утолил, а вот бабушки и Коли мне не хватало. Как хорошо было по вечерам сидеть у бабушки на коленях и заглядывать ей в книжку! С Колей мы чинили его машину. Или, точнее, он чинил, а я наблюдал, чтобы он всё делал правильно. Вспоминал, как я уронил ёлку на Новый год. Столько воспоминаний!

Ну, ничего не поделаешь. Я научился жить самостоятельно: охотиться на мышей и птиц, искать воду, гнать со двора незнакомых котов. А засыпал я на открытой книге, так уж привык с детства.

Но вот однажды утром я услышал шум мотора. Я залез на подоконник и увидел въезжающий во двор автомобиль. Это приехал Коля! Я очень обрадовался и сразу прыгнул ему на руки. Оказалось, что Коля приехал за мной и заберёт меня в город.

Дорога была очень интересной. За окном машины я видел большие горы до небес, укрытые снегом леса, сибирскую широкую реку, видел деревни, похожие на мою. А потом горы кончились, и начались дома. Они тоже были большими, но какими-то унылыми, и смотреть на них было неинтересно.

В один из этих домов мы и зашли. Там нас встретила Колина мама. Она сказала:

— Что же с ним делать? Мы ремонт собирались затевать.

— Пусть поживёт здесь, — сказал Коля. — Бабушка выздоровеет — мы его обратно отвезём.

Мама Коли ничего не ответила, только грустно покачала головой и уже мне сказала:

— Пошли тебя кормить, Степашка-мордашка.

Я обрадовался, что мне теперь не придётся бегать за крысами и воробьями: меня здесь и покормят, и погладят.

После еды я осмотрел новое жильё. Стены были розовыми и пахли не деревом, а клеем, дверей было больше, все они были белые и почти все — заперты. Мебели было мало. Где же я буду прятаться, если вдруг снова уроню что-нибудь вроде ёлки? Я решил поискать хоть что-то, что напоминало бы мне о деревне, но не нашёл ничего подобного. Тут не было ковриков ни на стенах, ни на полу, не было даже ни одной книги. Зато было два телевизора. Какой-нибудь из них непременно работал.

Как-то незаметно наступил вечер. Пока я изучал квартиру, мама Коли ушла. Было неинтересно гулять по этому дому, и я быстро заскучал. Поэтому решил развеселить Колю — подкрался так тихо, что даже пол не скрипел, и прыгнул на него. Он вздрогнул, подскочил, а потом меня погладил. И сказал:

— Ну что, Степанито, поживём немного вместе?!

Ночью я всё вздрагивал: то казалось, что мыши скребутся, то — что медведь за окном ревёт. За окном и правда что-то ревело и вспыхивали огни.

Наутро я встал раньше Коли, чтобы погулять и осмотреться. Я стал искать выход на улицу и нашёл приоткрытую дверь. Оттуда несло холодом, и я подумал, что это выход. Но там оказалась узкая комната с холодным полом и большими окнами. Кажется, Коля её называл балконом. Я залез на табуретку: за окном и правда был двор, но где-то далеко-далеко внизу. Я видел маленьких людей, много маленьких машин и много огромных домов. А деревьев не было.

Коля проснулся, мы вместе поели. Потом в двери позвонили, и Коля пошёл открывать. А я решил воспользоваться случаем, чтобы погулять. Побежал под ногами у Коли и его мамы (это она звонила) и ринулся наружу. Но я оказался не снаружи, а в большой комнате с лестницами вверх и вниз. Всё вокруг было серое, светила только одна дохлая лампа. Я не понимал, куда бежать — вверх или вниз, ведь лестница была и вверх, и вниз. Потом Коля взял меня на руки и сказал:

— Попался, беглец!

С тех пор я загрустил: за окном стены, за дверью стены, бабушки нет, дышать нечем, даже звёзд ночью не видать, только и радости — телевизор на стенке. Даже есть расхотелось. Нашёл уголок поукромнее и стал тосковать. Протосковал я денька два, пока Коля не сжалился:

— Эх, горе моё! Поедем обратно.

Я не поверил своим ушам. Неужели я снова увижу дом, двор и своих друзей? И вот мы снова в машине, за окном — река, горы, небо…

— Вот твоя деревня, вот твой дом родной, — сказал Коля, когда мы приехали.

Я побежал к крыльцу. Дом был пустой, бабушки в нём всё ещё не было. Коля оставил мне еды и попрощался. За еду, конечно, спасибо, но я и так проживу. Главное, что теперь я дома и мне есть чего ждать.

Надежда нужна всем — даже котам.

Литературное Красноярье ∴ СИНЯЯ ТЕТРАДЬ

Моё село — мой любимый дом

Сочинения учеников Жеблахтинской школы

Родина — это место, где ты родился, где рос, ходил в школу. Моя родина и мой дом здесь, в селе Жеблахты. В нашем селе все жители знают друг друга и готовы прийти на помощь. Когда иду в школу, здороваюсь с людьми с поклоном. Вдоль деревни протекает речка Оя, много озёр. В озёрах и реке водится рыба. За рекой тянутся леса, сосновые, берёзовые, черёмуховые колки. В середине села стоит памятник погибшим воинам в годы Отечественной войны. Каждый раз мы чистим памятник и украшаем цветами. На 9 Мая наш школьный «Бессмертный полк» выстраивается у памятника. В руках у детей фотографии погибших родных. На высокой горе стоит школа, в которой учились моя мама и две старшие сестры Фая и Марина. А теперь здесь учусь я и ещё две моих сестры.

АЛЁНА КАЙКОВА
5 класс

Живу в этом селе давно. Благодаря нашему Чеблахту у нас в деревне есть свои дома. Это ведь он построил первый дом под горой Кулишихой, а от него пошли другие дома. Я люблю свою деревню. Здесь у меня много друзей, но семья для меня на первом месте. Я люблю моих родителей, своих племянников, своих братьев и сестёр, особенно я люблю свою бабушку. Она для меня как золотая рыбка в руках. В нашей семье есть один кот и одна кошка, собака-девочка. Их я тоже люблю.

САША АЛЦМАН
5 класс

Я живу в маленьком селе Жеблахты. В этом селе осталось много памяти о людях, которых уже нет на земле. На музейных уроках мы говорим про них.

Наша семья трудолюбивая. Особенно трудолюбивый папа. Мы с папой вместе строим, я всегда ему помогаю, а Таня помогает маме в огороде. Я люблю свой дом за уют, теплоту и доброту родителей.

КРИСТИНА ТАРАСЕНКО
5 класс

Моё родное село лучшее. Здесь красивая природа. Здесь на улице Щетинкина стоит мой родной дом, в котором я расту. Мы живём дружной семьёй: мама, я и брат Егор. Когда прихожу из гостей и захожу домой, на душе очень легко: наконец-то я дома.

Я очень люблю своё село, свой дом. Буду его защищать, как могу. Когда вырасту, буду приезжать к маме в гости и просто попроведать свой дом.

КЛИМ ВАРИК
5 класс

Я живу в Красноярском крае, Ермаковском районе, селе Жеблахты. Здесь красивая река и розовые закаты над ней и над горами. Горы розовые, такие необычные от заката. И я люблю смотреть на них. И все, кто живёт в моём селе, подняли бы руку, что это самое красивое село и наичистейший воздух.

КИРИЛЛ СЕМЁНОВ
6 класс

Светлана Березовская

Там поют соловьи

Я живу в небольшой деревне под красивым названием Соловьёвка. Моей деревне уже более ста лет, она имеет свою историю, которая неотрывно связана с историей страны, но имеет свои индивидуальные особенности. Расположилась моя деревня всего на трёх улицах: Лесной, Набережной, на которой я живу, и Боброва. Названия первых двух говорят сами за себя: живём мы среди бескрайних лесных просторов, на берегу красивой реки. Знаменитая в нашем районе третья улица названа в честь Анатолия Боброва, нашего земляка, который запомнился старожилам молодым красивым парнем.

А вот что о нём написано мемуарах «Военная литература» в разделе «Эстафета боевой славы»: «На исследовательском судне „Ю. М. Шокальский“, стоявшем в бухте Золотой Рог, возник пожар. Чёрный удушливый дым и ревущие языки пламени окутали судно. Военные моряки пришли на помощь команде. Матрос Анатолий Бобров, рискуя жизнью, вырвал из пламени стяг корабля. Затем он проник в рулевую рубку, чтобы спасти судовые документы. Здесь и нашли его, когда пожар был потушен. В обгоревшей противогазной сумке Боброва лежал флаг научного судна. Так погиб 22-летний комсомолец Анатолий Бобров. За проявленный подвиг при спасении флага корабля Указом Президиума Верховного Совета СССР матрос А. Е. Бобров посмертно был награждён орденом Красной Звезды». Он, конечно, мог бы не рисковать жизнью, приказа спасать знамя не было, но военный моряк знал, что нет ничего священней, чем стяг корабля. Анатолию были организованы похороны с почестями: гроб с его телом несли командиры части, а на кладбище был митинг и троекратный залп боевых карабинов. На Дальнем Востоке помнят о его подвиге. Не забывают об этом и в родной Соловьёвке. В деревне живёт брат героя. Его семья содержит в порядке родительский дом, готовится к открытию там музея.

В деревне есть клуб, его недавно капитально отремонтировали, купили новую аппаратуру. Я и мои друзья ходим туда на кружки: занимаемся рукоделием, поём, танцуем, участвуем в сценках, представлениях. Принимаем участие в конкурсах и традиционных клубных мероприятиях. В прошедшем году открыт новый медпункт. Есть памятник павшим в годы Великой Отечественной войны.

Недавно по социальной программе была построена детская площадка, где дети с удовольствием катаются на горках и качаются на качелях. А мы любим кататься на велосипедах и играть в волейбол.

Лето в деревне — самое замечательное время года. Греет солнышко, летают бабочки, поют песни птицы. Люди украшают свои дворы множеством цветов, и от этого в Соловьёвке очень красиво. Летом дети и взрослые любят купаться в речке. У нас есть три реки: Четь, Кузьминка и Катык. Каждая речка по-своему красива. Мне больше всего нравится Четь, потому что там есть песок, где можно позагорать и построить замки.

Также я очень люблю ходить в лес. Деревья шелестят, играют свою весёлую мелодию, птички запевают громкие, звонкие песни. Особенно очаровательно там поют соловьи, в честь которых, как мне кажется, названа моя деревня. Летним днём в лесу приятно собирать ягоды и грибы, составлять букеты из цветов.Зимой тоже есть чем позабавиться. Можно кататься на коньках, на лыжах, да и на санках не прочь съехать с горки. Построишь вместе с друзьями ледяную гору — и катись! Даже взрослые иногда вспоминают о детстве и, бывает, скатятся с горы на санках. Ну а природа зимой просто загляденье! Деревья стоят в прозрачном инее, словно спят. С неба спускаются лёгкие пушистые снежинки. Они покрывают землю белым пуховым платком. Особенно красивы серебряные узоры на окнах, нарисованные морозом. Зимой в деревне очень хорошо. Мне кажется, у каждого человека есть уголок, где он может отдохнуть от повседневных забот. Любимое место есть и у меня.

Я очень часто хожу в одно местечко под названием Угол. Называется оно так потому, что река в этом месте делает резкий поворот и образуется угол. Мы сами придумали название и уже привыкли. Над рекой склоняются ивы, река спокойно течёт, поблёскивая на солнце. Такое ощущение, что ты за много километров от деревни, от людей. Особенно часто я хожу туда днём или ближе к вечеру. Это самое хорошее время суток для отдыха. Здесь очень спокойно, можно подумать о всяких мелочах и о серьёзных вещах.

В деревне мне очень уютно. Хотя она и маленькая, но дорога мне. Она для меня самая лучшая, потому что я родилась здесь. Я очень люблю свою деревню!

София Ерёмина

Моя милая родина малая — деревня Новокурск

«Любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам», о чём писал ещё А. С. Пушкин, — не пустой звук. За этим — историческая «связь времён», укоренённость человека в родной земле, в конечном счёте — любовь к Родине. Велика наша Родина, необозримы её леса и поля. Но в душе каждого человека прежде всего живёт любовь к своей малой родине — тому месту, где он родился и вырос… Я хочу вам рассказать о моей малой родине — о моём селе Новокурск.

Стоит на берегу реки небольшая деревушка. Река зовётся Урюпом. Её берега утопают в берёзовых и черёмуховых рощах, забоках. Река, вобравшая в себя синь неба. Моет в ней свои зелёные космы осока, вырисовываются шильца молодого камыша, веточки водяных растений, облепленные воздушными пузырями. В глазах рябит от движения быстрых струй. А деревня, стоящая над рекой, — мой Новокурск.

Середина девятнадцатого века. Богата земля сибирская лесами, тайгой, плодородной землёй. Переселенцы со всей России торопились заселить сибирские земли. Волна Россиян докатилась до Ачинского уезда.

На берег реки Урюп приехали ходоки из Курска. Приехало пять семей: Решетов Алифан со своими четырьмя сыновьями — Григорием, Андреем, Иваном и Фёдором. Приехали они на место, где никакого жилья не имелось. Везде росли красивые берёзовые рощи.

Сначала Алифан осмотрел местность, где находятся сегодняшние Никольск и Скрипачи. Но на сердце лёг взгорок на правом берегу Урюпа. Сыновьям выбранное место понравилось. Начали раскорчёвывать лес, строиться. Эти первые возведённые дома целы и сейчас, и в них благополучно живут люди.

Образовавшееся селение назвали Решетовкой. Алифан на въезде в деревню поставил дубовый крест, который спилили уже в 1938 году. Из Курска первопроходец привёз с собой икону Пресвятой Богородицы и деревянное распятие. Этим распятием перекрестил он будущее место жительства. С тех пор повёлся обычай нести этот крест впереди усопшего, как бы провожая в последний путь с благословением. По сей день хранится он, являясь исторической ценностью нашего села.

К месту нового поселения в 1900 году потянулись жители Курской и Орловской губерний. Прибыла вторая волна переселенцев. Приехавшие переименовали деревню сначала в Новокурскую, а затем в Новокурск — Новокурск Ачинского уезда Енисейской губернии.

И стала разрастаться моя деревня. Крепко мужик врастал в землю, вгрызался в щедрые недра матушки-кормилицы. Раскорчёвывался лес под поля, луга, покосы. Земля словно ждала своих освободителей, чтобы вздохнуть полной грудью и отблагодарить мужика. Поля зашумели колосьями пшеницы, ячменя, покрылись метёлками проса, овса.

В 1918 году через село проходил отряд Колчака. Голодные, оборванные солдаты грабили жителей, отбирали хороших лошадей, взамен оставляли своих загнанных, еле живых. Забирали иногда и деревенских мужиков с собой в качестве провожатых.

Жил мой Новокурск, преодолевая свалившиеся беды и несчастья, пришедшие с революцией! Жил страшному времени вопреки!

Наступил 1930 год. Начало коллективизации. К тому времени насчитывалось в деревне сто двадцать дворов. Каждая семья имела своё подворье, покосы, поля. Кулаков не было, но по приказу сверху раскулачивали тех, кто нанимал работников на летний период, кто имел маслобойню, большой дом, тех, кто сильно верил в Бога.

Война… 1941 год.

Во время войны почти все новокурские мужики и молодые ребята ушли на фронт. Все заботы и тяготы пали на плечи женщин, детей, стариков. Работали, не жалея сил, сами голодали, но помогали фронту.

Никогда в нашей стране нельзя было услышать подлинную цифру погибших на войне. Нигде не говорилось о жертвах, которые пали не только от пуль врага, а и от голода, от физической, моральной тяжести. Вместе со всей страной мой Новокурск пережил эти страшные четыре года, выстоял, победил! И вот она, долгожданная победа!

Победа! Слёзы и радость. Плакали от счастья. Плакали от горя. В Новокурск не вернулось семьдесят пять человек…

А нужно было жить дальше. Жить во имя отдавших свою жизнь на этой страшной войне.

И встрепенулся мой Новокурск, высоко поднял голову, зажил мирной жизнью. Открылся детский сад, заработала столовая, были построены больница, новая школа — сначала начальная, а потом семилетняя. В деревне до пятидесятых годов выжигали для кузницы берёзовый уголь, гнали из бересты дёготь. Много можно говорить о плотниках, столярах, мастерах санного и тележного ремёсел. В каждой из четырёх бригад было не менее двух мастеров. Сани изготовляли на любой фасон. Гнули дуги, делали колёса для телег и фургонов, а также сами телеги и фургоны. Местные шорники шили любую сбрую: хомуты, уздечки, шлеи, сёдла для верховой езды. Шорников была четверо. Трудились круглый год. Сбруя всегда делалась наборная.

В пятидесятые годы колхоз купил локомобиль мощностью в двадцать пять киловатт. Так в деревню пришло электричество. Построили животноводческую ферму, два зерносклада вместимостью двести центнеров зерна каждый. Работала столярная мастерская. Во всю мощь была задействована пилорама. Велось жилищное строительство. Только в 1959 году было построено для колхозников пятнадцать домов. Соломенные крыши исчезли. Их сменили шифер, тёс.

Сначала Новокурск стал отделением совхоза «Авангард», а затем — совхоза «Алтатский».

В 1985 году в Новокурске начали было строить новый гараж и контору для МТС, но затем прекратили. Но начатое не пропало. На заложенных фундаментах совхоз впоследствии построил добротный гараж и склад под запчасти.

На исходе двадцатого — в начале двадцать первого века в Новокурске проживало двести пятьдесят человек.

Сейчас, заглядывая в глаза стариков, я вижу тревогу, растерянность, недоумение, боль. Совхоз «Алтатский», в котором работали все жители села, почти развалился. Все мужчины разъехались по вахтам. Почему так случилось? На этот вопрос уже трудно ответить.

А мне стыдно и больно за всех моих земляков, поднимавших Новокурск, прошедших и переживших войны, отдававших свои силы на благо и процветание Родины. Но я надеюсь, что наступят новые времена, потому что струится в их глазах надежда. Надежда на то, что будет жить Новокурск.

Я знаю: наше молодое поколение вернёт ему былую славу и доброе имя, ведь наша деревня — наш любимый дом, наша малая родина. И мы будем слагать ей новые оды и легенды. Мы не обманем этих святых надежд.

А водам Урюпа уже не придётся печалиться и шептать про невзгоды.

Литературное Красноярье ∴ СИНЯЯ ТЕТРАДЬ

Самое главное

Сочинения учеников Жеблахтинской школы

Я подумала: что для меня дороже всего на свете? Это мои родные и близкие мне люди. Во-первых, они всегда помогут в трудную минуту, дадут хороший совет и поймут тебя. Им можно довериться. Сестре можно рассказать тайну. Она никому не расскажет.

ДАША КАЙКОВА
1 класс

Для меня дороже всего учитель, её зовут Ольга Фёдоровна, потому что она самая-пресамая добрая. А ещё важной для меня является семья. Я очень люблю маму, ей сорок один год. У меня есть брат Виталик и сестра Настя. Мама нас всех любит. Когда у нас праздник, мы дарим друг другу подарки. Мы очень дружные. Я помогаю маме во всём и стараюсь хорошо учиться.

САША БЕБЕШЕВА
1 класс

Моя дорогая семья самая лучшая. Это мама и бабушка. Они мои родные. И я только им могу доверять. Бабушка обо мне заботится, а когда мне плохо, она меня лечит. Мама моя самая ласковая и добрая, папа Кузя тоже неплохой.

МИША ШУМКОВ
1 класс

Я люблю учиться. У меня учёба дороже всех. Ещё в школе у меня есть друзья. Я их люблю, моих друзей зовут Захар и Саша. А меня зовут Анжела. На перемене можно поиграть и поболтать. У меня есть директор школы, её зовут Нина Николаевна. И учителя здесь хорошие, и здесь вкусно кормят. Можно поиграть в шашки или в шахматы. В перемены мы выходим погулять на улицу и там играем в снежки или догонялки. Короче, я люблю учёбу.

АНЖЕЛА ПОТЫЛИЦЫНА
1 класс

Егор Зайцев

Здесь отчий край, здесь дышится легко…

В берег бьёт волна прили́вная,
Где высоко над волной
Поднимается Предивная,
Вся пропахшая сосной…
Горы словно в синем кителе,
Как на вахте речники…
Здесь живут баржестроители—
Дорогие земляки.
Игнатий Рождественский

Этими прекрасными строками начинается стихотворение известного красноярского поэта Игнатия Рождественского «Баржи на Енисее». Да, это сказано о Предивинске, моей малой родине. Здесь я родился, живу и учусь.

Посёлок красиво, как бы ярусами, расположился на правом берегу могучего Енисея. Своё название—Предивинск—он получил, как мне известно, от слов «дивный», «очень красивый». Может быть, ещё сыграло свою роль и название деревушки Предивная, основанной в 1647 году русскими казаками и расположенной когда-то на левом берегу Енисея, немного южнее, чем сам Предивинск. Там давно уже никто не живёт, и вряд ли уже можно найти следы её существования.

Места, где когда-то жила деревенька, тоже удивительно красивы и живописны. И это действительно так! Прекрасная природа окружает мой посёлок. Вокруг него высятся вечнозелёные ели и сосны, красуются нежные рябины и берёзки, шумят красавицы-лиственницы. Лес украшен множеством прекрасных цветов.

В разное время года мой посёлок по-своему красив.

Зимой, когда снега очень много и большие снежные шапки лежат на деревьях и домах, мне кажется, что Предивинск погрузился в невидимый сон. Вокруг всё белое и таинственное.

Весной, когда вся природа пробуждается ото сна, прилетают птицы, бегут ручьи, зеленеет в лесу трава, и мы любуемся первыми подснежниками. И пахнет весной мой родной посёлок особенно. Пахнет он сладким ароматом черёмухи, который разносится по всему посёлку в конце мая. Это запах приближающихся каникул, радости и беззаботного детского счастья.

Летом, когда всё вокруг благоухает и цветёт, в лесу много ягод и грибов. Стоят могучие сосны, шумят листвой белые берёзы. Ими летом можно любоваться до бесконечности. Недалеко от моего дома на краю улицы есть родник. Ключик—так ласково называет его моя бабушка. Вода в нём холодная, бодрящая и всегда чистая.

Неповторимо красив наш посёлок осенью, когда застучит по земле золотой дождь и листва укроет всю землю жёлтым покрывалом. Осенний листопад—это очень красивое зрелище, хотя и немного грустное. Но как же здóрово идти по лесу, загребать ногами листья и шуршать ими!

Люди поселились на этом чудесном месте давно. «Предивная—места предивные. Енисей разлился широко по протокам, омывая большой остров (Предивинский); перед быком из лога текут две речки, почти горные, светлые»,—описывал в своей книге «Вековые корни» писатель В. Аференко.

В 1929 году была заложена Предивинская судоверфь, предназначенная для строительства несамоходного флота на Енисее. Верфь была основана на правом берегу реки Енисей, в устье реки Юдинка. Первыми приехали четырнадцать человек. Они рубили лес, подготавливали площадь для будущей верфи. Люди жили на правом берегу, а баржи строили на острове. Берег и остров соединялись висячим мостом.

Как вспоминают старые жители, по этому мосту рабочие ходили и ездили на конях, запряжённых телегами, гоняли скот на пастбище, так как на острове была сочная, нетронутая трава. Постепенно люди стали строить жильё, росло население. В тридцатые годы здесь жило уже около пятисот человек. Зимой они строили баржи, летом их спускали на воду. Это было захватывающее зрелище!

Постоянные наводнения, скопления льда в протоке привели к тому, что в 1930 году раздавило две баржи и унесло в Енисей. Было решено перенести первую верфь ниже по течению Енисея на десять километров. Так на правом берегу Енисея, в устье реки Луговой, и начали Предивинск. Его строительство продолжалось с 1930 по 1934 год. Разобранные здания с первой верфи сплавляли по Енисею и вывозили в посёлок по лесным дорогам. Таких зданий в посёлке было много. И сейчас одно

из них ещё находится на территории школы. Это наша мастерская.

Первыми улицами посёлка стали Заречная (она находилась за рекой Луговой) и улица, получившая имя Героя Советского Союза, полярного лётчика Молокова В. С., спасшего вместе со своими товарищами-лётчиками экипаж парохода «Челюскин», затёртого льдами Северного Ледовитого океана. За этот подвиг лётчик-герой был награждён орденом Ленина и «Золотой Звездой». Эта улица сегодня в посёлке является центральной.

Население посёлка увеличивалось, посёлок рост и хорошел. Люди работали на строительстве барж и лесозаготовках. Лес возили в основном на лошадях. Продолжали строить баржи, лодки и катера. Жители любили свой посёлок, слагали о нём песни:

Дивное Предивное — посёлок небольшой.
В дивном Предивном мы живём с тобой.
Наш посёлок сказочный, очень он красив,
Виден издалёка, на горе стоит.
Рядом Енисей и тайга —
Это родина твоя и моя! —

такую песню написала Т. В. Горбова, преподававшая музыку в нашей школе.

Много лет наши земляки-предивинцы строили баржи, катера, плавучие пассажирские пристани, дебаркадеры. Но Великая Отечественная война не обошла стороной мой посёлок. Большинство мужчин ушло на фронт. На верфи их заменили в это суровое время женщины, подростки и мужчины, оставленные на брони. Свыше двухсот воинов-предивинцев погибло в боях за родину. В 1975 году в честь тридцатилетия Победы на берегу Енисея жителями посёлка был установлен памятник воинам-предивинцам, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны. Многие из них учились в той же школе, где учусь сейчас и я.

Где бы я ни был, кем бы ни стал в будущем, куда бы ни завела меня жизнь, в моём сердце всегда будет жить любовь к тому месту, где я родился и вырос, — прекрасному посёлку с красивым названием Предивинск. Каждый человек, по-моему, должен знать историю своей малой родины, жизнь своих предков. Я знаю, что многие ученики нашей школы принимают участие в работе школьного музея, где каждый может прикоснуться к истории нашего посёлка и школы и даже, может быть, написать новые страницы этой истории. Ведь жизнь продолжается. Меняется и мой посёлок, не всегда, к сожалению, в лучшую сторону. Мне, как и многим другим предивинцам, больно видеть, как посёлок теряет былую красоту и чистоту. На память даже приходят строки из книги В. П. Астафьева «Царь-рыба», где он с болью описывает живописный уголок на берегу Енисея, где погиб посёлок Боганида. Неужели и мой посёлок ждёт такая же участь? Хочется верить, что нет. Моё поколение, я надеюсь, не только не даст погибнуть месту, давшему жизнь мне и моим сверстникам, но и сохранит сам посёлок, приложит все силы для его возрождения.

Родной край, родной посёлок, родная улица, родной дом… Уже от самих этих слов веет чем-то тёплым и добрым. И где бы ни проживал человек, то место, где родился, он никогда не забудет. Оно будет его звать к себе, притягивать невидимыми нитями, и с годами эта связь, я думаю, не исчезнет, а наоборот, станет ещё ощутимее.

Яна Веденеева

С Богом в душе

Я не раз бывала на встречах с талантливым писателем и поэтом, настоящим гражданином, истинным патриотом и просто добрым, щедрым человеком — Юрием Анатольевичем Ивановым и всегда испытывала душевный трепет оттого, как этот человек пишет о сибирской деревне и её природе, о людях нашего сурового сибирского края, о трудовых буднях и проблемах селян. Всегда гордилась и горжусь, что Ю. А. Иванов является моим земляком.

Недавно мне посчастливилось познакомиться с повестью Юрия Анатольевича «Путь к вершине». Когда прочла название, то мне представилось, что это повесть о сильном, мужественном скалолазе, который покоряет вершины гор. И как же я была удивлена, когда, прочитав повесть, узнала, что главным героем оказался семидесятилетний старик, который передвигался босиком, «в тёмно-синей долгополой накидке… перехваченной в поясе серым шарфом, с белой „кержацкой“ бородой… с прядями волнистой серебристой шевелюры, с деревянным посохом в левой руке и зелёным туристским рюкзаком за спиной».

С первых страниц этой повести я просто влюбилась в этого старика, который обладал чертами настоящего человека и христианина. Он был трудолюбив: с шести лет возил копны, помогал кузнецу дяде Мише и слесарю деду Степану. Его доброта и любовь не знали границ, а внимание к окружающим сыграло огромную роль в судьбах многих людей и животных, которые встречались на его жизненном пути. Старик спас Димку — юного наркомана, который до встречи с ним проживал ужасную жизнь, характерную для многих подростков в мире. Алкоголь, сигареты, наркотики довели пятнадцатилетнего парня до предсмертного состояния, и если бы не его встреча с дедом, то неизвестно, чем бы всё это закончилось. Михаила и его жену старик устроил в больницу, бизнесмену Эдуарду помог выйти из сложной ситуации, спас жизнь маралихе, освободив её из капкана. Список добрых дел путника перечислять можно долго, но стоит сказать, что старик не только верил в Бога, но и почитал Его и поэтому через эти поступки стремился к улучшению себя.

У старика был длинный путь к вершинам духовно-нравственного развития. Всю свою жизнь он покорял вершины нравственного роста. Он прошёл путь от человека «в пиджаке и галстуке» до человека, душа которого в своём развитии достигла высокой степени, а сам путник «своим терпением, упорством и мужеством заслужил право на открытие маленькой тайны», что, пока человек живёт в этом мире, он может задать направление своему пути в вечности. За порогом смерти человек утрачивает способность изменяться — его духовное развитие продолжится в выбранном при жизни направлении добра или зла. Поэтому вектор нашего развития в земной жизни должен быть направлен к Богу. Поняв это, в «остаток своей Жизни на земле» старик не думал о своём благополучии, он мечтал «убедить Властвующих в необходимости Преобразования южных земель Присаянья в Большой Оазис Получения экологически чистых продуктов»; «объединить Светлых людей»; «превратить школы-тюрьмы… в школы Радости, Творчества, Развития Души».

Я считаю главного героя повести «Путь к вершине» примером для подражания, примером нравственности и духовности. Таких людей в жизни называют светлыми, «с Богом в душе», потому что они стараются жить по гуманным законам, написанным много лет назад в самой главной книге мира — Библии. Старик симпатичен мне глубиной своих познаний, тонким юмором и широтой души.

Повесть не оставила меня равнодушной: она заставила задуматься о своих делах, поступках, мыслях, потому что на примере главного героя Юрий Анатольевич Иванов затрагивает важные вопросы жизни людей, которые небезразличны настоящему человеку и гражданину. Я бы рекомендовала прочитать эту повесть всем людям и уверена, что каждый найдёт в этом глубоком произведении что-то очень личное для себя. И очень жаль, что утверждение библиотекаря из этой повести о том, что «читательская река ручейком стала», как нельзя лучше отражает сегодняшний день и характеризует не с лучшей стороны наших современников.

Август Ксения
стр. 44
Калининград

Начала писать стихи в 2002 году, когда стала заниматься в литературном объединении «Родник». В 2006 году в формате самиздата вышла первая книга стихов «Брызги шампанского». Окончила Белорусскую государственную академию музыки по классу фортепиано. Работает преподавателем в Калининградском областном музыкальном колледже имени С. В. Рахманинова. Лауреат международных литературных конкурсов и фестивалей.

Астраханцев Александр Иванович
стр. 25
Красноярск, 1938 г. р.

Родился в деревне Белоярка Мошковского района Новосибирской области. Окончил Новосибирский инженерно-строительный институт и Литературный институт имени А. М. Горького. Более 20 лет работал в строительстве в Красноярске. Публиковался в различных журналах и сборниках («Наш современник», «Молодая гвардия», «Сибирские огни», «День и ночь», «Дети Ра» и др.). Автор более 10 книг прозы, публицистики, драматургии. Член Союза российских писателей.

Басалаева Елена
стр. 50
Красноярск, 1987 г. р.

Выпускница Красноярского литературного лицея. В 2009 году с отличием окончила филологический факультет Сибирского федерального университета. Преподаёт русский язык и литературу в красноярской гимназии №13. Публикации на сайтах «Добрая лира», «Город детства», в журнале «День и ночь» и др. Лауреат Всероссийского литературного конкурса «Большой финал» (Мурманская область). Лауреат журнала «День и ночь» (2019) в номинации «Проза».

Брагина Людмила Петровна
стр. 126
Белгород, 1967 г. р.

Родилась в Белгороде. Окончила филологический факультет Белгородского государственного университета. Создатель и бессменный руководитель (с 1997 года) молодёжной литературной студии «Младость», работающей на базе Пушкинской библиотеки-музея. Лауреат премии «Молодость Белгородчины» в области литературы (1995), лауреат Всероссийской литературной премии «Прохоровское поле» (2012). Член Союза журналистов России, Союза писателей России. Автор шести поэтических книг.

Бутнару Лео
стр. 177
Румыния, 1949 г. р.

Поэт, прозаик, эссеист, переводчик. Дебютировал книгой стихов «Крыло на свету» в 1976 году. Издал в Молдове и Румынии около 60 книг разных жанров. Составитель и издатель ряда антологий, в том числе антологии «Русский авангард» (поэзия — 2007, проза — 2008, драматургия — 2011), «Авангард — жертва ГУЛАГа» (2011), «Русская поэтическая миниатюра» (в 2 т., 2005). Отдельными книгами в своих переводах выпустил произведения Хлебникова, Кручёных, Маяковского, Цветаевой, Добычина, Бахтерева, Сатуновского, Айги. На русском вышла его книга стихов «Песчинка — жемчужина — пустыня» (Москва, 2010). Лауреат литературных премий Союзов писателей Молдовы (многократно) и Румынии (1998, 2008), Национальной премии Республики Молдова (2002). Является членом Директората Союза писателей Румынии.

Васильев Геннадий Михайлович
стр. 110
Красноярск, 1959 г. р.

Журналист, поэт, исполнитель авторской песни. Родился в Томске. Отслужил в армии, потом по комсомольской путёвке оказался на КАТЭКе, в Шарыпово. Учился заочно в Иркутском университете на факультете журналистики. Работал в газетах «Красноярский комсомолец», «Свой голос», «Евразия», «Деловая Сибирь», вёл еженедельную программу на красноярской студии «Авторадио», участвовал во всевозможных медиапроектах.

Габриэль Александр Михайлович
стр. 87
Бостон (США), 1961 г. р.

Родился в Минске. С 1997 года живёт с семьёй под Бостоном (США). Дважды лауреат конкурсов имени Николая Гумилёва (2007, 2009), обладатель премии «Золотое перо Руси» (2008), автор многочисленных газетных и журнальных публикаций в России, США и других странах. В России издано пять книг стихов.

Добромыслова Ольга Викторовна
обл.
Красноярск, 1985 г. р.

Художник-живописец, родилась в Комсомольске-на-Амуре. Окончила Новокузнецкое училище искусств, отделение живописи, Красноярский государственный художественный институт, факультет станковой живописи (педагоги А. А. Покровский. В. Н. Бычинский. М. Н. Руднев. В. М. Зотин). Участник всероссийских, международных, межрегиональных выставок и проектов с 2008 года. Член Союза художников России с 2017 года.

стр. 66
Дудник Анатолий Александрович
Братск, 1940 г. р.

Родился на Урале. Детство прошло на Украине, юность — в Белоруссии и в Иркутске. Окончил училище искусств, работал в областной печати. Печататься начал в армейские годы. В 2016 году вступил в Братское литературное объединение. Стихи печатались в изданиях «Рукописи», «Северо-Муйские огни» и др. Сотрудничает в газете «Охотник и рыболов». В прошлом член Союза журналистов СССР и работник культуры.

стр. 82
Дэлюж Эдуард
1973 г. р.

Вырос на Севере. Занимался музыкой, рисовал, серьёзно увлекался теннисом и спортивной стрельбой, был диджеем, служил в театре. Автор девяти книг, вышедших в Канаде и России, выпустил три аудиоальбома с авторскими прочтениями своих стихов. С 2013 года на постоянной основе публикуется в журнале при Академии русской словесности имени Державина «Писатель. XXI век» (подарком от Академии и Межрегионального союза писателей стал выпуск двух книг поэта «Евангелие Любви» и «Строка седьмая»), а также в альманахах «Синь апельсина» и «Ковчег».

стр. 85
Емельянов Константин
Александрия (Вирджиния, США), 1966 г. р.

Родился в городе Алматы, Казахстан. Окончил факультет журналистики Казахского государственного университета в 1989 году. Стихи печатались в журналах России, Германии, Финляндии и США.

стр. 35
Ерёмин Николай Николаевич
Красноярск, 1943 г. р.

Родился в городе Свободном Амурской области. Окончил Красноярский медицинский институт и Литературный институт имени А. М. Горького. Автор ряда поэтических сборников и книг прозы: «Мифы про Абаканск», «Компромат», «Харакири», «Наука выживания», «Комната счастья» и др. Лауреат премии «Хинган». Победитель конкурса «День поэзии Литературного института-2011» в номинации «Классическая лира». Дипломант конкурса «Песенное слово» имени Н. А. Некрасова. Публиковался в журналах «День и ночь», «Новый Енисейский литератор», «Истоки», «Бийский вестник», «Вертикаль», «Огни Кузбасса», «Провинциальный интеллигент», «Интеллигент», «Русский берег», «Флорида», «Лексикон» и др. Член Союза писателей СССР, Союза российских писателей.

стр. 179
Жарикова Елена Владимировна
Красноярск

В 1993 году окончила Абаканский государственный педагогический институт. Преподаватель литературы. Руководитель «Литературной гостиной». В 1998 году удостоилась звания «Учитель года» (Шарыпово). Участница и финалист многих литературных конкурсов. Стихи и проза публиковались в литературной периодике. Живёт в Красноярске.

стр. 14
Замышляев Владимир Иванович
Красноярск, 1938 г. р.

Родился в Петрозаводске. Детство провёл в Сусанинском районе Костромской области. Окончил Ленинградский институт культуры. По окончании института приехал в Красноярск. Работал директором краевого Дома народного творчества, в краевом управлении культуры, в краевом Совете профсоюзов. В 1978–1983 годах работал директором Красноярского книжного издательства и зам. главного редактора журнала «Енисей». Окончил Академию общественных наук. Кандидат философских наук. После академии находился на партийной работе, преподавал в Красноярском институте искусств, в СибГАУ. Автор четырёх поэтических сборников, публицистических книг «Философия выбора» и «Енисей — река свободы», соавтор более 20 коллективных сборников, альманахов поэзии и книг публицистики. Печатался в журналах «Енисей», «Звезда», «День и ночь», «Книжное обозрение» и др. Профессор СибГАУ, заслуженный работник культуры РФ, член Союза писателей и Союза журналистов России, член-корреспондент Академии гуманитарных наук (СПб).

стр. 42
Иверов Михаил Юрьевич
Московская область, 1969 г. р.

Родился в Днепропетровске. Окончил физико-технический факультет Харьковского университета. Стихи публиковались в журналах «Знамя», «Фома», «Просодия», альманахе «На холмах Грузии» (Тбилиси). В 2014 году в издательстве «Воймега» вышла книга стихотворений «Метехский мост». Живёт в Московской области.

стр. 155
Игнатов Дмитрий Алексеевич
Воронеж, 1986 г. р.

Российский писатель-фантаст. Родился в Ярославле. Проходил обучение в ЯГТУ по специальности «инженер-педагог машиностроения». В настоящее время работает дизайнером и веб-разработчиком. Публиковался в изданиях «Знание — сила», «Знание — сила: Фантастика», «Искатель», «Новый журнал» (США), «Нева» и др., сборниках «Тайны и приключения» и «Наука веселья» (изд. «Перископ-Волга»), «Причал» (журнал отд. СПР г. Ярославля). Автор романа в рассказах «Великий Аттрактор», повести «Первыми сдохнут хипстеры» и сатирического справочника «Это ваше FIDO». Автор сценариев для короткометражного фестивального кино. В этом качестве участвовал в кинофестивалях «Киношок» и «Метрополис».

стр. 6 Косяков Дмитрий Николаевич
Красноярск, 1982 г. р.

Выпускник филологического факультета Красноярского государственного университета, Московской высшей школы социальных и экономических наук («Шанинка»). Арт-критик и искусствовед, журналист, поэт-мелодекламатор, основатель дайв-театра, автор и ведущий дискуссионных клубов, преподаватель, сценарист кино и театра. Публикации в журналах «День и ночь», «Дети Ра».

стр. 91 Кузичкин Сергей Николаевич
Красноярск, 1958 г. р.

Родился в Тайшете Иркутской области. Окончил Высшие литературные курсы в Литературном институте имени А. М. Горького в Москве. Печатался в коллективных сборниках столичных издательств «Детская литература», «Литературная Россия», красноярских писателей, в литературных альманахах и журналах России, Украины, Белоруссии, Казахстана, Венгрии, Норвегии, Канады. Автор нескольких книг прозы. С августа 2006 года автор проекта и редактор альманаха прозы, поэзии и публицистики «Новый Енисейский литератор» и журнала для детей школьного возраста «Енисейка». Член Союза писателей России.

стр. 34 Лисовский Казимир Леонидович
Красноярск, 1919–1980

Родился на Украине, в селе Ободовка Винницкой области. В 1933 году семья переехала в Красноярск. С 1934 года начал печататься в газете «Красноярский рабочий». В годы Великой Отечественной войны не был принят в армию по состоянию здоровья (с детства болел тяжёлой болезнью — костный туберкулёз). В 1942–1943 годах работал в Игарке ответственным секретарём газеты «Большевик Заполярья». С 1945 года — член Союза писателей СССР. Награждён орденами Трудового Красного Знамени (1969, «за заслуги в развитии советской литературы») и «Знак Почёта».

стр. 62 Луновская Елена
(Дурнева Алёна Геннадьевна)
Уфа, 1991 г. р.

Родилась в Уфе. Окончила Институт психологии, социально-культурной работы и журналистики Академии ВЭГУ. Работает ответственным секретарём в газете «Истоки». Публиковалась в журналах «Бельские просторы», «Русское эхо», газете «Истоки», коллективных сборниках.

стр. 133 Мар Аркадий Маркович
Нью-Йорк (США), 1949 г. р.

Родился в Ташкенте. Окончил Ташкентскую консерваторию по классу фортепиано. Писатель и журналист, автор 15 книг повестей и рассказов, изданных в Москве, Ташкенте, Монреале (Канада). Член Союза писателей СССР, России, Москвы. Член Международного ПЕН-клуба. Издатель и главный редактор газеты «Русскоязычная Америка NY». Лауреат нескольких литературных премий, в том числе премии «Лучшая детская книга России», Международной литературной премии Владислава Крапивина и др. Член редакционной коллегии журнала «Московский Парнас». Печатался в изданиях «Роман-газета», «У Никитских ворот», «Литературные знакомства», «Московский Парнас», «Приокские зори» и др.

стр. 13, 65 Минин Евгений Аронович
Иерусалим (Израиль) 1949 г. р.

Поэт, пародист, издатель. Ответственный секретарь «Иерусалимского журнала». Родился в городе Невель Псковской области. Живёт в Иерусалиме с 1990 года. Стихи, пародии и проза печатаются в израильских, американских, европейских, российских журналах и газетах. Ведущий пародийной рубрики в «Литературной газете». Лауреат Третьего поэтического фестиваля памяти Поэта (Израиль), победитель конкурса поэзии издательства «Олма-медиагрупп». Главный редактор журнала «Литературный Иерусалим». Член редколлегии журнала «День и ночь».

стр. 6 Нелюбин Василий Владимирович
Красноярск, 1961 г. р.

Родился в городе Кирове. Окончил Уральский государственный университет имени А. М. Горького (Екатеринбург) по специальности «Журналистика». С 1983 года работал корреспондентом газеты «Красноярский рабочий», затем газеты «Комсомольская правда». В 1994–1996 годах — председатель правления Красноярской краевой организации Союза журналистов России. Занимал ряд руководящих должностей в администрации Красноярского края. В ноябре 2017 года назначен заместителем губернатора Красноярского края. Кандидат социологических наук.

стр. 163 Нехаев Александр Алексеевич
Будённовск, 1949 г. р.

Родился в городе Снежное Донецкой области. Образование среднетехническое. Работал геологом, метеорологом, охотником, художником. Жил в разных регионах СССР и РФ. Публиковался в журналах «Нева», «Южная звезда», «Литературная Кабардино-Балкария». Вошёл в длинный список конкурса «Zolotoe zveno» в «Литературной газете».

стр. 3 Пимашков Пётр Иванович
Красноярск, 1948–2021

Советский партийный, российский политический и государственный деятель. Депутат Государственной Думы VI и VII созывов, член фракции

«Единая Россия», член комитета Государственной Думы по энергетике. Доктор экономических наук. Окончил Красноярский политехнический техникум. В 1977 году получил высшее образование, окончив Сибирский технологический институт. В 1996 году защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата экономических наук по теме «Государственное регулирование перехода к рыночной экономике». В 2000 году в Российской экономической академии имени Г. В. Плеханова защитил диссертацию на соискание учёной степени доктора экономических наук по теме «Координация продовольственного рынка: концепция, методология, анализ». С 1968 по 1970 год служил в рядах Советской армии. С 1970 по 1973 год работал на Красноярском комбайновом заводе; с 1973 по 1978 год — в Октябрьском районном комитете ВЛКСМ; с 1978 по 1979 год — на Красноярском комбайновом заводе в должности начальника цеха; с 1979 по 1986 год — инструктором районного комитета КПСС, затем инструктором Красноярского краевого комитета КПСС; с 1986 по 1987 год — в исполнительном комитете Свердловского района в должности председателя; с 1987 по 1990 год — в Свердловском районном комитете Коммунистической партии в должности первого секретаря; С 1990 по 1991 год — в Свердловском районном совете народных депутатов в должности председателя; с 1991 по 1996 год — в администрации Свердловского района Красноярска в должности главы администрации. В мае 1996 года, после отставки прежнего главы города Валерия Позднякова, был назначен исполняющим обязанности главы Красноярска. В декабре 1996 года избран главой Администрации города Красноярска, а затем избирался главой Красноярска четырежды. В декабре 2011 года баллотировался в депутаты Госдумы от партии «Единая Россия», по результатам распределения мандатов избран депутатом Государственной Думы VI созыва. В связи с избранием в Госдуму досрочно сложил полномочия главы Администрации Красноярска. В сентябре 2016 года повторно баллотировался в Госдуму от «Единой России», избран депутатом Государственной Думы VII созыва по одномандатному избирательному округу №5. Почётный гражданин города Красноярска с 2011 года.

стр. 39
Пирогова Тамара Алексеевна
Ярославль, 1947 г. р.

Родилась в городе Рыбинске. Трудилась в родном городе на моторостроительном, приборостроительном, судостроительном предприятиях: монтажницей, сборщицей, гальваником, архивариусом, сотрудником заводского радио, корреспондентом и редактором заводских газет. Работала в редакциях рыбинских изданий, пресс-секретарём в городской администрации. В 2000 году переехала в Ярославль, где сотрудничала с рядом областных изданий. Подборки стихов публиковались в разные годы в региональных, столичных и всероссийских журналах: «Студенческий меридиан» (Москва), «Работница» (Москва), «Молодая гвардия» (Москва), «День и ночь» (Красноярск) и др. Первая книга «Любви и боли непокой» опубликована в 1990 году в Ярославле.

стр. 115
Пучков Андрей Викторович
Сосновоборск. 1963 г. р.

Прозаик. Рассказы печатались в альманахах «Енисей», «Новый Енисейский литератор», журнале «Сура», на конкурсной основе вошли в альманахи «ARONAXX I», «Происхождение мрака», «Алиса», «Видимый свет», «Тайное общество сказочников» и др. издательства «Перископ-Волга», печатались в сборниках «Песня. Том 2» и «Красная незабудка» издательства «Дикси Пресс». Является призёром и лауреатом различных литературных конкурсов.

стр. 55
Реунов Аркадий Анатольевич
Владивосток, 1962 г. р.

Родился во Владивостоке. Окончил биологический факультет Дальневосточного государственного университета. В настоящее время работает в Национальном научном центре морской биологии имени А. В. Жирмунского ДВО РАН (Владивосток), доктор биологических наук, профессор, заведующий лабораторией. Известен как автор многих научных трудов, в том числе двух научных книг. Также занимается литературным творчеством. Публикации в журналах «День и ночь», «Русская жизнь», «Молоко», «Литературный Владивосток».

стр. 172
Сафонова Анна Алексеевна
Южно-Сахалинск, 1979 г. р.

Поэт, прозаик, критик. Родилась в посёлке Новоалександровске Анивского района Сахалинской области. Окончила филологический факультет Института филологии Сахалинского государственного университета. Трудилась корреспондентом, педагогом дополнительного образования, специалистом пресс-службы. Член Союза писателей России (с 2004 года), лауреат Сахалинского фонда культуры и премии губернатора Сахалинской области в номинации «Литература и искусство». Является автором шести книг поэзии и прозы. Произведения публиковались в журналах «Знамя» (Москва), «Юность» (Москва), «День и ночь» (Красноярск) и др.

стр. 90, 187
Синяя тетрадь
Красноярский край

Школьники из п. Жеблахты Ермаковского района, д. Соловьёвка Тюхтетского района (Света Березовская), с. Субботино Шушенского района (Яна Веденеева), д. Новокурск Шарыповского района (София

Ерёмина), п. Предивинск Большемуртинского района (Егор Зайцев), п. Первоманск Манского района (Софья Цанг), Красноярска (Люба Горлова).

стр. 80
Соловьёва Виктория Гелиевна
Красноярск, 1965 г. р.

Родилась в Красноярске. Окончила Красноярский институт цветных металлов по специальности «Металловедение и термическая обработка металлов» и Московский государственный технологический университет «Станкин» по специальности «системотехник». Стихи впервые появились в литературном альманахе «Нижегородский литератор» (№7/2012), позднée — в различных литературных альманахах и коллективных сборниках. Лауреат конкурса имени И. Д. Рождественского (2019), номинация «Поэзия». Лауреат международного конкурса «Поэзия ангелов мира» (2020).

стр. 71
Черницын Олег Анатольевич
Екатеринбург, 1956 г. р.

Родился в городе Нижний Тагил Свердловской области. Служил в Советской Армии. Окончил Уральский политехнический институт. Работал слесарем, учебным мастером, на руководящих должностях общественных организаций и производства. Служил в органах внутренних дел. Печатается в журналах «Берега» и «Тобол», на порталах «Православие.ru» и «Созвучие». Произведения переведены на азербайджанский, английский и сербский языки. Победитель и дипломант ряда региональных литературных конкурсов РФ и ближнего зарубежья. В 2020 году издана книга его сказок, готовится к печати книга прозы.

стр. 3
Чернявский Александр Александрович
Красноярск. 1968 г. р.

Российский журналист, политолог. Родился в Красноярске. В 1992 году окончил с отличием Красноярский государственный университет (филологический факультет), получив две специальности: журналиста и преподавателя русского языка и литературы. Работал редактором первой независимой радиостанции Красноярска «Местное время», а также программы «Слово народное». Был сотрудником различных пресс-служб, автором телепрограмм на красноярских телеканалах, руководителем службы информации краевого радио. На данный момент продолжает журналистскую деятельность, часто выступает в качестве политического комментатора.

стр. 38
Чичерин Александр Серафимович
Красноярск, 1960 г. р.

Родился в селе Атаманово Красноярского края. В 1982 году окончил Красноярский институт цветных металлов. По специальности — горный инженер. Печатался в альманахе «Новый Енисейский литератор» (Красноярск), журналах «Симбирскъ» (Ульяновск), «Бийский вестник», «Стрежень» (Тольятти), в газетах «День литературы» (Москва), «Вологодский литератор». Автор трёх поэтических книг: «Для узкого круга» (2012), «Душа и смерть» (2013), «Точка опоры» (2019). Член Союза писателей России.

стр. 46
Шанин Владимир Яковлевич
Красноярск, 1937 г. р.

Родился в селе Бирилюссы Красноярского края, в крестьянской семье. Окончил историко-филологический факультет Иркутского госуниверситета и аспирантуру Высшей школы профсоюзного движения при ВЦСПС в Москве. Трудиться начал с 14 лет. Работал в колхозе, леспромхозе, на заводе «Сибтяжмаш», в районных, многотиражных газетах, в альманахе «Енисей», в профсоюзных организациях, служил в армии. Участник краевого семинара молодых писателей Красноярья в 1974 году и в том же году — зонального совещания молодых писателей Сибири и Дальнего Востока в Иркутске, на котором рукопись рассказов была рекомендована к изданию. Печатался в краевых и областных газетах, в журналах «Молодая гвардия», «Дальний Восток», «Сибирские огни», в коллективных сборниках. Автор книг прозы «Памятник для матери», «Бел-горюч камень», «От зари до зари», «Горька ягода калинушка», «Куплю дом в деревне…», «Имя собственное» (литературные портреты писателей), изданных в Красноярске и Москве. А своей «главной» книгой считает роман-исследование о В. И. Сурикове «Суриков, или Трилогия страданий». Член Союза писателей России. Член правления КРО СП России.

стр. 146
Шохин Зорий
США, 1936 г. р.

Настоящее имя — Захарий Ефимович Копелиович. Родился в Баку. Советский и израильский журналист, публицист, писатель. Автор романов и рассказов на русском языке. По образованию инженер-геолог. Печататься стал в начале 1960-х годов. Тогда же начал заниматься журналистикой. На заре своей карьеры работал в «Литературной газете», на радио. В 1974 году вместе с семьёй репатриировался в Израиль, где стал одним из ведущих журналистов радио «Коль Исраэль». На протяжении 30 лет вёл там популярную радиопередачу, вещавшую для русскоязычных слушателей по всему миру. Рассказы выходили в различных сборниках. Публиковался в журналах «Смена», «Советский экран», в газете «Труд» и других. В Израиле имел свою публицистическую колонку в еженедельнике «Пятница» и газете «Наша страна». В Германии сотрудничал с журналом «Посев». В США публиковался в лос-анджелесской газете «Панорама» и в нью-йоркской — «Новое русское слово».

На внутренней стороне обложки:
ОЛЬГА ДОБРОМЫСЛОВА
Полёт и *Ловец*
из серии
«Из глубины веков»
2020

На обложке:
ВИКТОРИЯ ИСАЕНКОВА
Знаки
из серии
«Дети Земли»
2020

На обороте обложки:
ОЛЬГА ДОБРОМЫСЛОВА
В вечности
2020

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
В. Н. Наговицын

РЕДАКТОРЫ
Марина Наумова-Саввиных
Дмитрий Косяков

ДИЗАЙНЕР-ВЕРСТАЛЬЩИК
Олег Наумов

КОРРЕКТОР
Андрей Леонтьев

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Александр Астраханцев — Красноярск
Наталья Ахпашева — Абакан
Юрий Беликов — Пермь
Глеб Бобров — Луганск
Елена Буевич — Черкассы
Вера Зубарева — Филадельфия
Александр Кердан — Екатеринбург
Сергей Кузнечихин — Красноярск
Андрей Лазарчук — Санкт-Петербург
Евгений Минин — Иерусалим
Виталий Молчанов — Оренбург
Миясат Муслимова — Махачкала
Александр Орлов — Москва
Олеся Рудягина — Кишинёв
Анна Сафонова — Южно-Сахалинск
Андрей Тимофеев — Москва
Владимир Шемшученко — Санкт-Петербург
Нина Ягодинцева — Челябинск

Журнал издаётся с 1993 года.

Редакция не вступает в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за достоверность фактов несут авторы материалов. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. При перепечатке материалов ссылка на журнал «День и ночь» обязательна.

Учредитель: Агентство печати и массовых коммуникаций Красноярского края. Адрес: 660009, г. Красноярск, ул. Красной Армии, д. 22.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ №ФС77–42931 от 9 декабря 2010 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Издание осуществляется при финансовой поддержке Агентства печати и массовых коммуникаций Красноярского края.

В оформлении обложки использованы картины Виктории Исаенковой и Ольги Добромысловой.

ИЗДАТЕЛЬ
АНО РИЦ «День и Ночь».
ИНН 770 207 0139

Расчётный счёт
4070 3810 4004 3000 0496

В филиале «Сибирский» банка ВТБ ПАО в г. Новосибирске

БИК 045 004 788
КПП 540 643 001

Корреспондентский счёт
3010 1810 8500 4000 0788

Рукописи принимаются по электронной почте:
dayandnight@bk.ru

Адрес редакции и издателя:
660049, г. Красноярск,
пр. Мира, д. 3,
т. +7 950 991 4349

Почтовый адрес:
660133, г. Красноярск,
ул. 3 августа, д. 22, оф. 4

Наш сайт: www.krasdin.ru

Подписано к печати: 10.9.2021
Дата выхода в свет: 31.9.2021
Тираж: 1200 экз.

Цена свободная

Журнал выходит 6 раз в год

Отпечатано ИП Азарова Н. Н. в типографии «Литера-принт» г. Красноярск, ул. Гладкова, д. 6, офис 0-10, т. +7 904 895 0340
эл. почта: 2007rex@mail.ru

16+